

КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В.И. ВЕРНАДСКОГО
ЧЕРНОМОРСКИЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР
ИНСТИТУТ СЕРБСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИШТИНА-ЛЕПОСАВИЧ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ
УНИВЕРСИТЕТ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ
(МЕГХАЛАЙЯ)
СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО
«ШКОЛА МОЛОДОГО ПОЛИТОЛОГА»

**«ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
И СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ:
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ
ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА»**

**Сборник научных трудов
XLIII Международного Харакского форума**

(Ялта, 6-8 мая 2024 г.)

Под общей редакцией Т.А. Сеньюшкиной

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2024

УДК 32 (31)

ББК 74.00

П 50

*Сборник зарегистрирован в системе
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)*

Ответственный редактор:

Т.А. Сенюшкина, доктор политических наук, профессор.

Научный редактор:

Е.А. Сенюшкин, кандидат политических наук, доцент.

Рецензенты:

Драган Танчич, доктор политических наук, профессор;

Прити Дас, доктор политических наук, профессор;

Миодраг Гордич, доктор политических наук, профессор.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

П 50 **Политическое пространство и социальное время: цивилизационные модели формирования многополярного мира.** Сборник научных трудов XLIII Международного Харакского форума 6-8 мая 2024 г., г. Ялта / Под общ. ред. Т.А. Сенюшкиной; [науч.ред.: Е.А.Сенюшкин] – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2024. – 336 с.

ISBN 978-5-907914-47-6

В сборнике размещены материалы XLIII Международного Харакского форума «Политическое пространство и социальное время: цивилизационные модели формирования многополярного мира», состоявшегося в г. Ялта 6-8 мая 2024 г. Рассматриваются актуальные проблемы цивилизационного развития в условиях формирования полицентричности в современной системе международных отношений.

УДК: 32 (31)

ББК: 74.00

ISBN 978-5-907914-47-6

© Сенюшкина Т.А., 2024

© ИТ «АРИАЛ»,

макет, оформление, 2024

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ РЕАЛИЗМ КАК ПАРАДИГМА РОССИЙСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНОГО СООБЩЕСТВА

Агапов О. Д.

*Доктор философских наук,
Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова,
профессор, директор исследовательского института
социальной философии
E-mail: ag.oleg2015@yandex.ru*

***Аннотация.** Дискурс гуманитарного суверенитета России настоятельно требует от российского академического сообщества системной и глубокой теоретико-методологической разработки парадигмы государства-цивилизации, способной выступить программой научно-исследовательской деятельности, придающей новый импульс развитию социально-гуманитарных наук в России. Кроме того, продвижение парадигмы государства-цивилизации – это шаг по утверждению современной российской гражданской политической идентичности, ее выход на уровень цивилизационной субъектности, воплощаемой как в профессиональной (политической, социокультурной, экономической, военной) деятельности, так и в практиках повседневности.*

Российская цивилизационная субъектность – основа цивилизационного реализма, подразумевающего отношение к России как действующему субъекту исторического бытия и творчества, обладающего собственным цивилизационным сознанием и самосознанием, волей, интересами, шкалой ценностей, привлекающей к ней других субъектов истории как внутри цивилизационного пространства российского государства-цивилизации, так за его пределами («мягкая сила» российского/русского мира).

Развитие цивилизационного реализма – это борьба на два фронта, как за традиционные ценности, так и за и формирование: а) цивилизационного воображения, как практики проактивного мышления, создающего аксиологическое предложение для XXI в. В частности, российское государство-цивилизация выступает не только защитником этнорелигиозного многообразия и традиций, но и сохранения антропологической идентичности человеческого рода; б) цивилизационной компаративистики или сравнительного анализа государств-цивилизаций современности (Россия, Китая, Ирана и др.);

в) цивилизационной прагматики или выработки правовых установлений, политических форм, гуманитарных практик.

Ключевые слова: образ России, цивилизационный реализм, гуманитарный суверенитет, государство-цивилизация, государство-нация, институт онтологической ответственности, федерация, империя.

CIVILIZATIONAL REALISM AS A PARADIGM FOR THE RUSSIAN ACADEMIC COMMUNITY

Agapov O.D.

Doctor of Sciences (Philosophy),

Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasova,

Professor, Director, Research Institute of Social Philosophy

E-mail: ag.oleg2015@yandex.ru

Abstract. *The discourse of Russia's sovereignty in the humanities urgently requires a systematic and profound theoretical and methodological development of the state-civilization paradigm, which can act as a program of research activities, giving a new impetus to the development of social sciences and the humanities in Russia. In addition, the advancement of the state-civilization paradigm is a step towards the affirmation of modern Russian civil political identity, its entry to the level of civilizational subjectivity embodied both in professional (political, socio-cultural, economic, military) activities and in the practices of everyday life.*

Russian civilizational subjectivity is the basis of civilizational realism, which implies understanding Russia as an active subject of historical existence and creativity, possessing its own civilizational consciousness and self-consciousness, will, interests, values, attracting other subjects of history to it both within the civilizational space of the Russian state-civilization and beyond its borders ("soft power" of the Russian world).

The development of civilizational realism is a struggle on two fronts, both for traditional values and for developing a) civilizational imagination as a practice of proactive thinking that creates an axiological proposal for the XXI century. In particular, the Russian state-civilization acts not only as a defender of ethno-religious diversity and traditions, but also the preservation of the anthropological identity of the human race; b) civilizational comparativism, or comparative analysis of civilizational states of modernity (Russia, China, Iran, etc.); c) civilizational pragmatics, or the development of practices in the humanities, legal regulations, political forms.

Keywords: *image of Russia, civilizational realism, sovereignty in the humanities, state-civilization, nation-state, the institute of ontological responsibility, federation, empire.*

Российское социально-гуманитарное сообщество, разделявшее на протяжении длительного времени постмодернистскую методологию, сегодня пребывает в определенном *когнитивном диссонансе*, поскольку геополитическое положение России начиная с 2014 г. (для наиболее дистанцировавшихся от политических реалий с 24 февраля 2022 г.) требует как от российской гражданской политической нации в целом, так и от российского академического общества конкретики по целому ряду политических, экономических и социокультурных вопросов войны и мира, жизни и смерти, ценностей и антиценностей.

Иными словами, современная ситуация *возвращения истории* продемонстрировала, что *постмодернизм* – это исторически возникшая в условиях динамичной глобализации 1945 – 1991 гг. *парадигма мышления*, которая при новых исторических вызовах показывает свои основания и пределы, не только эвристические преимущества, но и методологические и этические изъяны. Не понимать исторической ограниченности постмодернизма могут по А. Панарину только представители партии *«апологетических западников*, не видящих на Западе никаких изъянов и кризисов и манихейски поделивших мир на светлое западное начало и темное восточное» [1, с.57]. Сегодня многие из западников превратились в релокантов или заняли свою позицию в антироссийской «пятой колонне», в деструктивной идеологической военно-технологической борьбе против России.

Одним из принципов постмодернистского дискурса были идеи *конца истории* и *единой общечеловеческой цивилизации*, основанной на общечеловеческих ценностях. Первая идея конца была провозглашена Ф. Фукуямой в 1989 г., на волне торжества «бархатных революций» в Восточной Европе, в период слома социалистической мир-системы. Фактически Ф. Фукуяма подводил итоги целому периоду всеобщей истории XVIII – XX вв., от эпохи Просвещения до конца «короткого века» истории по Дж Аригги (1914-1989 гг.), эпохи классовой борьбы, борьбы идеологий и политических режимов. Вместе с тем, как и политический идеализм Просвещения довольно быстро был развенчан наполеоновскими войнами, так и политический идеализм нового мышления был «торпедирован» трагедиями распада СССР, югославским конфликтом, иными многочисленными противоречиями в Африке, Юго-Восточной Азии, Латинской

Америки. Уже в 1994 г. в свет выходит работа С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций», где автор подвергает жесткой критике Ф. Фукуяму и призывает коллег по социально-гуманитарному цеху активно заниматься мониторингом, анализом и разработкой рекомендаций для жизни полном противоречиями мире. Итак, вместо эпохи *конца истории* мы вполне испытали на себе иронию/ *хитрость истории*, а постмодернизм на поверку оказался интеллектуальным капризом, очередной утопией интеллектуалов-интеллигентов, привлеченной олигархатом ТНК для выстраивания идеологической «завесы» при очередном глобальном перераспределении капиталов и власти. На наш взгляд, мы сегодня переживаем «*осевое время*» (по К. Ясперсу) или «*время мира*» (по Ф. Броделю), время, где от реального исторического творчества народов зависит будущее человеческого рода, наше российское политико-экономического, эколого-демографическое будущее.

Одним из ключевых достижений философии Просвещения стала методология философии истории (автор термина Вольтер), а также конституирование категории «цивилизация». Именно они позволили визуализировать и понять динамику развития истории, задуматься о ее движущих силах, факторах, энтелехии. Цивилизация рассматривалась в XVIII – XIX вв. (А. Фергюсон, Л. Морган, Ф. Энгельс) как этап исторического развития, следующий за дикостью и варварством. В наиболее гуманистических версиях цивилизация интерпретируется как уровень открытый и доступный, при определенных усилиях, для всех народов и рас.

Дискурс цивилизации стал органической частью российского социально-гуманитарного дискурса начиная с XVIII в. и явлен в виде христианского и просвещенческого универсализма, позволяющего России - ее политическому классу активно вести международную деятельность. Однако сам дискурс цивилизаций имеет универсалистскую и партикулярную интерпретации. В XIX в. понятие цивилизации было проинтерпретировано в откровенно *расистско-колониальном* и *евроцентристском* плане. Универсализм Просвещения сменился партикуляризмом и стремлением к гегемонии западного мира. Более того, «просвещенческий гуманизм в отрыве от христианского архетипа сострадательности превращается в идеологию сверх-человека, претендующего на то, чтобы монополизировать современность и объявить большинство неполноценной расой традиционалистов» [1, с. 66].

Исторический процесс полный драматизма и свободы выбора в философских парадигмах позитивизма, философии жизни,

прагматизма и т.д. был субстанцирован. Александр Панарин отмечает, что «в рамках цивилизационной парадигмы, прошлое получает субстанциальное определение ... (в смысле культурологической генетики ментального «кода»), способного существовать рядом с современным и мешать ему. Борьба современности с прошлым обретает форму борьбы цивилизаций, одна из которых олицетворяет Модерн, остальные – устойчивую и агрессивную архаику, не содержащую никаких имманентных предпосылок желаемой общественной эволюции» [1, с. 54]. Горьким лекарством от евроцентризма стала Первая мировая война (1914-1918 гг.), итогом осмысления которого стала работа О. Шпенглера «Закат Европы», пересборка Британской империи стала предметом рефлексии А. Тойнби в серии его исследований, получившим название «Постижение истории».

Формирование российского национального сознания и самосознания в XIX в. происходит в горниле Отечественной войны 1812 г., в ответе на вызовы Крымской войны 1853-1856 гг. Именно тогда российская философия смогла ответить на предлагаемый западный «заемный текст» (по А. Панарину) гением А. Пушкина – И. Тургенева – Ф. Достоевского – Л. Толстого, формированием российского цивилизационного мышления западников и славянофилов, интереснейшей историософией Н. Данилевского, К. Леонтьева, Н. Страхова, В. Розанова и др. В лучших своих проявлениях российское цивилизационная парадигма опирается на *христианский и просвещенческий универсализм*. Например, славянофилы «вместо того чтобы отворачиваться от Европы», ... «воспринимали кризис европейской культуры как планетарное явление, нуждающееся в планетарном же мироустроительном ответе». Напротив, они были *совестливыми глобалистами*, убежденными, что проблемы, не решенные в одном месте, станут язвой всего человечества и что кризис, развернувшийся на Западе, нуждается в общечеловеческом решении» [1, с. 56]. Согласно А.С. Панарину «парадигма христианского (и просвещенческо-гуманистического) универсализма», перед лицом глобальных проблем строится на следующих презумпциях: (1)- *глобальные проблемы* затрагивают не какой-то аспект человеческого существования, подлежащий отдельному пересмотру, а все наше бытие, ставшее проблематичным....; (2) - *глобальные проблемы* образуют собойсистему, требующую системного же решения; (3) - требующих объединенных усилий всего человечества, впервые выступающего как осознанно действующий планетарный субъект» [1, с. 59].

Иными словами, наш современный исторический момент (2000 – н.в.) связан сегодня с реабилитацией и ревитализацией христианского и просвещенческого универсализма, с критикой субстанционализма, расизма, разных форм отчуждения. Неслучайно, по А.В. Щипкову, методологией развития цивилизационного реализма должен выступать *«рефлексивный традиционализм»*, открывающий *путь к аксиомодерну* [2, с.169]. Российская гражданская политическая нация, народы России выразили свою готовность и верность традиционалистским ценностям в 2020 г. во время проведения референдума по поправкам к Конституции Российской Федерации.

Переход на логику развития государства-цивилизации — это выход на тринитарную логику восприятия мира и себя, логику известной самодостаточности, уход от бинарности и блоковости как удела государств-наций. В. Наумкин отмечает, что на роль «государств-цивилизаций» могут претендовать далеко не все современные государства. Для него не вызывает сомнений что в лигу государств-цивилизаций могут попасть Китай, Индия, Иран, Россия [3, с.79].

На наш взгляд, дальнейшее развитие модели российского государства – цивилизации должно привести к новому, отличному от гуманитарных парадигм XVIII – XX вв. пониманию связей между концептами *«империя»*, *«федерация»* и *«цивилизация»*. Необходимость переосмысления содержания данных категорий и практик в этой непростой и междисциплинарной сфере назрела давно и является препятствием не только в плане научного социогуманитарного познания, но и чревато большими политическими конфликтами в современной геополитической обстановке XXI в. В частности, часть интеллектуалов, работающих в «фабриках мышления» на военно-промышленный комплекс коллективного Запада, делают ставку на продвижение одномерного образа России как *империи* – *«тюрьмы народов»*, призывая народы Российской Федерации к национально-освободительной борьбе. В мировоззренческо-идеологическом плане дискурс постколониальных исследований начинает выступать как инструмент военно-идеологического противостояния с Россией. В частности, В. Малахов и Д. Летняков пишут о том, что прямой перенос понятийного аппарата, возникшего в одном контексте (а именно капиталистических империй и их колоний), в другой контекст (многонациональное государство в условиях социалистического эксперимента) чреват серьезными недоразумениями. Главное из них – истолкование советского проекта как колониального; такое истолкование влечет за собой этническую редукцию: представление

социального взаимодействия в советском обществе в качестве взаимодействия между «русскими» и “нерусскими”, при котором первые выступают агентами власти, а вторые – “субальтернами”. Помимо этого, характеристика советского проекта в качестве колониального имеет нормативные коннотации: она приглашает, с одной стороны, к стигматизации представителей бывшего центра союзного государства как носителей «имперского сознания» и адептов «неоимпериализма», а с другой стороны, к самовиктимизации представителей бывшей периферии как пассивных объектов внешних манипуляций. Тем самым закрывается возможность диалога между исследователями, принадлежащими разным географическим ареалам» [4, с.123 – 124.].

Вместе с тем, цивилизационная матрица гораздо глубже политических моделей «империи» и «федерации». Есть все основания полагать, что концепты «империя», «федерация», «цивилизация» в рамках цивилизационной теории нач. ХХI в. (С. Хантингтон, И. Валлерстайн, В. Цымбурский, С. Лурье, А. Неклесса, В. Никонов), сохраняя свой объем и содержание, способны показать не только свою эпистемологическую несовместимость, но и обнаружить в метарефлексии цивилизационного подхода ряд моментов, позволяющих выявить отношения преемственности, историко-культурного родства. Конкретнее, если период древнего мира цивилизации, как правило, имели, государственно-политическую форму мир-империй, но в современном мире «текущего Модерна» – это могут быть содружества (Британское содружество с 1931 г.), конфедерации и федерации.

Например, французский историк Ф. Бродель убежден, что «цивилизации выживают в контексте политических, социальных, экономических, а также идеологических волнений, которые скрыто, но иногда мощно управляют ими. Французская революция не оборвала полностью существование французской цивилизации, а революция 1917 года — русской цивилизации, которую некоторые расширительно называют цивилизацией восточной ортодоксии» [5, с. 213]. Опираясь на методологию Ф. Броделя, можно утверждать, что есть *реликтовое излучение цивилизаций* в социокультурном плане. Он убежден, что «в течение пятидесяти, ста лет, даже двух-трех веков эти цивилизации, по всей вероятности, остаются примерно на том же самом месте карты мира, где более или менее благополучно они оказались в силу исторической случайности, или, как говорят экономисты, при прочих равных условиях, и, очевидно, выживут, если человечество со

временем не покончит с собой, что, к несчастью, возможно при современных средствах» [5, с. 214].

Например, формой единства субъекта России выступает *интуитивное единство* «космоса – человека – социума», имеющее явное выражение в ценностях христианства (шире – традиционных религий России – буддизма, ислама, иудаизма), порождая чувство *онтологической укорененности и причастности*: 1) времени/истории; 2) пространству; 3) движению/деятельности/поступку. Трансцендентальная интуиция порождает ведущий пафос русской/российской *экзистенции* – *пафос долженствования, свободы и творчества*. В основе российского цивилизационного этоса – дух свободы как «дух *богосыновства*», что предполагает «величайшую, всеохватную ответственность и за всех живущих на земле людей, и за природу планеты, оскверняемую безответственными потребителями. Свобода есть не расслабленность, а величайшее сосредоточение, величайшее напряжение духа, прорывающегося за пределы очевидного, имманентного – к трансцендентному, от материи – к идее, от готовых результатов – к истокам и генезису» [1, с. 566]. Возможно одна из специфических черт России связана с экстраполяцией важного для теологии православия принципа Богочеловечества «*неслиянно и нераздельно*» на устройство как Российской империи, так и на политическую конфигурацию Российской Федерации. Принцип общей судьбы – общего месторазвития – общего/единого смысла. На наш взгляд, «цивилизация», «империя» и «федерация» — это ипостаси и/или периоды в развитии исторического бытия субъектов, задающие месторазвития макрорегиона и уровень метапозиции. Таким образом, сегодня российскому академическому и политическому сообществу необходимо проводить глубокую теоретико-методологическую проработку институциональной истории России, разрабатывать принцип федерализма как важнейшую часть цивилизационного подхода, позволяющую понять национально-территориальный принцип российской государственности как воплощения ее цивилизационного уровня. Разработка *теории федерализма* – это ответ на крайности сепаратизма, с одной стороны, в крайности – унифицирующего администрирования, с другой.

Список литературы

1. Панарин А.С. Православная цивилизация / Сост., предисл. В. Н. Расторгуев / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 1248 с.

2. Щипков А.В. Социал-традиция: монография. - М.: Аст-пресс книга, 2017. – 320 с.
3. Наумкин В. В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. Политические исследования. - 2020. - № 4. - С. 78-93.
4. Малахов В.С., Летняков Д.Э. Колониальная аналогия: о пользе и вреде языка постколониальных исследований в постсоветском контексте // Полис. Политические исследования. – 2023. - № 6. - С. 113 - 127.
5. Бродель Ф. Очерки истории / Пер. с фр. Э. Орловой. — М.: Академический проект; Альма Матер, 2015. — 223 с.

БРЮССЕЛЬСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ ПО КОСОВО И МЕТОХИИ - ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ (НЕСУЩЕСТВОВАНИЯ)

Стефан Н. Анджелкович

Институт сербской культуры Приштина-Лепосавич,

исследователь-стажер

E-mail: stefan.andjelkovic0123@gmail.com

***Аннотация.** Брюссельское соглашение, первое соглашение о принципах, регулирующих нормализацию отношений между Белградом и Приштиной, было подписано в Брюсселе 19 апреля 2013 года, после шести месяцев и десяти раундов переговоров. Соглашение подписали тогдашние премьер-министры Республики Сербия и самопровозглашенного Косово, Ивица Дачич и Хашим Тачи, при посредничестве Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Кэтрин Эштон. Если посмотреть на это событие 10 лет спустя, можно заметить, что Брюссельское соглашение не было рассчитано на долгосрочное существование, а послужило пробным шаром для разрушения государственности европейской страны, на примере Косово и Метохии, с целью создания нового прототипа, основанного на старых ошибках, с более оптимальными характеристиками и стало окончательно обязывающим. Сегодня можно говорить о десятилетнем формальном «отсутствии» исторически значимого соглашения.*

***Ключевые слова:** Брюссельское соглашение, Республика Сербия, Косово и Метохия, сербы, албанцы, нормализация отношений.*

BRUSSELS AGREEMENT FOR KOSOVO AND METOHIA - DETERMINED DECADE OF DURATION (NON-EXISTENCE)

Stefan N. Andelković

Institute for Serbian Culture Priština-Leposavić

Junior Researcher

E-mail: stefan.andjelkovic0123@gmail.com

Abstract. *The Brussels Agreement, the first agreement on principles governing the normalization of relations between Belgrade and Pristina, was signed in Brussels on April 19, 2013, after six months of negotiations and ten rounds of talks. The agreement was signed by the then Prime Ministers of the Republic of Serbia and the self-proclaimed Kosovo, Ivica Dačić and Hashim Thaci, with the mediation of the EU High Representative for Foreign Policy and Security, Catherine Ashton. Viewed from the distance of a decade, the Brussels Agreement was not intended to last, but served as a trial balloon for the destruction of the statehood of a European country, on the example of Kosovo and Metohija, with the aim of creating a new, more optimal performance, finally binding one based on the errors of the prototype. Today we can talk about his decade-long formal "absence" of a historically significant agreement.*

Keywords: *Brussels Agreement, Republic of Serbia, Kosovo and Metohija, Serbs, Albanians, normalization of relations.*

Introduction. The first formal agreement on the principles governing the normalization of relations between Belgrade and Pristina is the so-called Brussels Agreement. As a proposal for an agreement, its aspiration was aimed at "normalizing relations" between the two governments - the Republic of Serbia and the self-proclaimed Republic of Kosovo [7]. The Brussels Agreement, agreed and concluded on April 19, 2013, in Brussels, under the auspices of the European Union [3], less than a decade later lost all significance and relevance in the development of mutual relations between the conflicting parties. Today, ten years later, the Brussels Agreement is dressed in new clothes, and the facts, circumstances and actors that led to its adoption are deformed under the burden of a decade, fading and changing their essence.

The leaders of the negotiations and the signatories of the Brussels Agreement were the then Prime Ministers of the Republic of Serbia - Ivica Dačić and the self-proclaimed Republic of Kosovo - Hashim Thaci. The entire process, the result of which is the signed Brussels Agreement, was conducted with the mediation of the high representative of the European

Union - Catherine Ashton. The essence of this document is reflected in the fact that the Government of Serbia does not recognize the Republic of Kosovo as a sovereign and independent state [9], as a lost part of its territory, and the Brussels Agreement had the task of establishing the first steps in the normalization of relations between the Government of the Republic of Serbia and the Government of the unilaterally declared Republic of Kosovo .

Review of the content of the Brussels Agreement

The Brussels Agreement is composed of a total of fifteen points [7], of which the first 6 refer to the establishment and functioning of the Union of Serbian Municipalities, which today, ten years after the signing of the Brussels Agreement, has not been formed. The idea of founding the Union of Serbian Municipalities arose from a conflict of interests, on the one hand Pristina's desire to annul Serbian institutions, and on the other hand the desire of Belgrade and the Serbs in the north to preserve them. The compromise solution brought by the agreement was to "redress" them in its form, which would still be subordinated within the Kosovo administrative system. A broad sphere of competence of the Union of Serbian Municipalities was agreed upon, but many details were left to be worked out later; both sides accepted the idea of constructive ambiguity.

The first point of the agreement states that there will be an Association/Union of municipalities where Serbs form the majority population in Kosovo. Membership will be open to any other municipality provided members agree. As stipulated in the Agreement, this Union/Association will be established based on the Statute, and it can be dissolved only based on the decision of the participating municipalities. Legal guarantees will be provided by applicable law and constitutional law, including the two-thirds majority rule. The structures of the Association/Union will be established on the same basis as the existing Statute of the Association of Kosovo Municipalities, for example president, vice president, Assembly, Council. In accordance with the competencies assigned by the European Charter on Local Self-Government and Kosovo law, the participating municipalities will have the right to cooperate in the collective exercise of power through the Union/Association.

The remaining points are related to the obligations of integrating Serbs into the Kosovo judiciary and police, reaching an agreement on telecommunications and energy, and holding local elections in the north. The penultimate, 14th point underlines the agreement that no party will

block or encourage others to block the other party's progress on its path to the European Union.

The seventh point of the Brussels Agreement refers to the Kosovo Police. The agreement states that there will be a single police force in Kosovo called the Kosovo Police, that all the police in the north of Kosovo will be integrated into the framework of the Kosovo Police, and that salaries will be paid only by the Kosovo Police. Members of other Serbian security structures will be offered positions in equivalent Kosovo structures. The agreement stipulates that there will be a regional police commander for four municipalities in the north where Serbs make up the majority population - northern Mitrovica, Zvečan, Zubin Potok and Leposavić. The commander of this region will be a Kosovo Serb who will be appointed by the Ministry of Internal Affairs from a list submitted by four mayors on behalf of the Union/Association. The composition of the Kosovo Police in the north should reflect the ethnic composition of the population of these four municipalities. There will be another regional police commander for the municipalities of South Mitrovica, Srbica and Vučitrn. The regional commander of the four northern municipalities will cooperate with other regional commanders, as stipulated in the agreement.

The tenth point of the Agreement states that judicial authorities will be integrated and will function within the legal system of Kosovo. The agreement stipulated that the Court of Appeal in Pristina would form a panel with a majority of Kosovo Serb judges, which would be responsible for all municipalities where Serbs are the majority population. The Division of the Court of Appeal, consisting of administrative staff and judges, will have a permanent office in North Mitrovica (District Court in Mitrovica).

In the Brussels Agreement, the two parties agreed to hold municipal elections in the northern municipalities in 2013, with the mediation of the OSCE, in accordance with Kosovo law and international standards. The agreement stipulated that a plan for the implementation of the agreement be developed within seven days of signing, as well as that the principle of transparent financing be observed.

The Brussels agreement also provided for the two sides to intensify negotiations on energy and telecommunications and to conclude them by June 15, 2013.

In the penultimate, point 14, it is stated that it was agreed that no party will block, or encourage others to block, the other party's progress on the way to the EU.

The last point specifies that the two parties, with the help of the EU, will establish an Implementation Committee. In the Brussels Agreement,

Serbia and Resolution 1244 are not mentioned anywhere, nor are the ties of the Serbs in Kosovo and Serbia mentioned anywhere.

Implementation of the Brussels Agreement in practice

For both the Serbian and Kosovo public, the Brussels negotiations were treated under the slogan "about us without us". The Brussels process, in practice, has led to the situation that when people's faith in dialogue is undermined, dialogue ceases to work. Therefore, there was a clear mistrust in the politically directed and played process from its beginning. The establishment of a binational state took place. With the creation of the Union of Serbian Municipalities, governance and administration in Kosovo became dual, leaving many unclear points regarding the implementation and validity of legal systems. This circumstance contributed to the end of Serbia's ability to interfere and influence the internal politics of Kosovo, while as a compensation came the simultaneous latent benefit of some effects on everyday life in Kosovo. For the majority of the inhabitants of Kosovo, normalization had significance only in the highest political echelons, and all the changes that were expected as a consequence of the Brussels Agreement failed to penetrate the local level.

The assessment of the international community was that with the Brussels Agreement, Serbia and Kosovo took a deep step forward in the normalization of relations by reaching a consensus on the proposal with the mediation of the EU. However, as always, the devil is in the details. Without a clear plan for how the agreement would be implemented, the Brussels Agreement was administratively registered as stillborn ten years later.

Although progress was made in these fields, the main backbone of the struggle, and what turned out to be one of the main obstacles in the relations between Belgrade and Pristina, was the formation of the Union of Municipalities with a Serbian majority. The international community's justification for the lack of progress of this kind was in the slogan: for this agreement to succeed, there needs to be a sincere commitment to the implementation of each of its provisions, including the article related to the Union of Serbian Municipalities. The fact is that if only one element mentioned in the agreement is missing and is omitted in the implementation (especially if 6 out of 15 points are devoted to that element), then the agreement is basically meaningless.

The agreement on paper was not translated into practice, so contrary to the process of formation of the Union of Serbian Municipalities, the integration of the Serb-majority north into the Kosovo judiciary and police

took place. The turnover came in November 2022, when Serbs left all political institutions and stopped participating and working in judicial and police bodies in the north of Kosovo.

Additional complication comes from the oral acceptance of the Ohrid Agreement, when Serbian President Aleksandar Vučić and Kosovo Prime Minister Aljbin Kurti reached an oral agreement on the implementation annex of the Agreement on the Path to Normalization of Relations, which calls into question the validity and cancels in a certain way the Brussels Agreement by annulling the provisions defined by it and returning the process of "normalization" to the restarted decade zero.

The Brussels Agreement a decade later

Analysts believe that the Brussels Agreement was not fully implemented because the signatories selectively undertook obligations in accordance with their unilateral interests, while the international community was either passive or absent in the implementation of the signed agreements. In fact, both sides are victims of the EU's inability to solve European problems.

A clear plan for implementation is what is missing when it comes to the Brussels Agreement; it should have actually been the imperative. Instead it was a dead letter on paper.

Where the Brussels Agreement stopped, it must be extended, today ten years later through some plagiarism of Brussels II (Ohrid). On the one hand, Kosovo will have to unequivocally accept to start the process of establishing the Union of Serbian Municipalities, a point that was strongly reiterated in the guidelines of the European Council, as a binding legal obligation, without which there will be no agreement. Gabriel Escobar, Special Envoy for the Western Balkans stated that from the perspective of the USA, the establishment of the Union of Serbian Municipalities is legally binding within the framework of the agreement reached 10 years ago between Serbia, Kosovo and the EU. *"We see it as an obligation, because we supported the process and one political party cannot unilaterally withdraw from it. Therefore, we will look for ways to make that idea come true"* [8].

Conclusion. From the moment of its adoption, the Brussels Agreement was promoted as Serbia's greatest political and diplomatic achievement related to Kosovo after 1999 and Resolution 1244. A little more than 10 years ago, the historic Brussels Agreement was signed, which was intended to mark the beginning of the coexistence of the two peoples in Kosovo and

Metohija and the normalization of relations between Belgrade and Pristina. As a result of six months of negotiations and ten rounds of talks, 15 points were drawn up, six of which refer to the Union of Serbian Municipalities as a basic condition for Belgrade to achieve progress in further dialogue and normalization.

As the European Union, which created and initiated the agreement, signed the Brussels Agreement, apart from the representatives of Serbia and Kosovo, a part of the cake of responsibility must be attributed to it, as well as to the entire international community and to all those who supported the dialogue process because they they were obliged to exert the necessary pressure on Pristina for the Union of Serbian Municipalities to be formed, as a pillar of dialogue. It is a precedent of international politics, as the only agreement behind which the European Union stands, therefore both in writing and in signature, which is half fulfilled, half is not, and it enters the balance sheet of Europe's efficiency, which is not in favor of its playing God. The Brussels agreement shows that the European Union has in fact had no real credibility for the role it has been playing all this time¹.

References

1. 2023 Kosovo: Implementation of Brussels and Washington agreements - Path to Enduring Peace and Long-term Stability. – URL: <https://www.ifimes.org/en/researches/2023-kosovo-implementation-of-brussels-and-washington-agreements-path-to-enduring-peace-and-long-term-stability/5120#>
2. Bancroft Ian. Serbia-Kosovo: The devil is in the implementation. – URL: <https://www.euractiv.com/section/enlargement/opinion/serbia-kosovo-the-devil-is-in-the-implementation/>
3. „Progress report on dialogue between Belgrade and Priština“, Republic of Serbia government, Office for Kosovo and Metohia. – URL: <https://www.kim.gov.rs/doc/Finalni%20Izvestaj%20KKiM%20april%202015%20engl.pdf>
4. Serbia/Kosovo: The Brussels Agreements and Beyond // South East European Studies at Oxford (SEESOX) in association with

¹ The subject text is part of the research for the needs of the candidate's doctoral studies. The text contains a ten-year retrospective of the adoption of the Brussels Agreement, through the prism of looking at all the signatories: Belgrade, Pristina and representatives of the EU (International Community).

- the Department of Politics and International Relations at the University of Oxford and LSEE, the Research Unit on South East Europe based at the European Institute, London School of Economics and Political Science, 2014.
5. Shpetim Gashi and Igor Novaković. Brussels Agreements Between Kosovo And Serbia - A Quantitative Implementation Assessment, December 2020. – URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/belgrad/17009.pdf>
 6. The process of peaceful reintegration of Eastern Slavonia, Baranja and Western Sirmium was initiated on 15 January 1996 with the adoption of UN Security Council Resolution 1037 and establishment of UNTAES.
 7. Бриселски споразум. – URL: <https://www.srbija.gov.rs/cinjenice/283757>
 8. НАТО: Мисија КФОР-а предвођена НАТО-ом демантира последње барикаде на северу Косова. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_210449.htm
 9. Резолуција 1244 Савета безбедности Уједињених нација. – URL: [https://undocs.org/S/RES/1244\(1999\)](https://undocs.org/S/RES/1244(1999))
 10. ЕУ жели резултате дијалога, а не признање Косова“, ТАНЈУГ– URL: https://www.b92.net/eng/news/politics.php?dd=17&mm=06&nav_id=74978&yyyy=2011

ГРАМОТНОСТЬ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ МЕДИА И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Ясмينا Арсениевич

*Высшая школа педагогического образования в Кикинде,
Республика Сербия*

Оля Арсениевич

*доктор управленческих наук,
Институт сербской культуры Приштина - Лепосавич,
Республика Сербия*

Деян Арсениевич

*независимый исследователь,
Республика Сербия*

Аннотация. В статье представлена концепция и показана важность грамотности в современную, медиатизированную, цифровую эпоху и ее эволюция от концепции медиаграмотности к цифровой и ИИ грамотности в ходе развития цифровых медиа и

искусственного интеллекта. Концепция новой грамотности включает, в дополнение к технической компетентности в использовании современных медиа, более широкий набор способностей использовать современные медиа для функционирования и участия в современном обществе, которые включают осведомленность о средствах массовой информации и понимание медиа, способность получать доступ к медиаконтенту, критическое понимание и анализ медиаконтента, создание медиаконтента и этическую осведомленность о медиа. В статье аргументируется каждая из этих областей грамотности, и проводится связь между традиционной концепцией медиаграмотности и современной концепцией грамотности с использованием искусственного интеллекта.

Ключевые слова: грамотность, медиаграмотность, цифровая грамотность, ИИ грамотность.

LITERACY IN THE AGE OF DIGITAL MEDIA AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Jasmina Arsenijević

Preschool Teacher Training College in Kikinda, Republic of Serbia

Olja Arsenijević

Institute of Serbian Culture Priština - Leposavić, Republic of Serbia

Dejan Arsenijević

independent researcher, Republic of Serbia

Abstract. *The paper presents the concept and importance of literacy in the modern, mediatized, digital age and its evolution from the concept of media literacy to digital and AI literacy, during the development of digital media and artificial intelligence. The concept of new literacy, includes, in addition to the technical competence of using modern media, a wider set of abilities to use modern media for functioning and participation in modern society, which include media awareness and understanding of media, ability to access media content, critical understanding and analysis of media content, creation of media content and ethical awareness of media. In the paper, each of these areas of literacy is argued, and a connection between the traditional concept of media literacy and the modern concept of artificial intelligence literacy is made.*

Keywords: *literacy, media literacy, digital literacy, AI literacy.*

Статья написана в рамках научно-исследовательской работы НИО по Договору, заключенному с Министерством науки,

ВВЕДЕНИЕ

В статье представлены концепция и важность медиаграмотности в современную, медиатизированную, цифровую эпоху и ее эволюция в ходе развития цифровых медиа и искусственного интеллекта. Концепция новой грамотности, которая сегодня включает в себя не только медийную, трансмедийную, цифровую грамотность, но и грамотность в области искусственного интеллекта, предполагает, помимо технической компетентности использования современных медиа и технологий, более широкий набор умений использовать современные медиа для бесперебойного функционирования и участия в жизни современного общества.

В статье будет показан исторический процесс эволюции понятия грамотности, от ее первоначальной, базовой формы, через функциональную, медийную, информационную, цифровую и вплоть до ИИ грамотности. Особое внимание уделяется определению основных областей и конкретных способностей и навыков, входящих в медийную, цифровую и ИИ грамотность. В продолжении статьи представлена социально-экономическая значимость современных форм грамотности, а в заключительной части анализируется их взаимосвязь.

ЭВОЛЮЦИЯ ГРАМОТНОСТИ ВО ВРЕМЕНИ

Термин «грамотность» можно интерпретировать по-разному, и на протяжении истории он менял свое значение. Термин **базовая грамотность** означает способность читать, писать и общаться на родном языке, а также способность считать. В середине прошлого века был введен новый термин, имеющий функцию совершенствования существующей базовой грамотности: **функциональная грамотность**. Можем сказать, что человек функционально грамотен, если он может успешно участвовать во всех видах деятельности, где требуется грамотность для эффективного участия в собственной среде, и что, используя грамотность, может способствовать личному прогрессу и прогрессу общества, в котором он живет.

Однако с развитием средств массовой информации концепция грамотности радикально меняется. С развитием традиционных средств массовой информации, таких как пресса, а затем радио и телевидение, они приобретают большую, почти центральную роль в восприятии действительности, создании систем ценностей, а также в формировании суждений, вкусов и образа жизни людей. СМИ могут

развлекать, социализировать, информировать, обучать, но также убеждать, (пере)направлять, даже внушать, манипулировать [15; 4; 7]. «Средства массовой информации могут действовать мгновенно, они могут создавать, усиливать или ослаблять взгляды и отношения людей, они могут воздействовать на эмоции, побуждать к каким-либо действиям, возбуждать или успокаивать... Эти мощные эффекты не обязательно должны быть положительными или отрицательными, однако из-за существования возможности их негативных последствий для человека важно осознавать процессы и механизмы средств массовой информации и их роль в формировании мнений» [2]. Это сложное и двойственное влияние, которое средства массовой информации оказывают на общество и каждого человека, привело к пониманию необходимости способности пользователей использовать средства массовой информации компетентным и безопасным образом, чтобы использовать преимущества и снизить негативное влияние – развивать медиаграмотность.

Медиаграмотность – это понимание языка массмедиа, способность понимать сообщения СМИ и способность критически о них думать, т.е. обнаружение, распознавание и оценка сообщений, получаемых от средств массовой информации, и контекста, в котором эти сообщения помещены. Одним из основных вопросов, которые возникают при понимании потенциала средств массовой информации, как положительного, так и отрицательного, является способность пользователя обращаться со средствами массовой информации безопасным и полезным способом для достижения своих целей: развлечения, информации, общения, обучения, работы и т. д. Эту способность чаще всего называют грамотностью, и в связи с развитием медиатехнологий она меняется от медийной, через информационную, мультимедийную, цифровую и трансмедийную, к ИИ грамотности.

Медиаграмотный пользователь способен критически наблюдать и интерпретировать медиаконтент, используя следующие вопросы: Кто создал это сообщение? Какие приемы используются для привлечения внимания? Как разные люди могут по-разному понимать это сообщение? Какие ценности, образы жизни и точки зрения представлены или опущены в этом сообщении? Почему отправляется это сообщение? [5]. Эти вопросы иллюстрируют, что медиаграмотность включает в себя способность определять функции СМИ и оценивать то, как эти функции выполняются. Медиакомпетентный пользователь может оценить информацию, к которой обращается и получает из СМИ и эффективно использовать ее, следуя своим собственным намерениям и интересам, а не

интересам медиакорпораций. Таким образом, медиаграмотность известна как важный фактор защиты пользователей и укрепления устойчивости общества к манипуляциям и дезинформации.

Впервые вопрос медиаграмотности был поднят Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры – ЮНЕСКО в семидесятых годах прошлого века. В Декларации о медиаобразовании 1982 года было определено основное значение медиаграмотности, которая изначально была ориентирована на защиту детей от негативного контента, но со временем превратилась в способность критически размышлять над медиаконтентом и активно использовать медиа в своих целях. Концепция медиаграмотности была окончательно определена в 1992 году на Национальной конференции лидеров по медиаграмотности как способность получать доступ, анализировать, оценивать и передавать информацию через средства массовой информации. «Доминирование новых медиа и Интернета в системах медиакоммуникаций ставит в центр внимания медиаграмотность и компетентность, суть которых заключается в поиске указателей в мире медиа, переходе от увлечения новыми технологиями к умению выбирать контент, «плавать» в океане сообщений и информации, формировать отношения, распознавать пути и отличать их от обходных путей» [1].

Новые медиа и цифровые технологии резко увеличили воздействие средств массовой информации на современного человека. С ростом доступности информации, распространяемой не только через старые, но все чаще и через новые средства массовой информации, возникает проблема развития способностей и навыков грамотного использования информации, которую мы называем информационной грамотностью. **Информационная грамотность** включает в себя способность эффективно распознавать, оценивать и использовать информацию. Это включает в себя навыки поиска, анализа и критической оценки информации и ее источников, а также их эффективного использования в различных контекстах. Катс и Лау в публикации ЮНЕСКО «К показателям информационной грамотности» приходят к выводу, что это значит знать, когда и какая информация необходима, где и как ее найти, как критически оценить ее качество и надежность, как архивировать информацию, чтобы ее можно использовать снова позже этично и с целью производства знаний. Информационная грамотность особенно важна в эпоху цифровых технологий, когда доступ к информации прост, но в то же время может быть сложно отличить релевантную и точную информацию от ненадежной. Информационная грамотность родственна

медиаграмотности с точки зрения критической оценки контента, но возникает параллельно с медиаграмотностью и фокусируется на информации, в то время как медиаграмотность фокусируется на медиа и медиасообщениях.

С проникновением новых медиа в современное человеческое общество сильное влияние средств массовой информации на формирование и направление общественного мнения, а также на создание социальных культур и моделей поведения становится еще более очевидным. Цифровые технологии и услуги, а также Искусственный интеллект, гораздо больше, чем старые средства массовой информации, способны формировать то, как мы живем вместе и выполняем свою роль граждан. Они создают новые способы участия в демократической жизни и пользования основными правами и свободами, но также создают и новые способы их нарушения. Несомненно, новые медиа и искусственный интеллект принесли ряд социальных преимуществ: включение социально исключенных групп в общество знаний, создание независимых медиасервисов, снижение восприимчивости к коммерческому убеждению и лоббированию, поощрение гражданской активности, содействие творческому и художественному самовыражению. Тем не менее, помимо несомненных преимуществ, в постмодернистское время проблема способности использовать медиа все еще остается. Хотя пользователям новых медиа предоставляется возможность выбора и создания медиа и социальных свобод, вопрос в том, насколько они компетентны в обращении с медиа и преодолении разрыва между простым потреблением, с одной стороны, и использованием медиа для реализации своих собственных целей, с другой стороны.

Вследствие эволюции медиапространства в результате развития цифровых, интерактивных технологий и искусственного интеллекта новые медиа меняют не только то, как люди воспринимают и воспринимают реальность вокруг себя, но также самих себя и их реальность, создавая гиперреальность и симуляции. Здесь особенно следует иметь в виду влияние иммерсивных технологий, таких как виртуальная, дополненная или комбинированная реальность, о влиянии которых на долгосрочное психологическое и духовное состояние пользователя говорить пока рано, но удобство манипулирования пользователем вполне присутствует: «VR — отличная платформа для применения перцептивных манипуляций» [16].

В конце 1990-х и начале 2000-х годов были разработаны концепции мультимедийной, цифровой и трансмедийной грамотности.

Эти термины часто пересекаются, подразумевая современную грамотность, которая включает навыки, знания и способности, необходимые в медиатизированном цифровом обществе. В профессиональных и научных кругах часто используются разные термины, относящиеся к одному и тому же явлению, такие как новая медиаграмотность, современная грамотность, новая грамотность, мультимедийная грамотность, многократная грамотность, трансмедийная грамотность, цифровая грамотность, затем цифровая медиаграмотность, цифровая информационная грамотность, медиа-информационная грамотность и т.д. что приводит к путанице. Поэтому ниже будет представлен краткий обзор этих терминов.

Возможно, лучший термин для современной концепции медиаграмотности – новая медиаграмотность – предложен, а затем концептуализирован Дженкинсом и др. в публикации «Противостояние вызовам культуры участия: медиаобразование для 21 века». Модель определяет грамотность как компетентное участие в современном обществе, где новые медиа и технологии играют важную роль в жизни и работе человека, в обществе, где развивается культура участия [8]. Эта грамотность основана на медийной и литературной грамотности, на которой строятся исследовательские, технические, социальные компетенции и этические рамки, необходимые пользователям современных средств массовой информации. Позже этот термин получил более широкое распространение под термином **трансмедийная грамотность**.

Трансмедийная грамотность представляет собой эволюцию традиционной медиаграмотности и охватывает более широкое медиапространство, включающее мир не только старых медиа, но и цифровых: видеоигр, интернет-контента, анимации, веб-сайтов и мобильных приложений и т. д. Поскольку граница между традиционными (старыми) и новыми медиа становится все менее заметной, а цифровые технологии и искусственный интеллект становятся все более необходимыми для полноценного участия в обществе, фокус трансмедийной грамотности распространяется на более широкие **социальные, правовые и этические** аспекты использования медиа. Основное внимание (как и в случае с традиционной медийной и информационной грамотностью) по-прежнему уделяется критической оценке медиаконтента, но помимо этого реализуются и другие способности и навыки, необходимые для функционирования в мире новых медиа и технологий: таким образом достигается «предпосылка для качественной и современной социальной и гражданской активности, в которой упор делается на

развитие критического понимания медиасообщений и способности производить медиаконтент как отправную точку для развития гражданского и политического участия» [2]. Трансмедийная грамотность означает способность человека находить и оценивать информацию, общаться и сотрудничать с другими людьми, принимать обоснованные решения, создавать и делиться медиаконтентом, т.е. стратегически и безопасно использовать медиа, чтобы взять под контроль свою жизнь, выполнять свои гражданские обязанности, решать проблемы и достигать академических, профессиональных, личных и социальных целей.

Таким образом, медиаграмотность от основной концепции критического размышления о контенте распространяется на область общения, сотрудничества и социального участия, а также на создание медиаконтента и меняет фокус с защитного на проактивный подход к использованию медиа.

Благодаря цифровым медиа создание и распространение медиаконтента становится гораздо более децентрализованным, а роль пользователей — гораздо более активной. Таким образом, трансмедийная грамотность вырастает из медиаграмотности, увеличивая способность от грамотного использования к грамотному созданию (или сотворчеству, совместному созданию с другими пользователями) медиаконтента. Наблюдается сдвиг роли медиапользователя в проактивном смысле к роли (со)продюсера или «просьюмера». Направление производства медиаконтента меняется «снизу вверх», то есть от пользователя к издателю, а не «сверху вниз», что характерно для массовой коммуникации, характерной для старых медиа.

В соответствии с ранее определенными аспектами, трансмедийная грамотность рассматривается в самом широком смысле как совокупность индивидуальных способностей и навыков пользователей, а именно:

- пользователь может получать доступ, загружать и систематизировать медиаконтент независимо от формы и медиатехнологии;

- пользователь может адаптировать, комбинировать, улучшать медиаконтент совместно с другими пользователями и в дальнейшем публиковать (так называемые распространяемые медиа), а также иметь возможность участвовать в мультимедийном пространстве, создавая различный медиаконтент самостоятельно и в сотрудничестве с другими участниками; пользователь может сформулировать и опубликовать свои собственные взгляды на соответствующем

носителе, в межкультурном диалоге и посредством демократического участия;

- пользователь может анализировать, связывать и интерпретировать сообщения всех типов медиа, оценивать их достоверность, объективность и надежность (критическое понимание и анализ);

- пользователь может признать авторитет и компетентность источника информации (источника, т.е. издателя и автора) и на основе этого критически оценить сообщение, которое продвигает этот источник;

- пользователь может осознать конечную цель сообщений, которым он подвергается, и определить источники данных сообщений (критическое понимание и анализ);

- пользователь может увидеть точки зрения, пропагандируемые медиа сообщениями и заметить возможные манипуляции, пропаганду, цензуру, предвзятость или односторонность контента (медиа-осведомленность), распознавать предрассудки и стереотипы в сообщениях, определять их коммерческую или политическую ноту, распознавать, стоит ли за сообщением какое-то лоббирование, имеет ли сообщение политическую окраску или содержит пропаганду, убеждения или принуждение, а так же как и любой другой тип побуждения пользователя к определенному поведению, мышлению или действию;

- пользователь может использовать медиаконтент для своих, а не чужих целей (медиа-осведомленность);

- пользователь может понять границу между реальной жизнью и той, которую создают медиа (медиа-осведомленность) и

- пользователь может понимать нормативные и этические отношения в рамках медиакommunikаций и соответствующим образом корректировать свои действия – этическое сознание.

Подводя итог, можно сказать, что в научных и профессиональных кругах взгляд на трансмедийную грамотность тяготеет к пяти основным направлениям:

1. Возможность доступа к медиаконтенту характеризуется способностью и навыками использования различных мультимедийных инструментов и приложений для поиска информации и ее использования.

2. Медиапонимание означает признание различных способов представления информации через средства массовой информации, а также признание способов использования и злоупотребления этими методами.

3. Критическое понимание и анализ медиаконтента предполагает способность декодировать и интерпретировать сообщения, передаваемые через медиа.

4. Создание медиаконтента предполагает способность использовать медиа для создания и передачи собственных сообщений либо для самовыражения, либо для взаимодействия с другими людьми и влияния на них.

5. Этическая осведомленность относится к созданию собственных, а также к пониманию и уважению коллективных этических норм и стандартов в связи с участием и (ко)производством нового медиаконтента.

ЦИФРОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ

Проникновение цифровых технологий во все сферы жизни и труда привело к необходимости нового вида грамотности – цифровой грамотности. С развитием электронного бизнеса и электронной коммерции, электронного документооборота государственного управления и других цифровых платформ у пользователей возникает необходимость иметь возможность ориентироваться в этой цифровой среде, чтобы эффективно общаться, искать информацию, анализировать ее и критически относиться к цифровому контенту. Другими словами, цифровая грамотность стала важной, чтобы мы могли успешно функционировать и общаться в современном цифровом обществе.

Цифровая грамотность – это концепция, которая быстро развивается и расширяется примерно с 2000 года. Эта концепция используется во всем мире, но подробно концептуализирована в документе Европейской комиссии «DigComp 2.2 – Рамки цифровой компетентности для граждан», который является основой для понимания и измерения цифровой грамотности граждан Европейского Союза и за его пределами. Цифровая грамотность объединяет пять областей использования цифровых медиа для бесперебойного функционирования и участия в современном обществе:

1. **Информационная грамотность и грамотность работы с данными** – способность находить, локализовать и извлекать информацию и данные, оценивать их актуальность, хранить, управлять и организовывать цифровой контент;

2. **Коммуникация и сотрудничество** – взаимодействие с другими с помощью цифровых технологий, участие в жизни общества и управление цифровым присутствием, идентичностью и репутацией;

3. **Создание цифрового контента** – редактирование и создание цифрового контента, понимая при этом авторское право;

4. **Безопасность** – защита персональных данных, конфиденциальности и цифрового контента в цифровой среде, физического и психологического здоровья, устройств и окружающей среды, использование цифровых технологий, осознавая при этом социальное благополучие и социальную инклюзивность;

5. **Решение проблем** – выявление и разрешение проблемной ситуации в цифровой среде и использование цифровых инструментов для инноваций продуктов или процессов.

Эта концепция переплетается с термином «трансмедийная грамотность», который чаще используется в исследованиях средств массовой информации, культуры и коммуникации (18). Однако, несмотря на концептуальную неравномерность, набор навыков, подпадающих под трансмедиа, то есть цифровую грамотность, является предпосылкой для гражданственности и социального участия в современную эпоху.

После 2015 года развитие применения искусственного интеллекта привело к новому взгляду на современную грамотность и необходимости ее новой модификации. Новая грамотность расширяется от медийной, информационной и цифровой грамотности до грамотности в области искусственного интеллекта [10]. Новые версии фреймворка цифровой грамотности, так сказать, ценят как знания, так и способности использовать искусственный интеллект, а после 2015 года все чаще начинают говорить об отдельном термине «грамотность в области искусственного интеллекта».

ГРАМОТНОСТЬ В ОБЛАСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Медиаграмотность приобретает особое значение с развитием искусственного интеллекта. Интернет-браузеры и социальные сети, алгоритмы создания рекомендаций и настройки контента, различные решения для генерации контента (текстового, графического, музыкального, фотографического и т. д.), дорожная навигация, медицинские и оздоровительные системы и т. д. они основаны на искусственном интеллекте и предоставляют пользователям ранее не существовавшие возможности и удобства. Поскольку искусственный интеллект становится все более важным фактором в повседневной и трудовой жизни людей, термин «грамотность в области искусственного интеллекта» был создан на основе концепции грамотности, которая включает в себя сочетание различных навыков

из разных областей [11]. Это еще одна из ряда современных форм грамотности, которая следует за «медиаграмотностью», «цифровой грамотностью» или, в последнее время, «грамотностью работы с данными».

Грамотность в области искусственного интеллекта (ИИ-грамотность) означает способность человека понимать, использовать и критически оценивать ключевые концепции и инструменты искусственного интеллекта, а также их значение для человека и общества, не имея знаний в области информатики [12]. Этот тип грамотности включает базовое понимание того, как работают системы искусственного интеллекта, а также способность применять эти знания в жизни и на работе. Это предполагает критический взгляд на технологии и понимание контекста, пересмотр их разработки, дизайна и применения, а также определение преимуществ, которые человек и общество получают от применения ИИ, но и проблем, все с целью правильного и грамотного использования ИИ. При критическом рассмотрении применения ИИ необходимо решать этические, культурные, социальные проблемы, такие как проблема дезинформации, предвзятости или конфиденциальности.

Опрос, проведенный Исследовательским центром Пью среди более чем 10 000 взрослых граждан США, показал, что только треть респондентов имеют высокоразвитое понимание использования искусственного интеллекта в повседневной жизни [9]. Результаты исследования, проведенного Канадским фондом журналистики, также показывают, что более половины канадцев (58%) считают, что они сталкивались с вводящим в заблуждение или ложным медиаконтентом, созданным искусственным интеллектом, в течение последних шести месяцев, а 48 % канадцев заявляют, что не уверены в собственной способности отличить медиаконтент, созданный ИИ, от медиаконтента созданного людьми [6].

Важность развития грамотности для искусственного интеллекта была заявлена в 2019 году. на Пекинском консенсусе по искусственному интеллекту и образованию, где были сформулированы руководящие принципы и рекомендации по применению ИИ для реализации Повестки дня «Образование-2030». Он признает «появление набора навыков грамотности в области ИИ, необходимых для эффективного сотрудничества человека и машины» и рекомендует «принять институциональные меры для повышения грамотности в

области ИИ во всех слоях общества».² Кроме того, ЮНЕСКО разрабатывает систему компетенций в области искусственного интеллекта для учащихся и учителей, которая также направлена на повышение глобальной грамотности в области искусственного интеллекта³.

Ниже представлена структура грамотности для искусственного интеллекта, созданная на основе обзора литературы.

Понимание ИИ

Пользователи должны понимать технологии и отрасли, лежащие в основе ИИ (машинное обучение, обработка естественного языка, компьютерное зрение) и фундаментальные концепции и их происхождение, а также различать типы ИИ, их функции и способы получения результатов. Эта область ИИ-грамотности охватывает следующие способности:

- уметь различать типы ИИ, такие как обработка естественного языка, машинное или глубокое обучение и распознавание образов, а также их ограничения,
- понять, как системы ИИ воспринимают физический мир, собирают и обрабатывают данные, а также дают рекомендации или формируют решения,
- понимать важность сбора и предварительной обработки данных в ИИ и осознавать негативное влияние необъективных или неполных данных на модели ИИ и
- знать о возможностях и ограничениях различных систем ИИ.

Использование и применение ИИ

Пользователям необходимо понимать возможности ИИ, применять знания и использовать приложения ИИ в различных ситуациях в повседневной жизни для достижения личных целей и принятия обоснованных решений. Грамотный пользователь ИИ может оценить практические применения ИИ, такие как распознавание речи, системы рекомендаций, распознавание лиц и т. д. (11; 14). Жизненно важным компонентом ИИ грамотности является интеграция результатов, полученных с помощью ИИ, в рабочие процессы человека и объединение профессиональных знаний с ИИ.

² С документом можно ознакомиться на сайте:

<https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000368303>

³ Фреймворк в разработке можно найти на сайте: [chrome-extension://efaidnbmninnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.unesco.org/sites/default/files/medias/fichiers/2023/11/UNESCO-Draft-AI-competency-frameworks-for-teachers-and-school-students.pdf](https://www.unesco.org/sites/default/files/medias/fichiers/2023/11/UNESCO-Draft-AI-competency-frameworks-for-teachers-and-school-students.pdf)

<https://www.unesco.org/sites/default/files/medias/fichiers/2023/11/UNESCO-Draft-AI-competency-frameworks-for-teachers-and-school-students.pdf>

Эта область ИИ-грамотности включает в себя следующие способности:

- уметь распознавать инструменты на базе искусственного интеллекта при взаимодействии с ним,
- распознавать приложения искусственного интеллекта в повседневной жизни и в бизнесе (виртуальные помощники, чат-боты, рекомендательные системы и т.д.),
- понимать применение ИИ в различных отраслях, таких как финансы, образование, автономные транспортные средства и здравоохранение,
- эффективно общаться и сотрудничать с инструментами ИИ, создавая эффективные подсказки и
- правильно выбирать инструменты искусственного интеллекта в различных повседневных и рабочих ситуациях и использовать их для улучшения работы: обработка естественного языка для помощи в написании, распознавание изображений для создания визуального контента, инструменты ИИ для создания музыки и т. д..

Критическое мышление и оценка ИИ

Пользователи должны иметь возможность критически оценивать генеративные результаты ИИ при их использовании и определять сильные, слабые стороны и ограничения ИИ. Эта область ИИ-грамотности включает в себя следующие способности:

- уметь идентифицировать медиаконтент, созданный ИИ,
- уметь критически оценивать результаты работы систем ИИ и понимать их ограничения,
- уметь распознавать галлюцинации ИИ, такие как дипфейки, дезинформация или фейковые ссылки,
- осознавать роль рекомендательной системы в ограничении нашего восприятия различных точек зрения и, следовательно, в формировании реальности, потреблении и принятии решений, а также искать альтернативные точки зрения,
- понять, как системы ИИ учатся на данных, и осознавать последствия этого и
- уметь проверять и перепроверять результаты, генерируемые ИИ, используя сервисы проверки фактов и детекторы ИИ, такие как ClaimBuster, Illuminary, ZeroGPT и т.д.

Этические и социальные аспекты ИИ

Грамотный пользователь в области искусственного интеллекта может распознавать и понимать этические и социальные последствия использования ИИ и лично использовать ИИ этичным образом. Это включает в себя понимание вопросов справедливости, предвзятости,

конфиденциальности и прозрачности использования ИИ в обществе с этической точки зрения [11; 14]. Эта область ИИ-грамотности включает в себя следующие способности:

- осознавать, как могут быть встроены предубеждения в алгоритмы ИИ, и активно искать различные источники информации, чтобы уравновесить любую потенциальную предвзятость,
- понимать последствия использования ИИ для конфиденциальности, осознавать необходимость подотчетности и прозрачности в системах ИИ и ответственно использовать персональные данные,
- осознавать, как дипфейки, созданные ИИ, влияют на общество и права человека, и уметь распознавать их и
- понять более широкие социальные последствия широкого использования ИИ, включая экономические, политические и культурные последствия.

ВАЖНОСТЬ ГРАМОТНОСТИ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА

Независимо от общества, в котором мы живем, грамотность и образование считаются основой «человеческого капитала» любого общества. Грамотность включает в себя гибкость человеческих ресурсов и всего общества, поскольку она позволяет и способствует более легкому принятию изменений, а также более быстрому обучению и адаптации, что становится обязательным в цифровую эпоху. Грамотность оказывает глубокое влияние на экономические аспекты общества, включая занятость, производство, производительность, инновационный потенциал и общее состояние общества. Направление ресурсов на развитие медийной, информационной, цифровой грамотности и грамотности в области искусственного интеллекта может оказать долгосрочное положительное влияние на экономический рост и общее благосостояние общества.

Медийная и цифровая грамотность на индивидуальном уровне являются важным компонентом экономического и социального развития. В пользу этого говорит тот факт, что в развитии цифровой экономики решающую роль в каждой стране играют: ИКТ-инфраструктура и ИКТ-навыки, финансы, регулирование и совокупность этих факторов. Медийная и цифровая грамотность делают людей более подготовленными к участию в жизни современного общества и экономики. Граждане, обладающие медийной и цифровой грамотностью, имеют лучший доступ к

актуальной и авторитетной информации и знаниям, а информированные граждане являются ключом к поддержанию прозрачности демократических процессов. Когда люди имеют доступ к информации и знаниям, это также позволяет им лучше следить за экономическими тенденциями, изучать возможности для бизнеса и вносить вклад в инновации в своей профессии. Граждане с развитыми цифровыми навыками более конкурентоспособны на рынке труда, поскольку многие рабочие места все больше зависят от использования цифровых инструментов. Обнаружена сильная положительная линейная связь между уровнем цифровых навыков и уровнем развития страны, измеряемая валовым национальным доходом на душу населения.

Грамотность также способствует улучшению ситуации на уровне организаций. Это повышает эффективность бизнеса, поскольку позволяет организациям оптимально использовать данные, информацию и медиаканалы. Понимание информации, медиатенденций и анализа данных стимулирует инновации в бизнесе, помогая организациям быть более конкурентоспособными на рынке. Грамотность сотрудников и руководства также снижает риски, связанные с принятием необоснованных решений, поскольку ошибки в интерпретации информации или данных могут иметь серьезные последствия. Кроме того, развитые навыки общения, критического мышления и анализа способствуют укреплению отношений с клиентами, партнерами и широкой общественностью [17]. Например, информационная грамотность способствует принятию обоснованных бизнес-решений: менеджеры и сотрудники должны иметь возможность эффективно использовать информацию для отслеживания рыночных тенденций, анализа конкуренции и выявления деловых возможностей. Медиаграмотность, с другой стороны, важна для маркетинга, рекламы и развития бренда, поскольку эти действия основаны на понимании того, как использовать цифровые ресурсы для продвижения, позиционирования и продажи продуктов или услуг. Организации должны понимать, как их сообщения могут быть восприняты и как общаться со своими целевыми рынками через различные медиаканалы.

Грамотность в области искусственного интеллекта также является важным деловым и экономическим ресурсом. Поскольку искусственный интеллект становится повсеместным в обществе, грамотность, связанная с технологиями искусственного интеллекта, становится важным фактором для полного участия граждан с точки зрения демократических процессов, занятости, демократизации технологий, образования и инклюзивности. Развитие ИИ грамотности

является ключом к ответственному принятию обоснованных решений. Граждане, обладающие развитой грамотностью в области искусственного интеллекта, могут лучше участвовать в дебатах по социальным, этическим и нормативным вопросам, связанным с искусственным интеллектом. Способность задавать вопросы и выражать свои взгляды способствует демократическому процессу и формированию политики, отражающей ценности более широкого общества. Граждане, владеющие основными концепциями искусственного интеллекта, могут лучше понимать, использовать и вносить вклад в технологические инновации, а также повышать свои шансы на трудоустройство. Они могут лучше понимать, как работает ИИ и как он влияет на их повседневную жизнь, что позволит им лучше принимать решения о том, как использовать эту технологию, а также понимать влияние ИИ на рабочие места, образование, здравоохранение и другие аспекты жизни общества. Развитая ИИ грамотность позволяет людям распознавать потенциальные злоупотребления ИИ: понимание вопросов этики и конфиденциальности помогает гражданам стать более ответственными потребителями технологий и поддерживать политику, защищающую их права [11]. Развитая ИИ грамотность становится ключом к балансу между технологическим прогрессом и социальными и экономическими проблемами, которые приносит эта технология. Эта грамотность расширяет возможности людей быть активными участниками цифровой эпохи и лучше понимать, и формировать будущее технологий в обществе [14].

Подводя итог, можно сказать, что упомянутые формы грамотности представляют собой основу для эффективного функционирования отдельных лиц, организаций и общества в цифровую эпоху. Их адекватное применение в деловой среде способствует конкурентоспособности, инновациям и устойчивому развитию экономики. Продвигая равенство доступа к информации, развивая критическое мышление и активно вовлекая граждан в дискуссии о медиа и технологиях, эта грамотность может способствовать созданию общества, которое стремится к демократии, справедливости и равенству.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Информационная грамотность, медиаграмотность, цифровая грамотность и ИИ грамотность — это четыре ключевые формы современной грамотности, которые дополняют друг друга в современном обществе, причем каждая из них имеет свои

специфические характеристики. Информационная грамотность означает способность искать, анализировать и критически оценивать информацию, медиаграмотность означает способность понимать, анализировать и критически интерпретировать сообщения средств массовой информации, цифровая грамотность включает понимание и эффективное использование цифровых технологий, а ИИ грамотность, а подразумевает понимание искусственного интеллекта, его принципов, приложений и этических проблем.

Знания, способности и навыки, связанные с этими четырьмя видами грамотности, иногда переплетаются. На пересечении всех четырех видов грамотности находится критическое мышление. Люди в современную эпоху должны уметь анализировать информацию, медиаконтент, цифровые инструменты и критически подходить к применению искусственного интеллекта. Медиа и цифровая грамотность пересекаются в способностях и навыках создания нового контента или творческого редактирования существующего контента. Информационная грамотность, медиаграмотность и ИИ грамотность параллельно предполагают понимание этических проблем. Люди должны иметь развитое понимание того, как информация, медиаконтент и искусственный интеллект могут иметь этические последствия на индивидуальном и социальном уровнях. С другой стороны, цифровая грамотность и грамотность в области искусственного интеллекта пересекаются с точки зрения использования и понимания технологических инструментов, необходимости адаптироваться к быстрым изменениям в технологиях и осведомленности о конфиденциальности и безопасности в Интернете, а грамотность в области искусственного интеллекта делает еще один шаг вперед и рассматривает этические последствия использования этой технологии.

Эти виды грамотности взаимосвязаны и вместе составляют основу компетенций, необходимых для активного участия в современном обществе и экономике. Их комбинация предоставляет людям инструменты для эффективного управления информацией, медиа, технологиями и искусственным интеллектом. И хотя важность их развития в обществе отражается в повышении производительности, эффективности, инновационного потенциала, увеличении демократического потенциала, социального участия и инклюзивности, становится все более очевидным, что пренебрежение этими способностями, знаниями и навыками может привести к ряду негативных последствий.

Список литературы

1. Arsenijević, J., Andevski, M. Korelacija nove medijske pismenosti i izloženosti medijima – na putu ka medijskoj konvergenciji i diverzifikaciji // Teme. 2014. № 38 (3). C. 1057-1073.
2. Arsenijević, J., Andevski, M. Građanski aktivizam i nova medijska pismenost // Sociološki pregled. 2015. № 1 (49). C. 71-93.
3. Aufderheide, P., Firestone, C. Media Literacy A Report of the National Leadership Conference on Media Literacy: Q.:The Aspen Institute Wye Center, 1993.
4. Castells, M. The Rise of the Network Society. Blackwell Publishers, Inc. 2000.
5. Center for Media Literacy. Voices of Media Literacy: International Pioneers Speak. URL: <http://www.medialit.org/voices-media-literacy-international-pioneers-speak>. 2011.
6. CJF. Media Literacy in the Age of AI. T: The Canadian Journalism Foundation. URL: <https://cjf-fjc.ca/media-literacy-in-the-age-of-ai/>. 2023.
7. Fedorov, A. Media Literacy Education. M.: ICO Information for all. 2015.
8. Jenkins, H., Purushotma, R., Weigel, M., Clinton, K., Robinson, A. Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century. C, MA: The MIT Press. 2009. URL: <http://www.oapen.org/download?type=document&docid=1004003>
9. Kennedy, B., Tyson, A., Saks, E. Public Awareness of Artificial Intelligence in Everyday Activities. Pew Research Centre. URL: <https://www.pewresearch.org/science/2023/02/15/ai-awareness-appendix/>. 2023.
10. Kong, S.C., William Man-Yin Cheung, W.M.Y., Zhang, G. Evaluation of an artificial intelligence literacy course for university students with diverse study backgrounds // Computers and Education: Artificial Intelligence. 2021. № 2, 100026. <https://doi.org/10.1016/j.caeai.2021.100026>.
11. Long, D. Magerko, B. What is AI Literacy? Competencies and Design Considerations // Proceedings of the 2020 CHI Conference on Human Factors in Computer Systems/ In R. Bernhaupt, F. 'F.' Mueller, D. Verweij, J. Andres, J. McGrenere, A. Cockburn, I.

- Avellino, A. Goguey, P. Bjørn, S. (S.) Zhao, B. P. Samson, & R. Kocielnik (Hrsg.) 2020. С. 1-16.
12. Long, D., Blunt, T., Magerko, B. Co-designing AI literacy exhibits for informal learning spaces // Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction, 5 (CSCW2) 2021, 10.1145/3476034.
 13. Ng, D.T.K., Leung, J.K.L., Chu, S.K.W., Qiao, M.S. Conceptualizing AI literacy: An exploratory review// Computers & Education: Artificial Intelligence. 2021. № 2 10.1016/j.caeai.2021.100041
 14. Taecharungroj, V., Karnchanapoo, K. AI Literacy in the Age of Generative AI — Building a Future-Ready Society. URL: <https://www.etaa.or.th/getattachment/Our-Service/AIGC/Research-and-Recommendation/AI-Literacy-Viriya-and-Kanok.pdf.aspx?lang=th-TH>. 2023.
 15. Taylor, P. British Propaganda in the 20th Century: Selling Democracy. Edinburgh University Press, 1999.
 16. Tseng, W.J., Bonnal, E., McGill, M., Khamis, M., Lecolinet, E., Huron, S., Gugenheimer, J. (2022). The Dark Side of Perceptual Manipulations in Virtual Reality // Proceedings of the 2022. CHI Conference on Human Factors in Computing Systems, С. 1–15.
 17. Wang, Y., Wang, Y. Developing Creative Leadership in the Use of Digital Communication Tools: A Psychological Perspective. Sustainability. 2022. № 14. S. 11796.
 18. Witte, S., Rybakova, K., Kollar, C. Framing Transmedia: Pre-service Teachers' Transmedia Interactions with Young Adult Literature Narratives. Signal Journal. 2015. № 38(1). С. 27-33.

НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ТЕНДЕНЦИЯ И ИНСТРУМЕНТ ПРЕОДОЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИЗОЛЯЦИИ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Афонина А. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Институт «Таврическая академия»,
студент*

E-mail: afonina0603@mail.ru

***Аннотация.** В данной статье представлен анализ опыта Республики Крым в контексте преодоления международно-политической изоляции в период с 2014 по 2024 гг. и установления*

контактов с народами других стран посредством механизмов общественной дипломатии. В ходе исследования был выявлен большой потенциал для развития народной дипломатии в Республике Крым по таким направлениям, как культурное и научное сотрудничество, туристический обмен, сотрудничество городов (Симферополь и Хайдельберг, Симферополь и Манагуа, Феодосия и Новополюцк, Ялта и Гранада, Ялта и Латакия, Ялта и Баден-Баден, Евпатория и Людвигсбург). Зафиксированы показатели динамики посещения Крыма иностранными делегациями в обозначенный период времени. Подчеркивается особенность крымской дипломатии, которая заключается в том, что полуостров поддерживает связь с народами стран, не признавших Крым на официальном уровне. Эмпирическим материалом подтверждается тезис о фактическом преодолении информационной блокады по крымскому вопросу и эффективности механизмов неофициальной дипломатии.

Ключевые слова: народная дипломатия, внешняя политика, общественная дипломатия, Республика Крым, НПО, «мягкая сила», международные отношения

THE CONCEPT OF THE STATE-CIVILIZATION IN THE POLITICAL DISCOURSE: THE RUSSIAN DIMENSION

Afonina A. A.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Institute «Taurida Academy», Student
E-mail: afonina0603@mail.ru

Abstract. This article presents an analysis of the experience of the Republic of Crimea in the context of overcoming international political isolation in the period from 2014 to 2024 and establishing contacts with the peoples of other countries through public diplomacy mechanisms. The study revealed a great potential for the development of public diplomacy in the Republic of Crimea in such areas as cultural and scientific cooperation, tourist exchange, cooperation between cities (Simferopol and Heidelberg, Simferopol and Managua, Feodosia and Novopolotsk, Yalta and Granada, Yalta and Latakia, Yalta and Baden-Baden, Yevpatoria and Ludwigsburg). The indicators of the dynamics of visits to Crimea by foreign delegations in the designated period of time are recorded. The peculiarity of Crimean diplomacy is emphasized, which is that the peninsula maintains contact with the peoples of countries that have not officially recognized Crimea. Empirical material confirms the thesis about the actual overcoming of the

information blockade on the Crimean issue and the effectiveness of informal diplomacy mechanisms.

Keywords: *citizen diplomacy, foreign policy, public diplomacy, Republic of Crimea, NGOs, «soft power», International Relations.*

С возникновением новых глобальных вызовов и кризисов на передний план выходит такая динамично развивающаяся форма межгосударственного общения, как народная, гражданская, негосударственная или общественная дипломатия, которая играет ведущую роль в вопросах реализации государствами «мягкой силы» и распространения своего влияния за рубежом посредством участия в международных делах неправительственных организаций, групп и широкой общественности.

Несмотря на большое количество вариаций (в сущности, равнозначных), в российском политологическом дискурсе преобладает термин «народная дипломатия». Обратим внимание на то, что в англоязычных источниках данный термин переводится как «Citizen diplomacy» или «Track II Diplomacy» [1], и исследователь Т. В. Зонина отмечает рациональность употребления именно «гражданской дипломатии», поскольку «встречающийся в нашей литературе термин «народная дипломатия» скорее связан с реалиями советской дипломатии» [2].

Поскольку данный феномен представляется весьма многомерным, то стоит говорить не только о конкретных практических элементах народной дипломатии в контексте Крыма, но и о теоретическом аспекте данного вопроса.

Впервые идея деления внешней политики и международной дипломатии на государственную и негосударственную появилась благодаря Дж. Монтевиллю и его книге «Внешняя политика по Фрейду»: «Гражданская дипломатия — это неофициальное, не структурированное взаимодействие. Она [дипломатия] всегда открытая, часто альтруистическая, и ... стратегически благоприятно настроена, основываясь на тщательном анализе ситуации. В её основе лежит предположение о том, что реальный или потенциальный конфликт может быть разрешен или ослаблен за счёт присущих каждому человеку благих намерений и разумных действий» [3, с. 155]. Её цель – разъяснение принципов и задач внешнеполитического курса страны, опровержение домыслов и преднамеренной фейковой информации, направленной на дискредитацию внешней политики государства, что представляется весьма актуальным в условиях

информационной войны, которая ведется против нашего государства со стороны Запада.

Итак, общественная дипломатия – инструмент формирования международных гуманитарных связей государства через общественные организации и гражданские форматы активности [4, с. 21].

Как отмечается в ряде работ XX столетия, постулирующих безукоризненное соблюдение церемониальных и протокольных обычаев и правил, «в процессе развития международных отношений происходят столкновения интересов государств, правительств и международных организаций, поэтому их представители и дипломаты, выполняя указания своих правительств, используют традиционные методы в стремлении найти взаимоприемлемые для различных сторон решения, учитывающие, если необходимо, и интересы национального престижа» [5, с. 23].

На сегодняшний день можно говорить о разнообразии методов и субъектов, которые отличают народную дипломатию от традиционных инструментов внешней политики, что, в свою очередь, в некотором смысле развязывает руки рационально мыслящей части международного сообщества в плане установления контактов с Республикой Крым. К тому же, в XXI веке неправительственные организации (НПО) становятся полноценным актором международного политического процесса. В этой связи отметим, что Организация Объединенных Наций определяет НПО как «любую некоммерческую организацию, действующую на добровольных началах» [6], группу граждан, организованную на местном, национальном или международном уровне, ориентированную на конкретные задачи и управляемую людьми, имеющими общие интересы. НПО являются связующим звеном между правительством и гражданским обществом; НПО призваны осуществлять широкий спектр гуманитарных функций: доведение проблем граждан до сведения правительств, мониторинг политики и поощрение участия в политической жизни на уровне общин и т.д. Таким образом, НПО может быть организацией любого рода при единственном условии, что она должна быть некоммерческой и независимой от правительства, аналитических центров, политических фондов, церквей, благотворительных организаций, независимых наблюдателей за выборами, исследовательских организаций. Общее определение и широкий спектр видов деятельности являются причинами того, что каждая страна имеет свою собственную специфическую

интерпретацию и понимание деятельности НПО и гражданского общества.

Если официальная дипломатия предполагает взаимодействие на высшем уровне и четкий дипломатический протокол, то народная дипломатия и синонимичные ей понятия «гражданская дипломатия» и «неофициальная дипломатия» как фактор современной международной политики представляют собой взаимодействие некоммерческих общественных организаций или людей, не связанных политическими обязательствами, что в значительной степени укрепляет межличностные отношения и позволяет получить подлинную картину обстановки за рубежом относительно общественных настроений, образа государства за рубежом и т.д. В сущности, общественная дипломатия представляет собой систему установления прямых отношений с народами других стран для продвижения интересов народов и расширения международных связей. Как отмечает С. Ш. Саидов, «...развитие системы внешней политики теперь зависит не только от деятельности межгосударственных связей, но и от широкой общественности. Народная дипломатия отличается от традиционных инструментов внешней политики не только своей целью, но и средствами ее достижения, а также разнообразием субъектов, участвующих в ее реализации» [7, с. 179].

В Крыму большую роль в этом вопросе традиционно играют депутаты, руководители национально-культурных объединений, представители общественности и научного сообщества республики. Отметим, что в Крыму функционируют армянская, грузинская, венгерская, азербайджанская, украинская, болгарская, греческая, немецкая общины, посредством которых отношение к крымчанам на исторической родине представителей этих национально-культурных объединений улучшается; на осуществление народной дипломатии в Крыму непосредственное влияние оказывают: Комитет по народной дипломатии и межнациональным отношениям, Управление международной деятельности КФУ им. В. И. Вернадского, Дом дружбы народов, Черноморская ассоциация международного сотрудничества, иные молодёжные, научные, спортивные, детские и женские ассоциации.

В свете развернутой Западом информационной антикрымской кампании и заявлений о якобы притеснении здесь этнических меньшинств, нарушении прав человека и «атмосфере террора» [8] представляется функциональным противостояние подобным

выдумкам посредством применения различных форм и инструментов народной дипломатии.

Традиционно, кроме культурного и научного сотрудничества, здесь можно выделить туристический обмен, спорт, сотрудничество городов. Последнее является важным аспектом развития внешнеполитических связей Крыма, поскольку не так давно стало известно, что Симферополь и столица Никарагуа Манагуа станут побратимами [9], Феодосия – с белорусским городом Новополоцк [10], а Ялта и Гранада уже в январе текущего года подписали соглашение о побратимских связях в торгово-экономической, научно-технической, культурной и социальной сферах [11]. Напомним, что в 2018 г. побратимом Ялты стал сирийский город Латакия [12].

Стоит отметить, что в Крыму функционировали неправительственные партнерские организации «Круг друзей Хайдельберг - Симферополь», «Общество друзей Баден-Бадена», а там, в свою очередь, существует «Общество друзей Ялты», которые организовали ряд поездок немецких граждан в Крым, чтобы те смогли сами убедиться, что трудности жизни в Крыму, которыми их пугали перед отъездом из Германии, и чуть-ли не фронтовая обстановка – заведомое искажение правды о Крыме и крымчанах [13].

Несомненно, большое значение имеет сотрудничество в сфере культуры и искусства. В этом смысле нельзя не упомянуть сюжет, описанный в немецкой окружной газете «Людвигсбургеркрайсцайтунг» от 6 ноября 2014 г. «Хотя Министерство иностранных дел Германии настоятельно предостерегало своих граждан от нежелательных визитов в Крым, известный дирижер Зигфрид Бауэр и почетный гражданин Евпатории вместе с несколькими музыкантами камерного оркестра осмелился поступить по-своему. Город Людвигсбург не хотел противопоставлять себя внешнеполитической политике Германии, поэтому визит не получил официального статуса и, следовательно, не было ни приветственного письма от обер-бургомистра, ни материальной поддержки» [14].

За последние годы он несколько раз инициировал и осуществлял совместные музыкальные проекты, такие как «Мессия» Генделя или «Сотворение мира» Гайдна. По его словам, «Музыка – самый хороший мост между людьми» [15].

Возвращаясь к вопросу об угнетении татар в Крыму, Зигфрид Бауэр не упустил возможности побеседовать с татарскими деятелями искусств. Оказалось, они довольны сложившейся политической обстановкой [15].

Как результат работы народного дипломата, вскоре на XIII конференцию городов-побратимов России и Германии официально были приглашены три крымских города: Евпатория (город-побратим Баден-Баден), Ялта (Людвигсбург) и Симферополь. Опять же, поскольку организаторами выступали НПО как субъекты народной дипломатии, а не политические организации, то приглашение крымских городов после 2014 года было официальным, несмотря на давление со стороны МИДа Германии.

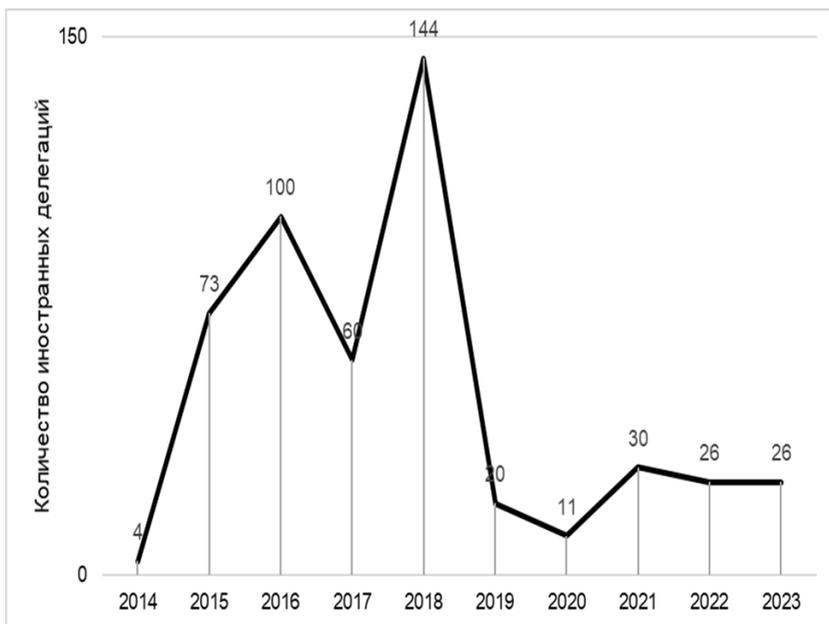
Вопреки этому, с целью прорыва информационной блокады Крыма была организована поездка из 35 делегатов из Германии и Австрии, что дало импульс для развития проекта народной дипломатии в Крыму в тот непростой 2014 год. Действительно, попытки недружественных государств погрузить Крым в международную изоляцию лишь приумножили опыт нашего полуострова в области общественной дипломатии – этот важный сюжет лег в основу «Летописи народной дипломатии Крыма», опубликованной издательством АРИАЛ в 2022 г.

Обзор основных вех развития тенденции негосударственного международного сотрудничества Республики Крым позволяет рассмотреть динамику посещения Крыма иностранными делегациями. По мнению члена Экспертного совета Комитета Государственной Думы по туризму и развитию туристической инфраструктуры А. Ю. Черняка, с 2014 года работает «эффект бумеранга», когда в ответ на антироссийские и антикрымские действия Украины и коллективного Запада люди за рубежом начинают интересоваться полуостровом, а по приезду узнают, что это курорт с множеством исторических мест и замечательной лечебной базой [16].

На базе эмпирических данных из открытых источников была изучена динамика посещения Республики Крым иностранными делегациями за 2014-2023 гг. (рис. 1).

Рекордное количество делегаций – 144 – посетили Крым в 2018 году. Такой интерес к нашему региону в этот период был обусловлен проведением Ялтинского международного экономического форума, на который были приглашены представители более 70 стран мира. Далее мы видим резкий спад, обусловленный пандемией COVID 19, после чего получаем относительно стабильную картину: 26-30 делегаций в год.

Рис. 1. Информационная динамика посещения Республики Крым иностранными делегациями (2014-2023 гг.) [сост. авт.].

Возвращаясь к сегодняшнему дню, нельзя не отметить недавнее событие, связанное с прибытием делегации участников Всемирного фестиваля молодёжи, состоящей из 33 человек из 21 страны: Перу, Гватемалы, Ирака, Люксембурга, Иордании, Бразилии, Индонезии, Сербии, Молдовы, Марокко, Казахстана, Аргентины, Мальдив, Непала, Мексики, Парагвая, Ливана, Болгарии, Узбекистана, Кыргызстана и Абхазии [17]. Здесь необходимо обозначить особенность крымской народной дипломатии, которая заключается в том, что визиты в Крым иностранных делегаций, несомненно, являются жестом поддержки позиций РФ на международной арене даже со стороны народов тех стран, которые объявили России санкционную войну и не признали Крым на официальном уровне (рис. 2).

Рис. 2. Карта стран мира, установивших контакты с Республикой Крым посредством народной дипломатии [сост. авт.].

Разработанная карта включает более 80 государств (это число выглядит впечатляюще на фоне скудного списка стран, официально признавших Крым территорией Российской Федерации, и больше второго в 10 раз), с которыми Крым в большей или меньшей степени взаимодействует благодаря механизмам народной дипломатии, обеспечивая развитие совместной деятельности государственных и негосударственных акторов и международного сотрудничества. В таких странах созданы общественные объединения народных дипломатов; основными целями и задачами этих объединений и народных дипломатов является прорыв информационной блокады, которая существует по отношению к крымскому вопросу.

Таким образом, можно утверждать, что современная Россия и, в частности, Республика Крым, вопреки слухам о международной изоляции, распускаемым недружественными странами, располагают огромным потенциалом для развития совместной деятельности государственных и негосударственных акторов и международного сотрудничества. Кроме того, на примере Республики Крым фактически подтверждается тезис Монтвилля о том, что установление межгосударственных контактов «второго уровня» (track two contacts) по неполитическим вопросам (культура и искусство, наука и

образование, религия) может оказаться эффективным дополнением к официальной дипломатии и, более того, эти контакты не ограничиваются «друзьями» или «врагами» на международной арене [3, с. 156].

Список литературы

1. Chigas D. Track II (Citizen) Diplomacy // Boulder, University of Colorado. 2003. P. 13.
2. Зонова Т. В. Дипломатия на рубеже веков // Вестник выпуск Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 10. №1. С. 120–127.
3. Davidson W. D., Montville J. V. Foreign Policy According to Freud // Foreign Policy. 1981. № 145 (45). P. 145–157.
4. Бурлинова Н.В., Чагина М.С., Иванченко В.С. Публичная дипломатия России в эпоху COVID-19. Ежегодный обзор основных трендов и событий публичной дипломатии России в 2020 г.: Коллективная монография. М.: Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам», 2021. 36 с.
5. Вуд Дж., Серре Ж. Дипломатический церемониал и протокол: 2-е изд. М.: Международные отношения. 2011. 415 с.
6. “Civil Society,” the UN // United Nations. URL: <https://www.un.org/en/civil-society/page/about-us>
7. Саидов С. Ш. Народная дипломатия как социально-политическое явление // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. Т. 11. №1. С. 178–180.
8. Постпреда ФРГ при ООН попросили не медлить с визитом в Крым // Известия. 24.02.2021. URL: <https://iz.ru/1128919/2021-02-24/postpreda-frg-pri-oon-poprosili-ne-medlit-s-vizitom-v-krym>
9. Симферополь и столица Никарагуа станут побратимами // РИА Новости Крым. 11.03.2024. URL: <https://crimea.ria.ru/20240311/simferopol-i-stolitsa-nikaragua-stanut-pobratimami-1135545581.html>
10. Крым предложил Белоруссии использовать нефтебазу в Феодосии для перевалки нефтепродуктов // РИА Новости Крым. 19.03.2024. URL: https://gorod24.online/feodosiya/news/379846-kryim-predlozil-belorussii-ispolzovat-neftebazu_v-feodosii-dlya_perevalki_nefteproduktov.html

11. Ялта и Гранада подписали соглашение о побратимстве // Отдел информационной политики Администрации города Ялта. URL: <https://yalta.rk.gov.ru/articles/bb445641-baff-4ce0-8f5b-466c072718d8>
12. В сирийском городе Латакия состоялось подписание соглашения о побратимских связях // Отдел информационной политики Администрации города Ялта. URL: <https://yalta.rk.gov.ru/articles/31d30422-c893-4acb-afce-7fdc72a74b2e>
13. Назарук Н. Симферополь - Хайдельберг: конец породнению или дружба навеки? // Крымский сайт. URL: <https://taurica.net/155254-Simferopol-Haiydel-berg-konec-porodneniyu-ili-druzhba-naveki.html>
14. Вальф Х. Путешествие в Крым из Людвигсбурга // Евпатория.14.11.2014. URL: <http://www.evpatori.ru/puteshestvie-v-krum-iz-lyudvigsburga.html>
15. Зигфрид Бауэр: «Музыка – это самый хороший мост между людьми» // Пресс-служба Евпаторийского городского совета. URL: <https://evp.rk.gov.ru/articles/d6dc6f58-f130-4345-b5ac-ad933e972700>
16. Проявился эффект бумеранга от украинских фейков о Крымском мосте // РИА Новости. 18.08.2018. URL: <https://vz.ru/news/2018/8/18/937678.html>
17. В Крым приехали 33 иностранных участника фестиваля молодежи в Сириусе // Коммерсантъ. 09.03.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6560956>

РОЛЬ БРАЗИЛИИ В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Багдасарян С. Н.

*Санкт-Петербургский государственный экономический
университет, студент
Email: bagdasarya@mail.ru*

***Аннотация.** В статье рассмотрены роль Бразилии в продвижении интеграционных процессов на южноамериканском континенте и запуске крупнейших интеграционных проектов в Латинской Америке — Южноамериканского общего рынка, или МЕРКОСУР, а также Союза южноамериканских наций (УНАСУР). В XXI веке регионализм в Латинской Америке продолжает активно*

развиваться и одну из ключевых ролей в этих процессах играет Федеративная республика Бразилия. Однако государство сталкивается с рядом вызовов, которые проанализированы в статье.

Ключевые слова: Латинская Америка, Бразилия, интеграционные процессы, МЕРКОСУР, УНАСУР, регионализм.

BRAZIL'S ROLE IN LATIN AMERICAN INTEGRATION

Bagdasaryan S. N.

*St.-Petersburg State university of economics,
student*

Email: bagdasarya@mail.ru

Abstract. *The article examines the role of Brazil in promoting integration processes on the South American continent and launching the largest integration projects in Latin America — the South American Common Market, or MERCOSUR, as well as the Union of South American Nations (UNASUR). In the 21st century, regionalism in Latin America continues to develop actively and the Federal Republic of Brazil plays a key role in these processes. However, the state is facing a number of challenges, which are described in the article.*

Keywords: *Latin America, Brazil, integration processes, MERCOSUR, UNASUR, regionalism.*

Идея объединения стран Латинской Америки в единую общность возникла давно и стала частью регионального политического диалога еще в XIX веке, когда колонии испанцев начали бороться за независимость. В 1819 году национальный герой Венесуэлы Симон Боливар представил идею «Конфедеративного союза» на Конгрессе в Ангостуре, с целью объединить все страны Южной Америки. Тем не менее, в то время эти планы казались утопичными, так как не существовало экономических и технических возможностей для их осуществления.

Только во второй половине XX века начали появляться благоприятные условия для создания интеграционных союзов. Первыми из них стали Латиноамериканская ассоциация свободной торговли (ЛАСТ, 1960) и Центральноамериканский общий рынок (ЦАОР, 1960), замененные соответственно Латиноамериканской ассоциацией интеграции (ЛАИ) в 1980 году и Андским пактом в 1969 году. Также были созданы Карибская ассоциация свободной торговли (КАРИФТА, 1965), преобразованная в 1973 году в Карибское сообщество (КАРИКОМ). На начальном этапе попытки региональной

интеграции столкнулись с неудачей из-за низкого экономического потенциала государств-участников, несовместимости их экономических интересов и политических взглядов, а также политической нестабильности. Хотя поставленные цели не были достигнуты, эти союзы внесли значительный вклад в развитие процессов региональной экономической интеграции, накопление опыта и создание предпосылок для формирования двух крупнейших региональных объединений в 1990-х годах: Андского сообщества наций, возникшего на основе Андского пакта в 1996 году, и МЕРКОСУР, или Южноамериканского общего рынка [3].

После избавления от тягот военного режима в 1985 году, Бразилия начала процесс модернизации экономики и реорганизации деловой сферы в духе неолиберализма. Впоследствии Аргентина, Уругвай и Боливия последовали за примером Бразилии, осуществляя модернизацию своих экономических систем. В 1985 году Бразилия также сыграла ключевую роль в формировании будущей международной экономической организации, присоединившись к Аргентине в Программе экономической интеграции и сотрудничества, к которой в 1990 году присоединились Парагвай и Уругвай — страны-посредники между Бразилией и Аргентиной. В начале 1990-х годов Бразилия начала формирование экономического интеграционного объединения под своим руководством. По инициативе президента Бразилии Ф. Мелу (1990—1992) в 1991 году был создан интеграционный блок МЕРКОСУР, учрежденный Асунсьонским договором и объединивший в себе Бразилию, Аргентину, Уругвай и Парагвай [7].

В 1994 году Федеративная Республика Бразилия инициировала создание Меркосур – регионального экономического союза, включающего в себя четыре государства. Меркосур функционирует как зона свободной торговли и таможенный союз, обладающий специфическими структурами управления. В рамках данного союза функционирует Группа общего рынка в качестве исполнительного органа и Совет общего рынка, в состав которого входят национальные министры, отвечающие за принятие стратегических решений. В настоящее время Меркосур обладает структурой с независимым президентом, судебным органом, осуществляющим правосудие, а также развивает механизмы для проведения дискуссий. Технический секретариат союза, расположенный в Монтевидео, продолжает выпускать всё более обширное количество регламентирующих норм и правил, которые оказывают существенное влияние на функционирование экономической интеграции.

С экономической точки зрения МЕРКОСУР рассматривался правительством и правительственными учреждениями как первая ступень к созданию таможенного союза. Затем в правительстве начались переговоры о формировании общего внешнего тарифа. Между тем, МЕРКОСУР также мог бы мотивировать внешний рынок и действовать в роли магнита для привлечения частных иностранных вложений, являясь интеграционным проектом, открытым для внешней торговли [3].

В 2003 году приход Лулы да Сильвы к власти в Бразилии изменил подход к региональной интеграции в сторону более глубокого сотрудничества с южными соседями, в первую очередь с Аргентиной. Однако интерес к этому региональному союзу уменьшился в последующие годы из-за укрепления Бразилии на мировой арене и фокусировки на других регионах. Под руководством Руссеффа и Темера Бразилия все больше отдалялась от Меркосура и сосредоточилась на отношениях с другими регионами. В 2019 году Бразилия вышла из Унасура, а в 2020 – из Селака. В наши дни, во время своего третьего президентского срока Лула да Силва проводит пересмотр внешней политики Темера и Болсонару: судя по динамике переговорного процесса между МЕРКОСУР и ЕС по заключению соглашения, инициативы МЕРКОСУР будут развиваться не только публично, но и конструктивно [14].

Бразилия была ключевым игроком в создании УНАСУР и получила поддержку от двенадцати южноамериканских государств. Проект организации принес значительные успехи в обеспечении региональной безопасности, включая создание Южноамериканского совета обороны. Бразилия укрепила свое лидерство в регионе и протестовала против увеличения американского влияния в Латинской Америке. На саммите УНАСУР в 2008 году Бразилия заняла позицию за мирное разрешение кризиса в Боливии.

Реальный крах УНАСУР, который мы можем наблюдать в данный момент, является одним из явных признаков «поворота вправо» в Южной Америке. Лидеры, пришедшие к власти на правого толка, решили покинуть организацию и в апреле 2018 года приостановили членство в блоке из-за «институционального кризиса» и невозможности сформировать руководство без учета идеологических позиций. Но Бразилия продолжает платить членские взносы, несмотря на стагнацию и кризис альянса [8].

У Бразилии есть несоответствие между принципом регионального лидера и восприятием других латиноамериканских стран. Отсутствие поддержки и вызовы, навязываемые такими

странами, как Аргентина, Мексика и Венесуэла, бросают вызов Бразилии, демонстрируя эффективное лидерство в теории, но не на практике. С целью укрепления своей геополитической позиции в мире, Бразилия встала на путь усиления региональной интеграции и противодействия монопольному присутствию Соединенных Штатов Америки на континенте [5].

Федеративная Республика Бразилия на сегодняшний день является одним из активных участников значимых глобальных политических процессов. В конце XX – начале XXI века высшее руководство Бразилии стремилось сформировать новый имидж страны: успешный с точки зрения экономического развития, активный в сотрудничестве во внешней политике, активный в борьбе с внешними угрозами и вызовами, гостеприимный в проведении значимых событий в международной жизни. До недавнего времени именно Бразилия играла роль главной движущей силы региональной интеграции. Бразилия была страной, которая имела сильное влияние на региональные ассоциации, которая очень хорошо знает их правила и умеет интерпретировать их, чтобы усилить свое влияние.

Стратегия федерализма предусматривает два пути продвижения к интеграции: либо путем межправительственных переговоров по Конституции, либо путем созыва Учредительного собрания. Согласно теории коммуникации, интеграция происходит из-за тесного общения между субъектами из разных стран в различных областях. Наконец, либеральный межправительственный подход предполагает, что государства поощряют международное сотрудничество для удовлетворения потребностей соответствующих национальных субъектов. Основная особенность этой концепции заключается в укреплении государственной власти, а не в ее растворении в региональных объединениях, что даёт его членам возможность покинуть ассоциацию [4].

Однако ни одна из этих теорий исчерпывающе не объясняет процессы, происходящие в Латинской Америке. История феномена латиноамериканской интеграции насчитывает десятилетия, в течение которых в регионе было сформировано множество международных организаций и субрегиональных блоков. С момента своего создания в 1950-1960-х годах и по сей день все латиноамериканские проекты создавались иначе, чем европейские.

На примере МЕРКОСУР мы видим, что теория межправительственного подхода наиболее близка к латиноамериканской интеграции и является наиболее убедительным ее объяснением. В этой организации, как и в ряде других организаций

региона, нет наднациональных органов; основными действующими лицами были и остаются государства-члены. Но из-за отсутствия некоторых составляющих (формирование национальных интересов) говорить о полном соответствии невозможно.

Регионализм является одним из основных векторов международных отношений Латинской Америки. Если рассматривать через эту призму, то Бразилия стала ключевым актором региона в качестве основного участника интеграционного проекта в Южной Америке, возглавляющего этот процесс [10].

МЕРКОСУР – один из основных национальных проектов Бразилии, осуществляемый свою деятельность с 1980-х годов. Со времён открытия, организация добилась многих успехов, таких как создание зоны мира и сотрудничества в Южном конусе и расширение внутренней.

Еще один бразильский проект – УНАСУР. Организация доказала свою эффективность в объединении усилий и внесла свой вклад в разрешение кризисных ситуаций, которые без консолидированной институциональной основы могут иметь пагубные последствия для континента. Данная организация не является типом экономической интеграции, но она открывает путь к важному политическому и стратегическому альянсу между странами с различными взглядами на интеграцию. Бразильское правительство, желая укрепить лидерство в регионе, предоставило важный политический стимул работе УНАСУР и работало в различных областях сотрудничества, углубляя процесс регионализации на континенте. Таким образом, мы пришли к выводу, что до недавнего времени Бразилия играла доминирующую роль в системе региональной экономической интеграции в Латинской Америке и ныне стремится вернуться на прежние позиции после правых преобразований Болсонару. Именно Бразилия подтолкнула к созданию таких организаций, как МЕРКОСУР и УНАСУР, благодаря государству эти организации вышли на мировой уровень, представив Латинскую Америку как один из развивающихся и перспективных регионов [1].

Представляется, что на текущем этапе можно выделить несколько ключевых политических аспектов участия Бразилии в основных ассоциациях и интеграционных процессах Западного полушария.

Во-первых, Бразилия изначально встала на путь региональной интеграции, чтобы укрепить свои геополитические позиции в мире. Он планировал выйти на мировую арену и заявить о себе как о равноправном партнере крупнейших стран, а для этого сначала

необходимо было занять лидирующую позицию среди латиноамериканских стран. Та же цель является одной из причин приверженности Бразилии региональной интеграции на нынешнем этапе.

Во-вторых, в начале 90-х годов Бразилия решала политические проблемы после перехода к демократии, экономика находилась в кризисе и только благодаря развитию всесторонних отношений со странами региона смогла сохранить внутреннюю стабильность и лидерство в интеграционных процессах.

В-третьих, на нынешнем этапе, несмотря на некоторые изменения, происходящие в региональных организациях (выход стран из УНАСУР, приостановление членства в СЕЛАК), Бразилия осознает, что интеграция является гарантией региональной стабильности.

Таким образом, несмотря на вызовы современного мира и неблагоприятные тенденции в развитии региона, Бразилия сохраняет стремление быть лидером *Moderna* в процессах региональной интеграции, не отказывается от возможности выступать от имени всего региона на мировой арене и перспектив присоединения к списку великих держав, имеющих политический вес в международных отношениях.

Список литературы

1. Березина, Е. К. Роль УНАСУР в конструировании системы региональной безопасности Латинской Америки / Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2017. - Т. 8. № 2(29). - С. 112-119.
2. Емельянов А. И. Современные тенденции развития интеграционных процессов в Латинской Америке // Россия: тенденции и перспективы развития. - 2017. №12(1). - С. 256-261.
3. Костюнина Г. М. Интеграция в Латинской Америке / Международная экономическая интеграция: учебное пособие / Под ред. Н. Н. Ливенцева. М.: Экономистъ, 2006. – 430 с.
4. Разумовский Д. В. Стратегии и модели внутриотраслевой специализации торговли в интеграционных объединениях Южной Америки / Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. — М., 2016. — 342 с.
5. Разумовский Д. В. Конец «постлиберального» регионализма в Латинской Америке? // Латинская Америка. — 2018. — № 1. — С. 25-44.

6. Хейфец В. Л. От биполярного к многополярному миру: латиноамериканский вектор международных отношений в XXI. — Москва: Политическая энциклопедия, 2019. — 494 с.
7. Хейфец Л. С., Жужгин И. М. Теории региональной интеграции и опыт МЕРКОСУР // Актуальные проблемы экономики и управления. Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения. — 2020. — С. 116-121.
8. Хейфец В. Л., Хадорич Л. В. Союз южноамериканских наций: туманные перспективы // Мировая экономика и международные отношения. — 2019. Т. 63. — № 2. — С. 85-93.
9. Чеботарев Ю.А. Либеральный межправительственный подход в контексте современных региональных исследований на примере Латинской Америки // Мировая политика. — 2018. — № 2. — С. 26-34.
10. Luis F. del Salto. Analysis of Intergovernmental and Liberal Intergovernmental approaches in Latin American sub-regional integration. — Seoul: Seoul National University Graduate School, 2018. [Электронный доступ] / Режим доступа: <https://s-space.snu.ac.kr/handle/10371/143611> (дата обращения: 05.05.2024).
11. Malamud C. La crisis de la integración se juega en casa / Nueva Sociedad. — [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://nuso.org/articulo/la-crisis-de-la-integracion-se-juega-en-casa/> (дата обращения: 03.05.2024).
12. Open Regionalism in Latin America and the Caribbean: Economic Integration as a Contribution to Changing Production Patterns with Social Equity / Comisión Económica para América Latina y el Caribe. — [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://repositorio.cepal.org/items/f37928ac-b68c-4d03-8cee-2f81783ea00e> (дата обращения: 04.05.2024).
13. Бразилия и малые страны общего рынка стран Южной Америки (МЕРКОСУР) — Уругвай и Парагвай / Международная жизнь. — 27.10.2023. — [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/42935> (дата обращения: 02.05.2024).

14. Возвращение Лулы: шанс для глобального Юга / РСМД. — 02.11.2022. — [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozvrashchenie-luly-shans-dlya-globalnogo-yuga/?sphrase_id=125833342(дата обращения: 04.05.2024).

НЕЙРОННЫЕ СЕТИ, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СЕТИ: ОЦЕНКА КОНВЕРГЕНЦИИ БИОЛОГИИ И ТЕХНОЛОГИЙ

Боривое В. Балтезаревич

*Доктор культурологии,
Институт сербской культуры Приштина-Лепосавич,
научный сотрудник
E-mail: baltezb@yahoo.co.uk*

***Аннотация.** В то время как прогресс в интеграции искусственных нейронных сетей (ИНС) с биологическими системами человека прогрессирует, мы находимся на пороге трансформационной эры в технологии и человеческой идентичности. В этой статье исследуется слияние биологических и технологических сетей, анализируются глубокие последствия для социальных норм, культурных контекстов и индивидуальной идентичности. Мы критически оцениваем, как достижения в области интерфейсов мозг-компьютер (ИМК) и машинного обучения меняют человеческое познание, общение и социальные структуры. В статье подчеркивается потенциал этих технологий в переосмыслении человеческого опыта и социальных ролей, рассматриваются возможности и этические вызовы, которые сопровождают такие существенные изменения. Используя междисциплинарный подход, мы рассматриваем влияние интеграции человеческих и искусственных нейронных сетей на культурную идентичность, конфиденциальность и концепцию автономии, предлагая основы для более ответственной интеграции. В статье также рассматривается будущее взаимодействия человека с искусственным интеллектом в контексте более широких социальных последствий технологической эволюции, с императивом сохранения человеческих ценностей во все более автоматизированном мире.*

***Ключевые слова:** нейронные сети, интерфейсы мозг-компьютер, человеческая идентичность, социальная трансформация, этика в ИИ.*

NEURAL NETWORKS, HUMAN NETWORKS: EVALUATING THE CONVERGENCE OF BIOLOGY AND TECHNOLOGY

Borivoe V. Baltezarevich

Doctor of Cultural Studies,

Institute of Serbian Culture Pristina-Leposavic,

Researcher

E-mail: baltezb@yahoo.co.uk

Abstract. *As advancements in the integration of artificial neural networks (ANN) with human biological systems progress, we stand on the brink of a transformative era in technology and human identity. This paper explores the merging of biological and technological networks, analyzing the profound implications for social norms, cultural contexts, and individual identities. We critically examine how advances in brain-computer interfaces (BCI) and machine learning are reshaping human cognition, communication, and social structures. The paper highlights the potential of these technologies to redefine human experience and societal roles, considering both the possibilities and ethical challenges accompanying such significant changes. Through a multidisciplinary approach, the paper further explores the impact of integrating human and artificial neural networks on cultural identity, privacy, and the concept of autonomy, proposing frameworks for responsible integration. The paper also considers the future of human interaction with artificial intelligence in the context of the broader societal implications of technological evolution, with the imperative of preserving human values in an increasingly automated world.*

Keywords: *Neural Networks, Brain-Computer Interfaces, Human Identity, Social Transformation, AI Ethics.*

Introduction

The intersection of biology and technology has always been a fertile ground for innovation and ethical debate. The convergence of artificial neural networks (ANN) with human biological systems represents one of the most groundbreaking frontiers in this domain. As brain-computer interfaces (BCI) and machine learning technologies advance, they offer unprecedented possibilities for enhancing human cognitive and physical capabilities. However, this integration also prompts critical questions about the implications for human identity, social norms, and ethical considerations.

This paper aims to provide a comprehensive analysis of the convergence of neural networks and human networks. By examining recent advancements in BCI and ANN technologies, and their impact on human cognition and social structures, we aim to understand how these developments may reshape individual and collective identities. Additionally, we will explore the ethical challenges and societal implications of integrating these technologies, proposing frameworks for responsible and ethical implementation.

Main Considerations

The integration of ANN with human neural systems has the potential to revolutionize cognitive processes. Brain-computer interfaces (BCI) facilitate direct communication between the brain and external devices, enabling enhanced sensory perception, memory, and motor functions [1]. Recent studies demonstrate the effectiveness of BCIs in restoring mobility to individuals with paralysis, highlighting the transformative potential of these technologies [2]. Machine learning algorithms, particularly deep learning models, have shown remarkable success in mimicking and enhancing human cognitive functions. These models can process vast amounts of data, identify patterns, and make decisions with high accuracy, outperforming humans in specific tasks [3]. The combination of ANN and BCI technologies could lead to unprecedented cognitive augmentation, allowing humans to perform complex tasks more efficiently and effectively.

Advancements in neural interfaces and AI-driven cognitive enhancement have progressed rapidly in recent years. Researchers have developed sophisticated BCIs that enable direct neural control of external devices, leading to breakthroughs in neuroprosthetics and neurorehabilitation [4]. These technologies have demonstrated remarkable potential in restoring motor function and improving the quality of life for individuals with neurological disorders [5]. Deep learning, a subset of machine learning, has revolutionized fields such as computer vision, natural language processing, and decision-making. By leveraging large datasets and neural network architectures, deep learning models can achieve superhuman performance in tasks such as image recognition and language translation [6]. The integration of these models with BCIs holds promise for augmenting human cognitive abilities, enabling real-time analysis and decision support [7]. However, these advancements raise significant ethical and philosophical questions. The enhancement of cognitive abilities through technological means challenges traditional notions of human identity and agency. If technology can fundamentally alter cognitive processes, what does it mean to be human? Moreover, the potential for cognitive enhancement raises concerns about inequality and access. Who will have

the opportunity to benefit from these technologies, and how will this impact social structures and power dynamics? [8] The integration of ANN and BCI technologies into everyday life has the potential to reshape social norms and cultural contexts. As these technologies become more prevalent, they will influence how individuals interact with each other and perceive the world. Social media platforms and digital communication tools have already demonstrated how technology can alter social dynamics, often with mixed results [9].

BCI technologies could further transform social interactions by enabling new forms of communication and connectivity. For example, individuals could use BCIs to share thoughts and experiences directly, bypassing traditional modes of communication. While this could enhance empathy and understanding, it also raises concerns about privacy and consent. The ability to access and share one's innermost thoughts and feelings could be both empowering and invasive [10].

Moreover, the cultural implications of integrating ANN and BCI technologies are profound. Different cultures have varying attitudes toward technology and its role in society. The adoption and acceptance of these technologies will likely differ across cultural contexts, influencing how they are implemented and regulated. Understanding these cultural nuances is essential for developing ethical frameworks and policies that respect diverse perspectives and values [11].

The proliferation of digital communication technologies has already reshaped social interactions, with social media platforms becoming central to how people connect and communicate [12]. BCIs have the potential to further transform these interactions by facilitating direct brain-to-brain communication, bypassing traditional language barriers and enhancing mutual understanding [13]. However, the cultural implications of such technologies are profound. Different societies have varying levels of acceptance and trust in emerging technologies, influenced by historical, cultural, and ethical factors. For instance, Western cultures may emphasize individual autonomy and privacy, whereas collectivist cultures may prioritize communal well-being and social harmony [14]. Understanding these cultural dimensions is crucial for developing ethical guidelines and policies that are culturally sensitive and globally applicable [15]. The convergence of neural networks and human networks presents several ethical challenges that must be addressed to ensure responsible integration. One of the primary concerns is the issue of consent and autonomy. As BCI technologies enable direct interaction with the brain, ensuring informed consent and protecting individual autonomy become paramount [16]. Individuals must fully understand the potential risks and benefits of using

these technologies and have the freedom to make autonomous decisions about their use.

Privacy is another critical concern. BCIs and ANN technologies have the potential to collect and process vast amounts of personal data, including sensitive information about an individual's thoughts, emotions, and behaviors. Protecting this data and ensuring its ethical use is essential to prevent misuse and safeguard individual privacy [17]. The potential for misuse of neural data by corporations or governments poses significant risks to individual freedoms and societal trust [18]. The potential for cognitive and physical enhancement through ANN and BCI technologies also raises questions about fairness and equity. Access to these technologies may be limited by socioeconomic factors, leading to disparities in who can benefit from them. Ensuring equitable access and preventing the exacerbation of existing inequalities is a significant ethical challenge that requires careful consideration and proactive measures [19]. Informed consent is another critical ethical concern. Given the complexity and novelty of BCIs, ensuring that individuals fully understand the potential risks and benefits of using these technologies is challenging [20]. Researchers and practitioners must develop clear and comprehensive consent protocols that account for the unique ethical considerations associated with neural interfaces [21]. Equity and access to ANN and BCI technologies are also pressing ethical issues. Socioeconomic disparities may limit access to these technologies, exacerbating existing inequalities and creating new forms of social stratification [22]. Policymakers must consider strategies to ensure equitable access and prevent the creation of a "neural divide" [23]. Addressing the ethical challenges and societal implications of integrating neural networks and human networks requires a multidisciplinary approach. Collaboration between technologists, ethicists, policymakers, and the public is essential to develop frameworks for responsible integration that prioritize human values and well-being. One potential framework is the establishment of ethical guidelines and standards for the development and use of ANN and BCI technologies. These guidelines should emphasize informed consent, privacy protection, and equitable access, ensuring that the benefits of these technologies are distributed fairly and justly [24]. Additionally, ongoing ethical review and oversight can help to identify and address emerging issues as the technologies evolve. Public engagement and education are also crucial for fostering a broader understanding of the implications of ANN and BCI technologies. By involving diverse stakeholders in the conversation and providing accessible information about the technologies, we can promote informed public discourse and decision-making [11]. Developing frameworks for the responsible integration of ANN and BCI

technologies requires a collaborative and interdisciplinary approach. Ethical guidelines should be informed by input from technologists, ethicists, policymakers, and the public. These guidelines should emphasize key principles such as informed consent, privacy protection, and equitable access [24]. One proposed framework is the establishment of ethics review boards specifically focused on neurotechnology. These boards would oversee research and development efforts, ensuring that ethical considerations are integrated into the design and implementation of ANN and BCI technologies [25]. Additionally, ongoing ethical review and oversight can help to identify and address emerging issues as the technologies evolve. Public engagement and education are also critical for fostering a broader understanding of the implications of ANN and BCI technologies. By involving diverse stakeholders in the conversation and providing accessible information about the technologies, we can promote informed public discourse and decision-making [11]. Educational initiatives should aim to demystify neural technologies and address common misconceptions, fostering a more informed and engaged public [13].

Future Directions and Societal Implications

Looking ahead, the continued convergence of neural networks and human networks will likely have far-reaching implications for human interaction, identity, and societal structures. As ANN and BCI technologies become more integrated into daily life, they will shape how individuals perceive themselves and others, influencing social norms and cultural values.

One potential future direction is the development of more sophisticated and intuitive BCIs that enable seamless interaction between the brain and external devices. These advances could lead to new forms of human-computer interaction, enhancing productivity, creativity, and communication. However, they also raise concerns about the potential loss of human autonomy and the blurring of boundaries between humans and machines [3]. Another area of interest is the impact of ANN and BCI technologies on the workforce and economy. As these technologies enhance cognitive and physical abilities, they may lead to shifts in employment patterns and the nature of work. Understanding and addressing the implications for job displacement, skill development, and economic inequality will be essential for ensuring a just and inclusive transition [2]. The convergence of ANN and BCI technologies also has implications for healthcare and medicine. Neurotechnology can revolutionize the treatment of neurological disorders, offering new therapeutic options for conditions such as Parkinson's disease, epilepsy, and depression [7]. Personalized

neural interfaces could enable tailored treatments, improving patient outcomes and quality of life [12].

However, the integration of neural technologies into healthcare raises ethical and regulatory challenges. Ensuring the safety and efficacy of neurotechnological interventions requires rigorous clinical testing and regulatory oversight [8]. Additionally, ethical considerations related to patient consent, data privacy, and equitable access must be addressed to ensure that these technologies are deployed responsibly [21]. Ultimately, the convergence of neural networks and human networks presents both exciting opportunities and significant challenges. By embracing a multidisciplinary approach and prioritizing ethical considerations, we can navigate this complex landscape and harness the potential of these technologies to enhance human well-being and societal progress.

Conclusion

The integration of artificial neural networks and human biological systems represents a transformative frontier in technology and human identity. Advances in brain-computer interfaces and machine learning have the potential to revolutionize human cognition, communication, and social structures. However, these advancements also raise profound ethical and societal questions that must be addressed to ensure responsible and equitable integration. This paper has explored the convergence of neural networks and human networks, examining the implications for human identity, social norms, and cultural contexts. We have highlighted the ethical challenges and proposed frameworks for responsible integration, emphasizing the importance of informed consent, privacy protection, and equitable access. By fostering multidisciplinary collaboration and public engagement, we can navigate the complexities of this technological evolution and preserve human values in an increasingly automated world.

To achieve this, it is imperative that we adopt a holistic approach that considers the diverse perspectives and values of different cultures and communities. Ethical guidelines and regulatory frameworks should be adaptable and responsive to the evolving nature of neural technologies, ensuring that they remain relevant and effective in addressing emerging challenges. Ultimately, the successful integration of ANN and BCI technologies will depend on our ability to balance innovation with ethical responsibility. By prioritizing human values and well-being, we can harness the potential of these technologies to enhance human capabilities and improve quality of life, while safeguarding against potential risks and harms. As we move forward, it is essential that we remain vigilant and proactive in addressing the ethical and societal implications of this

transformative convergence, ensuring that the benefits are shared equitably and that human dignity and autonomy are preserved.

References

1. Bostrom, N., Sandberg, A. Cognitive enhancement: Methods, ethics, regulatory challenges // *Science and Engineering Ethics*. 2009. Vol. 15. No. 3. P. 311–341.
2. Brynjolfsson, E., McAfee, A. *The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies*. New York: W.W. Norton & Company, 2014. 320 p.
3. Chalmers, D. J. The Singularity: A Philosophical Analysis // *Journal of Consciousness Studies*. 2010. Vol. 17. No. 9–10. P. 7–65.
4. Collinger, J. L., Wodlinger, B., Downey, J. E., Wang, W., Tyler-Kabara, E. C., Weber, D. J., et al. High-performance neuroprosthetic control by an individual with tetraplegia // *The Lancet*. 2013. Vol. 381. No. 9866. P. 557–564.
5. Donoghue, J. P. Bridging the brain to the world: a perspective on neural interface systems // *Neuron*. 2015. Vol. 80. No. 3. P. 591–594.
6. Ellison, N. B., Vitak, J., Gray, R., Lampe, C. Cultivating social resources on social network sites: Facebook relationship maintenance behaviors and their role in social capital processes // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2014. Vol. 19. No. 4. P. 855–870.
7. Fisher, R. S. Neurostimulation for epilepsy: coming of age // *Epilepsy Currents*. 2015. Vol. 15. No. 1. P. 1–3.
8. Floridi, L. *The Fourth Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 368 p.
9. Goodfellow, I., Bengio, Y., Courville, A. *Deep Learning*. Cambridge, MA: MIT Press, 2016. 800 p.
10. Grau, C., Ginhoux, R., Riera, A., Nguyen, T. L., Chauvat, H., Berg, M., Boulogne, S. Conscious brain-to-brain communication in humans using non-invasive technologies // *PLoS ONE*. 2014. Vol. 9. No. 8. e105225.
11. Hansson, S. O. Building a trustworthy system: A system-theoretical approach to safety and reliability // *Journal of Safety Research*. 2005. Vol. 36. No. 3. P. 285–292.
12. Häuser, W., Schug, S., Furlan, A. D., Fitzcharles, M. A. The opioid epidemic and national guidelines for opioid therapy for chronic

- noncancer pain: A perspective from different continents // *Pain Reports*. 2017. Vol. 2. No. 5. e599.
13. Hofstede, G., Hofstede, G. J., Minkov, M. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. New York: McGraw-Hill, 2010. 576 p.
 14. Hochberg, L. R., Bacher, D., Jarosiewicz, B., Masse, N. Y., Simeral, J. D., Vogel, J., et al. Reach and grasp by people with tetraplegia using a neurally controlled robotic arm // *Nature*. 2012. Vol. 485. No. 7398. P. 372–375.
 15. Hughes, J. A strategic openness: AI and the path to enlightened society // *Journal of Evolution and Technology*. 2012. Vol. 22. No. 1. P. 1–11.
 16. Ienca, M., Andorno, R. Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology // *Life Sciences, Society and Policy*. 2017. Vol. 13. No. 1. P. 5.
 17. Ienca, M., Jotterand, F., Elger, B. S., Caon, M. Intelligent assistive technology for Alzheimer's disease and other dementias: a systematic review // *Journal of Alzheimer's Disease*. 2018. Vol. 66. No. 4. P. 1321–1340.
 18. Koops, B. J., Leenes, R. Privacy regulation cannot be hardcoded. A critical comment on the 'privacy by design' provision in data-protection law // *International Review of Law, Computers & Technology*. 2016. Vol. 30. No. 2. P. 159–171.
 19. LeCun, Y., Bengio, Y., Hinton, G. Deep learning // *Nature*. 2015. Vol. 521. No. 7553. P. 436–444.
 20. Miller, R. *International and Comparative Criminal Justice: A Critical Introduction*. London: Routledge, 2010. 260 p.
 21. Nuffield Council on Bioethics. *Novel Neurotechnologies: Intervening in the Brain*. London: Nuffield Council on Bioethics, 2013. 206 p.
 22. Schleim, S. Brains in context in the neurolaw debate: The examples of free will and "dangerous" brains // *International Journal of Law and Psychiatry*. 2012. Vol. 35. No. 2. P. 104–111.
 23. Shaw, J. Neuroscience and law: Australian perspectives // *Journal of Law and Medicine*. 2016. Vol. 24. No. 2. P. 338–355.
 24. Turkle, S. *Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other*. New York: Basic Books, 2011. 360 p.
 25. Wexler, A. When mind melds with machine: The promise and peril of BCI technology // *IEEE Pulse*. 2017. Vol. 8. No. 3. P. 22–25.

26. Yuste, R., Goering, S., Bi, G., Carmena, J. M., Carter, A., Fins, J. J., et al. Four ethical priorities for neurotechnologies and AI // Nature. 2017. Vol. 551. No. 7679. P. 159–163.

О ЗНАЧЕНИИ ПОНЯТИЯ АРХЕТИПА ДЛЯ ДИАГНОСТИКИ КОНФЛИКТОВ И ПРОГНОЗОВ В ПОЛИТИКЕ

Баранецкий А.Н.

Кандидат философских наук

*Государственное автономное образовательное учреждение
профессионального образования города Севастополя «Институт
развития образования», доцент
E-mail: Ross60@mail.ru*

***Аннотация.** Предлагается такая интерпретация термина «архетип», которая имеет несколько расширенный смысл, он близок к пониманию исторического стереотипа. Подразумевается, что древним стереотипам присуща древняя и оригинально в древности рождённая сущность той или иной практики. Практика, в свою очередь, обусловлена уровнем зрелости мироотношения. Потеря власти и перехват политической власти новым субъектом истории трактуется как смена одного архетипа мироотношения на иной в качестве перехода к более зрелому мироотношению. Использование университетского интеллекта для организации власти трактуется как начало новой эры в истории и предлагается осмыслить идею Нового и Новейшего времени как гораздо более существенный исторический этап, как такой виток истории, когда всю историю человечество, словно как бы начинает с новой страницы и повторяет все типические практики далёкого прошлого заново.*

***Ключевые слова:** архетип мироотношения, диагностика геополитического конфликта, философия истории, архетип мироотношения, сущность субъекта истории, законы истории.*

ON THE MEANING OF THE CONCEPT OF THE ARCHETYPE FOR THE DIAGNOSIS OF CONFLICTS AND FORECASTS IN POLITICS

Baranetsky A.N.

Candidate of Philosophical Sciences

*The State Autonomous educational institution of professional education of the city of Sevastopol "Institute of Educational Development",
assotiated professor
E-mail: Ross60@mail.ru*

Abstract. *This interpretation of the term "archetype" is proposed, which has a somewhat expanded meaning, it is close to understanding the historical stereotype. It is implied that the ancient stereotypes are inherent in the ancient and originally born essence of a particular practice. The practice, in turn, is conditioned by the level of maturity of the relationship to sociality. The loss of power and the interception of political power by a new subject of history is interpreted as the change of one archetype of worldview to another as a transition to a more mature the relationship to sociality. The use of university intelligence for the organization of power is interpreted as the beginning of a new era in history and it is proposed to comprehend the idea of a New and Modern time as a much more significant historical stage, as such a turn of history, when humanity begins the whole history from a new page and repeats all typical practices of the distant past anew.*

Keywords: *archetype of attitude to reality, diagnosis of geopolitical conflict, philosophy of history, essence of the subject of history, laws of history.*

В данном докладе предлагается такая интерпретация термина «архетип», которая имеет несколько расширенный смысл. В исследовании, которое проводит автор, осуществляется поиск таких детерминант истории государств, которые бы имели не менее существенное значение, чем программы ДНК и РНК для эволюции живых организмов.

Учёных давно не удивляет то, что ДНК и РНК отличается от живого животного и в качестве материального предмета, и в своей способности являть те или иные движения, формы самопроизвольной активности, инициативности.

Но историки общества и цивилизации почти никогда (или вообще никогда) не ставят вопрос о том, что аналогично генно-хромосомным матрицам РНК и ДНК в формировании и инициативности социальных организмов. Понятие «культурный код» претендует на роль некоего подобия детерминирующей матрицы. В данном докладе сообщается об исследовании смысла термина «архетип мироотношения», который, по мнению автора **является сущностью культурного кода**. В таком контексте «ноогенетический закон» Гегеля уже может восприниматься

не как особняком стоящая закономерность, а как одно из проявлений более общей закономерности.

У Гегеля речь шла о том, что индивидуальный дух в его развитии проходит те же ступени, которые прошла история философии. Это ещё назвали «эмбриологией духа». Если нужна диагностика геополитического конфликта, то надо увидеть повтор всей истории. Для поддержания дисциплинарного уровня наук исследователи обязаны системно ставить вопросы о сущности изучаемого. И в понимании сути категории «сущность» как общей основы отдельного надо опираться на фундаментальные труды [1, с.134-135].

Обновление уровня зрелости мироотношения проявляет себя в обновлении архетипического поведения. Человеческие жертвоприношения (и допустимость каннибализма), полное игнорирование интересов и ценностей «чужих» субъектов предлагается определить, как основу мироотношения вульгарных дикарей и их вождизма. Вождизм высокоий, зрелый – это ***тоже человеческое жертвоприношение, но это уже принесение в жертву самого себя ради счастья всех людей.*** И вожди коммунистические знали, что они *приносят в жертву себя*, а лидеры Западного мира – друг друга. Как кто кого приносит в жертву – это не только вопрос религиозного культа (напомним, что христианский Бог тоже приносит в жертву *самого себя*).

Переход от палеолитических архетипов к неолитическим – это именно переход от вульгарной дикости к прото-государственным союзам племён и эпической самоотверженности лидеров. Это переход от 1-го уровня зрелости мироотношения и соответствующих архетипов ко 2-му. 3-й и 4-й уровни зрелости – это уже цивилизации торговцев людьми (рабовладельцев и феодалов). 5-й уровень зрелости мироотношения – капитализм – извлекает пользу из труда, а не людьми торгует. Пост-капитализм (т.н. «социализм») тоже извлекает пользу из взаимодействия людей, но не так вульгарно, как капитал. Это 6-й уровень зрелости.

С 1600-х ряд стран получают национальную интеллектуальную элиту, то вся история начинается как бы словно с чистого листа. Управление конфликтом зависит от того – какая сторона конфликта на каком интеллектуальном уровне находится. То есть от того, какими архетипами мироотношения от субъекта требуют «пользоваться своим умом». Поэтому для историков оказались «не замеченной» сущность ряда исторических субъектов. Это сущность колонизаторов XVIII – XX веков. ***Повторение вождизма*** реакционного (колониалистского) и

революционного (прогрессистского). Это вождизм коммунистический. Это сущность лидеров «Пакс американа».

Да, колонизаторы и нацисты XX века вовсе не дикие вожди палеолита.

Конечно, коммунистические вожди вовсе не неолитические вожди.

Конечно, лидеры «Пакс Американа» – вовсе не лидеры «Пакс Романа».

Но надо всё-таки настаивать на том, что у колонизаторов и нацистов, расистов, фашистов – общая сущность с мироотношением вульгарных дикарей. Нужно настаивать на том, что у коммунистических вождей общая сущность с вождями неолита, которые жертвовали собой во имя братства народов, и *требовали жертвовать собой*. И – что особенно важно – понимали злобную натуру вульгарных вождей кровожадных каннибалов.

Улидеров «Пакс Американа» общая сущность с лидерами Пакс Романа и они всегда любили это подчёркивать.

За 500 лет человечество заново увидело сюжеты нескольких тысячелетий.

При этом по линии 1-3-5 типа мироотношения (вульгарные вожди, рабовладельцы и капиталисты) в истории культивировали чаще целерациональные стратегии управления и ширится практика прямого подчинения. А 2-4-6 уровень зрелости (высокий вождизм, феодалы и профессионалы) создают много новых инструментов социализации и манипулируют населением чаще опосредованно. Россия, Персия, Индия и Китай в тысячелетней истории обнаруживают черты 2-4-6 типов мироотношения. У стран Запада опытный историк может найти доминирование 1-3-5 типов мироотношения.

Осознание субъекта – это ключевой вопрос о том, как именно будут меняться субъекты истории. Как верно подчёркивал Витторио Хёсле – обязательно в центре внимания держать вопрос: «...о чьей власти идет речь...» [2, с. 46].

Субъект вообще – это носитель человеческой деятельности. Носителем человеческой деятельности может быть не только группа лиц, но и архетип. Архетип отказывается как природа Спинозы, у которого плачем и смеёмся не мы, это природа смеётся нашими глазами, это природа хохочет нашей гортанью... Но далеко не каждый учёный понимает социальную природу как мощную детерминирующую силу. Эгоцентрики не чувствуют цельности мира и своей порождённости именно всем этим миром, поэтому они до смерти защищают наивный нарциссизм дошкольника. Есть нарциссизм

личности и нарциссизм нации. О связи нарциссизма с национализмом пишут исследователи нарциссизма Шевченко А.К., Маклаков А.О. [3, с. 50].

Человек есть способ перевода объективное в субъективное и обратно. Книги получают свою судьбу. Деньги влияют на людей вовсе не так, как задумывал неизвестный изобретатель денег. Язык не спрашивает отдельного лингвиста в какую сторону ему эволюционировать. Книги, песни, деньги, язык – это иллюстрации *той субъективной реальности*, которая вышла за пределы возможного влияния любого персонажа, личности или даже коллектива.

В труде В. А. Малахова мироотношение понимается в самом широком смысле как основа бытия («культура как принцип мироотношения»), хотя текст книги посвящён не столько мироотношению, сколько искусству [4, с. 74].

Архетипы мироотношения — это вся масса объективированных субъективных усилей. Для обновления исторического архетипа мироотношения недостаточно инициативы лиц, коллективов и даже власти. Это столь же сложно, как обновить денежную систему, массово заговорить на ином языке, отнять землю, фабрики-заводы и банки у собственников. Это *получалось в историческом прошлом обычно после социальных катастроф, разрушений и «слома» бытия*.

Опираясь на предлагаемую трактовку категории архетипа мы можем трактовать известные конфликтные сюжеты. 1. Сущность процесса рождения СССР на руинах Империи. 2. Сущность репрессий 1937 года. 3. Сущность и всемирно-историческую значимость победы в ВОВ. 4. Сущность разложения и краха СССР. 5. Сущность доминирования глобалистов и США в конце XX – начале XXI века. 6. Сущность угасания власти глобалистов и перехода к многополярному миру.

1. На территории феодальной империи Российской после трёх революций сумели взять власть коммунистические вожди, которые превзошли идеалы неолитических вождей и начали создавать государственность с нуля, а не по опыту всех тех, кто переживал глубокий кризис. Явили себя архетипы второго уровня зрелости мироотношения.
2. У вождей Французской революции работа гильотины явила победу архетипа вождей 1-го уровня, то есть эволюция к термидору – окончательное торжество вульгарного дикого, позорного вождизма. А после 1917 в России конфликт вождей привёл к победе

самоотверженных вождей над теми, кто жаждал разжечь «мировой пожар». В любом обществе есть носители мироотношения любого типа, вопрос в том, кто и как будет доминировать.

3. В Великой отечественной войне коммунистические вожди спасли человечество от торжества вульгарного дикоговождизма.
4. Крах СССР надо трактовать как доказательство обречённости любого вождизма. А коварство лидеров «Пакс Американа» было в том, что они даже интеллектуалов сумели закабалить так, что почти никто не догадался о глубине своего бесправия.
5. Нечётный тип мироотношения без околичностей уничтожает все помехи на пути, т.е. гражданская война в США была характерным прямым «сносом оппонента». Лидеры «Пакс Романа» на деле превзошли идеалы рабовладельцев Рима (и их архетипы).
6. Как «вечный» Рим угас накануне эпохи феодалов, так и глобализация по-американски отступит перед информационно -технологическим феодализмом с суперкомпьютерами в ближайшем будущем.

Для диагностики прогнозов любых политических процессов в прошлом редко применялся системный запрос о том, кто, как и у кого будет отбирать власть. Культура – это творческий способ действия и его итоги. А технология всегда – итог внедрения новых открытий в практику работ.

Технология – явление, культура – сущность.

«Если наступил век новой технологии, то её ничего не остановит».

Архетипы более зрелого мироотношения будут наступать неотвратимо, в частности, во всех типах войн профессионалы победят непрофессионалов.

Сущность сил реакции диагностируется логикой. Каков основной признак рождения государственности? Публичная власть. Следовательно, переход к тайному, а не публичному управлению – это уничтожение государственности и законности. Не случайно лидер России прямо сказал Такеру Карлсону, что он не знает, кто руководит США. (Вспоминается фантастика братьев Стругацких с их «Обитаемым островом» и «неизвестными отцами»).

«Гегемон» уже не скрывает бесправия партнёров.

Когда это не помогает – опускается к вульгарному самодурству. Торжество ПРОИЗВОЛА и СВОЕВОЛИЯ – это атрибутивные черты самого дикого и варварского, позорного вождизма. И преклонение перед животными – это тоже черта архаичного мироотношения. Культ животной жестокости, сатурналии, вакханалии, содомский грех – известные черты «до библейских» времён. Рано или поздно *все виды и типы социального зла и все типы извращений кто-то должен был начинать синтезировать*. Конечно, это не сама первобытность, но это мироотношение с **мнимым правом истреблять народы**, с возрождением древних культов. Кого-то шокирует так называемый «сатанизм». Но более шокирующим было зрелище ритуала шамана над лидерами в Давосе. Состоялся ритуал шаманизма над недавно «научным» в кавычках форумом про мировую экономику, финансы.

Анонимно владычествующая инстанция – это всё-таки не глупцы из Давоса.

Это было бы смешно, если бы не было столь зловеще. Нет возможности детально описать методы выяснения последнего принципа анонимно владычествующей инстанции, но надо назвать: абсолютизация нарциссизма в «практическом разуме» неизвестных «хозяев» всемирных денег имеет *очень простой смысл: тот, кто не в восторге от их власти – тот с их точки зрения «должен быть» уничтожен*.

Список литературы

1. Материалистическая диалектика. В 5-ти т. Т. I. Объективная диалектика / Под общ.ред. В. Ф. Константинова и В. Г. Марахова; отв.ред. Ф. Ф. Вяккерев. – М.: Мысль, 1981. – 374 с.
2. Хёсле В. Мораль и политика. Основы политической этики для XXI столетия // Хёсле В. Об отношении морали и политики. Часть I. – Полис. Политические исследования. 2013. № 4. С. 45-61.
3. Маклаков А.О., Шевченко А.К. Непристойные наслаждения. – К.: СПД Моляр С.В., 2010. - 412 с.
4. Малахов В.А. Искусство и человеческое мироотношение – К.: «Наукова думка», 1988. – С 212.

ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ «АНСАМБЛЯ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ» В РЕГИОНАХ ЮГА РОССИИ

Баранов А.В.

*Доктор политических наук, доктор исторических наук
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
профессор кафедры политологии и политического управления
E-mail: baranovandrew@mail.ru*

***Аннотация.** Актуальность темы в том, что в полиэтничном российском обществе идут сложные процессы идентификации региональных, этнических и конфессиональных сообществ. От их вектора развития зависит укрепление государственного единства и целостности России. Цель статьи – аргументировать возможности и процедуры применения политико-географического подхода к исследованию «ансамбля идентичностей» на Юге России. Исследование выполнено на материалах Краснодарского края, Республики Крым, г. Севастополя, ДНР и ЛНР. В качестве эмпирической основы изучены материалы переписей населения, анкетных массовых опросов, географические карты и атласы, изменения административных границ. Сделаны выводы об укреплении российской национальной идентичности в макрорегионе, которое идёт одновременно и в переплетении с ростом этнической идентичности. В изучаемых субъектах федерации данные процессы развиваются неравномерно. Предложена анкета массового опроса для продолжения исследования.*

***Ключевые слова:** «ансамбль идентичностей», Юг России, политическая география, методы исследования.*

A POLITICAL AND GEOGRAPHICAL APPROACH TO THE STUDY OF THE “ENSEMBLE OF IDENTITIES” IN THE REGIONS OF SOUTHERN RUSSIA

Baranov A.V.

*Kuban State University, Professor of the Department of Political
Science and Political Management
E-mail: baranovandrew@mail.ru*

***Abstract.** The relevance of the topic lies in the fact that in a multiethnic Russian society there are complex processes of identification of*

regional, ethnic and confessional communities. Strengthening the state unity and integrity of Russia depends on their development vector. The purpose of the article is to argue the possibilities and procedures for applying a political and geographical approach to the study of the “ensemble of identities” in the South of Russia. The study was carried out on the materials of the Krasnodar Territory, the Republic of Crimea, Sevastopol, the DPR and the LPR. As an empirical basis, the materials of population censuses, mass questionnaire surveys, geographical maps and atlases, and changes in administrative boundaries were studied. Conclusions are drawn about the strengthening of Russian national identity in the macroregion, which is simultaneously intertwined with the growth of ethnic identity. In the studied subjects of the federation, these processes are developing unevenly. A mass survey questionnaire has been proposed to continue the study.

Keywords: “ensemble of identities”, South of Russia, political geography, research methods.

Исследование выполнено в рамках исследовательского проекта «Стратегии и практики политической ресоциализации новых граждан в условиях расширения политического пространства РФ» (2024, конкурс Экспертного института социальных исследований в сфере общественно-политических наук, Министерства образования и науки РФ, Российской академии наук) в рамках государственного задания FZEN-2024-0013.

Тема статьи актуальна, поскольку в поликультурном российском обществе развиваются сложные и противоречивые процессы идентификации региональных, этнических и конфессиональных сообществ. От их направленности зависит укрепление государственного единства и целостности современной России. Укрепление российской национальной идентичности имеет качественную специфику в новых субъектах федерации: Республике Крым, г. Севастополе, ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях. Сложное взаимодействие национальной, этнических, конфессиональных и территориальных идентичностей образует в итоге «ансамбль идентичностей», широко распространены гибридные и сложносоставные идентичности, их соотношение динамично изменяется. Эти обстоятельства делают новые субъекты Российской Федерации особенно актуальным объектом исследования.

Цель работы – аргументировать возможности и процедуры применения политико-географического подхода к исследованию «ансамбля идентичностей» на Юге России.

Методологическую основу статьи составляет социальный конструктивизм применительно к политико-географическим исследованиям идентичности, в том числе – подходы критической геополитики и этнополитологии к определению символических границ в обществе. Это означает, что границы между этническими и конфессиональными, территориальными и языковыми сообществами формируются не только в результате реальных взаимодействий людей, но и в итоге постоянного переосмысления символической реальности (А. Пааси, К. Тэрлоу) [1, р. 9–16; 2]. Имеет значение не только современное состояние «ансамбля идентичностей», но и влияние исторической памяти различных групп населения на самосознание региональных сообществ.

Работа выполнена на материалах Краснодарского края, Республики Крым, г. Севастополя, ДНР и ЛНР, по которым собрана достаточная источниковая основа исследования. Увы, документы о процессах идентификации в Запорожской и Херсонской областях скудны, что заставило нас ограничить пространственные рамки анализа.

Изучены материалы переписей населения 1989–2021 гг., анкетных массовых и экспертных опросов, географические карты и атласы, изменения административных границ, материалы региональной периодической печати.

Национальная идентичность проявляется в самоидентификации индивидов с ценностями общества и социальными институтами, прежде всего – с институтом гражданства. В основе национальной идентичности – усвоение человеком ценностей конструктивного участия в политических взаимодействиях, гражданства страны и солидарности. Национальная идентичность формируется в итоге целенаправленной социализации и ресоциализации индивидов (политики идентичности), а не только их стихийного жизненного опыта (О. Чаррон, А.С. Динер) [3, р. 13–20]. Совокупность субъективно значимых маркеров идентичности и определение границ между идентичностями постоянно изменяются (М. Файнберг, А.М. Таллетт, З. Менш, У. Харт, С. Готтлиб, В.А. Колосов) [4; 5].

Культурный поворот в политической географии привёл к тому, что идентичность стала пониматься в качестве многомерного явления, которое проявляется с различной степенью интенсивности и последовательности, в большей мере конструируется элитами, а не

наследуется от поколения к поколению (Э. Митчелл, Ф.С. Мирахмади и С.А. Ахмади, Д. Сайяк [6; 7, р. 58–72; 8, р. 1–21]).

Основным методом политико-географических исследований идентичности выступает картографирование, что требует от исследователя выбрать условные обозначения, количественные шкалы и единицы измерения, визуальное оформление карты. При этом географические карты могут отражать синхронное состояние идентичностей в изучаемых регионах и местностях либо демонстрировать диахронные изменения границ и интенсивности идентичностей [9].

Наряду с традиционными картами применяются условные изображения (диаграммы, графики, таблицы, инфографика, картоиды), что позволяет более наглядно представить территориальные аспекты изменений идентичностей. Целесообразно сравнивать материалы переписей населения об этническом и языковом составе населения, а также результаты массовых социологических опросов (конечно, для продуктивности данного сравнения опросы должны проводиться в достаточно большом количестве разнообразных местностей).

Автор данной статьи разработал программу анкетного опроса по тематике соотношения и взаимодействия идентичностей в Крыму и Донбассе. В том числе, предлагается установить степень интенсивности проявлений национальной, этнических, конфессиональных и языковых идентичностей; выявить наиболее известные и распространённые маркеры исторической памяти; определить восприятие этнических и конфессиональных дистанций по шкале Э. Богардуса; раскрыть образы своей этнической и конфессиональной группы, а также других групп – участниц взаимодействий. Особое внимание предполагается уделить различиям в проявлениях национальной, этнических, конфессиональных и территориальных идентичностей городского и сельского населения, центральных и периферийных местностей, ареалов моноэтничного и полиэтничного расселения. Большое значение имеют также возрастные (поколенческие) различия «ансамбля идентичностей», связанные с факторами уровня образования и профессиональной принадлежности, источников информированности респондентов.

Исследование позволяет создать объяснительную модель формирования национальной идентичности населения новых субъектов РФс учётом специфики ресоциализации представителей различных территориальных сообществ и возрастных когорт. Политико-географическое исследование «ансамбля идентичностей» в Крыму и Донбассе даст возможность определить барьеры, ресурсы и

потенциал формирования национальной идентичности новых граждан России.

Список литературы

1. Paasinn A. The Region, Identity, and Power // *Procedia Social and Behavioral Sciences*. 2011. № 14. P. 9–16.
2. Terlouw K. *Political Geography of Cities and Regions: Changing Legitimacy and Identity*. London: Routledge, 2023. 188 p.
3. Charron A., Diener A.C. Political Geography, New Regionalism, and Rescaling Identity // *The SAIS Review of International Affairs*. 2015. Vol. 35, No. 2. P. 13–20.
4. Feinberg M., Tullett A.M., Mensch Z., Hart W., Gottlieb S. The Political Reference Point: How Geography Shapes Political Identity // *PLoS One*. 2017. № 12(2). e0171497. DOI: 10.1371/journal.pone.0171497.
5. Kolosov V. Phantom Borders: The Role in Territorial Identity and the Impact on Society // *Belgeo* [En ligne]. 2020. № 2. URL: <http://journals.openedition.org/belgeo/38812>. DOI: <https://doi.org/10.4000/belgeo.38812>
6. Mitchell E.L. *Geographic Identity as a Political Concept: A Thesis Submitted in Partial Satisfaction of the Requirements for the Degree of Master of Arts in Political Science*. Berkeley: University of California, 2019. 22 p.
7. Mirahmadi F.S., Ahmadi S.A. Cultural Turn in Geography and its Impacts on the Field of Political Geography // *Geographical Researches Quarterly Journal*. 2018. № 33 (3). P. 58–72.
8. Sayak Dutta. Changing Paradigms of Territory and Boundary Studies in Political Geography // *International Studies*. New Delhi, 2022. P. 1–21. <https://doi.org/10.1177/00208817221118786>
9. Атлас социокультурных процессов в Крыму / под ред. И.Н. Воронина, И.М. Яковенко, А.Б. Швеца, Д.А. Вольхина. Симферополь: ИТ «АРИАЛЪ», 2021. 196 с.

ЛИЧНОСТНО-ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ФИЛОСОФСКО- МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Гаффаров И.З.

*Кандидат исторических наук
Казанский (Приволжский) Федеральный Университет,
специалист по переводу
E-mail: Ildarg67@gmail.com*

***Аннотация.** В условиях трансформации глобального мироустройства, попытки пересмотра фундаментальных основ существующего миропорядка несут определенные концептуально-методологические риски и угрозы гражданскому обществу. Но объектом реформативного изменения всегда был и остается человек. При этом поведенческая модель может не успевать за меняющимися поведенческими стереотипами, лежащими в основе того или иного дискурса. Тем более что «плавающая» модель поведения становится все более востребованной в динамично меняющихся политических реалиях.*

***Ключевые слова:** глобализм, статус-кво, бифуркация, мировое правительство, релятивизм, ревизионизм, экзистенциализм, этнический социализм.*

PERSONAL AND INDIVIDUAL POSITIONING IN THE CONDITIONS OF PHILOSOPHICAL AND IDEOLOGICAL TRANSFORMATION OF SOCIETY

Gaffarov Ildar

*Kazan Federal University,
translation specialist
E-mail: Ildarg67@gmail.com*

***Abstract.** In the conditions of the transformation crisis of the globally order, attempts to revision the fundamental foundations of the existing world order bear certain conceptual and methodological risks and threats to civil society. But the main object of any changing was and is a person. Wherein a behavioral model couldn't be on the time the changings behavioral stereotypes based on any discourses. Moreover, smooth behavior model comes to be a much more demanded in dynamically changing political realities.*

Keywords: globalism, the status quo, bifurcation, world government, relativism, revisionism, existentialism, ethnic socialism.

Неопервобитность, прежде всего в сознании, до неузнаваемости изменит наш мир. Зададимся вполне уместным вопросом. Современный человек готов вернуться в архаическое прошлое? Вопрос, отнюдь не праздный, мучает многих. Еще Гераклит в своём сочинении «О природе» предугадал законы диалектики: борьба противоположностей как источник развития: («борьба – отец всему и всему царь»); постоянное изменение и постоянное развитие: «все течет», «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку, ни дважды прикоснуться к преходящей, по своему характеру тождественной сущности. Она быстро свои перемены разъединяет, а затем опять соединяет, приходит и опять уходит». На эту мысль учёного 5 века до н.э. сейчас мало кто обращает внимания. А ведь он сформулировал поразительную мысль, которая сейчас по каким-то причинам просто игнорируется. Т.е. сам временной ход диалектического развития невозможно повернуть вспять. В противном случае объект, которым пытается овладеть человек, сопротивляется, движение вспять приводит к краху, мир отвечает глобальным кризисом, политические, социальные институты отвечают социальными катаклизмами.

Мир не только не поддается произвольным человеческим воздействиям, не может быть систематизирован, никакие теоретические схемы, жесткие, замкнутые системы не в состоянии дать полный, исчерпывающий ответ на реальность. Из этого следует «вероятностный» подход к мышлению, основанный на принципах, описывающих открытые, многомерные, неравновесные, эволюционирующие, самоорганизующиеся системы [5, с. 148]. «Достаточно правильно судить, чтоб правильно поступать, и достаточно самого правильного рассуждения, чтобы и поступать наилучшим образом, приобрести все добродетели и вместе с ними все доступные блага», — считал Декарт [1, с. 266]. Это утверждение косвенно указывает на ограниченность самого рационального суждения и умозаключения.

Это, в свою очередь, порождает гносеологический и эпистемологический релятивизм, с точки зрения которого объективное есть иллюзия, истина — догма, связанное, причинно-следственное описание миропорядка — вымысел и орудие власти, насилие разума над природой и обществом. Признается возможность бесконечного числа картин мироздания, ни одна из которых не может претендовать на истинность, ибо не существует способов и методов постижения

действительности, которые были бы свободны от воздействия человеческих желаний, потребностей, мотиваций. В нарождающемся глобальном мире человек как элементарная составляющая, лишён неких каркасных нравственно-смысловых установок в силу слабой спаянности членов общества.

Более того, сформировался тип экономического человека, напрочь лишённого идейно-гуманистических установок. Он не ощущает себя самодостаточным: у него нет опоры в настоящем. У него нет оснований доверять будущему, ибо его «завтра» стало непредсказуемым, угрожающим, опасным. Он не может больше опереться на прошлое, весь прошлый опыт человечества в новой ситуации «гроша ломанного не стоит», ибо не содержит рецептов спасения.

Впервые вся жизненная ситуация (человека и человечества) предстала в виде открытой системы, застывшей в точке бифуркации. Человек Постмодерна — это человек «озабоченный» проблемой выживания, не ведающий, что его ждет. Этим загадочным и емким понятием «Постмодерн» выражается новая экзистенциальная ситуация и ее отражение в искусстве, типе ментальности, мышления, научного дискурса, культуры, типе религиозных верований, способе решения моральных и политических проблем, способе философствования и даже в образе жизни.

Новый человек ориентируется не на будущее, а на настоящее — время, в котором он ест, потребляет, наслаждается. Но все же главным относительно новым вызовом для человечества является деперсонализация. Хотя как инструмент создание «нового человека» стало широко использоваться в XX веке, на фоне подавления личности в тоталитарных системах или в более мягких формах западной демократии. В результате произошла некая рационализация человека, «выбывающая» у него всё «лишнее», всякую излишнюю чувственность, чрезмерную рефлексивность и убивающая «разрыв» между идеей и делом. Появился человек внутренне упрощенный, рациональный, обладающий средними умственными способностями и контролируемое, стандартизированное существо [2, с. 355].

Важно понимать, что процесс становления такого «управляемого человека» займет достаточно долгое время. В то же время надо отметить и противников такого подхода. Экзистенциализм в версии Альбера Камю, создавшего «Бунтующего человека» или же Жана Поля Сартра, ищущих свой, альтернативный буржуазному путь в своей жизни и критически относившихся к себе в этой неравной борьбе, играл роль некоего «молниеотвода» линейного выстраивания

«управляемого мегапространства» [4, с. 228]. Предтечей классовости было бунтарство и экзистенциализм в том числе. Но так ли плох экзистенциализм в его новом прочтении? А как быть с этническим социализмом, который до сих пор привлекает к себе многих? И который в свое время культивировал татарский писатель Г. Исаков [7]. Реформизм человеческих душ, отношений, и реформизм вообще сквозит в работах К. Каутского, который предполагал его реализацию путем так называемой «моральной революции» [4, с. 220]. В то же время надо понимать, что глобальное общество не будет монолитным, на данном этапе идет активное деление общества на так называемых «приспособляемых» и «неприспособляемых» [6, с.10].

Глобализм «Просвещения» предлагал формирование единого мирового пространства, основанного на универсалиях прогресса, в равной степени доступного всем. Глобализм «Эзотерический» – это консорциум мирового правящего меньшинства, строящего «мир будущего», всячески игнорируя остальное большинство. Глобализм же «уходящий» был основан на моделях превращения двух держав США и СССР в биполярную и далее однополярную глобальную систему во главе с США, с активным участием КНР. Однако надо, признать, что установление «Эзотерического» глобализма займет по историческим меркам достаточно длинный промежуток времени. Он будет трудным для большинства. Человечеству предстоит столкнуться с событиями и испытаниями поистине глобального масштаба. В условиях экономической и далее политической, этнокультурной интеграции произойдет окончательная и бесповоротная «унификация национальных экономических политик и создание органов наднациональной власти» [7, с. 97].

Формирующийся новый мега мир «вместит в единое глобальное пространство» интеллектуальные, информационные, коммуникативные поля. Это лишит любое государство способности полного контроля над своим внутренним пространством, что происходит сегодня. Старая архитектура миропорядка постепенно уходит в небытие. Это сопровождается значительным ухудшением международной ситуации. Появляются новые очаги конфликтных зон. Происходит реконсервация старых очагов противостояния. Историко-философские мировоззренческие противоречия прошлого выходят на первый план. Кроме всего сказанного, вопросы и проблемы теологического порядка обостряют и без того непростую ситуацию, привнеся тем самым определенные элементы неопределенности. Мистицизм незаметно входит в нашу жизнь, становясь незаменимым «врачевателем и поводырем» миллионов. Гипертрофированный страх

и полное размывание базовой идентичности лишают стабильности общепринятых линейных систем. Соответственно, порождение общей растерянности заставляет «метаться» в поисках «гаваней» комфорта, спокойствия, естественного стремления «оказаться» в сакральных местах сознания, для постижения скрытых смыслов бытия.

Список литературы

1. Декарт Р. Сочинения в 2 тт. – М., 1989. – Т.1. – 653 с.
2. Зиновьев А. Запад. Феномен западнизма. М., 1995. – 362 с.
3. Мещанство и социализм. Очерки социальной психологии: монография / А.С. Арапов. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородской госмедакадемии, 2008. – 292 с.
4. Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учебн. Пособие / Л. А. Микешина. – М.: Прогресс – Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. – 464с.
5. Панарин А.С. Народ без элиты. Между отчаянием и надеждой. – М.: Эксмо, 2006. – 350 с.
6. Торопыгин А. Экономическая глобализация и проблемы национальной и международной безопасности. – URL: <http://www.m-economy.ru/issue.php?num=17#63> – Дата обращения: 10.02.2024.
7. Ике йөз елдан соң инкыйраз: проза һәм сәхнә эсәрләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 2019. – 476 б.

СОЦИОДИНАМИКА В УСЛОВИЯХ ДИКТАТУРЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Головинский А. Г.

Кандидат технических наук,

ООО Научно-производственное предприятие «Защита

металлов», генеральный директор;

Нижегородский философский клуб «Универсум», руководитель

секции «Человековедение»

E-mail: golanger@mail.ru

Аннотация. Поиски идеологии все больше склоняют политическую элиту России к консерватизму. При этом совершенно незаслуженно забыт марксизм. Развивая основные положения своей

теории, Маркс великолепно справился с политической экономией капитализма и достаточно хорошо изложил основы исторического материализма. Но из-за отсутствия в то время каких-либо фактических данных фатально ошибся в определении экономической основы коммунизма и окончательно запутался в диктатуре пролетариата. Данная работа посвящена анализу ошибок марксизма в свете современной социально-философской фактологии.

Ключевые слова: марксизм, исторический материализм, социально-экономическая формация, капитализм, интеллектуальная собственность, интеллигенция.

SOCIODYNAMICS UNDER THE DICTATORSHIP OF INTELLECTUAL PROPERTY

Golovinskii Andrei

Candidate of Technical Sciences,

General Director, LLC Scientific and Production Enterprise

«Protection of metals»,

*head of the section «Human Studies», Nizhny Novgorod Philosophical
Club «Universe»*

E-mail: golanger@mail.ru

Abstract. *The search for ideology is increasingly inclining Russia's political elite to conservatism. At the same time, Marxism has been completely undeservedly forgotten. Developing the basic tenets of his theory, Marx did an excellent job with the political economy of capitalism and laid out the foundations of historical materialism quite well. But due to the lack of any factual data at that time, he fatally made a mistake in determining the economic basis of communism and finally became entangled in the dictatorship of the proletariat. This work is devoted to the analysis of the errors of Marxism in the light of modern socio-philosophical factology.*

Keywords: *marxism, historical materialism, socio-economic formation, capitalism, intellectual property, intelligentsia.*

Классический марксизм-ленинизм утверждает, что революционные события 1917 года – это результат борьбы пролетариата, поддержанного крестьянством и революционной интеллигенцией. Но так ли это? Временное правительство князя Георгия Евгеньевича Львова и Первый Совнарком товарища Ульянова-Ленина Владимира Ильича по социальному составу были абсолютно идентичны и почти на 100% состояли из интеллигенции.

Сам князь Львов, несмотря на свое аристократическое происхождение, вынужден был торговать на рынке овощами, чтобы прокормиться. А товарищ Ленин от так называемой рабочей оппозиции получил довольно неприятные обвинения в «перерождении партийных верхов», поскольку рабочими фактически управляла интеллигенция. Небезызвестная фраза Ильича о том, что интеллигенция не мозг нации, а говно, вырвана из контекста письма к Горькому, где Ленин говорил о тех, кого мы сегодня именуем релокантами, вот они – действительно говно, с чем я с товарищем Лениным полностью солидарен.

Далее, Ричард Эдгар Пайпс — известный американский русист Гарвардского университета — в своих работах так и говорит, что в 1917 году русская интеллигенция пришла к власти, но в итоге к власти был приведен простой народ, который создал режим, совершенно неприемлемый для интеллигенции. В итоге русская интеллигенция этот режим и похоронила.

Перейдем к основной теме доклада.

Сегодня все государственные институты вплоть до Председателя следственного комитета Бастрыкина Александра Ивановича настоятельно требуют от гуманитариев хоть какой-то идеологии. Пока вместо нее активно используется патриотизм. Солдаты, павшие в Великой Отечественной, сегодня снова в окопах, теперь уже – в идеологических. Но уважаемые коллеги, давайте не будем обманываться. Что, у вермахта и гитлерюгенда не было патриотизма? А может его нет у нынешних азовцев (не к добру помянуты будут)? По моему глубокому убеждению, патриотизм – всего лишь оружие, обеспечивающее защиту той или иной идеи. Вроде автомата Калашникова. Оружие хорошее, спору нет. Но мы же не будем уподобляться тем, кто вывешивает АКМ-47 в качестве герба?

Тогда что остается? Давайте посмотрим, что вообще есть в наличии. Самый большой прилавок отдан либеральной идеологии индивидуализма, согласно которой *homo hominilupesest*. Результаты ее влияния на страны так называемого коллективного Запада налицо: полная деградация моральных устоев – что хочу, то и ворочу, и никто мне не указ, вплоть до международных отношений.

Однако напомним, что статья 13 нашей Конституции гласит: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Такая конституционная норма тихой сапой фактически узаконивает идеологию индивидуальную, т.е., считай, либеральную. Таким образом, в нашей Конституции черным по белому прописано торжество либеральной идеологии!

Что еще лежит на идеологическом прилавке? Ныне модный консерватизм. Идеология уже не индивидуальная, но локальная, групповая. На одном конце деревни яйцо столетиями разбивали с тупого конца, а на другом – с острого. Результат — постоянные кулачные драки на центральной площади. Консерватизм в прошлом веке трижды приводил Россию на грань катастрофы: первый раз трудами обер-прокурора Константина Петровича Победоносцева в 17-м году, второй раз в 41-м, когда нас пытался раздавить внешний консерватизм в своей рафинированной форме – форме фашизма. Третий раз пришлось на конец 1991-го года, и был результатом махрового КПСС-ного консерватизма. Но сегодня мы снова с завидным упорством в передний политический угол ставим консерватизм и с лозунгом - *Russlandüberalles* - шагаем в мир. Мы действительно ждем, что нас таких в мире поймут и примут? Или мы реально готовы всех сломать и нагнуть? Силенок-то хватит ли?

Все? Нет, под прилавком лежит пыльный, в крови вымазанный Капитал господина Маркса. Продажи его книг в последнее десятилетие бьют все рекорды в Европе, Америке, Японии. Опираясь на научный анализ экономических и социальных проблем современного ему общества, Карл Маркс в своей политической экономии капитализма обозначил все болевые точки и начертил подробную дорожную карту падения буржуазного строя. А вот в описании следующей за капитализмом общественной формации у него случились фатальные, но вполне закономерные ошибки, поскольку в распоряжении Карла Генриховича заведомо не могло быть тех социально-политических и исторических фактов, которые мы имеем сейчас.

На мой взгляд, этих фатальных ошибок у Маркса всего две. Во-первых, исторический материализм доказал, что смена общественно-экономической формации сопровождается ФИЗИЧЕСКОЙ сменой ее экономической основы: рабов сменила земля, землю - средства производства. Но описывая коммунизм, Маркс нарушил этот закон, оставив ту же экономическую основу, что и при капитализме. Он сменил лишь юридическую вывеску с «частной» на «общественную». А чтобы вывеску немедленно не поменяли обратно, Карл Генрихович был вынужден посадить для охраны цепного пса в лице диктатуры пролетариата.

Из первой ошибки неизбежно вытекла вторая. Поскольку охранник-пролетариат фактически оказался владельцем экономической основы общества, то Маркс самой логикой общественных конструкций был вынужден назначить этого Цербера

ведущей политической силой. И снова им была нарушена историческая закономерность - никогда ранее угнетенный класс предыдущей формации не становился лидером следующей.

В связи с этим обращая особое внимание на нейтральную к экономической основе группу, именуемую неосновным классом или классовой прослойкой. Свободные граждане Римской империи в большинстве своем рабов не имели, сами рабами не были, а потому вполне законно их можно считать такой прослойкой. Они не только скандировали «хлеба и зрелищ!», но и составляли основной костяк армий, приносящих рабовладельческим государствам львиную долю дохода. Итак, формируем первую логическую цепочку: «прослойка – экономическая нейтральность – высокая социальная активность».

Во времена феодализма на роль межклассовой прослойки, очевидно, претендует нарождающаяся буржуазия. Она также нейтральна в отношении к существующей экономической основе, но при этом являет собой наиболее грамотную и активную часть населения, не имеющую при этом собственных политических воззрений, целиком и полностью зависящую от прихотей правящего класса - феодалов. Отсюда следует, что первую логическую цепочку нужно дополнить: «прослойка – экономическая нейтральность – высокая социальная активность – политическая неопределенность».

Капитализм. Здесь с прослойкой все более-менее ясно с 60-х годов девятнадцатого века, когда мой земляк, писатель-нижегородец Петр Дмитриевич Боборыкин впервые ввел в обиход понятие «интеллигент», потребовавшееся для обозначения новой социальной группы. Интеллигенция к существующей экономической основе общества также нейтральна, и, несмотря на чрезвычайно высокую социальную активность, общих политических целей и задач не имеет. Таким образом, товарищи интеллигенты, у нас с вами те же болезни роста, что и у молодой буржуазии.

Но чтобы избавиться от этих юношеских прыщей и по-взрослому взять управление обществом в свои руки, буржуазия создала себе экономический фундамент в виде частной собственности на средства производства. Есть ли такой фундамент у нас с вами? Да, есть. На наших глазах интеллектуальная собственность становится доминирующей экономической основой общества. Во-первых, как средство учета, контроля и управления частной собственностью на средства производства и частной собственностью вообще. Во-вторых, как инструмент ментального воздействия на общественное сознание вплоть до противостояния в рамках гибридных войн. В-третьих, как главное орудие производства, более значимое, чем обычные средства

производства. В-четвертых, как основной источник научного развития и экономического прогресса. Наконец, как средство хранения капиталов, поскольку подавляющее большинство из них сегодня находится не в банках, а на серверах. Этот список можно продолжать и дальше. Но прошу обратить Ваше особое внимание на уникальное физическое свойство интеллектуальной собственности - в отличие от рабов, земли и средств производства ОНА ПРИ РАЗДЕЛЕНИИ НЕ УМЕНЬШАЕТСЯ, что позволяет на практике реализовать небезызвестный коммунистический лозунг: «От каждого по способностям, каждому – по потребностям!»

Итак, уважаемые коллеги по классу, мы уже совершили три революции в России. Причем в феврале 17-го и в декабре 91-го власть добровольно отдали буржуазии, а в октябре 17-го – пролетариату. Итог вполне понятен. Не пора ли нам самим осмысленно и целенаправленно становиться главной политической силой? Тем более, что с этой идеологией (по праву автора я это общественное устройство назвал Антрогизмом, как производное от греческого слова ἄνθρωπος - человек) мы получим понимание не только внутри России, но колоссальное число сторонников за рубежом, в том числе и во враждебном нам западном мире. Абсолютно уверен в том, что в ближайшие 100 лет никакой другой внятной и объединяющей человечество идеологии создано не будет.

Итак, позвольте провозгласить: «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙСЯ!»

Или по-другому: «ПРИЗРАК БРОДИТ ПО ПЛАНЕТЕ, ПРИЗРАК АНТРОГИЗМА!»

С уважением, автор.

БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА ЗА НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО В XVII ВЕКЕ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ИХ СОВРЕМЕННЫЕ РЕИНКАРНАЦИИ

Гончаренко Л.Н.

доктор исторических наук

*Балтийский Гуманитарный Институт, кафедра гуманитарных
и социально-экономических дисциплин, профессор*

E-mail: lngksp@rambler.ru

Авакова Э.Б.

кандидат социологических наук

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра
Великого, Высшая школа медиакоммуникаций и связей с
общественностью, доцент
E-mail: elina_avakova@mail.ru*

Кузнецов А.А.

*Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна, кафедра рекламы и связей с
общественностью, преподаватель
E-mail: artsmith@inbox.ru*

Аннотация. В статье анализируется воссоединение русского народа в XVII в., как объективный многофакторный процесс формирования единой российской нации, главными основами которой являлись общность исторической судьбы и отношения в рамках единого подданства российской монархического государства. В статье рассмотрены процессы, выступившие в качестве ведущих исторических факторов, которые, в конечном счете, привели к началу воссоединения русского народа. Также в статье приведен ряд исторических последствий национально-освободительного движения русского народа в XVII веке. Проведенное исследование позволяет авторам сформулировать тезис о возможности на новом витке исторического развития воплотить в жизнь идею национального единства русского народа и его воссоединения в рамках Великой, Единой и Неделимой России.

Ключевые слова: национальное единство, Россия, воссоединение, русский народ.

THE STRUGGLE OF THE RUSSIAN PEOPLE FOR NATIONAL UNITY IN THE XVII CENTURY. HISTORICAL PATTERNS AND THEIR MODERN REINCARNATIONS

Goncharenko L.N.

*Baltic Institute of Humanities
E-mail: lngksp@rambler.ru*

Avakova E.B.

*Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University
E-mail: elina_avakova@mail.ru*

Kuznetsov A.A.

Abstract. *The article analyzes the reunification of the Russian people in the XVII century as an objective multifactorial process of forming a unified Russian nation. The article examines the processes that acts as the leading historical factors that ultimately led to the beginning of the reunification of the Russian people. The article also presents a number of historical consequences of the national liberation movement of the Russian people in the XVII century. The conducted research allows the authors to formulate a thesis about the possibility of realizing the idea of national unity of the Russian people and its reunification within the framework of a Great, United and Indivisible Russia at a new stage of historical development.*

Keywords: *national unity, Russia, reunification, Russian people.*

XVII век в истории России обычно называют «бунташным», веком возникновения общероссийского рынка, российского абсолютизма, церковного раскола и окончательного оформления крепостного права. При этом ведущей исторической тенденцией той эпохи все же следует считать могучий национальный порыв русского народа к обретению суверенитета и национального единства. Воссоединение русского этноса было продолжено и успешно завершилось в XVIII веке, что в конечном счете привело к формированию в рамках Российской империи единой русской нации как важнейшего фактора многополярного мира конца XIX–начала XX века. Аналогичный процесс мы наблюдаем и сегодня. Некогда единый русский народ, искусственно разделенный в XX веке и обреченный на жизнь в различных государствах, вновь пытается обрести свое единство через участие в проводимой в настоящее время специальной военной операции и интеграционные процессы в рамках институализации Русского мира. В этой связи справедливо утверждать, что начало консолидации русского этноса в XVII веке не потеряло свою актуальность и заслуживает самого пристального изучения контексте борьбы многих поколений людей за суверенитет, гражданское единство и национальную идентичность [1].

Так, целесообразно выделить три синхронно протекающих процесса в XVII в., одновременно выступающих и в качестве ведущих исторических факторов, которые, в конечном счете, привели к началу воссоединения русского народа сначала в рамках Московского

Централизованного государства, а затем, в XVIII веке, уже в составе Российской Империи.

Первый процесс – рост национально-освободительного движения русского населения Речи Посполитой за воссоединение с Московским Царством.

Важнейшим начальным этапом масштабного исторического действия по восстановлению национального единства русского народа стали народные восстания, приобретающие все большие масштабы и переросшие в организованную вооруженную борьбу за само существование русского этноса, оказавшегося во второй половине XVI века в составе образовавшегося в 1569 году государстве Речь Посполитая. Ключевым эпизодом национально-освободительной борьбы при этом стала историческая Переяславская рада, состоявшаяся 8 (18) января 1654 года и провозгласившая объединение юго-западных русских земель с Московским государством. Все участники рады, все население, которое они представляли, идентифицировали себя в то время исключительно как русских православных людей и выступали за то, чтобы великороссы и малороссы «вовсеки век едино были» [2, с. 312]. Переяславская рада легитимизировала процесс воссоединения западнорусских земель, некогда входивших в состав Древнерусского государства, с Московским Царством. Таким образом было положено начало обретения Русским миром единства, утерянного после развала Древнерусского государства, и начался длительный процесс нового собирания русских земель, теперь уже в рамках формирующейся Российской империи.

Второй процесс связан с политикой Московского государства по защите русских людей, некогда проживавших на территориях Древнерусского государства и исповадовавших православную веру.

Эта политика имела давнее происхождение и начиналась с того момента, когда московские князья, начиная с Ивана Калиты, приступили к собиранию русских земель вокруг Москвы. Так, собравшийся в феврале 1651 года Земский собор в Москве высказался за воссоединение юго-западных русских земель с Россией и за объявление войны Речи Посполитой. Опираясь на решение собора Московское правительство дало положительный ответ на многократные обращения Богдана Хмельницкого с просьбой о воссоединении Гетманщины с Московским царством. Это решение не было простым, поскольку означало обострение отношений как с Речью Посполитой, так и с Крымским ханством, а значит и с Османской империей. Это потребовало от России, еще не оправившейся до конца

от последствий Смутного времени, большого напряжения сил для подготовки войны с Польшей при одновременном увеличении военной, экономической и дипломатической поддержки Б. Хмельницкого. Взятый курс был вновь подтвержден Земским собором, состоявшимся в Москве 1(11) октября 1653 года [3]. Решения Переяславской рады и переход Гетманщины в состав России привели, как и можно было ожидать, к войне с Речью Посполитой. Только в 1667 году царь Алексей Михайлович мог с полным основанием титуловать себя как «всея Великие и Малые и Белые России самодержца» [4]. Были созданы предпосылки для воссоединения русского народа, которое и произошло в дальнейшем в результате трех разделов Речи Посполитой в конце XVIII в.

Третий – идеологическое обеспечение объединительного процесса усилиями Русской Православной Церкви.

Национально-освободительная борьба русского народа, оказавшегося в силу целого ряда политических трансформаций за пределами своего национального государства, за воссоединение с Московским Царством, а также встречная объединительная политика Московского правительства опирались на многовековую идейно-политическую традицию, обосновывающую единство Русской земли и непреклонную защиту православной веры. По мере формирования Великорусского централизованного государства с центром в Москве ведущая идеологическая концепция, призванная защищать и обосновывать легитимность этого государства, абсолютную власть московских монархов и их историческую миссию, наполнялась новым содержанием, соответствующим задачам, которое это государство перед собой ставило и в полном соответствии с представлениями и уровнем исторических знаний человека позднего средневековья. Идея богоизбранности русской земли применительно к Московскому Царству нашла свое выражение в теории «Москва - третий Рим», которая была сформулирована монахом Псковско-Печерского монастыря Филофеем около 1524 г. Филофей говорит, что «два рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти» [5; 6]. Другими важными политико-идеологическими документами, распространявшимся по каналам Русской Православной церкви, а значит получившими известность во всех уголках Русского мира, стали «Послание о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы и «Сказание о князьях Владимирских» [7; 8]. Эти сугубо идеологические теории работали на формирование единых общественных представлений об исторической роли российской государственности и ее уникальном почетном месте в мировой истории и геополитике.

Однако в XVII было сформировано уже более рациональное и политически выверенное видение общности восточных славян, как сейчас бы сказали – концепция единства Русского мира. В 1674 году, незадолго до подписания «Вечного мира» с Речью Посполитой (1686 г.), архимандритом Киево-Печерской лавры Иннокентием Гизелем был выпущен так называемый «Синописис» (т.е. «краткий обзор», «общий взгляд») – сочинение, в котором давалась целостная картина становления единого российского государства с древнейших времен и до времени жизни автора данного сочинения, переплетение судеб «российских народов», их родственная близость и необходимость единства под скипетром московских государей – наследников и продолжателей дела князей Древнерусского государства [9;10;11]. Эта идея, при всей ее кажущейся политической ангажированности, которая безусловно имела место, отражала глубинные основы и необходимость единства Русского мира.

Путь, пройденный русским народом в XVII веке свидетельствует, что обретенное национальное единство со значительной частью русского народа, проживавшего по левобережью Днепра, было бы невозможно без жертвенной борьбы с Речью Посполитой и Крымским ханством, без объединяющей роли великорусского монархического государства, оказавшегося способным к середине XVII века оказать политическую и военную поддержку народному порыву населения юго-западной Руси к единству, а также без мощного идеологического сопровождения данного процесса.

Национально-освободительное движение русского народа в XVII веке имело целый ряд исторических последствий, среди которых следующие: начало восстановления исторического единства русского народа и формирования единой российской нации; включение в состав России богатейших территорий, обладающих огромным сельскохозяйственным и промышленным потенциалом; укрепление российской государственности, обеспечившее начало мощного модернизационного процесса Петровской эпохи; создание предпосылок для расширения территории российского государства в направлении Дикого поля (Новороссии) и Крыма, а также восточных территорий Речи Посполитой с русским населением; создание зоны безопасности между странами Запада.

Уникальный исторический опыт и уроки того периода внушают оптимизм и веру в возможность на новом витке исторического развития воплотить в жизнь идею национального единства разделенного русского народа и его воссоединения в рамках Великой, Единой и Неделимой России.

Список литературы

1. Гончаренко Л.Н., Авакова Э.Б. Историческая самоидентификация России: этапы становления и современные функции // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2019. – № 2. – С. 132-147.
2. Бушик Л.П. Иллюстрированная история СССР. XV-XVII вв. – М.: Просвещение, 1971. – 445 с.
3. Козаченко А. И. Земский собор 1653 года // Вопросы истории, 1957. – № 5. – С. 151-158.
4. Полное Собрание Законов Российской империи. Собр. I. – Т.1. – № 42.
5. Малинин В.Н. Старец Елизарова монастыря Филофей и его послания: Историко-литературное исследование. – К.: Тип. Киево-Печерской Успенской лавры, 1901. – 1029 с.
6. Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV-XVI вв.). – М.: Академический Проект, 2020. – 481 с.
7. Гольдберг А.Л. К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // Труды Отдела древней литературы, 1976. – Т.30. – С. 204-216.
8. Сказание о князьях владимирских // Советская историческая энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – Т. 12. – С. 940.
9. Малинов А.В. Философия истории в России. Конспект университетского спецкурса. – СПб.: Изд. торг. дома «Летний сад», 2001. – 189 с.
10. Мечта о русском единстве. Киевский «Синописис». – М.: Европа, 2006. – 248 с.
11. Пештич С.Л. «Синописис» как историческое произведение. Труды отдела древнерусской литературы. – И.-Л., Изд-во АН СССР, 1958. – Т. XV. – С. 284-298.

МЕТОДОЛОГИЯ ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УСЛОВИЯХ ДЕКОНСТРУКЦИИ ЖИЗНЕННОГО МИРА

Гончаров Ю.А.

Кандидат политических наук

Филиал ФГУП «Главный радиочастотный центр» по Республике

Крым и г. Севастополь,

заместитель начальника отдела мониторинга СМК

E-mail: kipvo@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается методология гуманитарной экспертизы, предложенная российским философом Александром Панариным. С его точки зрения, современная гуманитарная экспертиза требует человеческого измерения политики, соотношения политических целей с ценностями индивидуального блага. Человек существует одновременно в двух измерениях: в поле практического опыта, повседневной жизни, связанной с традициями и в поле истории, связанном с новациями, социальным творчеством. Неконтролируемые перемены могут угрожать стабильности жизненного мира, поэтому внимание эксперта должно быть сосредоточено на определении ценностной составляющей перемен, обеспечивающей сохранение жизненного мира и придание ему нового качества.

Ключевые слова: А.С. Панарин, философия, Россия, гуманитарная экспертиза, перемены. Хайдеггер, жизненный мир, цивилизации, свобода, ценностный выбор.

METHODOLOGY OF HUMANITARIAN EXPERTISE IN THE CONDITIONS OF RECONSTRUCTION OF THE LIFE WORLD

Goncharov Y.A.

candidate of political sciences

Branch of the «General Radio Frequency Centre» in the Republic of

Crimea and the city of Sevastopol

deputy Head of the Media Monitoring Department

E-mail: kipvo@yandex.ru

Abstract. The article discusses the methodology of humanitarian expertise proposed by the Russian philosopher Alexander Panarin. From his point of view, modern humanitarian expertise requires the human dimension of politics, the correlation of political goals with the values of

individual welfare. Man exists simultaneously in two dimensions: in the field of practical experience, everyday life associated with traditions and in the field of history associated with innovations, social creativity. Uncontrolled changes can threaten the stability of the life world, therefore, the expert's attention should be focused on determining the value component of changes that ensures the preservation of the life world and giving it a new quality.

Keywords: Aleksandr Panarin, philosophy, Russia, humanitarian expertise, changes, Heidegger, life world, civilizations, freedom, value choice.

Глобализация как ключевой международный политический процесс конца XX века критиковалась российским философом А.С. Панариным за ее «патологический характер» [5, с. 154]. Сегодня ключевым международным процессом эксперты называют «деглобализацию» [4], которая может принимать не менее патологические формы.

Как противостоять этому разрушительному влиянию глобальных процессов на личность и общество? Об этом А.С. Панарин размышлял во многих своих работах. Для оценки пагубного воздействия жестких политических технологий ученый разработал методологию гуманитарной экспертизы, которая требует «человеческого измерения политики, соотношения целей «большой политики» с запросами личности, с ценностями индивидуального блага» [6, с. 142].

По словам философа, для проведения гуманитарной экспертизы «классическое детерминистское объясняющее знание, ориентированное на поиски причинных связей» [7, с. 47], не подходит, «требуется совершенно другая гуманитарная аналитика – понимающая. Понять поступок человека, в отличие от процедуры объяснения, значит увидеть его в горизонте возможного выбора – непредопределенным, адресующимся к свободе человека как к единственному источнику» [7, с. 56].

Политическая система с помощью жестких социальных технологий воздействует на мир повседневной жизни человека, подчиняя смысл его существования собственным целям, программируя его поведение. Объяснение поступков сводится к сумме рационально просчитываемых мотивов. Между тем, как подчеркивает Панарин, за выявлением индивидуальных мотивов поступка следует «небезопасная развилка: от индивидуального мотива можно идти к интересам, а можно — к ценностям» [7, с. 53].

Примером доведенной до абсурда логики поведения людей в соответствии с «интересом» для Панарина является сюжет гоголевских «Мертвых душ», где конструктивистский цинизм губернской бюрократии, все выведенные Гоголем типы которой «поражают своим эклектически двусмысленным, умышленным характером, своим антитрадиционализмом и антинатурализмом» [8, с. 119], наталкиваются на спекулянтский цинизм нового дельца, и не видят в этом морального противоречия: «Как бы на это среагировали люди подлинно традиционалистского типа? Открестились бы и отвернулись в ужасе. Между тем наши «традиционалисты» тут же принялись торговаться с Чичиковым за каждую мертвую душу» [8, с. 120]. То есть «круговороты денег и власти в экономике и общественном управлении» [10, с. 95] перекрывают «жизненный мир», и происходит это задолго до исследованного Ю. Хабермасом периода позднего модерна!

Здесь необходимо обратить внимание на еще одну важную для политического анализа оппозицию: новации – традиции. Дело в том, что с точки зрения современной политической науки традиция не находится в оппозиции к инновациям, поскольку «в инновациях доминирует рационально мотивированная составляющая, в то время как освоение традиции лежит за пределами сферы рационального опыта модерна и тем более нынешнего его постмодернового этапа, когда сам принцип рациональности зачастую трактуется исходя сугубо из текущих интересов, без учета долговременных эффектов» [9, с. 53].

Суть гуманитарной экспертизы для А.С. Панарина – в соотношении экспертных выводов с двойственной природой человека, который живет одновременно в двух измерениях – в поле практического опыта, освященной традицией повседневной жизни, и в поле истории. Поле истории – это мир перемен, новаций, социального творчества, которых человек, как свободное существо, избежать не может. Но субъекты этих перемен (для Панарина это – «агенты глобализации») атакуют (и разрушают) бытийную основу человеческого существования, его «жизненный мир».

С точки зрения автора этого термина, Э. Гуссерля, «жизненный мир» – это «царство изначальных очевидностей» [2, с. 175]. Александр Панарин определяет его как «дом нашего бытия, неразложимая первичная субстанция» [7, с. 70]. В поисках первичных основ бытия русский философ обращается к «философскому проекту» Мартина Хайдеггера. Именно ему посвящена последняя статья А.С. Панарина, опубликованная в сборнике «Сумерки глобализации» с характерным заголовком: «Глобализация как вызов жизненному миру. За

Хайдеггера» [5]. На что стоит обратить внимание в творчестве Хайдеггера, вооружившись панаринским подходом? Хайдеггер определяет наше непосредственное бытие как ценность, и именно как ценность оно постоянно подвергается угрозе. «Бытие понимается как система необходимых условий, с которыми должен заранее считаться субъект, причем именно в ориентации на сущее как на предметное, на почве своего отношения к сущему. Условия, с которыми обязательно нужно считаться, – как вы хотите, чтобы рано или поздно их не назвали «ценностями», «основными» ценностями, а потом не начали их переоценку?» [11, с. 163]. Грубо говоря, жизненный мир человека, «дом нашего бытия», который составляет основу нашей идентичности, подвергается деконструкции, как «отсталый», «архаичный», мешающий движению в будущее. Причем предела этой деконструкции нет: можно поставить под сомнение не только, например, государственную или этническую идентичность, но и, например, полую. А на его месте конструируется новый, искусственный, «небывалый» мир, «связанный с забвением, замутнением первичного смысла и первичной человеческой ориентации в мире» [5, с. 142]. При этом новый, сконструированный мир является более авторитарным, поскольку не является органичным и требует принудительного внедрения в жизнь.

Впрочем, не стоит думать, жизненному миру угрожают только разрушительные атаки ретивых модернизаторов. В противостоянии этим атакам мы рискуем впасть в другую крайность – социальной утопии, в которой идеализируются уже все традиционные, в том числе архаичные структуры. Как справедливо пишет А.С. Панарин, последовательный фундаменталист «способен оставить ствол национальной культуры голым – поиски чистого в национально-культурном и идейно-религиозном отношениях происхождения ведут в тупик» [7, с. 46]. Деконструкция жизненного мира как несоответствующего идеалу прошлого, может быть не менее разрушительна, чем его деконструкция за несоответствие прекрасному «миру будущего».

Итак, выявление угроз жизненному миру человека, «экологии» его существования – это основная задача панаринской гуманитарной экспертизы. Но новации, перемены – необходимая часть человеческого бытия. Как сохранить способность к переменам, не разрушая «дом бытия»? Как выйти из этого порочного круга конструкции-деконструкции?

Если продолжить аналогию с домом, то «дом бытия» имеет не только основание, которое А.С. Панарин метафорически называет

«резервуаром» для перемен, но и кровлю, своего рода «верхний контур» идентичности человека. Если отправной точкой человеческого бытия является жизненный мир, мир наиболее близкий нам, том числе наше ближайшее сообщество, то верхним контуром этого бытия является цивилизация – наиболее общее историческое объединение людей. Цивилизационный подход представляет собой коллективный способ бытия, который включает набор многообразного количества фактов, от самых общих, связанных с историческим развитием цивилизаций, до самых частных, будь то «ритуальное признание великого долга человека перед всем, что было прежде» у японцев, отмеченное Р. Бенедикт [1, с. 71], или «изысканные образцы» архитектуры, составившие главный вклад в мировую цивилизацию «магометанских народов», с точки зрения Н. Я. Данилевского [3, с. 379].

«Мостом» между ближним «жизненным миром», где господствует повседневность и дальним миром исторического творчества, полем «столкновения цивилизаций», является «мир ценностей». Человек, как ценностно ангажированное существо откликается на те исторические события, которые затрагивают его ценности, не оставляют равнодушным. Задача состоит в том, чтобы любые внешние по отношению к человеку политические и социальные проекты перестали быть результатом «внешней принудительности», а стали результатом сознательного ценностного выбора, ведь «чем более ценностно ангажированным является человек, тем в большей степени он ведет себя по-человечески: не следуя пассивно «воле обстоятельств», но следуя собственной воле» [7, с. 56]. По словам Александра Панарина, полюса «ближнего и дальнего» образуют «диалектическую пару», которую нельзя разорвать, не нарушив устойчивость социального бытия. И именно нарушение этого принципа, отрицание «жизненного мира» как «резервуара», сообщающего жизненную силу и практический смысл глобализации, придало ей «патологический» характер. Отрицание роли глобального мира как источника новаций, придающих жизненному миру новое качество, может привести к аналогичному результату.

Список литературы

1. Бенедикт. Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры / Пер. с англ. - 2-е изд. М., Спб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013, 256 с.

2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Спб: Владимир Даль, 2004, 398 с.
3. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008, 816 с.
4. Караганов С.А. Век войн? Статья первая // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 1. С. 52–64.
5. Панарин А.С. Глобализация как вызов жизненному миру. За Хайдеггера// Сумерки глобализации: Настольная книга антиглобалиста/Под ред. А.Ю. Ашкерова. М.: ООО «Издательство АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004. С. 123-154.
6. Панарин А.С. Политическая антропология//Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность. Хрестоматия/Отв. Ред.-сост. А.Д. Воскресенский. М.: Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2000. С. 142 – 166.
7. Панарин А.С. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века. М.: «Эдиториал УРСС», 1998, 352 с.
8. Панарин А.С. Русская культура перед вызовом постмодернизма. М.: Институт философии РАН, 2005. 188 с.
9. Семененко И.С. Традиция и инновация как концепты политической науки и ориентиры политики развития: диалектика совместимости. Полис. Политические исследования. 2023 № 5. С. 45-65.
10. Хабермас Ю. Демократия, разум, нравственность. Московские лекции и интервью. Серия: Первые публикации в России. М.: Academia, 1995, 244с.
11. Хайдеггер М.Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993, 447 с.

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЗАЦИИ В КОСОВО И МЕТОХИИ

Верица Р. Грбович

*Институт сербской культуры Приштина - Лепосавич, (Сербия)
ассоциированный сотрудник, аспирант
E-mail: vericamihajlovic86@gmail.com*

Аннотация. *В полиэтнических пространствах на протяжении десятилетий зачастую существуют взаимопроникающие элементы народных традиций и культур. В результате десятилетий сосуществования двух и более этносов часто происходит ассимиляция и утрата «первоначального происхождения» того или иного культурного явления. В условиях сильных политических потрясений, присутствующих на территории Косово и Метохии на протяжении десятилетий, часто происходит эксплуатация элементов народной культуры как свидетельства возможно более «самобытного» этноса. В статье указываются элементы фольклора, ассимилированные в культуру нескольких этносов. В процессе политизации элементов народной культуры мы наблюдаем специфическую «протянутую руку» внешней политики албанцев именно через пропаганду присвоения элементов сербского или истории других народов Балкан как исключительно своей собственной. На таких примерах мы можем заметить, что события в Косово и Метохии направлены не только на захват территории, но и на все другие аспекты существования. В этом контексте крайне важно сохранить доказательства многовекового существования сербов на территории Косово и Метохии, особенно в тех частях, откуда они были изгнаны.*

Ключевые слова: *Косово и Метохия, национализация, гусле/лахута, сербы, албанцы.*

NATIONALIZATION OF FOLKLORE ELEMENTS AS A FACTOR OF POLITICS IN KOSOVO AND METOHIA

Verica R. Grbović

*Institute for Serbian Culture Priština – Leposavić (Serbia),
expert associate, PHD student
E-mail: vericamihajlovic86@gmail.com*

Abstract. *In multi-ethnic areas, elements of national tradition and culture often interpenetrate over decades. As a consequence of decades of*

cohabitation of two or more nations, there is often assimilation and loss of the "original origin" of a cultural phenomenon. In conditions of strong political turmoil, such as have been present in the area of Kosovo and Metohija for decades, the exploitation of elements of folk culture as evidence of a perhaps more "original" nation often occurs. This paper points to folklore elements that have been assimilated into the cultures of many nations. In the process of politicization of the elements of folk culture, we see a specific "extended hand" of the foreign policy of the Albanians through the propaganda of appropriating elements of the Serbian or the history of other peoples from the Balkans as exclusively their own. Through such examples, we can see that the events in Kosovo and Metohija do not aim to take over only the territory, but also all other aspects of existence. In such a context, it is of crucial importance to preserve the evidence of the centuries-old existence of Serbs in the territory of Kosovo and Metohija, especially those parts from where they were expelled.

Key words: *Kosovo and Metohija, nationalization, gusle/lahuta, Serbs, Albanians*

Одним из основных явлений на территориях, характеризующихся длительным сосуществованием как минимум двух этносов, является ассимиляция и взаимное влияние на все аспекты жизни, особенно на элементы фольклора, передаваемые из поколения в поколение. Одним из таких регионов являются Балканы, где государственные границы менялись на протяжении веков, но народы упорствовали и сопротивлялись их перекраиванию. Не только совместный быт, но и многовековые соседские отношения повлияли на взаимную ассимиляцию до такой степени, что почти во всех аспектах народной культуры можно найти одинаковые или очень похожие элементы [1]. На территории Косово и Метохии наблюдаются влияния не только албанской культуры, но и других балканских народов, обусловленные не только соседним положением, но и множественными миграциями, затронувшими Балканы [2; 3].

Одним из примеров очень широкой области, в которой можно расширить элемент, является песня, известная в Сербии как «Русе косе цуро имаш (рус. У тебя рыжие волосы, девочка)» и ставшая предметом документального фильма «Чья это песня?», снятого болгарским режиссером и продюсером Аделой Пеевой. Она находит одну и ту же песню у девяти народов, и куда бы ни пошла и не спросила, чья это песня, она всегда получала один и тот же ответ: «наша». Турецкий этномузыковед Айдын Ой установил персидское происхождение песни, которая после Крымской войны распространилась из

Константинополя в Турцию, а затем на всю территорию Османской империи [4, с. 61]. Предполагается, что песню привезли в Сербию молодые люди из окрестностей города Вране, участвовавшие в Крымской войне. В сербском языке также появляются тюркизмы - слова, взятые из турецкого языка, которые, как известно, изначально не были сербскими, но стали таковыми за столетия использования.

В некоторой степени можно установить происхождение любого элемента народной традиции, если о нем имеются письменные свидетельства. В Сербии очевидно, что многочисленные демографические изменения повлияли на включение самых разных элементов в народную традицию. Однако на территории Косово и Метохии посредством различных процедур медленно готовится отрицание многовекового существования сербов, и для этого используются именно общие элементы народной культуры и фольклора.

Одним из примеров является свидетельство гида монастыря Грачаница. Два члена СДК, приехавшие посетить монастырь, оспорили историческую информацию, представленную им монастырским гидом. Солдаты пришли с предубеждением, что монастырь Грачаница изначально был албанским зданием, что он был похищен сербами в Средние века, и что народный костюм этого региона был перенят у албанского народа. При первой встрече с «внешними» посетителями албанский народ в Косово и Метохии позаботился о том, чтобы изгнание сербов из этих мест было дополнительно оправдано тем фактом, что сербы изначально похитили то, что принадлежало албанцам. Хотя подделка данных, которыми были завалены члены СДК, легко доказуема, необходимо подумать о последствиях этого начинания – сколько солдат отправились в свою страну с таким же впечатлением, поделились той же ложной информацией со своей семьей, соседями, коллегами? Хотя монастырь Грачаница является имением сербского короля Милутина, которое было построено между 1315-м и 1321-м годами, многочисленные итальянские, французские, бельгийские и другие солдаты и их окружение будут продолжать воспринимать, основываясь на лжи албанцев, этот монастырь как албанское здание, несправедливо похищенное сербами.

Такой национальный «маркетинг» албанцев в Косово и Метохии затрагивает ряд элементов народной культуры. В качестве примера политизации элемента фольклора мы можем взять народный инструмент, известный в Сербии как гусла, а в албанской традиции как лахута (алб. lahutë). На протяжении веков этот инструмент был

представлен сербами и албанцами как народный инструмент без явного «присвоения» его первоначального происхождения. Однако в ноябре 2018 года феномен «пения под аккомпанемент гуслей» был внесен в официальный список ЮНЕСКО как элемент нематериального культурного наследия Сербии [5]. С тех пор албанская сторона прилагает огромные усилия, чтобы доказать, что гусли не являются сербским инструментом, а сербы переняли его у албанцев, хотя сам инструмент не входит в список ЮНЕСКО.

Сразу после объявления новостей о включении «пения под аккомпанемент гуслей» в список ЮНЕСКО, в албанских СМИ массово заполняются страницы, в которых сербам отказывают в праве на этот инструмент. Уже в декабре национальный журнал Тирана Таймс публикует статью «Албания и Сербия в конфликте из-за лахуты» с фактами, позволяющими предположить, что албанцев «обогнали» только сербы. А именно, в статье указывается, что еще восемь лет назад албанская команда из Министерства культуры готовила документацию для подачи заявки албанского эпоса и лахуты в организацию ЮНЕСКО как нематериального наследия, но дело было безуспешно завершено из-за «неудавшегося лоббирования со стороны Министерства культуры и Министерства иностранных дел» [6].

Одним из главных инициаторов этого проекта является албанский этномузыковед Василь Толе. В статье Тирана Таймс Толе указывает на то, что это балканский инструмент и это «наследие, присутствующее в обоих народах», но что оно ранее присутствовало в регионах Албании, основываясь на многочисленных исследованиях зарубежных албанистов и ученых [6]. В нескольких выступлениях Толе четко подчеркивал, что лахута является историческим инструментом албанцев, «от которого соседи также переняли его» [7].

Основные источники, на которых основаны доказательства албанских сторонников оригинального албанского происхождения инструмента, на самом деле довольно произвольны и весьма умело изолированы, хотя есть и контрдоказательства. А именно, в устной традиции, утверждают они, лахута упоминается в связи со старейшим албанским эпосом о Крешнике, что связано с вопросом, «черпали ли албанские песни о героях вдохновение из героических песен, самых популярных сербскохорватских песен, или наоборот» [8, с. 64]. *Именно албанский лингвист Ставро Скенди в середине двадцатого века, исследуя албанские и южнославянские эпические традиции, выделил «большую группу рапсодий, названную краинице по месту их происхождения, Краине... От этого слова также происходит албанский термин kreshnik (герой, героический) который используется*

для обозначения рапсодий Муйо-Халильского цикла *kange kreshnikesh* (песни героев)» [12, с. 339].

Одна из важных записей эпических поэм с Балканского пространства происходит от Милмэна Пэрри и Альберта Лорда, которые в поисках фольклорных напевов, подобных гомеровскому эпосу, посетили деревни «Боснии, Герцеговины, Черногории и Южной Сербии» [9, с. ix]. Хотя албанские исследователи отмечают, что большинство респондентов, которые пели записанные песни, были албанской национальности (что является лишь предположением), следует отметить, что во время поездки Пери записал «около 205 сербскохорватских... и 11 албанских песен» [9, с. xv]. Албанские исследователи обвинили Пэрри и Лорда в обходе Албании при сборе материала. Однако оказывается, что это еще одна попытка подделать доступные данные. А именно, Лорд утверждает, что в октябре 1937 года он «путешествовал по горам северной Албании от Шкодера до Кукеса через Боге, Тхети, Абату и Тропою», собрав около сотни повествовательных стихотворений. Он приходит к выводу, что среди албанцев присутствует больше «мусульманских героев югославской поэзии, таких как Муджо и Халил Хрница и Джержелез Алия» [13, с. 477]. Так что главные герои албанского эпоса присутствуют и в сербской традиции. В то время как албанцы представляют их исключительно албанскими персонажами, Пэрри и Лорд ясно указали на тот факт, что мусульманские герои присутствуют и в эпических песнях некоторых частей Сербии (точнее, Югославии в период их исследования).

Это исследование послужило вдохновением для албанского писателя Кадаре при написании романа «Дося Х.», в котором два вымышленных персонажа-исследователя приезжают из Америки в Албанию «в единственный регион на планете, где до сих пор производится поэтический материал, похожий на материал Гомера» [11]. Этот, подчеркнем, вымышленный роман, нередко используется для введения сведений об албанской эпической традиции как о более древней [12, с.115].

На этих примерах становится ясно, что каждый элемент жизни подвержен фальсификации, к которой прибегают албанцы, особенно когда речь идет о пространстве Косово и Метохии. Мы являемся свидетелями многочисленных попыток фальсифицировать историю Косово и Метохии и представить все сербские праздники и монастыри как похищенные у албанцев. Хотя это легко доказуемая истина, «щупальца» политического маркетинга, основанного на чистой выдумке, настолько многочисленны и далеко идущие, что

полностью устранить его последствия невозможно. Включение фольклорного элемента в список нематериального наследия ЮНЕСКО мгновенно политизировалось и вызвало лавину новой попытки представить сербов (снова) как похитителей албанского. Уже 04 декабря 2018 года, сразу после внесения в список ЮНЕСКО, албанцы в ответ выдвинули петицию под названием «Лахута – албанское культурное наследие», в которой сербов публично обвиняют в краже албанского национального элемента. В качестве доказательства они приводят (якобы) прилагаемый файл «Мифическое искусство 'Lahuta e Kreshnikëve' (Лахуты героев)», который на самом деле не является файлом, а лишь его иллюзией [14]. Таким образом, хотя никаких конкретных доказательств не прилагается, упоминается их существование, что, к сожалению, иногда вполне достаточно. С другой стороны, многочисленные свидетельства, указывающие на возможность того, что албанцы переняли инструмент у сербов, полностью игнорируются в албанской литературе и СМИ.

На примере древнего музыкального инструмента очевидна инструментализация этнического фактора, к которой прибегают албанцы в стремлении представить сербов как нацию, всегда что-то отнимавшую у них, тем самым оправдывая насильственное формирование так называемого государства «Косово». Хотя сербы не утверждают, что *гусле/лахута* является исконным сербским инструментом, а что он присутствует в сербской традиции, албанцы утверждают обратное. И подобные фальсификации фактов мы встречаем на каждом шагу. Таким образом, они пытаются оправдать изгнание сербского народа из Косово и Метохии и представить его как возвращение похищенного. И, к сожалению, их политический маркетинг в значительной степени преуспевает. Ряд стран, незнакомых с реальными фактами, действительно имеют представление о сербах как об оккупантах, жестоком и насильственном народе, веками угнетавшем албанцев на территории, которую они ранее у них отобрали. Поэтому очень важно, чтобы сербские ученые обращали особое внимание на территорию Косово и Метохии, особенно на районы, где сербы больше не живут, и чтобы оставляли как можно больше письменных свидетельств их многовекового существования. Косово и Метохия всегда были колыбелью сербов, и они должны оставаться такими, несмотря на насильственное изгнание сербов из этих мест.

Список литературы

1. Михайлович В. Влияние полиэтничности на этническую традицию Косово и Метохии – влияние исторических обстоятельств на культурную ассимиляцию и диссимиляцию // Политическое пространство и социальное время: Глобальные вызовы и цивилизационные ответы. Сборник научных трудов XXXVII Международного Харакского форума (Симферополь, 5-7 ноября 2020 г.) / Под ред. Т.А. Сеньюшкиной. Том 2. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021. С. 27-35.
2. Михајловић, В. Утицаји суседних балканских народа на народнотрадицију Косова и Метохије манифестовани кроз елементе фолклора // Косово и Метохија у контексту балканских народа и држава. Тематски зборник са националнонаучног скупа са међународним утицајем (Лепосавић, 30. новембра 2015г) / Лепосавић: Институт за српску културу Приштина - Лепосавић, 2016. С. 369-381.
3. Михајловић В. Фолклорна блискост Бугарске и Косова и Метохије: аналогија елемената народне ношње и музике // Лесковачки зборник LVII. Лесковац: Народни музеј у Лесковцу, 2017. С. 327–340.
4. Ђукановић М. Кроз турску поезију. Београд: Филозофски факултет, 1969. 170 с.
5. URL.: <https://ich.unesco.org/en/RL/singing-to-the-accompaniment-of-the-gusle-01377> (дата обращения – 23.02.2024).
6. Albania and Serbia at odds over Lute // Tirana Times, December 5, 2018. <https://www.tiranatimes.com/?p=13954>(дата обращения – 11.02.2024).
7. Nga Julia Vrapë. Vasil Tole: Krahas nismës për regjistrimin e lahutës në UNESCO t'i kushtohet vëmendje shtetërore dhe publike, duke e shpallur edhe "Vitin e lahutës" Shqipëri-Kosovë // Sot News, 15 Mars 2023. URL: <https://sot.com.al/kultura/vasil-tole-krahas-nismes-per-regjistrimin-e-lahutes-ne-unesco-ti-kushtoh-i576249>(дата обращения – 11.02.2024).

8. Robert Elsie. NJË FUND DHE NJË FILLIM Vëzhgime mbi letërsinë dhe kulturën shqiptare bashkëkohore. Tiranë: Globus R, Prishtinë: Buzuku, 1995. 195 c.
9. Bela Bartok, Albert B. Lord. Serbo-Croatian Folk Songs Texts and Transcriptions of Seventy-Five Folk Songs from the Milman Parry Collection and a Morphology of Serbo-Croatian Folk Melodies. New York: Columbia University Press, 1951. 431 c.
10. Ismail Kadare. The File on H. New York: Arcane Publishing. 2013. 176 c.
11. Denis Bizhga. The Epic of the Kreshniks in the literature of Ismail Kadare and a description of the rhapsodes of the Albanian mountains // Polis. No. 22. Issue 1/UET Press, 2023. C.114-117.
12. Stavro Skendi. The South Slavic Decasyllable in Albanian Oral Epic Poetry // WORD. 1953. № 9:4. C. 339-348.
13. Milman Parry, Adam Parry. The Making of Homeric Verse: The Collected Papers of Milman Parry. Oxford: Oxford University Press, 1987. 483 c.
14. URL.: <https://www.change.org/p/dardania-sacra-lahuta-%C3%ABsht%C3%AB-shqiptare> (дата обращения – 20.03.2024).

CIVILISATIONAL PERSPECTIVES OF INTERNATIONAL RELATIONS

Preeti D. Das

Doctor in Philosophy

Jawaharlal Nehru University, Centre for Russian and Central Asian Studies, School of International Studie, New Delhi, India,

Associate Professor

E-mail: preetidd@mail.jnu.ac.in

Abstract. *The reference to the civilisational state has long been part of international debates it has gained prominence after Samuel Huntington's Clash of Civilisations. Several debates observed that dialogue of civilisations and regionalism could pose challenges to global peace. On the other hand, Indian philosophers are supporters of active role of culture and traditional values across socio-cultural aspect of societies, especially in international relations. The article touches upon some of the Indian*

perspective to showcase that multi-civilisational approach could only bridge the gap rather than creating a geopolitical rift.

Keywords: *Civilization; Culture; Dialogue of civilization; India; Cultural Diplomacy.*

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Прити Д. Дас

Доктор философии

Университет Джавахарлала Неру,

Центр изучения России и Центральной Азии,

*Школа международных исследований, Нью-Дели, Индия,
доцент*

E-mail: preetidd@mail.jnu.ac.in

Аннотация. Упоминание о цивилизационном государстве уже давно является предметом международных дискуссий, оно приобрело особую актуальность после выхода книги Сэмюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций». В ходе нескольких дискуссий отмечалось, что диалог цивилизаций и регионализм могут создавать проблемы для глобального мира. С другой стороны, индийские философы являются сторонниками активной роли культуры и традиционных ценностей в социокультурном аспекте общества, особенно в международных отношениях. В статье рассматриваются некоторые аспекты индийской точки зрения, которая показывает, что мультицивилизационный подход может лишь устранить разрыв, а не создать геополитический раскол.

Ключевые слова: *Цивилизация, культура, диалог цивилизаций, Индия, культурная дипломатия.*

Introduction

Civilisational perspectives of international relations is an approach that considers the interaction of countries and cultures from the point of view of their civilizational identity, historical traditions, and cultural values. This approach has become particularly relevant in light of globalization and the growing diversity of cultures in international relations.

A discourse about culture and civilization, where the dialogue of civilizations came to the fore against the background of two competing and powerful discourses – Huntington and Fukuyama. Huntington's thesis of the clash of civilizations was an influential, albeit contradictory, description of

geopolitical fault lines centred on civilizational spaces. Amitav Acharya looks into rising powers such as Russia, India, China, and Turkey from their civilisational identity perspective. The studies highlight how civilisational identity is stressed in framing foreign policies and cultural diplomacy. Sebastian Haug and Supriya Roychoudhury discussed global concerns related to the shift from the nation-state to the civilisational state that allows leaders to manoeuvre international relations [3]. The prime concern of scholars revolves around the very concept of civilisation as it has always remained elusive. Broadly speaking, the history of civilization is the history of the development of human aspirations and the many efforts to achieve them from also the history of human failures of suffering. Culture, civilization and values are interrelated characteristics.

There was an urgent need for expanding acquaintance with the achievements of world science in the development of the theory of civilizations post Huntington's theory about the clash of civilisations. On the one hand, the discrediting of the previous theory of historical materialism, on which the entire system of ideological understanding of various aspects of social regulation was based, gave rise to a significant vacuum in Russian social thought, filled by the accumulation of heterogeneous disciplines and or doctrines with an ideological orientation. At that time, for India, the civilizational state was always a kind of concept that went beyond the modern understanding of the nation-state. This idea highlights India's long-standing cultural and historical continuity, its diverse yet unified cultural identity, and deep-rooted philosophical and spiritual traditions [2].

Several debates at the Association for International Studies focused on research that makes us better understand the diversity that exists in our world, as well as seek new points of contact based on pluralistic universalism. Thus, the civilizational perspective in international relations (IR) shifts the focus from traditional state-centred and geopolitical approaches to approaches that take into account the influence of deep cultural, historical, and civilizational factors. This view recognizes that civilizations, with their long-standing cultural, philosophical, and social systems, play a crucial role in shaping the interaction between nations and peoples.

Navigating through global approaches to understand the civilisational perspectives of international relations, this article attempts to showcase India's civilisational approach in carrying forward its international relations and indicates how the idea of civilizational dialogue can contribute to the emergence of such new common grounds.

The Approach of Civilisational Perspectives

A few key trends and trends that may affect international relations in the coming years are multipolarity and the changing balance of power, the rise of regional powers, economic and technological change, globalization and anti-recession, and the emergence of new types of threats. Examples other than India and Russia include the growing role of Turkey in the Middle East, Brazil in Latin America, and South Africa in Africa. Cultural and civilizational differences between these countries continue to play an important role in international relations.

Theories of civilizational perspectives of international relations consider the interaction between different civilizations as a key factor determining global dynamics and conflicts. These theories focus on the cultural, historical, and religious aspects that affect international relations. They help explain the dynamics and trends that may shape the future of international relations. There are two main directions. One direction, within the framework of which the social sciences were formed, was called upon not only to explain the diversity of the material and objective world that the new West presented to man but also to reveal the patterns of phenomenal development of industrial society, which in the period of the 17th and 19th centuries radically transformed the appearance of Western Europe and endowed it with the ability to dispose of the fate of many peoples of the globe. Naturally, the determining principle for this direction was material production, economy, mode of management and the relations generated by them [2, p. 26].

Another direction that relied on humanitarian research methods and gave rise to a complex of humanitarian, philological and historical sciences in its social and cultural sciences. Dimensions. It was within the framework of the humanities that there was an intensive accumulation of knowledge about religions, languages, literature, philosophy of history, etc., which gave rise to a rich comparative study and led to the formation of a complex of Orientalists, American studies, African studies, Islamic studies, Indology, Buddhist studies, and Chinese studies [2, p. 26].

Consequently, there are four main theories of the perspective of the civilization of international relations: the Clash of Civilizations Theory with Samuel Huntington; the Dialogue of Civilizations Theory; the Theory of Civilizational Hegemony; and the Theory of Civilizational Identity. Samuel Huntington's theory suggests that future conflicts will occur not between states, but between civilizations, where Cultural and religious differences are major sources of conflict. And Western civilization faces challenges from other civilizations, especially Islamic and Chinese. This is what frightens Western countries and strengthens the prospects of the civilizational approach, such as the intensification of inter-civilizational

conflicts and tensions, the emergence of new coalitions and alliances based on civilizational affiliation and the strengthening of cultural and religious contradictions in global politics. The theory of the dialogue of civilizations suggests that mutual understanding and cooperation among civilizations are key to maintaining global peace. Consequently, cultural and religious differences can be overcome through dialogue and mutual respect. This leads to the expansion of international platforms for inter-civilizational dialogue, the strengthening of cultural exchange and cooperation, and the reduction of the likelihood of conflicts through improved mutual understanding and tolerance.

Although the idea of a dialogue of civilizations in international relations emerged as a global political vision, from a geopolitical point of view it represented a radical critique of the political and ideological dominance of the liberal world led by the United States. This vision is based on clear normative resistance to the idea of a unipolar world order, a multipolar world. F. Petit wonders whether the idea of a dialogue of civilizations should support the concept of a multipolar world order [4, 79].

Still, theories of civilizational perspectives on international relations offer unique and important tools for understanding global politics. They focus on cultural and historical aspects that can explain the behaviour of states and international actors. In the future, international relations will be determined not only by economic and political factors but also by cultural and civilizational interactions, which makes these theories especially relevant.

India's Civilizational Approach

India's civilizational approach to international relations is based on its rich historical and cultural heritage, which shapes its foreign policy and diplomatic efforts. This approach includes several key aspects that help to understand how India interacts with the world and what goals it pursues in the international arena.

India, being one of the oldest civilizations in the world, views itself as an ancient civilization with an uninterrupted history, which shapes its sense of self and foreign policy priorities. Its cultural and philosophical traditions, such as Hinduism, Buddhism, Jainism, and Sikhism, play an important role in its international relations. India has also influenced the West since ancient times, presenting itself as a new civilization that is constantly evolving and tolerant of change. Prime Minister Jawaharlal Nehru laid the foundations of India's foreign policy based on the principles of non-violence (ahimsa) and non-aggression. These principles continue to influence India's diplomatic efforts and its pursuit of peaceful resolution of conflicts. The

Indian thinker Swami Vivekananda showed that science and religion do not contradict each other but complement each other.

It is not surprising that the Indian liberation movement itself was civilizational. However, it is surprising that the millennial civilizational consciousness that drove the freedom movement went underground after freedom in the euphoric economic, secular and ideological politics of the time, which worked against the civilizational impulses of all countries, including India. national security. It was only in the last decades of the last century that the pre-independence Indian civilizational consciousness began to emerge again. Later, this coincided with the rise of global civilizational consciousness. The growing Indian civilizational consciousness has undoubtedly begun to influence various aspects of national life. Continuing Vivekanand's view, Amitabh Acharya expressed himself to create a forward-looking multi-civilizational world order in which the idea of a dialogue of civilizations envisions bridges rather than walls.

Summary of Indian Approach

The modern Indian state actively uses its cultural achievements and soft power to strengthen its influence. This includes promoting Indian culture through film, yoga, gastronomy and literature. Indian cultural centres and festivals promote the spread of Indian values and traditions around the world. India is committed to strengthening its economic ties and promoting sustainable development. This includes participation in international trade agreements, regional cooperation initiatives such as BIMSTEC and the SCO, and support for projects in developing countries through grants and technical assistance.

The Indian diaspora, one of the largest in the world, plays an important role in promoting India's interests abroad. Indian communities in North America, Europe, Africa and the Middle East promote cultural exchange and economic cooperation. India aspires to a multipolar world order and develops strategic partnerships with various countries and regional blocs. This includes strengthening relations with the United States, Russia, the European Union, Japan, and ASEAN countries. India's civilizational approach to international relations underscores its unique cultural and historical heritage, as well as its desire for a peaceful and just world order. This approach allows India to act as an independent and influential player in the international arena, promoting its interests through cultural diplomacy, economic cooperation, and strategic partnerships. The civilisational discourses are indeed centred around the idea of restoration of the past and emphasising the achievements of the past. However, the modern civilisational approach is cautious and vigilant about its mistakes.

Cultural diplomacy and foreign policies adopted are more inclusive and pluralistic.

References

1. Amitav A. The myth of the civilization state: rising powers and the cultural challenge to world order // *Ethics and International Affairs*. 2020. № 34: 2. P. 139–56.
2. Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост. Б. С. Ерасов. – М.: Аспект пресс, 1999. – 555 с.
3. Haug S., Roychoudhury S. Civilizational exceptionalism in international affairs: making sense of Indian and Turkish claims // *International Affairs*. 2023. Volume 99. Issue 2. March 2023. P. 531–549. URL.: <https://doi.org/10.1093/ia/iia317>.
4. Petito F. Dialogue of Civilizations in a Multipolar World: Towards a Multicivilizational Multiplex World Order // *Review of International Studies*. 2016. Vol. 18. No 1. ISA, Presidential Special Issue (March 2016). P. 78–91.
5. Sen A. Identity and violence: the illusion of destiny. London and New York: Norton, 2006.
6. Vireshananda S. Culture, Civilisation, and Values. URL: <https://advaitaashrama.org/culture-civilisation-and-values/>
7. Gurumurti S. Need For An Indian Civilisational Approach To Study India's Forest And Hill People S Chairman, Vivekananda International Foundation, 2023. URL: <https://www.vifindia.org/sites/default/files/Need-for-an-Indian-Civilisational-Approach-to-Study-India-s-Forest-and-Hill.pdf>

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Денисова А.А.

*Крымский федеральный университет им.В.И.Вернадского,
студентка*

E-mail: denisova.2006.papa@gmail.com

Научный руководитель:

Сенюшкина Т.А.,

Доктор политических наук, профессор

***Аннотация.** На основе анализа теории политических ценностей в статье рассматриваются политические ценности в качестве*

совокупности ценностных установок и представлений, оказывающих непосредственное влияние на способы принятия политических решений и формы участия в политическом процессе, а также на выбор средств и методов деятельности и целеполагания в политике. По мнению автора, современные политические процессы в российском обществе вызывают необходимость формирования политических ценностей, соответствующих актуальным геополитическим вызовам.

Ключевые слова: *политические ценности, политика, политическая культура, мировоззрение, геополитические вызовы.*

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE STUDY OF POLITICAL VALUES

Denisova A.A.

*VI.Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy Institute,
Faculty of Philosophy, Department of Political Sciences and International
Relations, student*

E-mail: denisova.2006.papa@gmail.com

Scientific supervisor:

Senyushkina T.A.

Doctor of Political Sciences, Professor

Abstract. *Based on the analysis of the theory of political values, the article examines political values as a set of value attitudes and ideas that have a direct impact on the ways of making political decisions and forms of participation in the political process, as well as on the choice of means and methods of activity and goal-setting in politics. According to the author, modern political processes in Russian society necessitate the formation of political values that correspond to current geopolitical challenges.*

Keywords: *political values, politics, political culture, worldview, geopolitical challenges.*

В условиях современных изменений в политическом пространстве возрастает роль политических ценностей. Именно благодаря приобщению к миру политических ценностей современный человек ориентируется в постоянно изменяющейся политической ситуации. В этой связи актуализируется исследование теоретических концепций, посвящённых изучению феномена политических ценностей.

Проблема политических ценностей является объектом исследовательского интереса авторов, работающих в различных научных направлениях. Теоретический фундамент изучения политических ценностей был заложен в трудах философов и социологов конца XIX - начала XX веков. Аксиологический подход был представлен Г. Лютце, который выдвинул на первый план понятие ценностей в логике и метафизике. Дальнейшие разработки связаны с именами представителей Баденской школы неокантианцев - В. Виндельбанда и Г. Риккерта. Социологическая традиция в теории политических ценностей идет от таких классиков как М. Вебер и Т. Парсонс.

В работах отечественных ученых А. П. Вардомацкого, В.А. Василенко, Г. П. Выжлецова, Б.Г. Капустина, И.М. Клямкина, Н.И. Лапина, Н.П. Медведева, Г.Л. Тульчинского, В.П. Тугаринова, В.А. Ядова и других разработаны концептуальные и методологические подходы к феномену политических ценностей.

На основании обзора литературы по данной теме мы можем утверждать, что ценности являются первоосновой установок, но они отличаются большей универсальностью и устойчивостью. Ценности – это осознанное или неосознанное характерное для индивида или для группы индивидов представление о желаемом, которое определяет выбор целей (индивидуальных или групповых) с учетом возможных средств и способов действия.

Политические ценности – это обобщенные идеи и убеждения о совершенстве в сфере политики, являющиеся ориентирами для политических оценок, желаемых конечных целей жизнедеятельности, политико-идеологических ориентаций, рассматриваемых в качестве наиболее рациональных компонентов политического сознания и поведения. Политические ценности можно рассматривать как устойчивые, присущие отдельной личности, социальной группе или обществу в целом смысловые доминанты, приоритеты и политические принципы социальных отношений [1].

В качестве объекта изучения политические ценности исследуются в современных междисциплинарных исследованиях в трех измерениях: как *общественный идеал* — определенный набор смыслов, представленных в философских и политических программах и документах; как разделяемые членами социальной группы или общества в целом *идеи о совершенстве в сфере политики*; как *психологические конструкты* в структуре личности, являющиеся результатом индивидуального жизненного опыта и регулирующие политическое поведение и деятельность отдельного человека.

Представители конструктивизма рассматривают политические ценности в качестве конструкта, как элемент структуры личности, смысловое ядро политического сознания. В этом случае они представляют собой устойчивые убеждения человека или группы людей, отражающие значимость для них тех или иных идей, принципов, характеристик политических явлений и процессов.

Формирование политических ценностей происходит под влиянием внешней социокультурной и общественно-политической среды. Как отмечает Г.Пушкарёва, «Индивиды в ходе политического дискурса неизбежно интериоризируют ценности как некоторые целостности» [2, с. 115]. При этом происходит взаимодействие окружающей действительности и внутреннего мира личности: «Проходя через призму индивидуальной жизнедеятельности, через внутренний мир индивида (его интересы, стремления, склонности), интериоризированные общечеловеческие ценности включаются в структуру личности в форме личностных ценностей, являясь одним из источников мотивации ее поведения» [3, с. 84]. Значительную роль в этом процессе играют институты и факторы политической социализации (семья, школа, СМИ, Интернет, политические партии, молодежные организации и т.д.).

В соответствии с субъектом (носителем) политических ценностей исследователи выделяют две основные формы их существования:

— персональные политические ценности, носителями которых являются отдельные политические субъекты — личности, имеющие высокое политическое значение, — политики, политические лидеры, представители политической элиты;

— групповые политические ценности, носителями которых являются группы людей разного масштаба, выделенные по разным социально-демографическим, психологическим, политическим, экономическим, культурным основаниям.

Политические ценности являются ядром политического сознания: «В структуре личности ценности занимают одну из самых высоких позиций в силу того, что они участвуют в производстве смыслов в целом и политических смыслов, в частности» [4, с. 297]. Это важнейший и центральный элемент личностной структуры, который связывает другие ее элементы — установки, потребности, мотивы.

Политические ценности — наиболее устойчивый компонент структуры личности. Они в меньшей степени, чем другие компоненты политического сознания, подвержены изменениям под влиянием внешних социально-экономических и политико-культурных условий жизни. Это влияние выражается в некоторых колебаниях ценностной

иерархии, не меняющих общую структуру ценностей и распределение в обществе ценностных предпочтений различного типа. Изменения в системе ценностных ориентаций — от небольших трансформаций до полного разрушения — могут происходить в ситуации социокультурного кризиса под влиянием кардинальных изменений в жизни общества.

Политические ценности системно организованы и иерархически упорядочены. Система политических ценностей представляет собой иерархически выстроенную внутреннюю структуру, в которой они упорядочены по степени их положительного или отрицательного значения для человека. Поскольку набор политических ценностей достаточно устойчив, в течение жизни может меняться лишь положение ценностей в иерархии в зависимости от их актуализации. Содержание политических ценностей выражается в политических представлениях, которые являются формой отражения политических событий, явлений, процессов в сознании людей во всей совокупности их характеристик и свойств. Политические ценности связаны с политической деятельностью и регулируют политическое поведение [5, с. 31].

На основе анализа теории ценностей понятие «политические ценности» можно определить как совокупность ценностных установок и представлений, оказывающих непосредственное влияние на способы принятия решений и формы участия в политическом процессе, на выбор средств и методов деятельности и целеполагания в политике.

При этом следует отметить, что политические ценности играют роль жизненных ориентиров, затрагивающих интересы людей в политической сфере. В российском обществе современные политические процессы вызывают необходимость формирования политических ценностей, соответствующих актуальным геополитическим вызовам.

Образую целостную и непротиворечивую морально-политическую систему, политические ценности ориентируют на образцы поведения, которые транслируются при помощи механизмов культурной и исторической памяти. При этом моральный аспект политического целеполагания является тем двигателем, который придает политическим ценностям устойчивый характер, позволяющий решать важнейшие общественно значимые задачи, характерные для современного этапа развития российского общества.

Политические ценности в условиях современной России в решающей степени опираются на ценностное ядро базовых культурно-исторических ценностей. При этом следует отметить, что

неопределенность, размытость системы политических ценностей оказывает негативное воздействие на политическое сознание общества, обуславливает возникновение деструктивных тенденций. В этой связи основным фактором, детерминирующим формирование структуры политических ценностей и способным стать ориентиром практической деятельности всех слоев общества, осуществить их консолидацию, является проведение мер, направленных на создание в стране мировоззренческой системы, все элементы которой исходили бы из системы базовых ценностей российского общества. Как отмечает Т.А.Сенюшкина, такая система «немыслима без консолидации общественного мировоззрения, без единства идеалов в массовом сознании. В свою очередь, такое единство возможно лишь в рамках ясной и понятной национально-государственной идеи, которая должна содержать фундаментальные нравственные ценности и моральные ориентиры - идеалы народного бытия» [6, с. 293].

Таким образом, можно утверждать, что теоретические основания исследования политических ценностей в качестве базовых компонентов включают представление о месте и роли политики в российском обществе, политического сознания и политической культуры; понимание тенденций изменения содержания системы политических ценностей в современной России в соответствии с актуальными геополитическими вызовами.

Список литературы

1. Шестов Н. И. Научный взгляд на ценностные установки современной российской молодёжи: почему не складывается целостная картина? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 66-70.
2. Пушкарёва Г. В. Homo politicus: человек-политический – М. : АРГАМАК-Медиа, 2014. - 336 с.
3. Федосова И. В. Проблема ценностных ориентаций в научной литературе // Ценности и смыслы. – 2009. – № 2(2). – С. 75-92.
4. Шестопал Е.Б. Образы власти в эпоху перемен (психологическая трансформация общества в постсоветской России) // Четверть века после СССР: люди, общество, реформы / Составители: П. Дуткевич, Р. Саква, В.И. Куликов. Под ред.: Е.Б. Шестопал, А.Ю. Шутова, В.И. Якунина. М.: Издательство Московского университета, 2015. - 297 с.

5. Селезнева А. В. Российская молодежь: политико-психологический портрет на фоне эпохи. – М. : Аквилон, 2022. – 288 с.
6. Сенюшкина Т. А. Правда как ценность российской политико-правовой культуры // Политическое пространство и социальное время: аксиология власти и общественный идеал : Сборник научных трудов XLI Международного Харакского форума, Ялта, 24–27 апреля 2023 года / Под общей редакцией Т.А. Сенюшкиной, науч. ред. Е.А. Сенюшкин. – Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2023. – С. 293-300.

120 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПАБЛО НЕРУДА: ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ВЕЛИКОМУ ПОЭТУ

Егорова О. В.

*Доктор исторических наук
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Физико-технический институт,
доцент
E-mail: o.egorova@cfuv.ru*

Чуксина Е. В.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Физико-технический институт,
студент
E-mail: chuksina2002@mail.ru*

***Аннотация.** Пабло Неруда — знаменитый чилийский поэт, нобелевский лауреат, лауреат Сталинской (Ленинской) премии, дипломат и общественный деятель, один из самых ярких и талантливых поэтов XX века. Его творчество было посвящено укреплению мира между народами и странами. Пабло Неруда был коммунистом и ярким борцом с фашизмом. В этом году исполняется 120 лет со дня рождения, и мы вспоминаем его творчество и вклад в укрепление мира между странами. В данной статье отражены некоторые моменты из жизни Неруды и показано влияние его творчества на мировую политику.*

***Ключевые слова:** фашизм, Пабло Неруда, Песнь любви Сталинграду, борец за справедливость и мир, поэт для народа.*

120 YEARS SINCE THE BIRTH OF PABLO NERUDA: ETERNAL MEMORY OF THE GREAT POET

Egorova O.V.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,

Prof., Dr. Sc.

E-mail: o.egorova@cfuv.ru

Chuksina E. V.

V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Institute of Physics and Technology, student

E-mail: chuksina2002@mail.ru

Abstract. *Pablo Neruda is a famous Chilean poet, Nobel laureate, winner of the Stalin (Lenin) Prize, diplomat and public figure, one of the brightest and most talented poets of the 20th century. His work was dedicated to strengthening peace between peoples and countries. Pablo Neruda was a communist and an ardent fighter against fascism. This year marks the 120th anniversary of his birth, and we remember his work and contribution to strengthening peace between countries. This article reflects some moments from Neruda's life and the influence of his work on world politics.*

Keywords: *fascism, Pablo Neruda, Love song for Stalingrad, fighter for justice and peace, poet for the people.*

Он был человеком прочных взглядов на прошлое,
настоящее и будущее человечества,
на людей труда и людей наживы,
на мир и на войну, на друзей и врагов.

К. Симонов

Введение.

Л. Осповат назвал П. Неруду «поэтом человечества» [1, с. 5]. Он говорил, что «это не просто три ступени, по которым поднялся к вершинам мировой литературы уроженец провинциального городка Парралья, увидевший свет 12 июля 1904 года. Это и три взаимосвязанные координаты, необходимые для определения масштаба и сущности грандиозного явления, имя которому – Пабло Неруда» [1, с. 5]. С самого начала своего творческого пути, Неруда обратил на себя внимание как яркая личность, обладающая уникальным даром поэзии. Его стихи неповторимы, пронизаны невероятной любовью к родине, мгновенно завоевали сердца

читателей и закрепили за ним звание одного из самых влиятельных литераторов своего времени. «Ещё при жизни Неруда изведal поистине легендарную славу. Сама его жизнь стала прекрасной и героической легендой, прокладываявшей его творчеству путь к сердцам миллионов людей» - писал Л. Осповат [1, с. 5].

Актуальность статьи заключается в том, что «поэзия не пустое пение», поэт – глас народа, который пишет для народа и о народе, совершая подвиг, призывая людей к миру, солидарности и справедливости, восхищаясь силой духа людей, в том числе русского народа. Поэт был удостоен Ленинской премии за «Укрепление мира между народами», был ярым защитником коммунизма в послевоенные годы. Целью его творчества было писать для народа. «Я выбрал трудный путь, путь, на котором делю с людьми ответственность, и поклонению индивидууму, как центру мироздания, предпочитаю скромное служение многочисленному воинству, кое временами может заблуждаться, однако без усталости движется вперед, каждодневно, лицом к лицу сталкиваясь с не поспевающими за временем упрямыми и нетерпеливыми зазнайками» - цитата Пабло Неруды из речи «Я пишу для народа» [2, с. 201]. Его стихи стали путеводной звездой для многих, кто испытывал страдания и лишения. Они выражали надежду на лучшее будущее и призывали к борьбе за справедливость. На сегодняшний день его поэзия остаётся актуальной и важной. Она до сих пор заставляет людей думать и поступать по совести.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы показать, что Пабло Неруда стал для каждого читателя своим поэтом, поэтом мира и справедливости. Для него боль и беда – общая боль, любовь к Родине – всеобщая любовь.

Задачи, которые поставили перед собой авторы данной статьи:

- Показать, что творчество Пабло Неруды и сегодня актуально.
- Доказать, что для поэта важно быть честным перед читателем.
- Обосновать, почему поэт в своём творчестве не имеет национальности, он свой для каждого читателя.
- Показать, что Пабло Неруда действительно является поэтом мира и справедливости.

Пабло Неруда был коммунистом до глубины души – это не только причастность к партии, но и духовная сила поэта, убежденность, его сущность. Считал, что все люди равны, должны жить гармонично и счастливо, путешествовать и радоваться каждому дню, что отражено в творчестве Пабло Неруды. Он был членом Коммунистической партии Чили и внёс значительный вклад в борьбу против фашизма через свою политическую и творческую

деятельность. О войне он писал: «Пока страны воздвигают преграды, пока они враждуют и стреляют друг в друга в «холодной войне», мы — люди — разделены. Мы взмываем ввысь на скоростных ракетах, чтобы приблизить небо, но всё еще не можем обменяться братским рукопожатием на земле» [3].

В своих стихах Неруда часто поднимал социальные и политические вопросы, осуждал насилие и угнетение. Его поэтические произведения были пронизаны идеями равенства, свободы и справедливости, что является противоположным фашистской идеологии. Он восхищался мужеством советского народа, особенно подвигом советских солдат в Сталинграде. В «Новой песне любви Сталинграду» он писал:

*«И это будет памятник поэту,
которому иных наград не надо:
пусть я и не ковал твою победу,
но выковал острее клинка вот эту
стальную песнь во славу Сталинграда»* [1, с. 155].

Он видел в Сталинграде символ сопротивления и победы над ужасающим преступлением против человечества — фашизмом. Ненависть к фашизму и восхищение советскими воинами вдохновили поэта на написание цикла произведений о великом подвиге жителей Сталинграда:

*«Мой стих – не выкорыши чернильной жижи,
Не хлюпик, гложущий при канонаде.
Он этой жалкой долей не унижен:
Я был рождён, чтоб петь о Сталинграде»* [1, с. 153].

Во время Гражданской войны в Испании Неруда выступал в поддержку республиканского правительства, которое боролось против фашистских сил, поддерживаемых фашистскими диктаторами Германии и Италии.

Пабло Неруда был известен не только в Чили, но и за пределами страны. Его поэзия вдохновляла людей по всему миру на борьбу за свободу и справедливость, в том числе против фашизма. Его слова о мире служат тому подтверждением: «Я хочу жить в мире, где каждый человек — человек, и ему нет нужды в других титулах, ему незачем ломать себе голову над правилами, над словом, над ярлыками. Я хочу, чтобы можно было входить во все церкви и все редакции. Пусть больше никого не караулят у дверей, чтобы отвести в тюрьму или выгнать из страны. Пусть каждый входит без боязни в муниципальный дворец и выходит оттуда с улыбкой. Пусть никто не спасается

бегством, даже на гондоле. Я не хочу, чтобы за кем-то гнались на мотоцикле. Я хочу, чтобы великое большинство, единственное большинство — все могли говорить, читать, слушать, цвести. Я за ту борьбу, что навсегда покончит с борьбой. Я за ту суровость, что искоренит суровость. Я выбрал путь и верю, что этот путь приведет нас к человечности на все времена. Я борюсь за доброту — всеобъемлющую, широкую, неизбывную» [3]. Эти слова близки каждому человеку, отражаются в каждой строчке стихов поэта, поэтому творчество Пабло Неруды своё, родное для каждого читателя во всём мире. Работа поэта – дело глубокое и личное, но делается оно для людей и во имя людей.

Творчество не имеет национальности, оно не принадлежит одному человеку или одной стране. Оно живёт в сердцах миллионов людей, находящихся в разных уголках планеты. В своём творчестве Пабло Неруда старался объединить всех людей и направить общество на борьбу за мир, свободу и любовь.

Заключение.

Биография поэта тесно связана с историей его страны, о которой мир узнал из его поэзии. Поэт знает, как страшен фашизм, как разрушительны войны и революции, своим творчеством он несёт мир в сердца людей. В своём эссе «Представляю чилийских птиц моим советским друзьям» Пабло Неруда сравнивает людей с птицами и пишет: «Птицы не понимают войны. К счастью, у них есть крылья» [2, с. 252]. Пабло Неруда – поэт мира и справедливости, выступающий против войны. Путешествия поэта, встречи с руководителями стран, знаменитыми и простыми людьми, восхищение поэта странами, городами, которые он посещал, вылились в великое творчество для народа. Поэт воспевает мир и призывает читателей любить Родину, беречь жизнь, остановить войны.

Список литературы

1. Неруда П. Собрание сочинений: В 4-х т. Пер. с исп./ Редкол.: В. Огнев и др.; Сост., вступ. статья и коммент. Л. Осповата; Худ. Ю. Боярский. – М.: Худож. лит., 1978 – Т. 1. Стихотворения и поэмы. 1978. 430 с.
2. Неруда П. О поэзии и о жизни. Избранная проза. – Перю с исп. Сост. Л. Осповата. Худ. Ю. Боярский. М., «Худож. лит.», 1974. 320 с.
3. Неруда П. Признаюсь: я жил: Воспоминания. – Пер. с исп.: К. Симонова. – М.: Политиздат, 1978. 428 с.

ДАВНИЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПЕТЕРА ДЖУЗЫ О ПРОБЛЕМАХ В КОСОВО И МЕТОХИИ СБЫВАЮТСЯ ПРЯМО СЕЙЧАС - СОВРЕМЕННОСТЬ ДАВНЕГО ИНТЕРВЬЮ

Звездана М. Елезович

Доктор культурологии

Институт сербской культуры Приштина – Лепосавич (Сербия)

Старший научный сотрудник

E-mail: zvezdana.el@gmail.com

Аннотация. В статье мы представлены наблюдения затем, как мы можем теперь распознать события на художественной сцене Косово и Метохии через произведения искусства и тексты Петра Джужы, профессора Факультета искусств Приштинского университета с временным центром в Звечане и в Косовской Митровице. Речь идет о развитии современного сербского изобразительного искусства в Косово и Метохии во второй половине XX века, а также о мнении Джужы о роли искусства в защите сербской культурной идентичности в Косово и Метохии. Точно также мы отметим в интервью признание Джужой попытки переименовать сербское наследие в чужое. Глядя на исход, постигший сербский народ в Косово и Метохии, который мы называем мартовским погромом, мы проведем параллель между давно указанными предупреждениями Джужы о событиях с фактически правильно-оцененной ситуацией – правдой!

Ключевые слова: отлучение художников сербской национальности от определенных художественных ассоциаций, историческая судьба сербского народа, перемещение.

PETER DJUZA'S LONG-STANDING WARNINGS ABOUT THE PROBLEMS IN KOSOVO AND METOHIJA ARE HAPPENING RIGHT NOW AS WELL AS THROUGH THE INTERVIEW

Zvezdana M. Elezovich

PhD of Cultural Science

Institute for Serbian Culture Prishtina -Leposavic,

Senior Research Associate

E-mail: zvezdana.el@gmail.com

Abstract. Within the framework of the given presentation, we presented the visions or as we can now recognize through the works and

text, events on the Kosmet art scene of Prof. Djuza, a full professor at the Faculty of Arts in Pristina with a relocated seat in Zvečan - Kosovska Mitrovica. We are talking about the development of contemporary Serbian fine art in Kosovo and Metohija in the second half of the 20th century, as well as the artist's opinion about the role of art in the defense of Serbian cultural identity in Kosovo and Metohija. By looking into the exodus that happened to the Serbian people in Kosovo and Metohija, which we call the March pogrom, we will draw a parallel between Djuza's warnings about events that were pointed out long ago with the truth! We referred to the creativity of Petr Đuza, which we consider a significant contribution to Kosovo and Metohija in preserving the Serbian cultural identity. In this segment, we will see the criticism of Jovan Despotović, an art critic, on the occasion of the Hvosnaskazemlja (Hvosno Land) exhibition. In the same way, in the Interview, we recognize Đuza's view of the attempt to rename Serbian heritage to someone else's.

Keywords: *the expulsion of artists of Serbian nationality from certain art associations, the historical fate of the Serbian people, displacement*

В то время, когда власти Приштины присваивают сербское культурное наследие в Косово и Метохии, интервью с профессором Петром Джужой, проведенное десять лет назад, особо актуально сегодня. Оказалось, что давние предупреждения Джужы о проблемах в Косово и Метохии сбываются прямо сейчас!

В статье мы представляем, как через произведения искусства можно распознать внутренние сигналы Петра Джужы, художника, критика, профессора Факультета искусств Приштинского университета с временным центром в Звечане и в Косовской Митровице (кафедра изобразительного искусства, специальность «живопись») события на косметской художественной сцене.

Глядя на современную сербскую живопись Косово и Метохии во второй половине XX века, Влада Бужанчич считает, что она была создана после Второй мировой войны, между 1945 и 1955 годами [2, с. 36-37]. Важно отметить, что Бужанчич связывает зачатки современного сербского искусства с сербскими художниками Владимиром Радовичем и Светозаром Каменовичем.

Рассматривая вклад художников из Косово и Метохии в югославскую художественную сцену, с середины пятидесятых до конца восьмидесятых годов двадцатого века, Бужанчич в соответствии с «югославскими историко-эстетическими ценностными стандартами» делает вывод, что вклады очень разные, но также и то, что будущее

художественной сцены открыто [2, с. 37-38]. Мы будем говорить о мнении Джузы о роли искусства в защите сербской культурной идентичности в Косово и Метохии.

Мы также обратимся к творчеству Петра Джузы, которое мы считаем значительным вкладом в сохранение сербской культурной идентичности в Косово и Метохии. В этом сегменте мы также отметим слова искусствоведа Йована Деспотовича по поводу выставки «Хвостанская земля», опубликованные в предисловии Каталога выставок Петера Джузы в Баре, Улцине и Тивате [4]. В интервью мы также заметим признание Джузой попытки переименовать сербское наследие в чужое.

Интервью с профессором Петром Джузой

Во время работы над докторской диссертацией: «Роль современного сербского изобразительного искусства в Косово и Метохии в сохранении сербской культурной идентичности», 7 марта 2014 года в Белграде было проведено интервью с Петром Джузой, профессором Факультета искусств Приштинского университета с временным центром в Звечане и в Косовской-Митровице.

Какой период вы бы выделили как наиболее значимый в развитии современной сербской живописи в Косово и Метохии во второй половине XX века?

В сокращенном ответе невозможно дать полный исчерпывающий ответ на Ваш сложный вопрос - какой период можно выделить как наиболее значимый. Самое главное, я бы сказал, даже в самых сложных условиях – это наша непрерывная национальная духовная, художественная, художественно - просветительская и культурная вертикаль в этом регионе. А это означает неоспоримое, материальное подтверждение исторического существования и идентичности сербского народа в Косово и Метохии. Учитывая, что эта территория действительно была многоэтнической вплоть до 1999 года, до насильственного «перемещения» сербского народа (по официальным данным, около 100 тысяч), особенно важно вернуться к аргументам прошлого. Я бы выделил межвоенный период, когда сербские художники XIX и XX веков посещали сербские монастыри, есть Надежда Петровиц, женщина - великая художница и великий борец, защитница славянской идеи. Она посетила Словению, Вену, Пешт, Белград, Приштину, Призрен. Об этом тоже есть записи, и она сделала

великолепные полотна из района Косово. У нас есть Любомир Иванович. Они являются предшественниками сегодняшнего современного искусства. Это художники, получившие на тот момент образование в крупнейших мировых академиях в Вене, Париже и Мюнхене. И почти все они отправлялись в походы в косовские монастыри. Нет ни одного художника, который не был бы в Косово и не оставил бы следа – хотя бы акварель или рисунок, запись. И именно поэтому я не считаю Косово «Косовской живописью», а сербской живописью в Косово и Метохии. Албанцы сегодня, как мы видим, хотят переименовать это искусство в «албанское» художественное наследие. Похитить то, что мы создавали веками на этих землях. Я бы выделил несколько важных периодов:

Период между двумя мировыми войнами - ВладаРадович;

Послевоенное время, период бывшего общего государства Броза (СФРЮ);

Период многонациональности («Братство и единство»);

Период мощного зарождения сепаратистских идей в восьмидесятых и девяностых годах прошлого века;

Период после эмиграции сербов из своего исконного духовного пространства.

Прежде всего хотелось бы напомнить, насколько важен Косовский миф для сербской истории и творчества - книга академика Деяна Медаковича «Косовская битва в изобразительном искусстве» 1990 года, изданная Сербским литературным объединением. Сербское искусство постоянно погружается в «Косовский миф» и «Косовское предание». Медакович говорит, что эта тема выражается в искусстве как «постоянное расточение одного народа». Эта его точка зрения имеет особое значение для понимания исторической судьбы сербского народа.

Тем не менее в редкие и короткие периоды прошлого послевоенный период (бывший ФНРЮ/СФРЮ) представляет собой тот период, когда «совместное» сербско - албанское искусство, не обремененное политизацией, начало развиваться в духе современных устремлений - от догматического социалистического реализма к современной югославской и европейской речи того времени. Благоприятное развитие политических обстоятельств (контролируемая прозападная демократизация общества и искусства после 1950-х годов) способствовало такому постепенному, конечно, выгодному для всех направлению, проектируемому по всей стране, включая Косово и Метохию. Художественное образование стало поворотным моментом с основанием известной Художественной школы в г. Печ. Начиная с

дайна, старейшего известного художника и акварелиста, Влады Радовича (ученика Любы Иванович) и других художников, получивших образование в Белграде. Я ссылаюсь на свой текст «Верность Родине», опубликованный в журнале «Задужбина» (Издание «Вукова задужбина» в Белграде, 1991 г.), в котором говорится следующее: «Прошло девять десятилетий со дня смерти Владо Радовича (1901-1986). Радович — один из основателей знаменитой художественной школы в г. Печ (1949).

Нет ни одного выдающегося художника Косово и Метохии, будь то серб, албанец, мусульманин, горан или турок, который не испытал бы на себе влияние и не перенял хотя бы одну часть педагогического и живописного опыта Валды Радовича во время своего пятилетнего обучения в Художественной школе в г. Печ. Его бывшие ученики, а ныне известные творческие личности удостоили его звания «отца Косовской живописи». Помимо него, вместе с художниками Светозаром Каменовичем, Божо Продановичем, скульптором Мусой Микетичем и другими выдающимися художниками - профессорами сформировалось ядро этой знаменитой школы, а город Печ выделился как узнаваемый художественный центр.

Среди этих важных личностей, художников, я бы выделил выдающегося художника – графика Трайко Стояновича Косоваца, члена сербского общества «Лада», о котором я опубликовал несколько бесед и художественных репортажей в приштинской ежедневной газете «Единство», работав молодым журналистом.

Позже, в семидесятые годы прошлого века, художественно - просветительский центр постепенно был перенесен в Приштину как главный политический и культурный центр событий южной провинции. Более высокая степень художественного образования началась с началом работы Высшей педагогической школы, которая представляла собой преемственность по отношению к Художественной школе г. Печ. Профессорами Высшей педагогической школы, среди прочих, были: Муслим Муличи, академик Светомир Арсич Басара, Хилмия Чатович, Нусрет Салихамиджич, Тахир Эмра, Дживедет Джафа и другие.

Тогда и начал свою блестящую педагогическую и художественную карьеру один из самых выдающихся албанских художников, профессор и художник Муслим Муличи, получивший образование в белградской Академии изящных искусств.

Создание Факультета искусств в Приштине (с тремя направлениями — сначала художественным, позднее музыкальным и драматическим) происходило в рамках политики высшего образования

того времени. Это был период и самого высокого подъема. В бывшей Югославии самой влиятельной была Белградская Академия искусств. Затем Загребская и Люблянская. Таким образом, приштинская академия стала четвертой, что было прецедентом. Это самое заметное образовательное и политическое событие того времени. Сообщения и информация об открытии Факультета искусств были опубликованы всеми агентствами и СМИ югославского информационного пространства. Особое внимание было уделено присутствию высших провинциальных чиновников и профессоров Приштинского университета.

Недавно я беседовал с академиком Светомиром Арсичем Басарой. Как непосредственный участник и арбитр он был свидетелем принятия такого политического решения на провинциальном уровне (во главе с провинциальным чиновником и профессором Суриом Поповичем). Он изложил множество подробностей по этому поводу, от зарождения идеи - до самой реализации.

Это также период, когда сербские и албанские художники общаются друг с другом, обмениваются и создают современные творческие идеи и проекты. Они выставляются на совместных выставках в стране и за рубежом. Ассоциация изящных художников Косово (УЛУК) занимает важное место как центр собраний и встреч и место открытия первых галерей. Профессиональной работе способствуют белградские профессора и художники Факультета изящных искусств. Белградский Факультет был сильным кадровым «носителем» формирования Факультета искусств в Приштине. Большое влияние на художественную жизнь оказало формирование профессиональной художественной критики в ежедневных газетах «Единство», «Рилиндия», литературных журналах, электронных СМИ на сербском, албанском и турецком языках (см. монографию профессора Срджана Маркович). Этим совершенствуется период многонациональной культуры, искусства, период совместной жизни в Космете.

Какова, по Вашему мнению, роль искусства в защите сербской культурной идентичности в Косово и Метохии?

Поворот произошел с сильным проникновением албанских сепаратистских идей и навязыванием идеи создания «Великой Албании». В основу этой, еще очень живой идеи, была положена «Призренская лига» как ключевая идеологическая и политическая албанская программа для реализации многовековой мечты - объединения всех албанцев в одно государство. Это, конечно,

означало, что для сербского народа и всех остальных, кто веками жил в общем многонациональном пространстве, наступит исход, что произойдет насильственная чистка этнического пространства. В таких обстоятельствах, как еще я мог реагировать, и встать на защиту национальной и культурной самобытности уязвимого народа, к которому я принадлежу? В этом смысле и родился «Хвостанский цикл». Чтобы получить более точное представление об этом драматическом времени, следует взглянуть на исследование: «Отголоски прошлого в живописи Косовского художника Петра Джузы восьмидесятых и девяностых годов прошлого века – Хвостанский цикл», опубликованное в сборнике «Косово и Метохия в цивилизационных потоках», Философского факультета Университета Косовской Митровицы в 2010 году.

В девяностые годы прошлого века произошли серьезные конфликты. На местах происходило невыносимое насилие против незащищенного сербского народа. Медиапространство находилось под сильной цензурой центров силы того времени. Сербские создатели политически и институционально маргинализированы. В одностороннем порядке было насильственно прекращено сотрудничество с албанскими коллегами. Всякое, даже самое элементарное человеческое общение было прервано. Давняя и старая дружба с сербами была разорвана и угасла. Как журналист, я яростно напал на албанскую выставку из Тираны по случаю столетия Второй Призренской лиги. В частности, речь идет о большой и последней выставке документов в Сараево, из отбора которой был полностью исключен академик Света Арсич, хотя официально мы выбрали его в качестве отборочной комиссии. У нас был целый ряд ежедневных инцидентов, когда сербские художники подвергались дискриминации. Я не был с этим согласен. Я понял, что готовится великое зло и, что нельзя молчать. Если мощные политические рычаги сделали невозможным раскрытие правды, то, на мой взгляд, художественная практика могла бы это сделать. Поэтому я на короткое время «отвернулся» от неузнаваемого эстетизма. Так было и с моим «Хвостанским циклом». Ужасающее насилие со стороны албанцев набирало силу. В знак протеста я как артист покинул УЛУК. Но, учитывая, что УЛУК был филиалом Ассоциации изящных художников Сербии, это означало, что как художник я оказался в полной изоляции. Более того, меня обвиняли в великосербстве и нарушении сербско - албанских отношений. На самом деле речь шла об очень сильных политических и культурных намерениях и связанных с ними рычагах провинциальных властей,

которые все меньше сочувствовали сербским национальным интересам.

Учитывая, что мы считаем Ваше творчество значительным вкладом в сохранение сербской культурной самобытности в Косово и Метохии, какие достижения Вы бы выделили как автор?

Свой вклад в сохранение сербской национальной идентичности я вижу в том, что задолго до войны девяностых годов я осознал трагедию своего народа. Я понял, что те, у кого нет собственной культурной идентичности, насильно отбирают эту идентичность у тех, у кого она есть. У меня было предчувствие, что готовится великое зло. На одной из последних крупных совместных выставок «Югославские документы 87» в Сараево, когда все искусствоведы и теоретики искусства говорили на тему «новых картин», я, как участник панели, резко предупредил, что будет большая война. Что мы как художники, как «совесть человечества» должны что-то сделать и предотвратить страдания. Конечно, мое выступление всех смутило. Все были ошеломлены и поражены. Только потом мне признались в моей правоте. Хотя, как мы все знаем, то, что художник может предотвратить зло, — это чистая утопия. Три года спустя Берислав Валушек открыл соответствующую выставку в Баня-Луке в 1989/90 годах, накануне самой войны (!) «Искусство за и против», в которой я также участвовал с работой под названием «Зулумчари - богоскравители в Грачаницком Вавилоне» (картина маслом на холсте, 140 x 240 см, 1988 год).

Но мне было ясно, что искусство, несомненно, является мощным инструментом для достижения скрытых политических целей и устремлений. Приштина имела более развитое культурное сотрудничество и обмен с Тираной, чем с Белградом. Официальная сербская политика того времени ради «мира в доме» не хотела понимать важность искусства в сохранении национальной идентичности. Фактически, все, что делало тогдашнее сербское политическое правительство, противоречило сербским интересам и нанесло непоправимый ущерб нашим интересам. А художник, осмелившийся заговорить посредством своих произведений, подвергался яростным нападкам. Вспомним Мичу Поповича и его вступительную речь в Сербской академии наук и искусств об «Искусстве как последней защите сербского народа». Его объявили сербским националистом. Ему этого не простили, хотя он был академиком, величайшим художником, ему так и не разрешили

выставляться в Приштине. То же самое произошло с Миличем из Мачвы и другими художниками. Было совершенно ясно, что албанцы настойчиво и последовательно проводят этническую чистку сербского культурного пространства. Целью преследований стало современное сербское творчество, изобразительное искусство, литература, сербское искусство в целом.

Но также я вижу свой вклад в том, чтобы сделать невозможным замыкание художественного пространства по отношению к новой художественной практике восьмидесятых. Будучи президентом Ассоциации («Ассоциация художников изобразительного и прикладного искусства Косово и Метохии - УЛУПКМ») я организовывал проекты и выставки современного искусства в Приштине, привозил самых известных художников среднего и молодого поколения со всей Югославии того времени. Таким образом предотвращалась тенденция к провинциализму, культурному изоляционизму. Проникновение политических и идеологических памфлетов, «рецептов», которые настойчиво навязывались Тираной, было затруднено. Как профессиональный журналист приштинской ежедневной газеты «Единство», я опубликовал множество статей, эссе, интервью, художественных обзоров о практике современного искусства. В конце восьмидесятых я повлиял на перенос тогдашней «новой картины» из крупных художественных центров в Косово. В то время албанские художники также приняли этот стиль как ведущий.

Можете ли рассказать нам, что вдохновило Вас на создание «Хвостанского цикла»?

Началось первое переселение Сербов из Косова Поля. Я был там. Сделал пять рисунков «Косово поле, 20 июня 1986 года» (я получил бумаги от поэтессы Даринки Еврич). Я рисовал, практически за спиной полиции. «Хвостанский цикл» возник как моя яростная реакция, в ответ на мое внутреннее чувство, интуицию: у меня был внутренний сигнал, предупреждающий меня, что мы находимся в вестибюле апокалипсиса. Но публично показать мои тревожные хвостанские «обращения» никому не разрешалось. Мне предложили сделать рисунки для очень влиятельного в то время белградского журнала «Књижевна реч (рус. Литературное слово)». Они опубликовали пять рисунков (25 апреля 1987 г., № 299). Хотя и в уменьшенном виде, все рисунки были опубликованы, что для меня стало большим прорывом в преодолении медиаблокады. И этот опыт был прелюдией к «Хвостанскому циклу» и серии картин, которые я

сделал позже. Картины были выставлены на литературной трибуне протеста Ассоциации писателей Сербии в Белграде под названием «О Косово - для Косово» («Петар Джужа: художественные свидетельства из Косово»). Я понимал Хвосно как многовековой христианский символ страдания. Конечно, отвечая на Ваш вопрос о том, как возник «Хвостанский цикл», скажу: он создан из косметской драмы конца 1980-х и предчувствия апокалипсиса 1990-х годов прошлого века. Из чувства, что я как художник обязан разделить судьбу своего народа, возник вопрос: как нарисовать этот цикл? С какими символами, в каком стиле, какой техникой, чтобы всё это «попало в цель». А когда искусство является «мишенью», то – суть в том, чтобы не пропустить эту «мишень». Чтобы произведение искусства было и осталось произведением искусства. Оно не должно быть разовым политическим памфлетом, дешевой политической иллюстрацией, как, например, плохое «ангажированное искусство». Ключевое решение я нашел в «Гернике» Пикассо, в византийской традиции и опыте современной художественной практики того времени. Искусствовед Йован Деспотович сказал о «Хвостанской земле», что это «первый художественный цикл в югославском искусстве, полностью посвященный исторической судьбе сербского народа в его историческом пространстве». Конечно, профессор Зоран М. Йованович также признал этот неовизантийский современный стиль, присутствующий в этом цикле. В своей книге «Византия в современном сербском искусстве» он утверждает, что речь идет об «специфическом отношении к прошлому народа, к которому я принадлежу, через художественное исполнение и поэтому реальность Косово-Метохии передается современным художественным языком». Он также говорит, что одна из моих картин, «в изображении тела Христова, источает оттенок древней восточно - христианской живописи» — с чем я абсолютно согласен. Это была своего рода реинтерпретация в духе «новой картины». В прозаическом свидетельстве «Письмо Мунку» (журнал «Хвосно», № 33, май 2003 г.) я попытался «повысить уровень понимания» «Хвостановского цикла» посредством собственного повествования.

критичар Јован Деспотовић је о „Хвостанској земљи“ рекао да је то „први ликовни циклус у југословенској уметности који је тотално посвећен историјском удесу српског народа на његовом повесном простору“. Свакако је и проф. Зоран М. Јовановић препознао и овај неовизантијски модерни стил који је присутан у том циклусу. У његовој књизи „Византина у савременој српској уметности“ он наводи да је реч о „специфичном односу према прошлости народа коме припадам кроз уметничку егзекуцију, а много мање кроз писану форму, због чега је је „косовко-метохијска збиља саопштена савременим ликовним језиком“, да једна од мојих слика, „у обради Христовог тела, одише призвуком древног источно-хришћанског сликарства“ - са чиме се апсолутно слажем. Била је то својеврсна реинтерпретација у духу „нове слике“. У прозном сведочанству „Писмо Мунку“, (Часопис „Хвосно“, бр 33, Мај, 2003.) настојао сам да кроз властито казивање наставим „надградњу“ „Хвостанског циклуса“.

Интервју водила

Звездана Елезовић

Мр Петар Ђуза,

редовни преофесор

ФУ Звечан-Косовска Митровица

Фото № 1. Последња страница записей интервјуу Звезданы Елезович с професором Петром Дјужој

Сегодня, спустя двадцать лет после мартовского погрома в Косово и Метохии, мы не можем не вспомнить страшные события, произошедшие 17 марта 2004 года. По словам Деяна Радовановича и Мирьяны Джекич, «за два дня погрома было выселено более 4000 сербов, сожжено и повреждено более 700 сербских домов, сожжено, повреждено и разграблено тридцать одно культовое место, около 950 сербов ранены и двадцать восемь убиты. Сербские кладбища вновь были осквернены, снесены и раскопаны. Монастырь Святых Архангелов близ Призрена и монастырь Девич, которые на некоторое время вновь литургически возродились – снова были сожжены и разрушены, что продолжило уничтожение этих святынь, начавшееся в XV веке [5, с. 396-399]. Трагична и судьба монастыря Девич. Он был разрушен и разграблен во время обеих мировых войн, кивот святого Иоанникия Девиченского был разрушен и осквернен, а в 1999 году монастырь снова стал мишенью вандалов, которые разграбили и

сожгли его. Наконец, во время мартовского погрома 2004 года монастырь был полностью сожжен и перемещен. Особенно пострадала и продолжает страдать Церковь Богородицы Левишки в Призрене. «Помимо того, что она находится под урбанистической угрозой и что здание и его роспись были сильно повреждены во время погрома, Церковь Богородицы Левишки стирается из памяти путем фальсификации его истории и посвящения – путем систематического представления его не только в официальных проспектах Косовских организаций, но и в публикациях, финансируемых европейскими фондами примирения и мира, как церковь Святой Петки, под которой, якобы, фундаменты иллирийских святилищ», — подчеркивают Радованович и Джекич. Они также освещают и другие случаи вандализма – принижение и циничное издевательство над памятниками новейшей истории, их неадекватную окраску и превращение в игровые площадки. Радованович и Джекич приходят к выводу, что все вышеупомянутые акты вандализма преследуют одну и ту же цель, а именно систематическое стирание памяти сербов, пропагандистскую деятельность институтов Косовских албанцев, направленную на сокрытие и фальсификацию культурной самобытности сербского наследия, то есть к уменьшению его важности и к систематическому, запланированному и постоянному уничтожению наследия как материального доказательства и нематериального наследия и памяти» [5, с. 397-399].

Давайте на мгновение вернемся к данному интервью с профессором Петром Джузой, и сравним его с сегодняшними событиями в Косово и Метохии! Разве из его слов не легко распознать видение будущих намерений албанцев и их расчеты систематически уничтожать все сербское. Мы также видим, что сербы подвергаются нападкам албанских экстремистов, которые до конца проникают во все глубины народного отчаяния, а также попытки уничтожить сербскую культуру на ее многовековом очаге...

Систематическое уничтожение сербских культурных ценностей было осуществлено в течение двадцати лет после мартовского погрома 2004 года путем переписывания истории и присвоения культурных ценностей властями Приштины как албанских [6]. Как ранее указывалось, 17 марта исполняется ровно 20 лет со дня «крупнейшей этнической чистки на территории Европы в 21 веке». По этому же случаю в Русском доме в Белграде прошла панельная дискуссия на тему «Косово и Метохия – погром, который продолжается», посвященная 20-летию мартовского погрома в Косово и Метохии.

На этой панельной дискуссии культурно - просветительского характера было подчеркнуто, что для сербского народа важно «остаться и выжить на территории Косово и Метохии не только из-за своей личной собственности, но и из-за долга перед предками, и ради того, чтобы великие сербские святыни и монастыри были спасены от разрушения». Как подчеркнул Оливера Радич, «было важно остаться из-за наших святынь - монастыря Високие Дечани, монастыря Печская Патриархия, монастыря Зочиште, монастыря Грађаница, церкви Богородица Левишка, монастыря Драганац, монастыря Баньска и многих других» [7].

По поводу ужасов, постигших сербский народ в Косово и Метохии, представлена достоверная часть данных событий, которые до сих пор частично замалчивались или преподносились миру в искаженном и неполном виде!

Список литературы

1. Ђуза Петар. “Хомо простори Црњанског.” Бдење: часописзакњижевност, уметност и културнубаштину, 50, 2016.
2. Bužančić Vlado. Savremena umetnost Kosova. Priština: Galerija umetnosti, 1998.
3. Nivzi Muharremi: Влада Радовић, Галерија свремене уметности. Приштина, 1986.
4. Деспотовић Јован. „Предговор“ у: Каталог изложби Петра Ђузе у Бару, Улцињу и Тивту, април / мај / јун, 1988. године. Бар: Галерија Велимир Лековић.
5. Дејан Радовановић, Мирјана Ђекић, „Повесница страдања: После усвајања Резолуције 1244 (1999–2017)“; Уметничко наслеђе српског народа на Косову и Метохији: историја и дентитет, угроженост, заштита. Српскаакадемијанаука и уметности, главни и одговорни уредник Душан Оташевић, Галерија САНУ, Београд, 2017.
6. URL: <https://pokreni.rs/index.php/2020/06/03/bitka-za-kulturno-nasledje-istorija-prekranja-istorije-na-kosovu-i-metohiji/>; <https://vreme.com/mozaik/ko-upravlja-kulturnim-nasledjem-srbije-na-kosovu-i-metohiji/>.
7. „Косово и Метохија-погром који траје“, Трибина у Руском дому у Београду, 11 март 2024. 20:53, Извор: Тањуг; URL: https://www.rtv.rs/sr_ci/politika/u-ruskom-

СМЕРТЬ НИКОЛАЯ ГЕНРИХОВИЧА ГАРТВИГА И ОТКЛИК В СЕРБСКОЙ И АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ ПРЕССЕ

Заркович С. Весна

Доктор исторических наук

*Институт сербской культуры, Приштина-Лепосавич, Сербия
старший научный сотрудник*

E-mail: vesna.zarkovic07@gmail.com

***Аннотация.** В статье рассматриваются жизнь, деятельность и смерть Николая Генриковича Гартвига во время его службы в Белграде, а также отклики в сербской и австро-венгерской прессе. Русский посланник Гартвиг служил в Сербии с 1909 по 1914 год. Его пребывание в сербской столице совпало с беспокойным временем аннексионного кризиса, отмеченным напряженными отношениями между Сербией и Австро-Венгрией. Годы, проведенные в дипломатии, и большой опыт сделали Гартвига кандидатом на эту исключительно важную для России должность. Своей деятельностью в Белграде и представлением сербских интересов он оставил глубокий след в памяти сербов. Его смерть в здании австро-венгерского посольства, произошедшая после убийства австро-венгерского наследника престола в Сараево, привлекла большое внимание дипломатических кругов и мировой прессы. На основе репрезентативных примеров мы указали на тексты, которые выходили в прессе по случаю смерти великого российского дипломата.*

***Ключевые слова:** Николай Генрикович Гартвиг, российский посланник, Белград, Сербия, Австро-Венгрия, пресса.*

THE DEATH OF NIKOLAJ HENRIKOVICH HARTWIG AND THE ECHO IN THE SERBIAN AND AUSTRO-HUNGARIAN PRESS

Zarković S. Vesna

PhD of historical sciences

*Institute for Serbian Culture, Priština-Leposavić
Senior research associate*

E-mail: vesna.zarkovic07@gmail.com

***Abstract.** The paper discusses the life, activities and death of Nikolaj Henrikovich Hartwig during his service in Belgrade, as well as the echo in*

the Serbian and Austro-Hungarian press. Russian deputy Hartvig served in Serbia from 1909 to 1914. His stay in the Serbian capital coincided with the stormy time of the annexation crisis, marked by strained relations between Serbia and Austria-Hungary. The years spent in diplomacy and extensive experience made Hartvig a candidate for this position, which was of exceptional importance for Russia. Through his activities in Belgrade and representation of Serbian interests, he left a deep mark in the memory of Serbs. His death in the building of the Austro-Hungarian embassy, which occurred after the assassination of the Austro-Hungarian heir to the throne in Sarajevo, attracted great attention from diplomatic circles and the world press. On the basis of representative examples, we pointed out the texts that appeared in the press on the occasion of the death of a great Russian diplomat.

Keywords: *Nikolaj Henrikovich Hartvig, Russian deputy, Belgrade, Serbia, Austria-Hungary, press.*

Статья подготовлена в результате научно-исследовательской работы Института сербской культуры, в рамках Соглашения, заключенного с Министерством науки, технологического развития и инноваций Республики Сербия №: 451-03-66/2024-03 от 26 января 2024 г.

Николай Генрикович Гартвиг родился в 1857 году в городе Гора на Кавказе, сегодня в Грузии. Он происходит из обедневшей дворянской семьи родом из Германии. Дипломатией он начал заниматься в 1875 году, когда служил в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. Позже он занимал должность атташе в Черногории, в Цетинье, а затем консула в Бургасе, в Болгарии. Кроме того, он был главой дипломатической миссии в Персии, откуда приехал в Сербию [1, с. 248]. Он прибыл в Сербию 13/26 сентября 1909 года, во время аннексионного кризиса, который еще больше углубил отношения между Сербией и Австро-Венгрией. Учитывая тот факт и годы, проведенные в дипломатии, у него было видение, когда будут решены некоторые, казалось бы, менее важные вопросы. Он выступал за улучшение положения бедных студентов, в которых видел создателей будущего славянского возрождения. Благодаря такому отношению к ним он приобрел большой круг друзей и поклонников почти на всех Балканах, что в дальнейшем и определило его судьбу.

Назначение Гартвига на пост российского посланника в Белград существенно способствовало сближению Королевства Сербия и России [2, с. 183]. Значительной была его деятельность и во время встречи

правителей двух стран в 1910 г. в Петрограде [3, с. 242–243; 245–246]. Кроме того, он активно участвовал в общественной жизни в сербской столице. Осенью 1910 года он приложил немало усилий, чтобы убедить руководство Петербургского международного банка предоставить заем Офицерскому кооперативу в Белграде. Идею поддержал тогдашний министр финансов Российской империи Владимир Николаевич Коковцов. Разъясняя этот вопрос, он подчеркнул политическую составляющую и тяжелое положение сербских офицеров: «Сербские офицеры получают относительно скромное жалование и при ежегодном росте стоимости жизни они вынуждены прибегать к кредитам, и такие услуги охотно оказывают им местные банкиры, почти полностью австрийские евреи, вымогающие у них еврейские интересы. Постепенно большинство офицеров сербской армии оказались в жестких руках евреев». Осуществление финансово-займа и его погашение гарантировались военным министром, а цесаревич Александр награждал представителей русского банка сербскими орденами [4, с. 67].

Николай Генрихович Гартвиг был известен как великий панславист и преданный друг сербского народа. Наряду с Александром Петровичем Извольским он считался одним из величайших дипломатических и политических деятелей Европы начала 20 века. Такое мнение преобладало не только в сербской дипломатии. Максимилиан Харден, один из наиболее компетентных знатоков ситуации в Европе, сказал о нем: «Николай Гартвиг, российский посол в Белграде, обладает всей тонкостью и глубиной концепции Извольского, но в то же время он обладает гораздо большей настойчивостью и выносливостью, чем Извольский» [5, с. 3 (28 июня 1914 г.)].

Приезд российского дипломата Гартвига в Белград последовал за началом аннексионного кризиса, сделавшего ситуацию на Балканах напряженной и неопределенной «в то время, когда еще бушевали аннексионные бури» [6, с. 2 (18 июля 1914 г.)]. Россия сознательно направила опытного дипломата, обладающего большим опытом и энергией, чтобы контролировать существующую ситуацию и направлять ее в русло общих интересов. Неизмерима его вовлеченность и активное участие в формировании Балканского союза, в который вошли Болгария, Сербия, Черногория и Греция, против Турции, но в конечном счете и против целей Австро-Венгрии [7, с. 202–209]. По данным *Neue Warte am Inn*, Гартвиг три года работал над формированием альянса, однако его имя не упоминается в подписанных контрактах. Это была «обширная глава балканской

истории», за которой стоял российский посланник, единственный, кто был «способен придать этому альянсу антиавстрийский тон и который добавил к освободительной войне против Турции значение вражды по отношению к Австро-Венгрии» [6, с. 1 (18 июля 1914 г.)]. Его успех отразился в том, что он привлек на сторону балканских государств Болгарию, хотя всего тремя годами ранее она координировала свою деятельность с Австро-Венгрией. После освобождения от Османской империи в 1912 году наступил еще более тяжелый период не только для Королевства Сербия, но и для всего Балканского региона. Великие державы во время балканских войн за счет сербских территорий решили создать государство Албания, поэтому возник вопрос о его границах. Желая аргументированно поддержать сербские требования на определенные территории, Гартвиг попросил главу географического отдела Стевана Бошковича предоставить ему соответствующие данные о протяженности линии границы. Эти данные были использованы российскими дипломатическими представителями на конференции в Лондоне и Флоренции в 1913 году. К ним относятся территории Охрида, Струги, Дебры, Призрена, Джаковицы и Печи. Данные обоснованы этнографическими, географическими, экономическими и историческими фактами [8, с. 256].

Неприкрытые намерения Австро-Венгрии по дальнейшему проникновению на Балканы явно определяли курс внешней политики сербского правительства, все более опиравшегося на Россию. Именно Николай Генрихович Гартвиг положил начало такой политике. Его положение в Белграде сыграло значительную роль в контроле опасной напряженности не только между Сербией и Австрией, но и между Россией и Двойной монархией [9, с. 1 (14 июля 1914 г.)]. Гартвиг рассматривал Королевство Сербия как «верный форпост» России на Балканах [10, с. 105]. Из-за такого отношения австрийская пресса считала его самым большим врагом, «которому в течение многих лет мастерски удавалось натравливать сербов против Австрии» [11, с. 1 (14 июля 1914 г.)]. Австрийская газета *Welsler Zeitung* объяснила некоторые шаги Сербии, в которых она выступила против Австрии «таким образом, на который никогда не осмелилась бы ни одна великая держава», влиянию посланника Гартвига, который «придал сербам необходимое мужество для этого». Эта газета беззастенчиво ликовала, что российский дипломат скончался в такой «серьезный момент» [11, с. 1 (14 июля 1914 г.)]. В таком же тоне и, мы бы сказали, с нескрываемой радостью газета *Neue Warte am Inn*, выходившая в Браунау-ам-Инне в Верхней Австрии, на следующий день после смерти Гартвига опубликовала на первых трех страницах большой

текст под названием «Злейший враг Австрии в Сербии — мертв!» (Oestereichs grösster Feind in Serbien – tot!) [6, с. 1. (18 июля 1914 г.)].

На важность и успех работы Гартвига также указывает тот факт, что некоторые австрийские и немецкие газеты опубликовали тенденциозные новости, например, о большой нетерпимости между ним и министром иностранных дел Сергеем Дмитриевичем Сазоновым. Эту и подобную информацию российские газеты опровергли, а «Русское слово» опубликовало утверждение, что отношения между двумя дипломатами более чем хорошие и что Сазонов ранее предлагал Гартвигу выбрать посольскую должность, шли даже разговоры о Царьграде, одном из важнейших мест российской политики. Однако реализация этого предложения не произошла, потому что турки умоляли Россию назначить на эту должность кого-либо, кроме Гартвига. Это утверждение указывает не только на хорошие отношения между упомянутыми, но и на опасения в Царьграде по поводу назначения решительного дипломата, такого как, такого как Николай Генрикович Гартвиг [5, с. 2 (3 июля 1914 г.)]. Австро-Венгрия также была осведомлена о попытках российского правительства назначить Гартвига на более важные должности, что объясняло его настойчивый отказ от предложения любовью к сербам и, тем более, желанием «довести дело до конца в Белграде» то есть предотвратить дальнейшую экспансию Австро-Венгрии на восток [6, с. 2 (18 июля 1914 г.)].

Правда об отношениях Гартвига и Сазонова, судя по всему, находилась где-то посередине. Политика – штука динамичная, как и отношения двух важнейших российских дипломатов в тот момент. После Балканских войн Сазонов защищал интересы Сербии, как если бы они были российскими, но столкнулся с большими проблемами, особенно с точки зрения обеспечения права Сербии на выход к морю через свою территорию, поэтому со временем он отступил. В отличие от него, Гартвиг по-прежнему продолжал всеми силами поддерживать сербские интересы «и действовать самостоятельно – согласно обычаям, господствовавшим в русской дипломатии», что привело к частичному расколу. Некоторые современники двух дипломатов также считали, что тщеславие в их конфликте было незначительным фактором, но, тем не менее, оно больше присутствовало у Гартвига [12, с. 240-241]. Сазонов утверждал, что Гартвиг по-своему представлял российскую политику в Белграде, тем самым крайне затрудняя положение российского премьер-министра [13, с. 189].

Привязанность Николая Гартвига к сербам и настойчивость в реализации их интересов вызвали негативную реакцию не только в Австро-Венгрии, но и в стране, откуда он приехал. Российские болгарофилы обвиняли его в том, что он «слишком решительно встал на сторону Сербии и слишком подставил Россию под сербские интересы» [14, с. 1 (13 июля 1914 г.)]. Позиция и отношение представителей этого политического направления обесценивала славянофильский характер и работу Гартвига на благо всех славян. Любовь к сербам по сравнению с болгарам была более выраженной по той причине, что они были более подвержены германской экспансии.

Ловкость и активность Гартвига в борьбе за сербские интересы вызвали еще одну полемику, которая дополнительно усиливалась публикациями австро-венгерской прессы. Это была история о связи Гартвига с «Черной рукой»⁴, поставившая его в ситуацию звать об организации убийства в Сараево. Подобные надписи в прессе противоречили его заявлениям о том, что общество «Черная рука» сеет раздор и недовольство в армии. Он также считал, что эта организация «никогда не встречала ни малейшего сочувствия со стороны армии», поэтому воздерживалась от вмешательства во внутривнутриполитические вопросы [4, с. 66]. Хотя члены «Черной руки» пытались установить тесную связь и прямые контакты с Гартвигом, им не удалось добиться своих намерений [10, с. 105].

Несмотря на это, многие из-за его большого проникновения в политику связывали его с «Черной рукой», мистифицируя ее влияние. В докладе своему тогдашнему министру Леон Деко, посол Франции в Сербии, обвинил Гартвига в том, что он отстранил короля Петра от общественной жизни и уступил эту должность наследнику престола Александру, который из-за молодости был восприимчив под влиянием «Черной руки». Этот доклад, с которым согласился и французский министр иностранных дел Клермон-Симон, был охарактеризован современниками как плод воображения Деко, видевшего во многом борьбу пангерманизма и панславизма. События в Сараево и смерть Гартвига повлияли на быстрое отстранение от должности Деко [15, с. 92, 100].

⁴Тайное объединение офицеров, свергнувшее в 1903 году австрофильскую династию Обреновичей и поставившее Караджорджевичей во главе государства. Их также обвинили в подстрекательстве и содействии совершению убийства в Сараево.

Помимо посланника Гартвига, значительную роль в белградском обществе и сербском государстве играла и его жена Александра Павловна Гартвиг. Симпатию сербского и русского народа она приобрела благодаря своей гуманитарной деятельности, особенно выраженной во время Балканских войн. Она неустанно работала, заботясь о раненых солдатах, а также старалась помочь семьям погибших в боях. Она собирала помощь, поддерживая активную связь со славянскими комитетами в Москве и других городах России. В Московский комитет, возглавляемый г-ном Николаем Гучковым, неоднократно поступали письма и отчеты от г-жи Гартвиг с просьбой о пожертвованиях в виде денег и лекарств [14, с. 1 (13 июля 1914 г.)]. Смерть мужа не помешала ей продолжать оказывать помощь сербским раненым во время Первой мировой войны. Благодаря большому участию и труду в Нише постепенно сформировался русский медицинский отряд, который работал в первом и пятом резервных госпиталях на средства, предоставленные Александрой Павловной Гартвиг. Она привезла в эти больницы медсестер и организовала поставки постельного белья, медицинских товаров и лекарств из России. Она также при помощи Российского Красного Креста обеспечивала пакеты помощи [4, с. 326; 16, с. 279].

События на Балканах перед началом Первой мировой войны развивались быстро, и работа Гартвига была более интенсивной. Балканский союз, в создании которого он сыграл важную роль и вложил немало усилий, распался. Разочарование в связи с распадом Балканского союза отразилось на подорванном здоровье российского посланника [14, с. 1 (13 июля 1914 г.)]. Его друзья из Петербурга уже знали, что у него серьезные проблемы с сердцем, которые усугублялись тем, что он откладывал отпуск. Ему посоветовали ускорить запланированную поездку на курорт Наухайм, но он отказался под предлогом важных дел в Белграде. Похоже, он не осознавал серьезности своего заболевания [14, с. 1 (13 июля 1914 г.)]. Такое состояние здоровья не помешало ему продолжать работу по объединению балканских славянских народов. Австрийская газета *Neue Warte am Inn* писала, что в начале 1914 года Гартвиг планировал создание «Балканского блока», который должен был стать новым изданием Балканского союза, направленным против Австро-Венгрии. Он хотел включить в этот блок Болгарию, мирным путем, пойдя на определенные территориальные уступки, или «с помощью кнута» [6, с. 2 (18 июля 1914 г.); 4, с. 66]. Австрия стремилась предотвратить создание блока, дистанцируя Болгарию от союза, а в газетах периодически появлялись новости о том, что «Болгарию

ограбили собственные братья-славяне» [6, с. 2 (18 июля 1914 г.)]. К сожалению, начало Первой мировой войны помешало реализации идеи создания нового Балканского союза.

Помимо взаимных конфликтов балканских народов, здоровье Гартвига постепенно было подорвано действиями Вены и ее дипломатов, а, возможно, даже больше, межпартийными конфликтами в Сербии, нарушившими его запланированный план. А именно, в начале июня 1914 года в Сербии возник министерский кризис, который еще больше усилил «спор о приоритетах» между радикалами Пашича и объединенной оппозицией, возглавляемой прогрессистами. Оппозиция хотела участвовать в формировании правительства, игнорируя внешнюю опасность. Гартвиг поддерживал Пашича, пытался примирить враждующие стороны и выступал посредником в переговорах с Павлом Маринковичем, одним из лидеров прогрессистов, но безуспешно [4, с. 63–64; 10, с. 108].

Ситуация достигла кульминации после Сараевского покушения, в результате которого был убит австро-венгерский наследник престола Франц Фердинанд. Многочисленные австрийские газеты, помимо прочего, также публиковали новости, касающиеся поведения российского посланника в Белграде. Некоторые из них подчеркивали историю неуважения к жертве и неисполнения символа траура из-за убийства. Опубликованные новости, в основном ложные, имели целью оправдать австро-венгерскую политику. Они существенно повлияли на российского посланника, который ждал подходящего момента, чтобы высказать свою позицию по всем вопросам отсутствующему австро-венгерскому коллеге. После возвращения из Вены австро-венгерскому посланнику Владимиру Гизлю фон Гизлингену было поручено передать Белграду ноту своего правительства, касающуюся убийства Сараево. Вероятно, по этому поводу он и пригласил своего российского коллегу, который принял приглашение и отправился в здание посольства Австро-Венгрии. Во время визита он внезапно заболел и вскоре скончался.

Несмотря на быструю реакцию доктора Рыбникара, доктора Симоновича и доктора Св. Николаевича, Гартвигу не могли помочь. Пока российский посланник лежал мертвым на кровати в австро-венгерского посольства Гизль перерассказывал встречу и заявил, что его покойный коллега рассказал ему об ухудшении здоровья и о запланированной поездке через Вену и Франкфурт в курорт Наухайм, которую он отложил из-за празднования Дня рождения сербского короля. Невозможно установить наиболее точную информацию о самом разговоре, потому что во время визита в

помещении австро-венгерского посольства в Белграде помимо посланников находилась только г-жа Гизль, которая до прибытия врача первой оказывала помощь Гартвигу [5, с. 2-3 (28 июня 1914 г.)]. По сообщению белградской газеты *Политика*, ссылающейся на наиболее достоверный источник, Николай Генрикович Гартвиг отправился «в австрийское посольство, чтобы выяснить странную интригу с г-ном Гизлем». Поскольку он был импульсивным по своей природе, утверждалось, что, вероятно, среди коллег шла острая дискуссия, фатальная для Гартвига [5, с. 3 (28 июня 1914 г.)].

В отличие от *Политики*, австро-венгерские газеты публиковали другую историю о встрече двух посланников. Интересно, что среди наиболее радикальных оказалась газета *Штаерц*, издававшаяся на словенском языке. В этой газете был опубликован текст под названием «Российский посланник знал об убийстве наследника престола». Ссылаясь на «хорошо информированные источники», в статье приводилась информация о том, что Гартвиг просил Гизля принять его с визитом, чтобы оправдать выдвинутые против него обвинения. Говорят, что барон Гизль спокойно выслушал «защиту» Гартвига, после чего ответил: «Ваше Превосходительство, если вы думаете, что обманете меня своими нелепыми оправданиями, Вы ошибаетесь». В последующем тексте утверждалось, что Гизль вытащил из кармана письмо с неопровержимыми доказательствами осведомленности Гартвига об убийстве в Сараево и его причинах. Столкнувшись с доказательствами, Гартвиг вскочил, а затем у него случился сердечный приступ. Помимо этих утверждений указывается, что русский посланник «ничего не пил у барона Гизля», хотя в других местах можно найти сведения о том, что ему подали чай [17, с. 3 (9 августа 1914 г.)]. Это говорит о намерении автора статьи, а также редактора газеты опровергнуть версию о возможном отравлении. Такую историю передала газета *Naše novine*, которая печаталась на хорватском языке в городе Дьер. В статье о смерти русского посланника утверждается, что эту историю придумали сербы из-за убийства в Сараево. Говорят, что Гартвиг был «величайшим другом Сербии» и поддерживал его во всех делах, особенно в тех, которые были направлены против Двойной монархии. Поддержка была особенно направлена на панславянские и «так называемые великосербские усилия» [18, с. 5 (18 июля 1914 г.)]. Интересно, что эта конструкция встречается и в немецкоязычной прессе в форме великосербской пропаганды. Некоторые австро-венгерские газеты сообщили о материалах сербской прессы, опубликовавшей сообщение о том, что речь идет об отравлении и что

по этому поводу была придумана специальная словесная конструкция, гласившая, что Гартвиг — «жертва австрийского безумия» [11, с. 1 (14 июля 1914 г.)]. Более умеренной в заявлениях была газета *Czernowitzer Allgemeine Zeitung*, печатанная в Черновцах в Буковине (сегодняшняя Украина), в которой почти без комментариев описывалась смерть посланника Гартвига в австро-венгерском посольстве. Однако на страницах этих газет также утверждалось, что он прибыл с визитом, чтобы оправдать свое поведение после убийства в Сараево [19, с. 2 (14 июля 1914 г.)].

Вопреки этим утверждениям газета *Welser Zeitung* сообщила, что сербская пресс-служба направила в белградскую газету заявление, опровергающее подозрения, что посланник Гартвиг умер неестественной смертью в здании австро-венгерского посольства [11, с. 7 (14 июля 1914 г.)]. Таким отношением сербское правительство дистанцировалось от циркулирующих в Сербии историй об отравлении Гартвига в австро-венгерском посольстве. Правительство в Белграде предприняло и другие шаги для защиты австро-венгерских подданных и посланников. Хотя тревога и возмущение сербского населения были велики, распространились новости о нападении на посольство, но не было ни демонстраций и протестов перед зданием посольства, ни непосредственных угроз австро-венгерским подданным [6, с. 1–2 (18 июля 1914 г.)].

Куда более профессионально сообщала газета *Znaimer Tagblatt*, издававшаяся в Зноймо на юго-западе Моравии, опубликовавшая интервью с бароном Гизлем. Австро-венгерский посланник рассказал, как Гартвиг пришел с намерением опровергнуть обвинения в неправомерном поведении и о том, что он готовил торжественный ужин в день убийства наследного принца Франца Фердинанда. По словам Гизля, Гартвиг заявил, что он первым выразил соболезнования австро-венгерскому посольству и принял участие в панихиде со всем персоналом российского посольства. Также в помещениях российского посольства был вывешен траурный флаг. На вопрос автора интервью, будут ли приняты какие-либо меры, барон Гизль ответил отрицательно, поскольку расследование еще продолжалось. Лишь после окончания расследования можно было предпринять определенные шаги «в самой примирительной форме и при строжайшем соблюдении международной дипломатической практики» [9, с. 3 (14 июля 1914 г.)].

Газета *Welser Zeitung* приводит более подробную информацию о предполагаемом поведении Гартвига, который, по их словам, присутствовал на панихиде, состоявшейся в римско-католической

церкви австро-венгерского посольства и «был с лентой Большого креста императорского австрийского ордена Франца Иосифа, которую он всегда носил с определенной гордостью». Флаг на здании российского посольства был приспущен до полумачты, и Гартвиг, не зная, как долго он должен оставаться в таком состоянии, спросил бельгийского посла Мишота де Вела. Последовал ответ: «Считается, что официальный траур окончен, когда окончена похоронная церемония» [11, с. 1 (14 июля 1914 г.)].

Весть о внезапной смерти Гартвига быстро распространилась по сербской столице. В знак траура над всеми учреждениями, магазинами и даже частными домами были вывешены черные флаги. При этом были отменены все киносеансы, а также и заранее запланированная церемония в честь дня рождения сербского короля [5, с. 3 (29 июня 1914 г.)]. О смерти Николая Гартвига сообщили почти все европейские и мировые газеты. *Pester Lloyd* проинформировал общественность следующим образом: «Самый опытный российский дипломат умер с Николаем Гартвигом. Он выполнял порученное ему задание с фанатичным рвением и невероятной ловкостью. Не будет преувеличением сказать, что в последние, насыщенные событиями годы, он держал в своих руках все нити балканской политики и был не только человеком, создававшим планы, но и проводившим крупные изменения на европейском востоке. Гартвиг был одним из самых лютых и опасных врагов нашей монархии, но это не мешает нам признать, что он был человеком больших способностей, государственным деятелем необыкновенного дарования и дипломатом величайшей предприимчивости» [5, с. 3 (29 июля 1914 г.)]. Газета *Neue Warte am Inn* сообщает, что в сербских газетах пишут, что Гартвиг умер в особенно трагический момент, «когда так был нужен добрый совет проверенного друга». В сербских газетах появилась информация о том, что Гартвиг предлагал австро-венгерскому посланнику «хорошие услуги» в посредничестве и разрешении напряженности между Веной и Белградом [6, с. 1–2 (18 июля 1914 г.)].

В то время как многие газеты публиковали новости, а некоторые произвольно приводили непроверенные факты о смерти российского посланника, в Белграде велась подготовка к похоронам. Большое количество людей не только из Белграда, но и из внутренних районов Сербии приходили в российское посольство, выражали соболезнования и оплакивали Гартвига. Его жена, находившаяся в момент злополучного события в Царьграде, согласилась, чтобы ее мужа похоронили в Белграде. Муниципалитет согласился, чтобы великий друг сербского народа покоился на Новом кладбище, в

могиле, между Милованом Миловановичем и Велимиром Тодоровичем. Специальная комиссия, курирующая программу, детально подготовила программу похорон [5, с. 3 (30 июня 1914 г.)]. Помимо одобрения семьи, предложение о месте захоронения было принято и Правительством Российской империи, от имени которого министр иностранных дел Сазонов направил в Белград официальное сообщение [10, с. 121–122]. Таким образом, желание Гартвига также было выполнено, что подтвердила его жена. По ее показаниям, он бесчисленное количество раз говорил: «Этот сербский народ очень хорош. Ничего бы я не хотел так сильно, как умереть среди сербов. Я знаю, что есть люди, которые говорят, что сербы холодны и равнодушны. А они не такие; Серб просто молчит, и именно тогда, когда он чувствует себя сильнее всего, он не может ничего сказать» [5, с. 2 (1 июля 1914 г.); 1, с. 254].

Последние проводы Николая Генриковича Гартвига были организованы во вторник, 1/14 июля 1914 года с почестями, подобными тем, с которыми хоронят правителей. Для всего сербского народа это было печальное торжество, превратившееся в великолепное событие по ранее установленному порядку с ярко выраженным антиавстрийским характером [4, с. 249; 16, с. 291]. Обо всем событии свидетельствуют слова старого и уважаемого трактирщика Косты Гинича, который со слезами на глазах рассказал группе журналистов: «Никто в нашей стране никогда не был похоронен так - никто, кроме, может быть, блаженнопочившего князя Михаила; я хорошо помню его похороны; и тогда весь народ вышел и плакал на улицах. Похороны Гарашанина тоже были большими; Косты Таушановича даже больше, чем у Гарашанина, но таких похорон в Белграде еще не было» [5, с. 2 (2 июля 1914 г.)]. Тожественное мнение мы находим у американского полномочного министра по делам Сербии, Румынии и Болгарии Чарльза Джозефа Вопицки, который охарактеризовал это как «крупнейшие похороны в истории Сербии» [15, с. 101], в то время как австрийская газета *Welsler Zeitung* писала, что «похороны прошли с почти королевской пышностью» [11, с. 7 (14 июля 1914 г.)]. О важности этих похорон говорит и тот факт, что продюсер Джордже Богданович, владелец кинотеатра «Касина», снял об этом событии фильм [20, с. 63].

В день похорон с раннего утра по всему Белграду ощущался великий траур, собралось большое количество людей из города, а также из внутренних районов, и, по некоторым оценкам, предполагалось, что было около 100 000 человек. Горожане были одеты в парадную одежду, по всему городу были вывешены черные

флаги, почти все магазины были закрыты. Перед зданием российского посольства собрались члены дипломатического корпуса в парадной форме, государственные деятели, высшие чиновники, представители различных общественных учреждений в парадной черной одежде, офицерский корпус в парадной форме, общества и корпорации со своими флагами, закутанными в черное. Митрополит Белградский Дмитрий с владыками Шабачким и Нишским и еще тридцатью тремя священниками устроили в зале короткую панихиду. В знак уважения к умершему российскому посланнику прибыло большое количество венков из живых цветов. В сербской прессе появилась информация, что их было более семидесяти. Десять офицеров, распределенных в два ряда, несли на подушках 49 наград Гартвига и 12 лент [5, с. 2 (2 июля 1914 г.)].

Процессия двигалась по установленному маршруту. Справа и слева от машины с телом покойного почетные ленты держали премьер-министр королевства Сербия Никола Пашич, румынский посланник Филалити, греческий посланник Александропулос и директор общества «Россия» Дж. Паункович. У дороги, по которой двигалась процессия, стояли курсанты Военной академии. За машиной сначала шли члены семьи, за ними следовали сотрудники российского посольства, дипломатического корпуса, члены правительства, президиума Скупщины и Государственного совета Королевства Сербия, Генерального штаба, члены королевского двора, государственные сановники, чиновники Министерства иностранных дел, офицерского корпуса, высшие должностные лица, представители муниципалитета Белграда, различных палат и корпораций, чиновники и граждане. Большую группу составляли представители сельского населения, старики, женщины, мальчики, девочки в парадной одежде, при этом многие деревенские женщины носили на головах черные платки в знак траура.

Процессия прошла по белградским улицам короля Милана, князя Михаила и короля Петра к Кафедральному собору, где присутствовали наследник престола Александр, королевич Джордже и принц Павел. Отпевание длилось чуть больше полутора часов, и митрополит произнес прекрасную речь. Помимо него, говорил премьер-министр Никола Пашич, который, среди прочего, подчеркнул: «Покойный был человеком больших умственных способностей, необычайной подготовки и богатого опыта, широкой и нежной русской души, охватившей своей любовью славянские племена, и постоянно думавшей о путях их примирения и укрепления их культурной взаимности, чтобы они могли увидеть и понять великую силу,

закрывающуюся в их культурной солидарности...» [5, с. 3 (2 июля 1914 г.)]. В конце своего выступления Пашич заключил, что могила российского посланника Николая Генриковича Гартвига должна стать вечной связью между российским и сербским народом.

Хоть церемония похорон и длилась четыре часа, члены семьи все время шли пешком, несмотря на теплую погоду, что вызвало еще большее сочувствие и восхищение у присутствующих. На самом кладбище митрополит прочитал последнюю молитву, а глава муниципалитета произнес трогательные слова от имени столицы, подчеркнув величайшие заслуги Гартвига перед сербским народом. При этом от имени всего сербского народа он выразил благодарность за сделанные дела. В день похорон муниципалитет Белграда направил телеграмму министру иностранных дел России Сазонову, в которой выразил благодарность и подчеркнул, что будет охранять могилу как «драгоценное наследство от нашей братской России и как постоянный залог традиционной любви и дружбы между могучей Россией и маленькой и искренней Сербией» [5, с. 3 (2 июля 1914 г.)].

Российские дипломатические круги осознавали важность Белграда и Сербии и придерживались мнения, что на вакантную должность следует как можно скорее и безотлагательно назначить нового посланника. К такой позиции их привела нынешняя напряженная ситуация в отношениях между Сербией и Австро-Венгрией. Однако вопрос о наследнике был довольно сложным. Прозвучали предположения, что тогдашний российский посланник в Софии А. А. Савинский может быть переведен в Белград. Некоторые дипломаты выступили против этого предложения, заявив, что Савинский слишком спокоен и размерен и что в Белград следует послать более энергичного человека. Среди кандидатов на должность нового посланника можно было услышать такие имена, как господин Полевский-Козелл, а также Нелидов [14, с. 1 (13 июля 1914 г.)].

Тот факт, что смерть российского посланника Гартвига, любимца сербского народа, произошла в австро-венгерском посольстве, вызвал недоверие и недовольство. Большая масса населения сербской столицы вышла на улицы и выразила свое недовольство. Напряженная ситуация вызвала панику среди австро-венгерских подданных, поэтому большое их количество, желая избежать возможных неудобств, они двинулись в Земун. Среди перебежчиков был сын посланника барона Гизля [6, с. 1 (18 июля 1914 г.)].

Во время похорон царила траурная атмосфера, и не было ни протеста, ни малейшего инцидента, что некоторые австрийские газеты приписывали «поддержанию готовности всего белградского

гарнизона». В непосредственной близости от австрийского посольства в здании позади, располагались отряды пехоты и кавалерии[11, с. 7 (14 июля 1914 г.)].

Через несколько дней после смерти российского посланника Сербия подверглась нападению Австро-Венгрии. Последовавшая за этим война и проблемы вновь созданного государства отодвинули вопрос о возведении памятника на второй план. По настоянию дочери Людмилы и Василия Николаевича Штандмана, бывшего заместителя Гартвига, и при всесторонней поддержке президента Белградского муниципалитета Влады Илича в 1939 г. был установлен памятник Николаю Генриховичу Гартвигу [20, с. 70]. В этой же могиле были похоронены его дочь Людмила, умершая в 1931 г. в Париже, и жена Александра, умершая в 1944 г. в Белграде.

В память о благотворительности Николая Генриковича Гартвига в Сербии в его честь была названа улица в Белграде. К сожалению, улица была переименована во время оккупации в 1943 году [21, с. 200, 206]. В знак благодарности большому российскому другу в 2017 году улице в сербской столице вновь было присвоено имя Николая Гартвига.

Список литературы

1. Живановић М. Смрт и погреб руског посланика у Београду Николаја Хенриковича Хартвига 1914. г. // Русија и Србија на прелому века. Српске теме Андреја Шемјакина. Београд: Институт за новију историју Србије, Институт за словенске студије РАН, Историјски институт, Центар за руске и источноевропске студије «М. Јовановић» Филозофског факултета Универзитета у Београду, 2020. С. 247–261.
2. Историја српског народа, књ. VI/1. Београд: Српска књижевна задруга, 1983. 679 с.
3. Зарковић В. Дипломатске активности и сусрети Петра I Карађорђевића и Николаја II Романова уочи балканских ратова. // Зборник радова Филозофског факултета бр. LI, св. 4. Косовска Митровица: Филозофски факултет Универзитета у Приштини. 2021. С. 235–254.
4. Тимофеев А, Вишняков Я, Милорадович Г. Битва двуглавых Орлов. Очерки по истории русско-сербских отношений в годы Первой мировой войны. Москва: Российский институт стратегических исследований. 2016. 454 с.
5. Политика. 1914.

6. Neue Warte am Inn. 1914.
7. Станојевић С. Стварање Балканског савеза 1912. Косовска Митровица, Прокупље: Филозофски факултет Универзитета у Приштини, Историјски архив Топлице, Народни музеј Топлице, 2020. 362 с.
8. Бакрач С, Радојчић С, Ђорђевић Д. Географско одељење у Првом светском рату// Први светски рат, Србија, Балкан и велике силе. Београд: Историјски институт, Институт за стратегијска истраживања, 2015. С. 255–268.
9. Znaimer Tagblatt. 1914.
10. Радивојевић М. Србија и Русија 1913–1918. Докторска дисертација у рукопису. Београд: Филозофски факултет 2019, 394 с.
11. Welser Zeitung. 1914.
12. Поповић Д, Никола Хенриховић Хартвиг // Летопис Матице српске, год. VII, књ. 336. Нови Сад: Матица српска, 1933. С. 236–251.
13. Станојевић С. Утицај италијанско-турскиг рата на прилике у Србији у извештајима руског посланика у Београду Н. Г. Хартвига // Зборник радова Филозофског факултета, бр. XLIII, св. 2. Косовска Митровица: Филозофски факултет Универзитета у Приштини, 2013. С. 183–193.
14. Russische Rundschau. 1914. (Објављен као рукопис са посебним текстовима на немачком и руском језику).
15. Стојић Б. Балкан у спољној политици Француске у предвечерје Великог рата // Први светски рат, Србија, Балкан и велике силе. Београд: Историјски институт, Институт за стратегијска истраживања, 2015. С. 87–108.
16. Тимофејев А, Кремић Д. Руска војна помоћ Србији за време Првог светског рата. Зборник грађе. Београд: Институт за новију историју Србије, 2014. 352 с.
17. Štajerc. 1914.
18. Naše novine. 1914.
19. Czernowitzer Allgemeine Zeitung. 1914.
20. Живановић М.И крст и петокрака: Руски гробни комплекси у Југославији у 20. веку. Београд: Институт за новију историју Србије, 2020. 567 с.
21. Белаяц М. Направления ревизии истории сербско-русских отношений: Первая и Вторая мировые войны // Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX

веке. М.: Институт славяноведения РАН, Институт новейшей истории Сербии, 2016. С. 188–206.

ФЕНОМЕН ЭКСКЛЮЗИИ В ВУЗОВСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Зиновьева В.И.

*Кандидат исторических наук
ФБГОУ ВО Томский государственный университет систем
управления и радиоэлектроники,
Старший научный сотрудник НОЦ ИСР
E-mail: valentina.i.zinoveva@tusur.ru*

Семенова С.В.

*Кандидат медицинских наук
ФГБОУ ВО Сибирский государственный медицинский
университет Минздрава России,
ассистент кафедры общей врачебной практики и
поликлинической терапии
E-mail: svvs@list.ru*

Аннотация. Рассматривается эмоциональная неустойчивость молодежи, склонность к крайним суждениям, ее стремление опираться на группу сверстников. Это помогает усвоить навыки социального поведения, сформировать собственную самооценку. В ее среде также распространен феномен социальной эксклюзии. Цель статьи – изучить данный феномен на основе социологического опроса в Большом университете г. Томска (включает шесть государственных университетов). В опросе приняли участие 609 студентов. По итогам обработки данных, установлено, что студенты остро переживают случаи групповой эксклюзии (периодически до 76% респондентов), однако регулярная стигматизация в группах встречается редко (до 6,9% респондентов). В качестве реакции на эксклюзию, у студентов наблюдаются: прямое открытое реагирование «внешняя агрессия» у 17% респондентов и «конформизм», неконфликтность у 46,1% («регулярно»), т.е. предсказуемые стереотипы поведения молодежи преобладают в университетской среде.

Ключевые слова: феномен, инклюзия, эксклюзия, конформизм, респонденты.

THE PHENOMENON OF EXCLUSION IN THE UNIVERSITY YOUTH ENVIRONMENT

Zinovieva V. I.

Candidate of Historical Sciences

*Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics
(TUSUR), Senior Researcher at the Scientific and Educational Center of the
Department of History and Social Work
E-mail: valentina.i.zinoveva@tusur.ru*

Semenova S.V.

Candidate of Medical Sciences

*Siberian State Medical University (SSMU)
Assistant of the Department of General Medical Practice and
Outpatient Therapy
E-mail: svvs@list.ru*

Abstract. *The article examines the emotional instability of young people, their tendency to extreme judgments, and their desire to rely on a group of peers. It helps to learn the skills of social behavior, to form your own self-esteem. The phenomenon of social exclusion is also widespread in her environment. The purpose of the article is to study this phenomenon on the basis of a sociological survey at the Large University of Tomsk (includes six state universities). 609 students took part in the survey. According to the results of data processing, it was found that students are acutely experiencing cases of group exclusion (up to 76% of respondents), but regular stigmatization in groups is rare (up to 6.9% of respondents). As a reaction to exclusion, students have the following direct open reactions: "external aggression" (in 17% of respondents) and "conformism", non-conflict in 46.1% - "regularly"), i.e. predictable patterns of behavior prevail in the university environment.*

Keywords: *phenomenon, inclusion, exclusion, conformism, respondents.*

**Исследование выполнено в рамках государственного задания
FEM-2023-0013.**

В настоящее время возрастает значение исследований по проблемам высшей школы, т.к. именно здесь сосредоточена наиболее передовая молодежь, которая в недалеком будущем станет опорой страны. Внимание университетской молодежи сосредоточено не

только на академических интересах, цифровизации, искусственном интеллекте, но и на новых феноменах образовательного пространства – этнической и социальной идентичности, инклюзивной культуре. Молодые люди интересуются социально-психологической стороной жизни, для этого возраста характерна эмоциональная неустойчивость, напряженность, склонность к крайним суждениям. Они сталкиваются с депрессией, нуждаются в защищенности, стремятся опереться на группу сверстников, расширить коммуникативные связи. Это дает поддержку, помогает усвоить навыки социального поведения.

Между тем, социальная эксклюзия (исключение людей из социальных отношений), отвержение, дискриминация, когда они находятся в невыгодном для себя положении, широко распространена в обществе. Ее причинами является противоречивость внутреннего мира человека, архетипы культуры, модели воспитания. Этот феномен формируется на основе бессознательного, устоявшихся стереотипов, выражается в стремлении дистанцироваться от непохожих, нетипичных людей, которые, в свою очередь, стигматизируются. В университетской среде такими изгоями могут быть лица с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья, представители иных национальностей и культур. Случаи дискриминации и эксклюзии в открытой форме являются достаточно редкими, однако в скрытой форме ее признаки можно выявить в ходе социологического исследования как отражение жизненного опыта респондентов. Усиление терпимого отношения, толерантности, интереса к таким людям, как правило, связано с расширением знаний, приобретением жизненного опыта, развитием личностных смыслов и самосознания молодежи.

Объясняет эксклюзию стремление бессознательно защитить групповую идентичность, что выражается в том же стремлении исключать или стигматизировать людей. Как подтверждают исследования, эксклюзия – это продукт устойчивой сплоченности академических групп. По мнению М.П. Шульмина «переживание социальной эксклюзии приводит к личностной уязвимости, конформизму, агрессии личности» [1].

Данная тема рассматривается в литературе преимущественно в контексте адаптации лиц с инвалидностью в обществе и общей задачи перестроить образование в направлении инклюзивного экопространства. Эти процессы и реальные механизмы изучаются многими авторами. Так, в статье А.Л. Кузевановой А.Ю Чернова, В.А. Зорковой, А.О. Ивашкиной, основанной на результатах социологических исследований, отмечается, что в восприятии

инвалидов преподавателями вузов сохраняются негативные стереотипы, а большая часть студентов слабо информирована о целях, задачах, технологиях инклюзии, тогда как существенно вырос социальный запрос на получение высшего образования в среде лиц с инвалидностью [2]. На основании социологического обзора современных тенденций в системе образования Э.К. Наберушкина и Е.Р. Мирзаева, отмечая те же проблемы, делают вывод, что развитие культуры инклюзии позволит изменить стереотипы, повысить доброжелательность, солидарность и уважение лиц с инвалидностью в обществе [3]. Отдельные сюжеты по формированию перехода к инклюзии этой группы в образовательном пространстве освещаются на примерах отдельных образовательных учреждений [4, 5].

Цель данной статьи – изучить феномен эксклюзии в студенческой среде на основе анализа данных социологического опроса в Большом университете г. Томска.

С 2019 г. в г. Томске реализуется проект создания консорциума научно-образовательных и научных организаций на базе 7 университетов и 7 НИИ, при полном сохранении их юридической самостоятельности. В настоящее время по 13 направлениям уже созданы группы координации вузов (Рабочие группы), происходит выстраивание общей экосистемы Большого университета. Еще одним направлением этого процесса в образовательном пространстве выступает формирование инклюзивной культуры и инклюзивного образования, как вопрос включения, выравнивания прав и развития потенциала лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ). На этом направлении сотрудничество вузов начало налаживаться благодаря деятельности Региональных учебно-методических центров (РУМЦ), развития связей в социальных сетях, в ходе круглых столов, других общих мероприятий, а также – при проведении различных социологических исследований по проблемам инклюзии.

В опросе по проблемам эксклюзии приняли участие 609 студентов шести вузов Томска: Томского государственного университета (ТГУ), Томского политехнического университета (ТПУ), Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР), Томского государственного педагогического университета (ТГПУ), Томского государственного архитектурно-строительного университета (ТГАСУ) и Сибирского государственного медицинского университета (СибГМУ). Из них 255 человек юноши, 354 – девушки; 43 человека имеют возраст 17 лет, 267 человек – 18 лет, 69 человек – 19 лет, 98 человек – 20 лет, 70 человек -

21 год, остальные – 22 года и старше, т.е. преобладающий возраст респондентов -18-20 лет. Для определения основных рисков, с которыми сталкиваются студенты томских вузов (Большого университета г. Томска) в процессе обучения, был использован опросник, составленный М.П. Шульминым [1].

В предложенном опроснике содержалось 61 суждение по поводу отношения к группам людей или самому себе, респондентам предлагался выбор из 3-х вариантов: никогда, иногда, регулярно. Все суждения были разделены в целях обработки на 9 блоков: изолированность, недоверие, низкая самооценка, отверженность, тревожность (характеризуют переживание личностью групповой эксклюзии); внешняя агрессия, конформизм (личностная эксклюзия группы); аутоагрессия (направленная на себя), неконформизм (вызов) - защитная реакция личности. При 15% значения «регулярно» можно говорить о выраженном риске эксклюзии.

Если выбрать наиболее характерный блок групповой эксклюзии – «изолированность», то переживание изолированности от группы у респондентов по показателю «иногда» колеблется – от 26,1% до 54%; а по показателю «регулярно», то от 3,4% до 6,9%, т.е. значительно ниже. По блоку личностной эксклюзии: выбор фактора «внешняя агрессия» (конфликтность), в стадии «иногда» составляет от 13% до 70,8%, а по показателю «регулярно» - от 1,5% до 17%. В тоже время по блоку «конформизм» (избегание конфликтности) показатель «иногда» находится в диапазоне от 46% до 76% - у респондентов, а показатель «регулярно» - от 9% до 46,1%.

Таким образом, принимая во внимание критерий 15% значения «регулярно» и выше как состояние риска, можно утверждать, что студенты вузов остро переживают случаи групповой эксклюзии, до 76% респондентов периодически, но регулярно – ниже 7% респондентов. В качестве реакции на эксклюзию студентов преобладает прямое открытое реагирование, т.е. «внешняя агрессия» как максимум «иногда» - до 70,8%, а «регулярно» у 17% респондентов, что вышеобозначенного предела в 15%, и свидетельствует о росте риска, причем, в выборке лица мужского пола не преобладают.

В противовес этому, стереотип «конформизм», как реакцию на эксклюзию проявляют «иногда» до 75, 6%, а «регулярно» - до 46,1%. Если сравнивать эти противоположные реакции на исключение из общественных отношений, то можно сделать вывод о преобладании с большим перевесом стереотипов предсказуемого поведения респондентов в университетской среде. Однако остается актуальным вопрос о развитии инклюзивной культуры, как системе позитивных

представлений, правил, установок, ценностей, моделей поведения, что является условием устойчивости личностного развития. Индикатором социального конструирования новой реальности выступает активная деятельность по формированию позитивной системы личностных смыслов участников образовательного пространства и рост их социальной ответственности.

Список литературы

1. Шульмин М.П. Психологические факторы переживания личностью социальной эксклюзии // Сибирский психологический журнал. 2018. № 70. С. 17–33.
2. Кузванова А.Л., Чернов А.Ю., Зоркова В.А., Ивашкина А.О. Инклюзивное образование в вузе: проблемы и перспективы развития. //Вестник высшей школы. Философия и социология. № 6. 2022. С. 52 – 60.
3. Наберушкина Э.К., Мирзаева Е.Р. Социологический обзор современных тенденций в системе образования. // Человек. Общество. Инклюзия. 2021. № 1. С. 16 – 19.
4. Мельник Ю.В. Универсальный дизайн как инструмент удовлетворения образовательных потребностей обучающихся в условиях инклюзивного образования. // Инклюзивное образование и общество: стратегии, практики, ресурсы: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 20-21 октября 2021 г.) /гл. ред. С.В. Алёхиной. М.: МГППУ. 2021. С. 267-271.
5. Самсонова Е.К., Карпенкова И.В. Личностно-и деятельностно-ориентированные подходы к тьютерской поддержке в инклюзивном образовании. //Актуальные вопросы обеспечения условий инклюзивного образования в Российской Федерации. Материалы VII Международной научно-практической конференции (Москва, 25-27 октября 2023 года). /гл. ред. Е.В. Самсонова, Ю.А. Быстрова. М.: МГППУ. 2023. С.35-40.

ЮЖНЫЙ ХАРТЛЕНД И РОССИЯ

Когут В.Г.

*Кандидат политических наук, доцент
Секретарит МПА СНГ,
заместитель Генерального секретаря — полномочный
представитель Национального собрания Республики Беларусь,
Санкт-Петербургский государственный экономический
университет, руководитель базовой кафедры евразийской интеграции*

Нурышев Г.Н.

*Доктор политических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный экономический
университет,
профессор кафедры международных отношений и политологии
E-mail: g.nuryshv@yandex.ru*

Аннотация. *В работе отмечается, что условиях обострения геополитического противостояния между Россией и Западом усиливается роль Африки как Южного Хартленда, имеющего огромный геополитический потенциал. Поэтому в Африке в настоящее время нарастает геополитическая конкуренция. Усилия России при этом направлены на повышение геополитического потенциала африканских государств и становление многополярного мира.*

Ключевые слова: *Южный Хартленд, геополитическая конкуренция, неокOLONиализм, геополитические интересы, панафриканизм, афрополитизм.*

SOUTHERN HEARTLAND AND RUSSIA

V.G. Kogut

*Candidate of Political Sciences,
Associate Professor IPA CIS Secretariat,
Deputy Secretary General — Plenipotentiary Representative of the
National Assembly of the Republic of Belarus,
Saint Petersburg State University of Economics,
Head of the Basic Department of Eurasian Integration*

Nuryshv G.N.

*Doctor of Political Sciences,
Professor Saint Petersburg State University of Economics, Professor
of the Department of International Relations and Political Science*

Abstract. *The work notes that in the context of worsening geopolitical confrontation between Russia and the West, the role of Africa as the Southern Heartland, which has enormous geopolitical potential, is increasing. Therefore, geopolitical competition is currently growing in Africa. Russia's efforts are aimed at increasing the geopolitical potential of African states and the establishment of a multipolar world.*

Keywords: *Southern Heartland, geopolitical competition, neocolonialism, geopolitical interests, Pan-Africanism, Afropolitanism.*

В современных условиях геополитической турбулентности возрастает эвристическое значение первого закона геополитики, отмечающий рост противостояния между талассократией и теллуократией. В связи с этим растет, по Х. Маккинтеру, роль Хартленда, географической оси истории. Неслучайно, он подчеркивал: «Кто правит Восточной Европой, тот владеет Хартлендом. Кто правит Хартлендом, тот владеет Мировым островом. Кто правит Мировым островом, тот владеет миром» [1, с. 258]. При этом Мировой остров для Х. Маккинтера — это Евразия и Африка, соединенные Аравийским полуостровом. Он пишет: «Для сторонника стратегического мышления Хартленд как таковой обнимает в том числе Балтийское море, судоходные среднее и нижнее течение Дуная, Черное море, Малую Азию, Армению, Персию, Тибет и Монголию. Следовательно, внутри оказываются Бранденбург — Пруссия и Австро-Венгрия, а также Россия» [1, с. 212]. Владеть Хартлендом, по его мнению, означает полное «улаживание т. н. «восточного вопроса», что «в самом широком значении этого выражения» предполагает перераспределение этой территории, и, прежде всего, российской [1, с. 263]. Еще резче заявляет Зб. Бжезинский: «Ассимиляция России желательна и даже исторически неизбежна» [2, с.167]. Поэтому сегодня и нарастает геополитический конфликт между Россией и коллективным Западом.

Однако сегодня многие исследователи забывают, что Х. Маккинтер еще говорил и о другом Хартленде, африканском. Он писал, что «мы можем рассматривать внутреннюю часть Африки к югу от Сахары как второй Хартленд» [1, с. 188]. В глобальной геополитике эти два Хартленда взаимосвязаны. Прежде всего эта связь географическая, так как северо-восток африканского Хартленда (Эфиопия и Сомали) имеет выход через Аравию в евразийский Хартленд. Африку и Евразию также связывают Сирия и Палестина. Кроме того, Маккинтер видит определенные сходства этих Хартлендов в отношении плодородных земель, речных систем и транспортных

коммуникаций. Следует также отметить, что южный Хартленд через береговую зону Африки на севере непосредственно связан и с Римландом.

Южный Хартленд имеет огромный геополитический потенциал. Он в несколько раз больше Европы, занимает более 20% земной суши и насчитывает 54 независимых государства. Огромные пространства Южного Хартленда располагают большими демографическими резервами, богатыми залежами природных ресурсов, землей, благоприятной для сельского хозяйства, яркими культурными традициями. В Африке родились древние цивилизации, могущественные государства от Древнего Египта до Эфиопской Империи. Однако континент очень сильно пострадал от европейского колониализма. В течение всего XX века многие африканские страны пытались освободиться от колониальной зависимости. Текущие военные конфликты в Ливане, Сирии, Судане, Эфиопии, Сомали, Секторе Газа и других странах, а также попытки США использовать Израиль как свою прокси-силу в Западной Азии свидетельствуют о том, что упомянутая выше формула Маккиндера сохраняет свою актуальность и по сей день при выстраивании геостратегии западных стран в регионе. Не случайно, в Южном Хартленде Запад развивает сырьевую неоколониальную систему хозяйствования, провоцирует вооруженные конфликты, строит военные базы. Здесь в настоящее время размещены военные базы США, Франции, Италии, Японии [3].

Запад сознательно законсервировал Африку на будущее как гигантскую кладовую планеты с несметным количеством ресурсов. Политическая нестабильность, стагнация в экономике, нищета населения, по его замыслу, должны создавать такую ситуацию, при которой никто не смог бы разрабатывать богатые запасы территории [4].

Таким образом, история неоколониального геополитического контроля над Южным Хартлендом показывает, что хотел бы сделать Запад с Евразийским Хартлендом, Россией. Но сегодня Запад в Африке начал сталкиваться с сильной геополитической конкуренцией, прежде всего, со стороны Китая и исламского мира. И военные перевороты последних лет начали получать явную национально-освободительную окраску.

Следует отметить, что Советский Союз активно поддерживал африканские народы в их национально-освободительной борьбе и успешно отстаивал свои геополитические интересы в Южном Хартленде. Россия в последнее время также стала проявлять больший интерес к сотрудничеству со странами этого региона, тем более что она

там более желаемая страна из-за положительной исторической памяти. СССР делал очень многое для самостоятельного развития Африки. В настоящее время Россия списала долги африканских государств в размере 23 млрд долларов. Кроме этого, выделялись и выделяются немалые суммы для обучения граждан этих стран как в советский, так и постсоветский период [3].

27-28 июля 2023 года в Санкт-Петербурге состоялся Второй саммит «Россия-Африка». Следует напомнить, что Первый саммит «Россия - Африка» прошел в Сочи 23–24 октября 2019 году. Оба саммита были направлены на повышение геополитического потенциала африканских государств и укрепление всестороннего взаимодействия по созданию многополярного мира. Второй Форум «Россия—Африка» в Санкт-Петербурге продемонстрировал, что санкции и международная изоляция не работают, и Россия продолжает усиливать свое сотрудничество с государствами Глобального Юга. Сегодня она стала настоящим «донором безопасности» на континенте.

По итогам саммита страны-участницы приняли совместную декларацию, в которой договорились о расширении политического и торгово-экономического сотрудничества, а также совместной борьбы против неокolonизма, расизма и односторонних экономических санкций и укреплению промышленной, энергетической, продовольственной, военной, информационной безопасности африканских государств, рассматривающих Россию как надежного и привлекательного партнера. Саммит показал, что наша страна искренне стремится выстраивать с Южным Хартлендом подлинно геостратегическое многоплановое партнерство [5].

Об этом свидетельствует активное деловое участие на саммите африканских лидеров, которые не испугались угроз Запада, проявили настоящее мужество, самостоятельность и принципиальность в отстаивании своего курса на развитие многогранного сотрудничества с Россией. Саммит показал, что в рамках новой парадигмы внешнеэкономического сотрудничества российскому государству необходимо реализацию экономических проектов, увязывать с претворением в жизнь социальных и гуманитарных проектов, включая подготовку кадров, работу с политической, экономической, силовой элитой, обучение африканцев русскому языку, производство кинофильмов, телевизионного контента и других направлений «мягкой силы». Надо эффективно использовать и то наследие, которое оставил СССР в Африке [6].

О выстраивании такого партнерства свидетельствует успешная работа России в Центральной Африканской Республике. Сразу после

ухода Португалии исторически давно она присутствует в Анголе. Долгие годы Россия взаимодействует с Южным Хартлендом в формате БРИКС. В последние годы активно развиваются наши отношения с Республикой Чад. Влияние России Запад усматривает в создании Альянса Сахельских государств в составе Нигера, Буркина-Фасо и Мали после серии военных переворотов и фактического изгнания французов из этих стран. С Альянсом солидарна Гвинея. В Республике Мали российские специалисты помогают вести борьбу с террористическими группировками. Явно не скрывает своих симпатий к России нынешний лидер Буркина-Фасо Ибрагим Траоре. Сильны антиколониальные и антифранцузские настроения в Республике Сенегал. Первый президент этой республики Леопольд Седар Сенгор стал разработчиком политической философии негритуада, обосновывающей специфику развития африканских народов.

Таким образом, в настоящее время геополитическое положение стран Южного Хартленда начинает меняться. При анализе геополитических процессов на континенте в рамках парадигмы критической геополитики можно выделить становление в общественном сознании суверенного мышления с ориентацией на негритуада, панафриканизм, африканский гуманизм и африканский социализм. В рамках такого мышления возникло новое направление, известное как афрополитизм, развивающее трансконтинентальную африканскую идентичность. Становление африканского суверенного мышления свидетельствует о возникновении предпосылок для формирования Африки как особого полюса в многополярном мире. Поэтому объединение общих усилий России с Южным Хартлендом в борьбе с коллективным Западом будет отвечать геополитическим интересам обеих сторон [3].

Тем более, что Африка остается для России последним доступным континентом для геоэкономической экспансии и создания собственного самодостаточного кластера. В случае успеха, как полагают эксперты, перспективный объем российско-африканской торговли может достичь до 350 млрд долл в год, что 17,5 раз превышает текущие торговые объемы РФ с африканскими странами Африки. В таком случае Россия сможет завоевать достойное место в глобальной геополитической конкуренции на 2030 – 2050 годы и сформировать образ весьма привлекательного варианта Цивилизации, принципиально отличающемся как от Запада, так и Востока [7].

Список литературы

1. Маккиндер Х. Географическая ось истории / Хэлфорд Маккиндер. - М.: Изд-во АСТ, 2023.- 352 с.

2. Маккиндер Х. Петля анаконды: стратегия геополитического превосходства / Хэлфорд Маккиндер, Збигнев Бжезинский. - М.: Родина, 2020. - 224 с.
3. Савин Л. Южный Хартленд: почему России важно присутствовать в Африке? – URL.: [https://russtrat.ru/analytics/27-oktyabr-2023-1649-12282\(20.03.2024\)](https://russtrat.ru/analytics/27-oktyabr-2023-1649-12282(20.03.2024)).
4. Панина Е. ЕС намерен дать бой Москве и Пекину, и полем боя станет Африка/ – URL.: [https://russtrat.ru/news/26-sentyabrya-2020-1858-1753\(19.03.2024\)](https://russtrat.ru/news/26-sentyabrya-2020-1858-1753(19.03.2024)).
5. В Петербурге прошел саммит «Россия — Африка». О чем африканские лидеры попросили Путина и что готовы предложить взамен? – URL.: [https://lenta.ru/news/2023/07/28/rusafrique/\(26.03.2024\)](https://lenta.ru/news/2023/07/28/rusafrique/(26.03.2024)).
6. Саммит «Россия – Африка»: время колонизаторов кончилось – URL.: [https://russtrat.ru/aktualno/29-iyul-2023-2315-12167\(19.03.2024\)](https://russtrat.ru/aktualno/29-iyul-2023-2315-12167(19.03.2024)).
7. Стратегические интересы России в Африке – URL.: <https://russtrat.ru/reports/14-fevralya-2021-2357-3033> (19.03.2024).

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЁЖИ

Лобынцева О. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
студентка*

E-mail: olmalobintseva@yandex.ru

Научный руководитель:

Сенюшкина Т.А.,

Доктор политических наук, профессор

***Аннотация.** Статья посвящена изучению влияния цифровизации на политическое поведение молодёжи. Проанализирована роль цифровых технологий в формировании политических предпочтений и действий российской молодежи. Акцентируется внимание на вызовах и угрозах цифровизации, с которыми сталкивается молодежь. По мнению автора, основная угроза связана с манипулированием информацией в политических, экономических, военных или других*

целях. Делается вывод о том, что цифровизация на современном этапе является важнейшим условием формирования политического поведения молодёжи, но этот аспект требует дальнейшего изучения и поддержки на уровне государственной политики.

Ключевые слова: цифровизация, политическое поведение молодёжи, российская молодёжь, риски и угрозы цифровизации, манипулятивные технологии, когнитивное оружие.

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON THE POLITICAL BEHAVIOR OF YOUNG PEOPLE

Lobyntseva O. A.

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Student*

E-mail: olmalobintseva@yandex.ru

Scientific supervisor:

T.A. Senyushkina,

Doctor of Political Sciences, Professor

Abstract. *The article is devoted to the study of the impact of digitalization on the political behavior of young people. The role of digital technologies in shaping the political preferences and actions of Russian youth is analyzed. Attention is focused on the challenges and threats of digitalization faced by young people. According to the author, the main threat is related to the manipulation of information for political, economic, military or other purposes. It is concluded that digitalization at the present stage is the most important condition for the formation of political behavior of young people, but this aspect requires further study and support at the level of public policy.*

Keywords: *digitalization, political behavior of youth, Russian youth, risks and threats of digitalization, manipulative technologies, cognitive weapons.*

Молодежь является одной из самых динамичных и активных групп в современном российском обществе, политическое поведение молодёжи имеет большое значение для функционирования политической системы, формирования адекватных современным вызовам моделей политического лидерства и механизмов принятия управленческих решений. Эта тема привлекает сегодня особое внимание как теоретиков, так и практиков.

Повышенное внимание к проблемам молодежи объясняется ее особой ролью в общественной системе. Молодежь всегда была и остается наиболее активной и динамичной социально-возрастной группой, реализующей себя во всех сферах жизнедеятельности общества: политической, социальной, культурной, экономической. Ее можно рассматривать, с одной стороны, как наиболее адаптирующуюся, а с другой - инициативную и инновационную часть социума, которая составляет примерно 20 - 35% населения индустриальных стран, в том числе около 40% трудоспособной его составляющей. Таким образом, молодежь - самая социально активная часть населения, которая представляет собой наиболее «перспективную» группу граждан, способную обеспечить реализацию ключевых направлений развития общества.

Тема политического поведения российской молодежи является достаточно изученной в рамках политической науки. Существует множество исследований, посвященных этой теме, которые анализируют убеждения, ценности, интересы и участие молодых людей в политической жизни. Однако в связи с постоянно меняющейся политической средой и новыми вызовами, в частности, такими как развитие информационных технологий, данная тема требует более глубокого исследования.

В целом цифровизацию можно рассматривать как сложный многоступенчатый процесс, влияющий на формирование политического поведения молодежи. Цифровизация породила новую цифровую среду, которая является динамичной, всепроникающей и имеет новые возможности в политике. Каждый молодой человек, имея смартфон или компьютер, получает возможность не только присоединиться к социальным сетям, но и становиться активным их участником, что требует от политических организаций разработки и внедрения новых форм работы с молодежью, так как «молодежь является стратегическим демографическим ресурсом государства и одновременно выступает как главный инициатор социально-политических изменений» [1, с. 101].

Использование цифровых средств коммуникации, социальных сетей, информационных систем способствует активизации молодежного участия в политической жизни, ускоряет процесс формирования политических предпочтений молодежи, обеспечивая их «продвижение» в онлайн-пространстве и мобилизацию сторонников. Наряду с этим, существует ряд вызовов и угроз цифровизации, с которыми сталкивается молодежь. Основная угроза связана с манипулированием информацией в политических, экономических,

военных или других целях [2]. При этом следует отметить «специфические риски и угрозы в гуманитарных науках и высшем образовании, связанные с применением когнитивного оружия» [3, с. 106], а также то, что «Войны нового типа «предполагают манипулирование знаниями в политических целях, что может быть направлено на подрыв системных основ общества» [3, с. 106]. В этой связи Т.А.Сенюшкина подчёркивает «актуальность создания системы комплексного противодействия когнитивному оружию, что напрямую соотносится с возрождением национально ориентированной науки и высшего образования в России» [3, с. 106].

Ряд авторов указывают также на то, что вместе с новыми возможностями возникли и новые трудности такие, как кибербуллинг, утечка персональных данных, проблемы с физическим и ментальным здоровьем [4]. Также исследователи указывают на риски, связанные с реализацией демонстративного потребления в условиях превалирования виртуальных форм коммуникации. В частности, Грошева Л.И. приводит данные исследования, отражающие высокий уровень рисков вовлечения в демонстративные практики для молодых людей, включённых в активный виртуальный социальный контент, также данный автор рассматривает основные причины актуализации рисков в условиях информационной экспансии интернет-пространства [5].

Таким образом, в соответствии с многовекторностью современной цифровой среды исследователи выделяют «как положительные, так и отрицательные направления ее воздействия на состояние социально-политической активности молодежи, отношение конкретных групп молодых пользователей к оценке достоверности информации, получаемой из цифровых и нецифровых источников, осознание перспектив своего участия в конкретных социально-политических практиках» [6, с. 170].

Подводя итог, отметим, что для большинства современной российской молодёжи социально-политическая активность формируется в результате постоянного присутствия в цифровой среде. При этом нередко результаты влияния цифрового пространства переносятся на различные формы социально-политического участия молодежи в реальных событиях. Реальные практики политической активности молодёжи могут принимать как социально значимые позитивные, так и социально опасные формы, реализуемые маргинальными способами. Именно поэтому при разработке государственной молодёжной политики необходимо учитывать особенности политического поведения молодежи, а также влияние

исторических, социальных и религиозных факторов, имеющих региональное измерение.

Список литературы

1. Судоргин О.А., Агафонов А.В. Влияние цифровизации на формирование современного молодежного политического лидерства // Управление. 2024. Т. 12. № 2. С. 99–108. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-2-99-108
2. Гераськина Е.И. Вызовы и угрозы информационной безопасности в российском обществе в XXI веке // Актуальные исследования. 2023. № 21. (151). Ч. II. С. 69-73.
3. Сеньюшкина Т. А. Когнитивное оружие как элемент системы фальсификации истории Великой Отечественной войны // Материалы ежегодных Моисеевских чтений. – 2021. – Т. 7. – С. 106.
4. Костина Д. М., Тимофеев С. А., Варнавский Е. С., Хмельков А. С. Воздействие информационных технологий на молодежную культуру в России в период последних двадцати лет // Инновационные механизмы управления цифровой и региональной экономикой : Материалы VI Международной студенческой научной конференции, Москва, 22–23 мая 2024 года. – Москва: Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, 2024. – С. 242-247.
5. Грошева Л. И. Риски демонстративного потребления в виртуальном пространстве // Социальная безопасность в евразийском пространстве : Материалы III Международной научной конференции, Тюмень, 15 декабря 2023 года. – Москва-Тюмень: Автономная некоммерческая организация высшего образования "Институт деловой карьеры", 2024. – С. 140-146.
6. Леонтьева Л. С., Кудина М.В., Воронов А.С. Выявление степени влияния цифровой среды на социально-политическую активность молодежи // Государственное управление. Электронный вестник, 2021. № 89. С.154-172.

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ: ОПЫТ АНАЛИЗА ОСНОВНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ТРЕНДОВ

Лойко О.Т.

*Доктор философских наук
Национальный исследовательский Томский политехнический
университет, профессор
E-mail: olgaloyko@tpu.ru*

Дементьев Л.А.

*Национальный исследовательский Томский политехнический
университет, аспирант*

Аннотация. На основе наиболее ангажированных источников представлены основные периоды развития представлений о социальной памяти. Используются следующие методологические принципы: исторического и логического, позволившие раскрыть последовательность возникновения и развития представлений о социальной памяти; анализа и синтеза, определившие выбор исследовательского контента. Принцип компаративного анализа, способствующий выявлению сравнительных характеристик изучения феномена социальной памяти в контексте классической, неклассической и постнеклассической научных парадигм. На основе проведенного исследования были выделены основные теоретические тренды анализа социальной памяти, определены некоторые подходы к трансформации ее содержания в эпоху цифровых технологий.

Ключевые слова: социальная память, исследовательские траектории, классическая, неклассическая и пост неклассическая научные парадигмы.

SOCIAL MEMORY: EXPERIENCE OF ANALYZING THE MAIN RESEARCH TRENDS

Loyko O.T.

*Doctor of Philosophy
National Research Tomsk Polytechnic University, Professor
E-mail: olgaloyko@tpu.ru*

Dementiev L.A.

*Postgraduate student
National Research Tomsk Polytechnic University*

Abstract. *On the basis of the most engaged sources the main periods of development of ideas about social memory are presented. The following methodological principles were used: historical and logical, which allowed to reveal the sequence of emergence and development of ideas about social memory; analysis and synthesis, which determined the choice of research content. The principle of comparative analysis facilitating the identification of comparative characteristics of studying the phenomenon of social memory in the context of classical, non-classical and postnon-classical scientific paradigms. On the basis of the conducted research the main theoretical trends of social memory analysis were identified, some approaches to the transformation of its content in the era of digital technologies were determined.*

Keywords: *social memory, research trajectories, classical, non-classical and post-non-classical scientific paradigms.*

Если задаться вопросом, что есть наиболее интересное и захватывающее в процессе познания, то подсказка придет нам из глубин эпистемологии: Познай самого себя. Совет семи мудрейших не устарел, но значительно расширился. Познай себя и тот мир, в котором выпало жить, в котором жили предки и будут жить потомки. Так возникает и продолжает успешно преодолевать все гносеологически барьеры вопрос о памяти, постоянно продвигаясь от за-бытия к событию и наконец к бытию. Познание и самопознание человека, группы и обществе в целом как правило ориентировано на себя. Именно поэтому, обращение к памяти в ее социальном изводе не утрачивает своей актуальности. Вторая причина, побудившая обратиться к анализу социальной памяти именно в настоящее время, определяется необыкновенным научным запросом на эту проблематику. Если В Античности и Средневековье, память рассматривалась как искусство освоения, присвоения мира, и в первую очередь становилась предметом анализа грамотного большинства, то в Новое время представления о памяти существенно меняется. Память, а мы исходим из ранее обоснованного утверждения, что память по своему статусу и природе социальна [1, с. 165], превратилась в объект исследования всего компендиума социально гуманитарного знания. С момента трансформации гуманитарного знания в эпоху модерна (постмодерна, мета модерна) анализ социальной памяти прошел стремительный путь от MemoryStudy к предельной востребованности понимания памяти как личного, приватного пространства бытия человека.

Цель, которую ставят перед собой авторы, проследить как изменился исследовательский тренд анализа социальной памяти в современном социогуманитарном познании, активно вступившем в цифровую эпоху и предложить пока лишь рабочую гипотезу трансформации исследовательских периодов, отражающих динамику познавательных траекторий. В современном научном познании используемая нами траектория, достаточно полно разработана В.С. Степиным, как последовательность раскрытия трех типов научной рациональности: классики, неклассики и постнеклассики [2, с. 14 – 15]. В рамках классической рациональности субъект задает вопрос объекту. Полученное знание объективно, оно фиксируется в научных достижениях, гипотезах, теориях. Если говорить о памяти, то в этом случае она отражается в текстах, которые являются общезначимыми и адекватными.

Неклассическая рациональность, в контексте которой субъект задает вопрос, получает ответ, но его содержание зависит как от свойств изучаемого объекта, так и от способа вопрошания, контекста вопроса. В этом случае наблюдение творит реальность, которая фиксируется в текстах, ритуалах, культурных кодах и т.п. Постнеклассическая рациональность предполагает постановку вопроса субъектом, но получаемый ответ зависит не только от свойств объекта и способов вопрошания, но и от особенностей понимания и целеполагания вопрошающего субъекта. Это означает необходимость введения социокультурного уровня субъекта. В этом случае мы имеем дело с человекомерными системами.

Так как мы рассматриваем социальную память как целенаправленную деятельность по созданию, преобразованию и реализации ценностно-смыслового мира бытия, то разработанный В.С. Степиным деятельностный подход может быть приложен к анализу сущности социальной памяти. Результатом этого может стать рефлексия по поводу исторических и социокультурных исследовательских трендов социальной памяти.

Начнем с классики. Для соблюдения исторической последовательности обратимся к работам Античных мыслителей. Аристотель различает память и реминисценцию, или припоминание. В этом восприятии Аристотель выделяет особо «способность помнить» [3, с. 345]. Но в самой способности припоминая должна быть точка отсчета. На эту особенность понимания памяти в ее, можно сказать, «прикладном» варианте, обратила внимание Френсис Йейтс. своей работе Искусство памяти» она приводит случай прикладной памяти. На пиру, устроенном фессалийским аристократом по имени Скопас,

поэт Симонид Кеосский исполнил лирическую поэму в честь хозяина, включавшую также фрагмент, в котором восхвалялись также Кастор и Поллукс. Скопас, объявил поэту, что выплатит ему за панегирик только половину условленной суммы, а недостающее ему надлежит получить у тех божественных близнецов, которым он посвятил половину поэмы. Спустя некоторое время Симониду сообщили о том, что двое юношей ожидают его у дверей дома. Он оставил пирующих, но, выйдя за дверь, никого не обнаружил. Во время его недолгого отсутствия в пиршественном зале обвалилась кровля, и Скопас со всеми своими гостями погиб под обломками; трупы были изуродованы настолько, что родственники, явившиеся, чтобы извлечь их для погребения, не могли опознать своих близких. Симонид же запомнил место каждого за столом и поэтому смог указать ищущим, кто из погибших был их родственником. [4, с 17–18]. Локус выступает местом стартом помятования.

Сам же процесс помятования приобретает модальный контекст, связанный, в первую очередь, с индивидуальным воспоминанием человека, где собственно время, в котором происходит событие, отодвигается на второй план. Эту память Августин называл «настоящее прошедшего» [5, с. 295]. Именно модус, который человек задает, выстраивая свои отношения с памятью, позволяет «снять» противоречие между прошлым, настоящим и будущим для отдельного человека, способного овладеть искусством запоминания. Антропологическая модальность социальной памяти элиминирует разорванность воспоминания в его ценностно-смысловом контексте и тем самым «включает» человека в контекст социальной памяти, что влечет за собой реальную возможность восстановить утрачиваемую в современном бытии человека идентичность. Человек, в контексте социальной памяти преодолевая свою собственную «манкуртизацию», выступает как субъект, способный подняться над временным в памяти и обрести свою истинную сущность в памяти вечной Истине.

В начале XX века исследование памяти в социальном контексте переходит в фазу неклассики, где субъект, в нашем случае это личность, группа, общество в целом задается вопросом о запоминании прошлого, но ответ во многом зависит от того, кто и каким образом запоминает. Исследование социальной памяти в контексте неклассической парадигмы, обычно начинают с работ, П.Н. Милюков в статье «Интеллигенция и историческая традиция», г. [6]. Несколько ранее, в 1919 г., П.Н. Милюков в статье «Интеллигенция и историческая традиция», исследуя проблему становления российской интеллигенции, связывает этот процесс с возникновением социальной

памяти. Милуков утверждает, что интеллигенция в России возникла в период реформ Петра I, создавшего новую культурную традицию, которая замыкается для начала в тесный круг бюрократии и высшего социального слоя. С этого момента является в России и прочная социальная память [7, с. 112 - 157]. Научные позиции этих исследователей дали старт неклассической традиции анализа феномена социальной памяти, оставляя неизменным познающий субъект по-прежнему демонстрируя инвариантность самого процесса запоминания.

Анализ социальной памяти в постнеклассической модели начинается с середины XX века. Особенности этого периода: расширение спектра исследовательских траекторий. Если до середины XX века исследования социальной памяти концентрировались в Европе и США, то сейчас активно ведутся работы, отражающие сущность, содержание и формы бытия социальной памяти в Китае, Индии. Приоритет этого направления представлен публикациями в международных изданиях, таких как *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, *Memory and Cognition*, Project Muse. Ведущими исследовательскими тематиками являются работы, в которых рассматриваются вопросы конструирования социальной памяти, проблемы сохранения и трансформации содержания социальной памяти в цифровом обществе.

Значительно активизировались исследования социальной памяти в Российской Федерации. В Институте философии РАН состоялся круглый стол «Индивидуальная и коллективная память в контексте современных трансформаций (май 2019 г.), профессор В.А. Лекторский отмечая актуальность исследования социальной памяти справедливо отметил, что «исчезновение памяти – гибель идентичности» [8, с. 11]. В 2023 году состоялась IX Международная научная конференция «Историческая память в теории и социокультурной практике: грани трансформаций и потенциал осмысления» [9]. Содержание опубликованных материалов отразили широкий аспект исследовательских практик от социокультурных, философских и политических проектов на уровне общества, так и индивидуальных воспоминаний.

В этом аналитическом многоголосии особое место занимает исследовательский проект Крымского федерального университета (руководитель профессор, доктор политических наук Т.А. Сенюшкина), в рамках которого с 1997 года дважды в год проводятся представительные научные форумы. Тематика этого международного события отражает широкий круг проблем, связанных с политическими, социальными, культурно историческими явлениями, среди которых

одно из центральных мест занимает исследования социальной памяти, социального времени. Итоги Харакского форума отражены в многочисленных печатных работах. В 2022 году увидела свет коллективная монография «Национальная идентичность и коллективная память: между прошлым и будущим». Особенностью Харакских форумов является не только интеллектуально насыщенный топос (Харакс, место с богатейшей исторической культурой, выбрано не случайно), но и культурно-эмоциональная атмосфера, когда каждый участник форума становится актором создания новых научных смыслов и творческих ориентиров.

«As many roads to memory as to Rome», отмечает Алейда Ассманн. Харакский форум выступает именно такой дорогой, где реализуются современный интернациональный проект исследования социальной памяти в контексте постмодерна.

Список литературы

1. Лойко О.Т. Ландшафт социальной памяти в обществе модерна // Национальная идентичность и коллективная память: между прошлым и будущим [коллективная монография] / отв. ред. Т.А. Сенюшкина; науч. ред. Е.А. Сенюшкин – Симферополь: Н. Орианда, 2022. С. 159 – 166.
2. Степин В.С. Исторические типы научной рациональности: проблемы демаркации и преемственности // Философия во множественном числе / Сост. И отв. ред. А.В. Смирнов, Ю.А. Синеокая. – М.: Академический проект, 2020, с. 14 – 53.
3. Аристотель Вторая аналитика / Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 2. Ред. З.Н. Микеладзе. М. «Мысль» М., 1978, с. 255 -247.
4. Йейтс Ф. Искусство памяти. Санкт-Петербург. – 1997. – 479 с.
5. Августин А. Исповедь. Пер. с лат. М.С. Сергиенко. М. 1991 – 488.
6. Хальбакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина М: Новое издательство 2007. — 348 с.
7. Милоков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вопр. философии 1991, – № 1. – С. 112 – 157.

8. Лекторский В.А. Индивидуальная и коллективная память: старые проблемы и новые вызовы //Вопросы философии. 2020. №6. С. 11 – 17.
9. Историческая память в теории и социокультурной практике: грани трансформаций и потенциал осмысления [Текст]: Материалы IX Международной научной конференции (23 апреля 2021 г.) / под общей ред. А.В. Баранова и Е.Н. Многолетней – Саратов [Электронный ресурс]. – 2021. – 875 с.

ПОНЯТИЕ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Лыхойда Е.С.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
студент*

E-mail: lykhoyda2016@mail.ru

Научный руководитель

Киселёва Н.В.

Кандидат политических наук, доцент

***Аннотация.** В данной статье рассматривается понятие экстремизма в современной научной литературе, а также такой его разновидности как религиозно-политический экстремизм. В работе делается акцент не только на содержании понятия религиозно-политического экстремизма, но также на его признаках и факторах.*

***Ключевые слова:** Экстремизм, религиозный экстремизм, религиозно-политический экстремизм.*

«THE CONCEPT OF RELIGIOUS AND POLITICAL EXTREMISM IN MODERN SCIENTIFIC LITERATURE»

Lykhoyda E.S.

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Institute «Taurida Academy», Student*

E-mail: lykhoyda2016@mail.ru

Supervisor

Kiseleva N.V.

*Candidate of Political Sciences,
assotiated professor*

Abstract. *This article examines the concept of extremism in modern scientific literature, as well as its varieties such as religious and political extremism. The work focuses not only on the content of the concept of religious and political extremism, but also on its signs and factors.*

Keywords: *Extremism, religious extremism, religious and political extremism.*

Экстремизм в буквальном переводе с латинского языка (лат. Extremus - крайний) означает приверженность к крайним взглядам и мерам (Парламентская ассамблея Совета Европы в Резолюции 1344 (2003 г.). «Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе» определила экстремизм как «форму политической деятельности, явно или исподволь отрицающую принципы парламентской демократии и основанную на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультра-национализма» [1]. Более жесткое определение экстремизму дается в Шанхайской конвенции «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» (2001 г.): «Экстремизм – какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в выше указанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них» [2].

В разных определениях представителей отечественной юридической науки авторы сходятся в противоправности экстремистских действий. Так, например, А.Ф. Истомин и Д.А. Лопаткин определяют экстремизм, как «деятельность общественных объединений, иных организаций, должностных лиц и граждан, выраженную в крайних взглядах на существующую проблему и сопровождающуюся действиями противозаконного характера, направленными на удовлетворение, разрешение этой проблемы» [3, с. 19]. Р.М. Узденов подчеркивает уголовную ответственность за экстремистские действия, определяя экстремизм как «социальное негативное явление, проявляющееся в совокупности общественно опасных уголовно наказуемых деяний, совершаемых в соответствии с определенной системой взглядов, воззрений, убеждений, возведенных в культ, с целью достижения определенного результата в какой-либо области общественных отношений» [4, с. 8].

Н.Н. Афанасьев в своей работе «Идеология терроризма» в содержании экстремизма акцентирует внимание на идейных

установках: «Экстремизм – комплекс крайне радикальных идейных установок (крайне левых, крайне правых, национально-экстремистских, сепаратистских, великодержавных, религиозных, социально-экономических и духовно-психологических), выступающих теоретическим обоснованием применения насилия в различной форме на нелегитимной основе для достижения социальных, преимущественно политических целей» (Цит. по: [5, с. 14]).

В рамках экстремизма выделяют различные виды, в том числе и религиозный экстремизм.

С юридической точки зрения, религиозный экстремизм, как и другие виды экстремизма, относится к категории противоправных действий, что отражено в законодательстве современных государств, в том числе и Российской Федерации. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 29 Конституции Российской Федерации, «не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие религиозную ненависть и вражду, запрещается пропаганда религиозного превосходства» [6]. В соответствии со статьей 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» проявлением экстремизма является «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии» [7].

Современные исследователи в отдельный вид религиозного экстремизма выделяют религиозно-политический экстремизм. Впервые этот термин встречается еще в советской литературе. В 1981 г. его употребил кандидат философских наук Н.П. Андрианов, пытаясь выделить из религиозного экстремизма направление с политической составляющей [8].

Широкое применение в научной литературе данный термин приобрел уже в XXI столетии. Авторы публикации с одноименным названием определяют религиозно-политический экстремизм как «религиозно мотивированную или религиозно камуфлированную деятельность, направленную на насильственное изменение государственного строя или насильственный захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, на создание незаконных вооруженных формирований, возбуждение религиозной или национальной вражды и ненависти» [9, с. 84].

Сыгравший значимую роль в разработке концепта религиозно-политического экстремизма А.А. Нуруллаев отмечает, что «преследование политических целей позволяет отличить религиозно-политический экстремизм от религиозного экстремизма, который главным образом проявляется в сфере религии и не ставит перед собой таких целей» [9, с. 84]. К.М. Ханбабаев, обосновывающий в своей работе актуальность изучения проблем религиозно-политического экстремизма, акцентирует внимание на том, что «в современном обществе религиозно-политический экстремизм пытается изменить государственный строй или насильно захватить власть, нарушить территориальную целостность государства» [10].

Автор публикации «Религиозный экстремизм, религиозно-политический экстремизм и религиозный фундаментализм: общее, особенное, единичное» Д.С. Рязанов обращает внимание на то, что «теоретические разногласия не смогли обеспечить глубокую проработку содержания понятия «религиозно-политический экстремизм. При этом общим местом исследований, признающих подобное деление, является указание на то обстоятельство, что признаками данного явления являются аргументируемое ссылками на религиозные догматы отрицание инакомыслия, низкий уровень толерантности, акцентирование социально-нормативного содержания религии, а также отрицание компромиссных путей преодоления политических противоречий» [11, с. 180].

Отечественные специалисты выделяют характерные признаки религиозно-политического экстремизма:

«1. Религиозно-политический экстремизм – это деятельность, направленная ненасильственным изменением государственного строя или насильственным захватом власти, нарушением суверенитета и территориальной целостности государства. Преследование политических целей позволяет отличить религиозно-политический экстремизм от религиозного экстремизма, который главным образом проявляется в сфере религии и не ставит перед собой таких целей. По названному признаку он отличается также от экономического, экологического и духовного экстремизма.

2. Религиозно-политический экстремизм представляет собой такой вид противозаконной политической деятельности, которая мотивируется или камуфлируется религиозными постулатами или лозунгами. По этому признаку он отличается от этнонационалистического, экологического и других видов экстремизма, у которых существует иная мотивация.

3. Доминирование силовых методов борьбы для достижения своих целей характерная черта религиозно-политического экстремизма. По этому признаку религиозно-политический экстремизм можно отличить от религиозного, экономического, духовного и экологического экстремизма» [9, с. 85].

Ч.С. Либман в числе признаков религиозно-политического экстремизма отмечает такие как:

«1. Стремление расширить сферы применения религиозного права, включив в сферу его регулирования как публичную, так и частную жизнь граждан; при этом предписывается детализация указанных норм в их строгой интерпретации.

2. Социальная обособленность от иных групп, которые не приемлют экстремистские нормы;

3. Отрицание культурных форм и ценностей, которые не воспринимаются как коренные для религиозной традиции» [12, с. 76].

К факторам, порождающим религиозно-политический экстремизм специалисты относят «социально-экономические кризисы, меняющие к худшему условия жизни большинства членов общества; ухудшение социальной перспективы значительной части населения; рост антисоциальных проявлений; страх перед будущим; нарастание чувства ущемления законных прав и интересов этнических и конфессиональных общностей, а также политические амбиции их лидеров; обострение этноконфессиональных отношений» [9, с. 89]. К этому списку добавляют «нарушения прав религиозных и этнических меньшинств, допускаемых должностными лицами, а также деятельность зарубежных религиозных и политических центров, нацеленную на разжигание в нашей стране политических, ненациональных и межконфессиональных противоречий» [9, с. 89].

Эксперты отмечают, что «религиозно-политический экстремизм отвергает возможность переговорных, компромиссных, а тем более консенсусных путей решения социально-политических проблем. Сторонники религиозно-политического экстремизма отличаются крайней нетерпимостью по отношению ко всем, кто не разделяет их политических взглядов, включая единоверцев» [9, с. 85].

Наиболее часто религиозно-политический экстремизм проявляется:

– «в виде деятельности, имеющей целью подрыв светского общественно-политического строя и создание клерикального государства;

– в виде борьбы за утверждение власти представителей одной конфессии (религии) на территории всей страны или ее части,

- в виде религиозно обосновываемой политической деятельности, осуществляемой из-за рубежа, имеющей целью нарушение территориальной целостности государства или ниспровержение конституционного строя;
- в виде сепаратизма, мотивированного или камуфлированного религиозными соображениями;
- в виде стремления навязать в качестве государственной идеологии определенное религиозному учению» [9, с. 86–87].

В рамках религиозно-политического экстремизма специалисты выделяют терроризм, который является «крайним проявлением религиозно-политического экстремизма, направленным на достижение политических целей с помощью особо жестоких, устрашающих форм и методов политического насилия» [9, с. 88.]

В целом экстремизм и терроризм являются серьезной проблемой и угрозой стабильности государств, что нашло отражение в законодательстве Российской Федерации. Так, об этой угрозе сказано в Указе Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 02.07.2021 г. № 400, в которой подчеркивается, что в современном мире «получают развитие националистические настроения, ксенофобия, сепаратизм и насильственный экстремизм, в том числе под лозунгами религиозного радикализма» [13]. В разделе «Государственная и общественная безопасность» данной стратегии такая угроза конкретизируется по отношению конкретно к нашей стране: «Экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур направлена на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране» [13].

Список литературы

1. Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе : Резолюция Совета Европы 1344 // Парламентская ассамблея. 2003. URL: https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/%5Brussian_documents%5D/%5B2003%5D/%5BSept_2003%5D/Res%201344%20Rus.asp
2. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом : Конвенция от 15.06.2001 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 41. Ст. 3947. URL:

https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos-/1744499/

3. Истомин А.Ф., Лопаткин Д.А. К вопросу об экстремизме // Современное право. 2005. № 7. С. 19–24.
4. Узденов Р.М. Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия: Автореф. дис. .. – канд. юрид. наук. М., 2008. С. 29.
5. Сигарев А.В. Правовое регулирование противодействия экстремизму: курс лекций. – Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2015. – 120 с.
6. Конституция Российской Федерации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013>
7. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 114-ФЗ. Ст. 1. URL: <https://base.garant.ru/12127578/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/>
8. Андрианов Н.П. Советский образ жизни и атеистическое воспитание. М. : Политиздат, 1981. 64 с.
9. Нуруллаев А.А., Нуруллаев Ал.А. Религиозно-политический экстремизм // Вестник РУДН. 2003. № 4. С. 83–92.
10. Ханбабаев К.М. Актуальность изучения проблем религиозно-политического экстремизма. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnost-izucheniya-problem-religiozno-politicheskogo-ekstremizma>
11. Рязанов Д.С. Религиозный экстремизм, религиозно-политический экстремизм и религиозный фундаментализм: общее, особенное, единичное // Известия Иркутского государственного университета. 2014. С. 177–184.
12. Liebman Ch. S. Extremism as a religious norm // Journal of the scientific study of religion. 1983. № 22(1). С. 75–86.
13. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>

СЕРБСКИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПРАВИТЕЛИ И МОНАСТЫРЬ СВЯТОГО ПАНТЕЛЕЙМОНА НА СВЯТОЙ ГОРЕ

Маркович А. Никола

*Институт сербской культуры Приштина - Лепосавич,
аспирант*

E-mail: nidzamarkovic@hotmail.com

***Аннотация.** Данная статья способствует пониманию глубокой связи между правителями средневековой Сербии и монастыря Св. Пантелеймона (Россикон) на Афоне. Не смотря на факт, что монастырь учрежден русскими монахами в XI в., в последующий период монастырь установил еще более тесные связи с сербской элитой. Особо это стало актуальным после визита Растко Неманича (Св. Саввы). Монастырь Св. Пантелеймона был щедро одарен землей, включающей в себя множество церквей и деревень на территории средневековой Сербии и приграничных регионов. В монастырском архиве сохранились многочисленные записи о дарах монастырю. Эти документы могли бы быть использованы с целью изучения взаимоотношений сербских правителей и монастыря Св. Пантелеймона. В некоторых случаях можно делать реконструкцию обязательств монастыря перед сербскими правителями и мотивы правителей в отношении к дарам.*

***Ключевые слова:** Средневековая история, Церковная история, Сербия, Россия, Афон, Монастырь Св. Пантелеймона.*

SERBIAN MEDIEVAL RULERS AND THE ST. PANTELEIMON MONASTERY ON MOUNT ATHOS –

Marković A. Nikola

*Institute of Serbian culture Prishtina-Leposavic,
PhD student*

E-mail: nidzamarkovic@hotmail.com

***Abstract.** This paper contributes to understanding the deep bond held between the rulers of medieval Serbia and the monastery of St. Panteleimon (Rossikon) on Mount Athos. Even though the monastery was founded by Russian monks in the 11th century, in the following period, the monastery nurtured ever closer ties with the Serbian elite. This especially rang true since the visit of Rastko Nemanjić (St. Sava). The monastery of St.*

Panteleimon was lavishly gifted in land, including many churches and villages across the territory of medieval Serbia and its border regions. Numerous records of these gifts to the monastery were preserved in the monastery's archive. These documents could be used to study the relationship between Serbian rulers and the monastery of St. Panteleimon. In some instances, it is possible to reconstruct the monastery's obligations towards Serbian rulers and the motivations of said rulers for these gifts.

Keywords: *Medieval history, Church history, Serbia, Russia, Mount Athos, Monastery of St. Panteleimon*

The first notable encounter between Serbians and Russians concerning Christianity occurred by the end of the XII c. on Mount Athos. Not long after the baptism of Rus', during the rule of Vladimir the Great and Yaroslav the Wise, a small community of Russian monks settled on Mount Athos. During the second half of the XII c., as more and more Russian monks arrived, the community opted to construct their home in another location on Mount Athos as the previous one lacked adequate space for growth. There, they built a new monastery and devoted it to St. Panteleimon, after whom they have named the monastery [1, p. 53]. During the same period, the oldest surviving account occurred between Serbian rulers, Stefan Nemanja in this case, and the monks of St. Panteleimon. Monks from this monastery were known for arriving at the Serbian court and pleading with Stefan Nemanja for donations to their monastery. Rastko Nemanjić, son of Stefan Nemanja, was so intrigued by the wisdom of these monks that he later on went without his father's knowledge to the monastery of St. Panteleimon and took there his monastic vows [2, p. 6-15]. Although the verity of this episode in the life of St. Sava as well the ethnicity of that priest is up to debate [3, p. 37], there was undoubtedly at this time some type of connection between the monastery of St. Panteleimon and the Serbian ruling elite.

With the disintegration of Kievan Rus' after the Mongol invasion the monastery of St. Panteleimon was left without patronship and thus was slowly entering a state of disrepair and decay. The next important event in the history of relations between Serbian rulers and the monastery of St. Panteleimon occurred in 1347/1348. when the Serbian emperor, Stefan Dušan, visited Mount Athos with his wife. Mount Athos and the surrounding area became a part of the Serbian Empire since 1345. after it was conquered from Byzantium. Emperor Dušan provided many gifts to the monasteries of Mount Athos, while being especially generous to the monastery of St. Panteleimon for its part in the life of Rastko Nemanjić (St. Sava), the first Serbian archbishop. All later Serbian rulers would also be

great benefactors of the monastery of St. Panteleimon, providing them with villages, land, goods and privileges [1, p. 55].

Sources that highlight the relationship between the monastery of St. Panteleimon and the Serbian elite are mostly contained in the archives of the monastery itself in the form of chrysobulls. These documents contain numerous names of Serbian elites, ranging from rulers to members of ruling dynasties, as well as high-ranking nobility and their spouses and other kin, among others [4, p. 184]. The primary concern of these documents is the donation of land, churches, goods and certain privileges to the monastery. Still, from them, it is possible to find information concerning the relationship between the Serbian elites and the monastery of St. Panteleimon. The reasoning for giving away land and other goods varied on a case-to-case basis.

True piety was also a common reason among the Serbian elite for endowing the monastery of St. Panteleimon. For example, the Dejanović brothers with their mother, “empress” Jevdokija in one document from 1377. address St. Panteleimon himself hoping he would help them conquer their enemies. In a document from 1380. the Dejanović brothers do the same and plead for St. Panteleimon to save them from their enemies, disease and other bodily harm [5, p. 251-253].

Some cases of donations to monasteries by the Serbian elite can be ascribed to their wish to imitate their lieges. For example, Musa, the brother-in-law of Lazar of Serbia (the ruler of the largest successor state of the Serbian Empire), with his wife Dragana (sister of Lazar) and his sons, donated his property to the monastery of St. Panteleimon at the same time as Lazar of Serbia, which happened in 1380/1381 [6, p. 380-382]. However, it should be noted that Musa had no authority to give away land or bestow privileges, for that was the ruler’s prerogative. Thus, the permission from Lazar of Serbia was needed to allow his nobles, even his own brother-in-law, the honour of donating to the monastery [4, p. 191-192]. It can also be argued that Lazar of Serbia donated to this monastery to honour the tradition set by former Nemanjić rulers, especially such famed figures like Stefan Nemanja, and emperor Stefan Dušan, and thus, legitimize further his rule.

One of the ways the monastery interacted with Serbian elites is by granting them asylum. One of the greatest patrons of the monastery of St. Panteleimon was the mother of Lazar of Serbia, Milica (Evgenija). In 1395. she confirmed the donations of her son Lazar and Vuk while also donating land of her own on a scale rarely seen [5, p. 271-276]. Her reasonings were not only pious in nature, but were driven by a need to take care of her children in case they or she had to leave Serbia. After the battle of Kosovo,

Milica tried to ensure her sons would be granted asylum rights in the monastery of St. Panteleimon. On the other hand, as women were forbidden from Mount Athos, she also wanted to obtain a steady yearly income for herself and her daughters so they could settle wherever it felt safe. This led her and her sons to persuade the Serbian elite to contribute as well to the monastery of St. Panteleimon in a concentrated effort so Milica and her children would be provided safety in case of disaster [1, p. 64]. After initial setbacks, Stefan Lazarević (son of Milica) managed to regain his footing by conquering the land he lost to Vuk Branković. This occurred before the September of 1395. when in a chrysobull he endowed the monastery of St. Panteleimon [7, p. 35]. As a favour for the gifts, Stefan Lazarević and his family got asylum rights from the monastery in the meantime. Vuk Branković, on the other hand, stored his valuables in Dubrovnik from the beginning of 1395. till early 1396. [8, p. 67-70]. All these precautions indicate a great level of hostility between them and thus that both Vuk Branković and Stefan Lazarević sought to secure their own future in case of crushing defeat [4, p. 200-201].

After 1395. there are no more documents in the archive of the monastery of St. Panteleimon which are undoubtedly related to new donations from the Serbian elite, but in a chrysobull dated circa 1428. from despot Đurađ Branković it is known that even the last rulers of medieval Serbia cared about the monastery. What is notable in this chrysobull is that Đurađ Branković promised to return the monastery its property if he regains the territory from the Ottomans, though in the meantime the monastery was relieved from some obligations as a form of customary compensation for having some of their land taken away by the encroaching Ottoman empire [5, p. 285-287]. After the fall of the Serbian Despotate in 1459. the monastery of St. Panteleimon was found without a proper patron once again. Although they have remained in contact with the Branković dynasty that moved to southern Hungary. The Branković of Hungary, titular despots of Serbia, made it a part of state policy to support the monastery of St. Panteleimon in an effort to assume all of the obligations of Đurađ Branković [9, p. 12]. Envoys of the monastery of St. Panteleimon arrived at the Branković court in 1508. to ask Angelina, the widow of Stefan the Blind, for a letter of recommendation so that they could go to the principality of Moscow and plead with Vasili III to become their benefactor. Though the necessity of such an action is dubious because the Moscow court was already aware of the existence of the monastery of St. Panteleimon [10, p. 174-175]. This diplomatic exchange could rather be explained that Angelina was intending to gain the favour and protection of

Vasili III for her family and herself in those troubling times, with the elders of the monastery of St. Panteleimon acting as intermediaries [11, p. 83].

Afterwards the monastery was in the care of Vasili III and of his descendants, but even later on there were still notable Serbians who sought to bring gifts to the monastery. Such would be the case of the Pepić brothers. In a letter from 1542/1543., Luka, the protopope of Kratovo, asked the monks of the Prodrom (Slepče) monastery to compile a list of all of the gifts given to their monastery by Dimitrije Pepić, as well as his brother Nikola, Grigorij and sister Ana. From the letter, it is evident that such request were already made to other monasteries such as Bogorodica Prečista, Treskavec, Toplica, and most importantly, the monastery of St. Panteleimon. Dimitrije Pepić was a knez, a semi autonomous ruler of the famed mining town of Kratovo, a position he rented from the Ottomans in a legal fashion that dates back to medieval Serbia [12, p. 57-62]. The prestigious title, along with the wealth he acquired probably made him want to emulate medieval Serbian rulers and nobility and one of such traditions was bringing gifts to the monastery of St. Panteleimon, which could explain his patronage.

The relationship between the Serbian elite and the monastery of St. Panteleimon was mostly in the form of donations of land and other goods to the monastery, yet the motivations for such gifts were varied. The motivations ranged from piety in general and gratitude to the legitimization of rule and asylum rights. With the first encounter between them being during the rule of Stefan Nemanja (second half of the 12th century) and the last being the donations of Dimitrije Pepić, the knez of Kratovo (mid-16th century), the monastery of St. Panteleimon was under the patronage of the Serbian elite for almost four centuries, albeit not in continuity. Perhaps future research will uncover documents that will bring to light significant new information regarding this subject.

References

1. Грујић Р. Руска властелинства по Србији у XIV и XV веку // Историјски часопис. 1954-1955. Vol. 5. P. 53–77.
2. Даничић Ђ. Живот Светога Саве. Биоград: Друштво србске словесности, 1860. 6–15 p.
3. Бошков М. О односима манастира Светог Пантелејмона са светом (извесна питања и недоумице поводом српско-руских веза) // Афон и славјански мир / Ред. Ж. Л. Левшина. Белград: Издание Русског Свято-Пантелеимонова манастира на Афоне, 2014. С. 35–46.
4. Јечменица Д. Поседи Светогорског манастира Светог Пантелејмона у Моравској Србији // Власт и моћ –

- Властела Моравске Србије од 1365. до 1402. године / Ed. by С. Мишић. Крушевац-Велики Шилеговац-Варварин: Народна библиотека Крушевац-Центар за историјску географију и историјску демографију Филозофског факултета Универзитета у Београду, 2014. P. 183–206.
5. Кавелин Ј. Стара српска писма из руског манастира св Пантелејмона у Светој Гори // Гласник Српског Ученог Друштва. 1868. Vol. 24. P. 231–295.
 6. Акты рускаго на святомъ Афонѣ монастыра св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона. Кіевъ: Типографія Кіевопечерской Успенской Лавры, 1873. 380–382 с.
 7. Пурковић М. Кнез и деспот Стефан Лазаревић. Београд: Свети архијерејски синод Српске православне цркве, 1978. 35 р.
 8. Грујић Р. Светогорски азили за српске владаоце и властелу // Гласник Скопског Научног Друштва. 1932. Vol. 11. P. 65–96.
 9. Томин С. Деспотица и монахиња Ангелина Бранковић. Нови Сад: Платонеум, 2016. 12 р.
 10. Ћоровић В. Света Гора и Хиландар до шеснаестог века. Београд: Манастир Хиландар на Светој Гори, 1985. 174–175 р.
 11. Бошков М. О симболици дара деспотице Ангелине великом кнезу Василију Ивановичу // Мили Стојнић у част / Ed. by Б. Станковић. Београд: Славистичко друштво Србије, 1999. P. 35–56.
 12. Радонић Ј. Епистолар манастира Продрома (Слепче) // Споменик Српске Краљевске Академије. 1910. Vol. 49. P. 56–71.

КОГНИТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ИНДИВИДА КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ

Мельничук С. В.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Институт «Таврическая академия»,
аспирант
E-mail: sergey.melnichuk99@gmail.com*

***Аннотация.** В статье рассматривается значение когнитивного восприятия человека в рамках политического участия. Описаны позиции современных ученых и мыслителей-классиков относительно мотивации индивида к политическому участию. Охарактеризованы типы политического участия и их мотивационные основы. Представлена характеристика политических установок как базового элемента политической идеологии, который может охватывать широкий спектр представлений об обществе и государстве. Политические установки определяют, как человек воспринимает политические явления, какие политические ценности считает важными и как он принимает решения в сфере политики. Установки могут касаться различных аспектов политической жизни, таких как формы правления, роль государства, социальная справедливость, экономические вопросы, внешняя политика и многое другое. Описаны когнитивные механизмы формирования политических установок. Охарактеризовано значение идеологии, как фактора политического участия. Описано значение внешнего когнитивного воздействия на принятие человеком решений в контексте политического участия. Затронут аспект восприятия внешнеполитической реальности.*

***Ключевые слова:** политические установки, идеология, политическое участие, когнитивное восприятие, информация, когнитивное воздействие.*

INDIVIDUAL'S COGNITIVE PERCEPTION AS A FACTOR OF POLITICAL PARTICIPATION

Melnichuk S. V.

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Institute «Taurida Academy», graduate student
E-mail: sergey.melnichuk99@gmail.com*

***Abstract.** The article examines the importance of human cognitive perception within the framework of political participation. The positions of*

modern scientists and classical thinkers regarding an individual's motivation for political participation are described. The types of political participation and their motivational bases are characterized. The characteristics of political attitudes are presented as a basic element of political ideology, which can cover a wide range of ideas about society and the state. Political attitudes determine how a person perceives political phenomena, what political values he considers important, and how he makes decisions in the field of politics. Attitudes can relate to various aspects of political life, such as forms of government, the role of the state, social justice, economic issues, foreign policy and much more. The cognitive mechanisms of the formation of political attitudes are described. The importance of ideology as a factor of political participation is characterized. The importance of external cognitive influence on human decision-making in the context of political participation is described. The aspect of perception of foreign policy reality is described.

Keywords: *political attitudes, ideology, political participation, cognitive perception, information, cognitive influence.*

Роль когнитивного восприятия информации человеком в принятии решений, имеющих социальную и политическую значимость, рассматривалась мыслителями и учеными на протяжении многих веков человеческой истории. В результате длительных исследований данного направления сформировалась когнитивная теория мотивации политического действия. Когнитивный подход к мотивации политического действия фокусируется на роли мышления, восприятия и понимания в формировании политического поведения и решений. В основе когнитивной теории мотивации политического действия лежит предположение, что индивиды активно обрабатывают информацию и принимают решения на основе своих когнитивных процессов. Этот подход предполагает, что политическое поведение определяется тем, как индивиды воспринимают и интерпретируют политическую среду.

Т. С. Болховитина охарактеризовала данную теорию, как «...конструкцию, позволяющую проникнуть в мотивационные процессы, определяющие политические установки, влияющие на политический выбор» [1].

Когнитивный механизм формирования политических установок представляет собой способ передачи информации, содержащей идеологические положения, или побуждение к политической активности по средствам воздействия на когнитивное восприятие индивида, группу индивидов или общества в масштабах государства.

Восприятие политической среды и ее значимости для жизни каждого человека может стимулировать мотивацию к политическому участию. Стремление к участию зачастую продиктовано осознанием влияния политических процессов на жизнь конкретных индивидов и социальных групп. Когнитивное воздействие может быть задействовано для побуждения к политическому участию по средству манипулятивного инструментария.

В контексте политического участия индивида основополагающую роль играют политические установки. Политические установки – это устойчивые взгляды, убеждения, ценности и представления человека или группы людей относительно политики и общественных вопросов. Они формируются под воздействием множества факторов, таких как социальное окружение, культурные особенности, образование, опыт, религиозные убеждения и другие. Политические установки определяют, как человек воспринимает политические явления, какие политические ценности считает важными и как он принимает решения в сфере политики. Установки могут касаться различных аспектов политической жизни, таких как формы правления, роль государства, социальная справедливость, экономические вопросы, внешняя политика и многое другое.

Комплексным производным от политических установок явлением выступает формирование политических идеологий. В современном научном сообществе проблематика политических идеологий получила широкое изучение. На сегодняшний день было представлено множество определений политической идеологии, объединенных общей концепцией. К примеру, по мнению А. И. Овчинникова идеология представляет собой «совокупность или систему взглядов, идей, мифов, преданий, политических лозунгов, программных документов партий, философских концепций, выражающих отношение к той или иной действительности, взгляды, интересы, цели людей, классов, субъектов политического процесса» [2].

Роль идеологии в принятии политических решений велика. Осознание собственной роли в развитии общества, а также наличие мотивации к реализации преобразований стимулирует политическую активность. Люди, которые разделяют общие политические идеи, могут объединяться для поддержки своих убеждений, реализуя собственные возможности политического участия.

М. Фриден утверждал, что «концепт связывает вместе центральные процессы, блага и данные, типичные в употреблении политических практик, или же который создаёт интерпретацию

кластеров политических феноменов через акт названия их» [3]. Концепты зарождаются в общественном сознании, как результат рефлексии по социально значимым событиям. Идеология, по мнению автора, должна адаптироваться к актуальным вызовам, объясняя происходящее. Он определял идеологию, как большую комбинацию концептов. Под концептами понимаются структурные элементы идеологии, которые представляют описание образов политической реальности.

Многие авторы, рассматривавшие механизм принятия индивидом решений, основываясь на когнитивной теории, предлагали собственные описательные модели формирования политических взглядов и мотивов человека.

Идеологические концепты могут содержать не только описания устройства общества и государства, но и антагонистические образы. У. Липпман утверждал, что «рассуждения идеологов рисуют картину некоего реального зла, будь то немецкая угроза или классовое противоречие. У них присутствует описание определенного аспекта мира, который убедителен в силу соответствия знакомым идеям. Но поскольку идеология имеет дело с невидимым будущим, равно как с весьма осязаемым настоящим, она довольно быстро и незаметно выходит за пределы области, поддающейся проверке» [4, с. 476].

Политическая идеология представляет собой систему убеждений, ценностей, принципов и идей, которые охватывают политические, экономические и социальные сферы жизни общества, а также определяют видение государства и его роли. Эта система концепций служит основой для формулирования политических программ, принятия решений и объединения поддерживающих ее людей в политических движениях или партиях.

Значение когнитивного восприятия, как фактора формирования представлений о политической реальности выходит за рамки проблематики государственной внутренней политики. В качестве примера влияния когнитивного восприятия на политическое участие считаем возможным затронуть феномен информационных войн. Манипулятивные методы воздействия на когнитивное восприятие на протяжении веков являлись инструментом для реализации стремлений одних государств в отношении других. В контексте противостояния великих держав традиционно применяется термин информационная война, поскольку информационно противостояние обретает взаимный и зачастую деструктивный характер.

В ходе противостояния государства могут применять различные способы когнитивного воздействия для достижения своих целей. Для

достижения некой цели и воплощения интересов государства объектом манипуляций становится население государства-оппонента. В. Ф. Прокофьев определял данный процесс следующим образом: «Информационная война определяется как широкомасштабная информационная борьба с применением способов и средств информационного воздействия на противника в интересах достижения целей воздействующей стороны» [5, с. 27]. По итогам применения подобных мер население страны, подвергшееся внешнему воздействию, будет склонно к действиям в интересах другого.

В случае целенаправленного воздействия на определенные социальные группы, текстовое выражение информации будет направлено на обозначение прямой связи между событием в политической реальности и жизнью представителей группы.

На основании вышеописанного, считаем возможным обозначить значимые элементы политической идеологии.

1. Ценности. Определенные принципы, которые считаются основными непреложными для обеспечения благосостояния общества, которое может иметь различные формы в зависимости от политических установок.

2. Видение общества. Представление о том, каким должно быть общество, какими должны быть отношения между гражданами, какими институтами оно должно управляться, а также о нормах и формах взаимодействия между индивидами.

3. Экономические убеждения. Политическая идеология определяет отношение к роли государства в экономике, степени государственного вмешательства и регулирования, а также вопросам собственности и распределения ресурсов.

4. Политическая система. Представления относительно формы правления, принципов представительства, демократии или авторитаризма.

Идеология играет значимую роль в политической деятельности индивида. По мнению И. С. Лукьяновой, «идея «провоцирует» мотивационные процессы, побуждающие человека к практической реализации этой идеи и ее материальному воплощению посредством практики, постольку зарождение социальной идеи, ее диалектическое развитие и трансформация в идеологию (отношения идеологии) имеют чрезвычайно важное значение для общества» [6].

На основании всего вышесказанного считаем возможным обозначить следующее.

Восприятие человеком информации и последующие выводы определяют большую часть социальной интеракции. Считаем

возможным обозначить значимую роль когнитивного восприятия на формирование политических взглядов индивида, а также последующего политического участия

Идеология выступает основой для формирования представлений о политических идеалах и приоритетах. Различные направления идеологии предполагают различные цели и зачастую антагонистические представления о других идеологиях. Идеология предоставляет человеку основные рамки для понимания политической реальности. При её помощи может формироваться осознание роли государства, экономической системы, социальная организация и т.п.

Идеология способствует формированию политической идентичности человека. Идеология влияет на отношение к институтам власти, таким как правительство, парламент, судебная система. Человек может поддерживать или критиковать эти институты в соответствии с идеологическими установками.

Список литературы

1. Болховитина Т. С. Модели политического участия: проблемное поле теоретического анализа. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-politicheskogo-uchastiya-problemnoe-pole-teoreticheskogo-analiz>(дата обращения: 10.04.2024).
2. Овчинников А. И. Понятие государственной идеологии и ее функции в современном государстве. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-gosudarstvennoy-ideologii-i-ee-funktsii-v-sovremennom-gosudarstve>(дата обращения: 10.04.2024).
3. Чутков С. С. Морфологический анализ идеологии М. Фридена. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/morfologicheskij-analiz-ideologii-m-fridena> (дата обращения: 11.04.2024).
4. Липпман У. Общественное мнение / Пер.с англ. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
5. Прокофьев В. Ф. Тайное оружие информационной войны: атака на подсознание. - М.: СИНТЕГ, 2003. 395 с.
6. Лукьянов И. С. Политическая идеология и лозунги. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-ideologiya-i-lozungi> (дата обращения: 11.04.2024).

РИСКИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ИЗМЕНЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Бранислав Милосавлевич

*Доктор юридических наук,
Университет «Унион– Никола Тесла», Сербия,
Факультет бизнеса и права,
профессор*

E-mail: branislav.milosavljevic@fjsp.edu.rs

Драгана Барьяктаревич

*Доктор юридических наук,
Университет «Унион– Никола Тесла», Сербия,
Факультет бизнеса и права,
профессор*

E-mail: dragana.barjaktarevic@fjsp.edu.rs

Драган Танчич,

*Доктор политических наук,
Институт сербской культуры Приштина - Лепосавич,
Сербия,
директор*

E-mail: dragan_tancic@yahoo.com

Аннотация. До двадцать первого века мировая экономика в значительной степени зависела от доступа к ископаемому топливу, прежде всего нефти, газу и углю. Из трех форм энергии нефть и газ все более занимают доминирующее положение, причем нефть имеет более длинную историю участия в создании международных отношений. Со времен промышленной революции надежное обеспечение энергией по доступным ценам являлось движущей силой глобального процветания и безопасности. В ходе истории энергетическая политика определяла выживание. Политический аспект энергии, связанный с источниками снабжения и спросом, становится центром внимания общественности в моменты кризиса. Когда нестабильные рынки нефти поднимают цены и мешают долгосрочному планированию инвестиций, возникают кризисные ситуации. Рассматриваемые с национальной точки зрения энергетические системы имеют сложную структуру, включая экономические, (гео)политические, социальные, экологические и аспекты и вопросы безопасности. Развитие энергетических политик

в различных экономиках зависит от их специфических обстоятельств с различным географическим положением, социально-экономическими системами и природными ресурсами. Это в значительной степени затрудняет адекватную оценку уровня стабильности и безопасности национальных энергетических систем. В таких условиях возникает необходимость установления и развития методологии, индикаторов, индексов и т.д. для оценки различных аспектов устойчивости энергетической безопасности. Таким образом, обеспечивается адекватная и своевременная реакция с целью достижения безопасности снабжения энергоресурсами и ответа на динамичные изменения, которые, среди прочего, оказывают влияние на энергетическую безопасность государства и ее плавное развитие. В связи с этим авторы рассматривают энергетическую безопасность не только в ее понятийном определении, но и через теории международных отношений, особенно с точки зрения определения индикаторов и рисков.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, риски, индикаторы, энергоснабжение, международные отношения.

ENERGY SECURITY RISKS IN CHANGED INTERNATIONAL RELATIONS

Branislav Miloslavlevich,

Union-Nikola Tesla University, Republic of Serbia,

E-mail: branislav.milosavljevic@fppsp.edu.rs

Dragana Baryaktarevic,

Union-Nikola Tesla University, Republic of Serbia,

E-mail: dragana.barjaktarevic@fppsp.edu.rs

Dr. Dragan Tanchich,

Institute of Serbian Culture,

Prishtina - Lepsavic, Republic of Serbia,

E-mail: dragan_tancic@yahoo.com

Abstract. *Until the twentieth century, the world economy was largely dependent on access to fossil fuels, primarily oil, gas and coal. Of the three forms of energy, oil and gas increasingly occupy a dominant position, with oil having a longer history of involvement in the creation of international relations. Since the Industrial Revolution, reliable energy supply at affordable prices has been a driving force for global prosperity and security. Throughout history, energy policy has determined the survival of*

life as we know it. The political aspect of energy, related to supply sources and demand, becomes the focus of public attention in times of crisis. When unstable oil markets raise prices and interfere with long-term investment planning, crisis situations arise. Considered from a national point of view, energy systems have a complex structure, including economic, (geo)political, social, environmental and safety aspects. The development of energy policies in different economies depends on their specific circumstances with different geographical locations, socio-economic systems and natural resources. This makes it very difficult to adequately assess the level of stability and security of national energy systems. In such circumstances, it becomes necessary to establish and develop methodologies, indicators, indices, etc. to assess various aspects of energy security sustainability. Thus, an adequate and timely response is ensured in order to achieve the security of energy supply and respond to dynamic changes that, among other things, have an impact on the energy security of the state and its smooth development. In this regard, the authors consider energy security not only in its conceptual definition, but also through theories of international relations, especially from the point of view of defining indicators and risks.

Keywords: *energy security, risks, indicators, energy supply, international relations.*

Энергетическая безопасность была практической глобальной проблемой на протяжении почти столетия, а в последние несколько десятилетий она стала отдельной областью научных исследований. В то же время способность современных исследований энергетической безопасности информировать и влиять на энергетическую политику ограничена. Исторические корни идей энергетической безопасности могут объяснить это ограничение. Такие идеи возникли как ответы на несколько отдельных политических проблем. Однако нынешняя сложность и быстрые темпы трансформации энергетических систем означают, что эти проблемы больше не могут эффективно изучаться или решаться изолированно друг от друга. Это означает, что знания, разработанные для решения этих проблем, должны быть интегрированы в область исследования, которая позволяет комплексно формулировать, анализировать и концептуализировать, казалось бы, отдельные вопросы энергетической безопасности. Наш обзор показывает, что разработка единой области исследования энергетической безопасности далеко не тривиальна и означает гораздо больше, чем составление перечней различных вопросов, связанных с энергетической безопасностью. Это связано с тем, что исторически

отдельные политические проблемы формировали по крайней мере три различные перспективы энергетической безопасности, уходящие корнями в различные научные дисциплины, такие как политология, инженерное дело и экономика. Их интеграция требует преодоления свойственных этим дисциплинам различий между теориями, языками и методами.

Энергетика как системообразующая отрасль национальной экономики напрямую определяет ее конкурентоспособность, размеры валового внутреннего продукта и уровень развития инфраструктуры. Это также важнейшая сфера экономической деятельности, учитывая, что энергетика включает в себя совокупность крупных природных и искусственных подсистем, служащих для преобразования, распределения и использования энергетических ресурсов всех видов. Ее основной задачей является производство энергии путем преобразования первичной природной энергии во вторичную энергию (электрическую или тепловую) [1].

На государственном уровне энергетическую безопасность можно рассматривать как состояние защищенности государства, его граждан, общества и экономики от опасности дефицита в удовлетворении основных энергетических потребностей экономически доступными энергоресурсами и энергоресурсами приемлемого качества, а также защиту от нарушения стабильности, то есть бесперебойного энергоснабжения. Независимо от различных точек зрения - политической, экономической или технологической, энергетическая безопасность подразумевает способность каждого домохозяйства, предприятия, государства обеспечивать себя необходимой энергией [2].

С точки зрения государства, важность энергетической безопасности определяется рядом факторов. Прежде всего, энергетическая безопасность может оказать влияние не только на экономическую безопасность, но и на дестабилизацию экономики в целом. С другой стороны, экономическая политика государства формирует состояние его энергетического рынка. Кроме того, очевидно, что экономическое развитие и развитие энергетики не всегда стабильны, поскольку подвержены угрозам, которые приводят экономику и энергетику в кризисные ситуации. Экономики многих стран, особенно ведущих энергетических держав, зависят от состояния и развития энергетического сектора и чувствительны к изменениям на мировом энергетическом рынке.

В научной экономической литературе понятие энергетической безопасности трактуется по-разному. Таким образом, Международное

энергетическое агентство (МЭА) определяет его как адекватное, доступное и надежное энергоснабжение. Гораздо более широкое истолкование определяет рассматриваемое понятие как полное обеспечение потребностей в топливно-энергетических ресурсах необходимого качества по экономически приемлемым ценам, а в случае возникновения чрезвычайных ситуаций - гарантированное обеспечение минимально необходимых потребностей. На саммите «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге в 2006 году в положениях итогового документа было сформулировано более полное определение этой концепции как обеспечение устойчивых и бесперебойных поставок энергоресурсов в страны мира по ценам, приемлемым как для потребителей, так и для производителей этих ресурсов, с минимальным ущербом для окружающей среды с целью обеспечения устойчивого социально-экономического развития мирового сообщества.

Таким образом, концепция энергетической безопасности широко используется, но нет единого мнения относительно ее точного значения. Помимо прочего, это указывает на то, что концепция энергетической безопасности открыта для различных интерпретаций. Применение большого количества индикаторов ведет к более широкому пониманию важности и проблем в функционировании энергетической безопасности. Предлагаемые индикаторы, разработанные с разных точек зрения, ориентированы на различные элементы спектра энергетической безопасности. А именно, невозможно адекватно оценить энергетическую безопасность на национальном уровне по одному показателю. Вместо этого индикаторы классифицируются с учетом разработанной перспективы, и в результате элементов энергетической системы, на которых они сосредоточены. Представленная модель оценки риска обеспечивает основу для подхода энергетической системы к энергетической безопасности, в котором уязвимость первичных источников энергии связана с уязвимостью вторичных видов топлива.

Список литературы

1. Sovacool В.К., Brown М.А.: Competing dimensions of energysecurity: an international perspective // The Annual Review of Environment and Resources 2010. № 35. P. 78-83.
2. Штрбац К., Милосављевић Б.: Руско-Турско енергетско савезништво и положај Републике Србије // Енергетска дипломатија Републике Србије у савременим

међународним односима / Пророковић Д. (ур.). Институт за међународну политику и привреду. Београд, 2019. С. 184-187.

ПОТЕРЯННОЕ ДЕТСТВО: ДЕТИ В ТЕНИ ИЗРАИЛЬСКО-ПАЛЕСТИНСКОГО КОНФЛИКТА

Марина Д. Миятович

*Доктор юридических наук,
Институт сербской культуры Приштина-Лепосавич,
научный сотрудник
E-mail: marina.mijatovic@gmail.com*

***Аннотация.** Геополитические конфликты, подобные нынешнему между Израилем и Палестиной, имеют глубокие корни в территориальных, политических и этнических разногласиях, которые оставляют неизгладимый след во многих аспектах общества. Наиболее уязвимым населением, страдающим от упомянутого конфликта, являются дети, проживающие свое детство в условиях вооруженной напряженности и отсутствия безопасности. Мы анализируем долгосрочные последствия израильско-палестинского конфликта для детства через фокус конкретной среды и проблем, с которыми дети сталкиваются на повседневном уровне. В статье мы анализируем, как постоянная напряженность и вооруженные разногласия оставляют след в эмоциональном, образовательном и физическом развитии детей. Рассматривая повседневный опыт детей, привыкших к играм, школе и беззаботному детству, в статье сравнивается и рассматривается влияние вооруженных конфликтов на умственное развитие детей, выявляя и подчеркивая конкретные травмы, которые неизбежны и возникают в результате изменения ситуации безопасности. Усилия, направленные на смягчение последствий конфликта, направлены на более глубокое понимание потребностей детей, особенно в области образования, с особым акцентом на последствия дальнейших образовательных возможностей детей, где также подчеркивается вклад гуманитарных организаций, а также международных инициатив. В статье израильско-палестинский конфликт рассматривается с точки зрения самых юных граждан, создавая основу для дальнейших исследований и стимулируя необходимые разговоры и вмешательства по поддержке и защите детей в ситуациях сложных и затяжных*

вооруженных конфликтов, рассматривая, как эти подходы влияют на их нынешнее и будущее благополучие.

Ключевые слова: Израиль, Палестина, конфликт, дети, детство, право выбора, защита.

LOST CHILDHOOD: CHILDREN UNDER THE SHADOW OF THE ISRAELI-PALESTINIAN CONFLICT

Marina D. Mijatović

Doctor of Law

Institute for Serbian Culture Prishtina - Leposavic, research associate

E-mail: marina.mijatovicc@gmail.com

Abstract. Geopolitical conflicts, such as the current one between Israel and Palestine, have deep roots in territorial, political and ethnic disagreements, which leave an indelible mark on many aspects of society. The most vulnerable population that suffers because of the aforementioned conflict are children who live their childhood under armed tension and insecurity. We analyze the long-term implications of the Israeli-Palestinian conflict on childhood through the focus of the specific environment and challenges that children face on a daily basis. In this paper, we analyze how continuous tensions and armed disagreements leave a mark on children's emotional, educational and physical development. Looking at the daily experiences of children, who are used to play, school, and a carefree childhood, the paper compares and considers the effects of armed conflict on the mental development of children, recognizing and emphasizing specific traumas that are inevitable and arise from a changing security situation. Efforts aimed at mitigating the consequences of the conflict tend towards a deeper understanding of children's needs, especially in the field of education with a special emphasis on the consequences of further educational opportunities for children, where the contribution of humanitarian organizations and international initiatives is highlighted. This paper observes the Israeli-Palestinian conflict from the perspective of the youngest, creating the foundations for further research and stimulating the necessary conversations and interventions on the support and protection of children in situations of complex and protracted armed conflicts, considering how these approaches affect their current and future well-being.

Keywords: Israel, Palestine, conflict, children, childhood, right to choose, protection

Дети никогда не являются инициаторами войн или террористических атак, но слишком часто они являются их неизбежными жертвами, как мы видим в конфликте между Израилем и Палестиной. Конфликты, предшествующим глубокие исторические травмы, территориальные разногласия и религиозная напряженность, являются причиной сложной ситуации, в которой дети переживают стрессовые моменты, отражающиеся на их физическом и эмоциональном развитии. Эти ситуации, пропитанные политической и социальной динамикой, формируют детское мировосприятие и их дальнейшие жизненные пути. Эмоциональное бремя, которое дети испытывают каждый день в ходе израильско-палестинского конфликта, оставляет глубокие последствия, поскольку в атмосфере, пронизанной постоянными конфликтами, дети становятся свидетелями потери близких и часто становятся свидетелями насилия, которое оставляет на них неизгладимый след. Травмы создают чувство дискомфорта, неуверенности, страха и беспомощности, которые передаются из поколения в поколение. Беззаботные дни забываются, и каждый день - это новая надежда и желание сохранить свою жизнь и жизнь своих близких. Дети имеют право на защиту от жестокого обращения, пренебрежения и насилия, однако во время конфликта они подвергаются жестокому обращению, задержанию и истязанию. Конвенция о правах ребенка представляет собой веху в международном праве, являясь первым документом, определяющим и защищающим права детей в глобальном масштабе. Анализируя различные аспекты детства в контексте израильско-палестинского конфликта, мы оглядываемся на то, как продолжающаяся напряженность и вооруженные конфликты влияют на психическое здоровье, развитие детей и травмы, возникающие в результате воздействия насилия и повседневной напряженности.

Непрекращающаяся напряженность и наличие насилия в зонах конфликтов создают атмосферу страха, тревожности и стресса, что напрямую влияет на эмоциональное состояние детей. Многочисленные исследования показывают, что дети подвергаются множественным эмоциональным травмам, таким как потеря дома, смерть близких членов семьи, серьезные ранения или внезапная потеря безопасности. Подобные травмы могут привести к развитию эмоциональных расстройств, таких как тревога, депрессия и посттравматическое стрессовое расстройство. Помимо прямых последствий насилия, дети часто становятся свидетелями разрушения своего окружения, своей родины, где такая среда ограничивает их способность выражать свои эмоции здоровым образом и вырабатывать адаптивные стратегии

борьбы со стрессом [7, с. 79-90]. Поиск Родины или концепции Родины часто не находится в пределах непосредственного опыта, а идеализируется по отношению к истинному образу Родины.

Израильские и палестинские народы имеют уникальное восприятие родного места, которое существенно отличается от других понятий родины, то есть родного места безопасности и спокойствия. Осознание коллективного опыта изгнания и постоянного чувства изгнания присутствует как среди израильтян, так и среди палестинцев, что играет ключевую роль в формировании коллективной идентичности, памяти и стремления найти дом, одновременно поощряя решимость защищать границы, интересы и требования своего народа от противной стороны. Это осознание изгнания глубоко укоренилось в коллективной психике и способствует формированию политической, социальной и эмоциональной динамики израильско-палестинского конфликта.

Израильский и палестинский народы объединяет еще одна важная характеристика: они считают одно и то же пространство своей землей, своим домом, что является основой их идентичности. Независимо от различий между ними, которые зачастую весьма значительны, оба коллектива полны решимости устранить другого. Вышеупомянутое определение устранения другого и защиты собственной идентичности глубоко укоренилось в исторических повествованиях обоих народов [4, с. 175-176]. Некоторые назвали бы их террористами, но они говорят, что борются за национальное освобождение. Различие между борцами за национальное освобождение и террористами является сложной задачей, поскольку эти категории не являются взаимоисключающими, поскольку террористические акты также могут происходить в рамках борьбы за национальное освобождение, в то время как борцы за национальное освобождение также могут восприниматься как террористы, в зависимости от точки зрения и контекста.

Кроме того, государственные деятели часто используют термин «террорист» для дискредитации оппонентов и оправдания своих военных операций, продвигая при этом своих собственных бойцов как борцов за национальное освобождение. На протяжении всей истории и в наши дни мир был свидетелем большого количества войн и беспорядков, которые имели и продолжают иметь последствия для обществ по всему миру. Эти конфликты не только вызвали физические разрушения, но и существенно повлияли на социальные структуры, включая традиционные семейные организации.

Войны часто приводили к перемещению населения и дезинтеграции сообществ, оставляя неизгладимые эмоциональные и экономические раны, которые трудно залечить. Гибель людей, разрушение инфраструктуры и потеря основных условий жизни часто являются результатом этих конфликтов, что еще больше усугубляет страдания и нестабильность в пострадавших регионах. Дети часто подвергаются долгосрочным последствиям насилия, непосредственно испытавшего или свидетелем которого они являются, что делает их особенно уязвимой группой. Некоторых из них заставляют носить оружие, а других похищают и подвергают пыткам. Есть также те, кто стал свидетелем убийства своих родителей, братьев, сестер или друзей, в то время как некоторые дети отделены от своих семей и сообществ, проводя все свое детство в лагерях беженцев.

Помимо непосредственного участия в конфликтах, некоторые дети становятся свидетелями насилия через средства массовой информации как телевидение. Хотя основные потребности в выживании, такие как здравоохранение, жилье и еда, являются приоритетом во время войны и миграции, растет обеспокоенность тем, что травматический опыт войны в значительной степени окажет пагубное влияние на психосоциальное развитие детей. Этот опыт может негативно повлиять на их отношение к обществу, на отношения с другими людьми и на общий взгляд на жизнь. Посттравматическое стрессовое расстройство у детей проявляется в различных характеристиках, которые часто похожи. Эти характеристики во многом включают нарушение сна и кошмары, трудности с концентрацией внимания, повторяющиеся и пассивные игры с травмирующими темами, снижение интереса к обычным развлечениям, эмоциональное дистанцирование от родителей или друзей, а также повышенное состояние бдительности, то есть бессонницу. Дополнительные реакции, наблюдаемые у детей после травматического опыта, включают грусть, гнев, страх, онемение, нервозность или раздражительность, потерю аппетита, чувство вины за то, что они выжили или "преуспели" во время травмирующего события. Кроме того, дети, пережившие травматический опыт войны, часто проявляют симптомы тревожности и депрессии.

Перечисленные реакции представляют собой нормальную реакцию на травматические переживания, которые испытывают дети. Дети часто находятся под сильным влиянием решений взрослых, в первую очередь их родителей, а также политических потрясений и конфликтов. Вышеупомянутая зависимость от взрослых и внешних факторов может существенно повлиять на базовое доверие детей к

способности взрослых позаботиться о них и обеспечить безопасность их мира. Детство бесценно, и каждый ребенок заслуживает того, чтобы прожить его в мире и счастье, в окружении беззаботного мира. Когда дети испытывают недостаток поддержки или безопасности со стороны взрослых, это может поколебать их доверие и создать негативный образ других людей и окружающего их мира [6, с. 130-131].

Эта потеря доверия может иметь глубокие последствия для эмоционального и социального развития детей, может увеличить вероятность возникновения определенных проблем в их развитии и является важным фактором для понимания влияния политических конфликтов на психологическое благополучие молодых людей. 3, с. 1299]. Изменение качества воспитания детей является еще одним очевидным аспектом в контексте военных конфликтов. Ключевая роль родителей-защитить детей от опасностей и создавать безопасную среду для их развития. Однако война и насилие часто подрывают эти родительские задачи, поскольку они создают неблагоприятные условия, которые препятствуют способности родителей выполнять их. Это становится особенно сложным, когда родители сталкиваются с нехваткой ресурсов, а также с психическими и эмоциональными последствиями военной травмы. Отсутствие доступа к основным потребностям, таким как еда, вода и кров, наряду с постоянным стрессом и тревогой, может привести к ослаблению способности родителей адекватно заботиться о детях [2, с. 129-139].

Во время и после травмирующих событий дети, подвергшиеся израильско-палестинскому конфликту, часто демонстрируют тенденцию задавать такие вопросы, как «Почему это произошло?» и «Почему именно мне?». Это отражает их потребность в понимании и контроле над непредсказуемостью и жестокостью событий, которые они пережили и продолжают переживать. Попытка найти причину или способ избежать катастрофы может, в каком-то сегменте, вызвать чувство вины как сопутствующего элемента процесса самонаблюдения и придания значения травмирующему опыту. Дети, попавшие в эту среду, часто пытаются защитить свою психику и сохранить себя, используя различные защитные механизмы. Это может включать отрицание, подавление, диссоциацию, а также самогипноз, чтобы мысленно дистанцироваться от травмирующих событий. Идентификация с агрессором или обращение агрессии против самого себя также являются возможными защитными механизмами, которые дети могут использовать в попытке справиться со стрессом и страхом. Эти защитные механизмы могут оказать глубокое влияние на характер ребенка, вызывая изменения в эмоциональном и поведенческом

функционировании. Дети, использующие эти защитные механизмы, могут развить эмоциональную дистанцию от своих чувств и потребностей, а также проблемные модели поведения, которые проявляются в агрессивности, замкнутости или риске самоповреждения. Эти изменения в характере ребенка могут иметь долгосрочные последствия для его способности адаптироваться и функционировать в повседневной жизни [1, с. 105].

В контексте израильско-палестинского конфликта дети часто становятся невольными жертвами жестокости конфликта, подвергаются хладнокровному насилию и пренебрежению, возникающим в результате действий агрессоров с обеих сторон конфликта. Эти дети подвергаются постоянной угрозе вооруженных нападений, взрывов и военных действий, которые часто приводят к смерти или серьезным ранениям. Агрессоры, как со стороны Палестины, так и со стороны Израиля, проявляют бесчувственность и пренебрежение к жизни детей, часто совершая насильственные действия, направленные против мирных жителей, включая детей, независимо от их невиновности или уязвимости. Подобные нападения не только лишают детей светлого будущего и основных прав на жизнь, но и оставляют длительные эмоциональные, психологические и физические последствия для тех, кто выживает.

Дети, пережившие нападения, часто сталкиваются с глубокими и неизлечимыми травмами, которые могут длиться всю жизнь. Эти травмы включают, помимо прочего, посттравматическое стрессовое расстройство, тревожность, депрессию, нарушения сна и различные формы эмоциональных и поведенческих проблем. Агрессивное поведение, не учитывающее невиновность и благополучие детей, еще больше усугубляет тяжелые последствия конфликта для жизни и будущего самых молодых граждан, создавая глубокую потребность в адекватной поддержке и вмешательстве с целью подавления, то есть облегчения их страданий и заботы об их общем здоровье. Уважение разнообразия между людьми и внутри общества, а также признание проблем, возникающих в результате социальных изменений, таких как конфликты, миграция и мультикультурализм, поднимают важные вопросы для политики и практики в области ухода за детьми. Способы решения этих проблем различаются в зависимости от степени принятия сотрудничества со стороны детей как положительной ценности. Этот подход предполагает продвижение культуры открытости, терпимости и признания разнообразия как основных ценностей, что позволяет детям впоследствии развивать уважение к

другим и чувствовать себя принятыми и безопасными в своем окружении [5, с. 43].

Хотя первоначальная боль сильно травмированных детей может показаться неизмеримо большей по сравнению со взрослыми, при надлежащей поддержке они демонстрируют удивительную устойчивость и способность преодолевать даже самые неблагоприятные обстоятельства. Каждое исследование, ориентированное на детей в раннем детстве, раскрывает сложность среды, в которой живут дети, различное социальное и экономическое давление, с которым сталкиваются их родители, опекуны и другие взрослые, на которых дети полагаются в плане благополучия и поддержки. Отправные точки для развития ухода за детьми различаются в зависимости от того, идет ли речь о крайней бедности, неравенстве, дискриминации или этнических конфликтах.

В контексте оказания психосоциальной помощи травмированным детям часто применяется непосредственная работа с детьми, чтобы помочь им справиться с травмирующими воспоминаниями. Этот подход может включать в себя такие занятия, как рисование, игры или разговоры о событиях, которые их травмировали. Другой подход предполагает обучение и поддержку родителей, учителей и других взрослых, участвующих в жизни ребенка, чтобы они могли оказать поддержку или помочь детям справиться с их травматическим опытом. Эти стратегии направлены на оказание эмоциональной поддержки, расширение прав и возможностей ребенка и облегчение его процесса преодоления травмирующих событий, тем самым способствуя его эмоциональному и психологическому восстановлению.

Жизнь должна продолжаться, хотя для семей, особенно детей, зачастую это чрезвычайно сложно. Выживание и адаптация к новым обстоятельствам требуют огромных усилий, как эмоциональных, так и практических. Дети, как наиболее уязвимая группа населения, сталкиваются со сложными проблемами адаптации к новой реальности после периода конфликта. Возвращение к повседневной жизни требует значительной поддержки и ресурсов для преодоления травм и сохранения нормальности. Семьи часто сталкиваются с трудностями в восстановлении поврежденных отношений, создании чувства безопасности и возвращении к обычной жизни. Кроме того, инфраструктурные и экономические проблемы, возникающие в результате военных событий, еще больше затрудняют процесс восстановления.

В эти переходные периоды важно оказывать поддержку семьям и детям, чтобы облегчить процесс адаптации и обеспечить постепенное

выздоровление и возвращение к нормальной жизни. Хотя дети сталкиваются с трудными проблемами и травмами из-за конфликта, важно подчеркнуть, что надежда есть в каждом ребенке. Надежда отражается в силе человеческой воли и способности преодолевать трудности, а также в способности общества оказывать поддержку и создавать условия для лучшей жизни для будущих поколений. Молитва о прекращении конфликта и установлении мира становится выражением стремления к гармонии и стабильности в обществе. Эта молитва, которую разделяют многие, отражает стремление к безопасности, процветанию и мирному сосуществованию всех людей, включая детей. Уважая эту надежду и стремление, важно постоянно работать над содействием миру, примирению и сотрудничеству, чтобы создать условия для роста детей в безопасной и благоприятной среде, что является ключевым шагом на пути к установлению прочного мира в регионе Израиля и Палестины и за его пределами.

Список литературы

1. Александра Стојилковић. Траума у детињству // Годишњак за психологију. Филозофски факултет, Универзитет у Нишу, 2015. Vol. 12. No. 14.
2. Cairns, E., & Dawes, A. Children: Ethnic and Political Violence-a Commentary // Child Development, 1996. №67(1).
3. Драгица Р. Богетић, Александар Ј. Југовић „Деца у покрету“ као рањива популација. Универзитет у Београду, Факултет за специјалну едукацију и рехабилитацију. Београд, 2019.
4. Pan Gur-Ze'ev. Holocaust/Nakbah memories as an Israeli/Palestinian homeland, Destroying the Other's Collective Memory. New York: Peter Lang, 2002. Реç No. 66/12.
5. Marthin Woodhead. Changing perspectives on early childhood: theory, research and policy // Background paper prepared for the Education for All Global Monitoring Report 2007, Strong foundations: early childhood care and education, Institut za pedagogiju i andragogiju Filozofskog fakulteta u Beogradu – Centar za interaktivnu pedagogiju, 2012.
6. Наташа Р. Младеновић. Трауме у детињству – ратна траума // Зборник радова Учитељског факултета, Универзитет у Приштини – Косовској Митровици,

Учительски факултет у Призрену – Лепосавићу, 2019.
No. 13.

7. Thabet, A. A., Vostanis, P. Post traumatic stress disorder reactions in children of war: A longitudinal study Child Abuse & Neglect, 1998.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД В НОВЕЙШИХ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Мохов А.В.

Черноморский информационно-аналитический центр, директор
E-mail: chiac@bk.ru

Сенюшкина Т.А.

*Доктор политических наук,
Крымский федеральный университет им.В.И.Вернадского,
профессор*
E-mail: tsenyushkina@yandex.ru

***Аннотация.** В контексте исследования роли и места цивилизационного подхода в современных политологических дискуссиях авторы обращают особое внимание на два компонента российской цивилизации: евразийский и православный. Делается вывод о том, что и евразийское, и православное измерение самобытности российской цивилизации можно считать актуальными теоретическими задачами для современных политологических исследований, наряду с концептом «государство-цивилизация», который требует дальнейшего развития и концептуального обоснования.*

***Ключевые слова:** цивилизационный подход, самобытность российской цивилизации, православная цивилизация, А.С.Панарин.*

THE CIVILIZATIONAL APPROACH IN THE LATEST POLITOLOGICAL INVESTIGATIONS: PROBLEMS AND PERSPECTIVES

Mokhov A.V.

*Black Sea Information and Analytical Center,
Director*
E-mail: chiac@bk.ru

Senyushkina T.A.

*Doctor of Political Sciences, VI.Vernadsky Crimean Federal
University, Professor*

E-mail: tsenyushkina@yandex.ru

Abstract. *In the context of the study of the role and place of the civilizational approach in modern political science discussions, the author pays special attention to two components of Russian civilization: Eurasian and Orthodox. It is concluded that both the Eurasian and Orthodox dimensions of the identity of Russian civilization can be considered relevant theoretical tasks for modern political science research, along with the concept of "state-civilization", which requires further development and conceptual justification.*

Keywords: *civilizational approach, identity of the Russian civilization, Orthodox civilization, A.S.Panarin.*

В условиях кризиса современной системы международных отношений актуализируется вопрос о разработке теорий и концепций, адекватных новейшим политическим изменениям на мировой арене. В связи с этим можно согласиться с утверждением о том, что назрела «необходимость обновления современного теоретико-концептуального каркаса российской политической науки» [1, с. 293]. В этой связи актуализацию цивилизационной проблематики в пространстве новейших академических и политических дискуссий можно считать актуальной и своевременной.

Как подчёркивает Д.А.Жуковский, современная цивилизационная парадигма «представлена многочисленными концепциями, направлениями, теориями и в целом отражает широкий научный дискурс, сложившийся в отношении цивилизационной проблематики» [2, с.158]. При этом цивилизационный подход оказался востребованным сегодня не только в политической теории, но и в практической деятельности органов государственной власти.

31 марта 2023 г. президент РФ утвердил новую редакцию Концепции внешней политики. В разделе «Общие положения» (п.4) указывается: «Более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи, глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, выработанное за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп определяют особое положение России как самобытного государства»

цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира» [3].

При оценке значения и роли цивилизационного подхода в современных политологических дискуссиях целесообразно обратить внимание, как минимум, на два компонента российской цивилизации: евразийский и православный. По мнению А.И.Субетто «Синтез России, как этнокультурной, социально-экономической и цивилизационной системы, есть евразийский синтез, определивший ее исторический генезис как евразийский системогенез. Философия истории России, как и сама история, является евразийскими, а не европейскими» [4, с. 6].

В контексте сказанного выше особый интерес представляют идеи, которые сформулировал в своих книгах А.С.Панарин – российский политический философ, оставивший нам уникальное идейное наследие, которое сегодня, как никогда ранее, востребовано в социальном и политическом дискурсе нашего общества и государства [5, с. 291]. Наряду с этим, следует согласиться с утверждением о том, что, «несмотря на очевидную актуальность высказанных им идей, имя А.С.Панарина не является широко известным и активно популяризируемым как в образовательной среде, так и в академическом сообществе современной России» [5, с. 291].

Ю.А.Гончаров в своих исследованиях, посвящённых теоретическому осмыслению идейного наследия А.С.Панарина, подчёркивает, что с точки зрения Панарина, «именно православный цивилизационный проект способен обеспечить общечеловеческий прорыв в будущее при сохранении культурно-цивилизационного многообразия человечества. Но для реализации такого проекта необходимо, прежде всего, сформулировать теоретико-методологические презумпции этого проекта. Панарин предлагает в качестве таковых восточно-христианский логос в противовес западно-христианскому радио, бескорыстный дар в противовес коммерциализированному обмену, космоцентризм в противовес социоцентризму, христианское милосердие в противовес морали успеха. В итоге философ формулирует православную цивилизационную парадигму как фундаментальную картину социального универсума» [6, с. 76].

В контексте исследуемой проблемы также следует обратить особое внимание на понятие «государство-цивилизация», использование которого, по мнению ряда авторов, «указывает на смену методологической парадигмы социальных и гуманитарных наук, на

переход от линейной (стадиальной) методологии к цивилизационной» [7, с. 80]. Журавлева Л.А., Зарубина Е.В., Ручкин А.В., Симачкова Н.Н., Чупина И.П. под государством-цивилизацией понимают «самобытное и самодостаточное общество как систему, которая состоит из ряда подсистем и управляется из единого политического центра. Ведущей подсистемой государства-цивилизации являются духовные ценности и самоидентичность народов, его населяющих. Создателем и основным субъектом государства-цивилизации является не верховная власть, но народ или суперэтнос, в терминологии Л.Н. Гумилева. Структура государства-цивилизации складывается из экономической, социальной, политической и культурной подсистем. Само существование и устойчивость государства-цивилизации зависит от цивилизационного ядра или цивилизационной матрицы (А.С. Панарин), которые образуют цивилизационная идентичность граждан государства и базовые духовные ценности» [7, с. 86].

Можем согласиться с указанными авторами в том, что «сегодня чрезвычайно актуальным является изучение как структуры, так и цивилизационного ядра российского государства-цивилизации прежде всего, для разработки стратегий и планов экономического, социального, политического развития нашей страны, формирования общенациональной идеологии, создания программ воспитания и образования молодежи, обладающей развитой цивилизационной идентичностью и подлинным патриотизмом» [7, с. 86].

Подводя итог сказанному, отметим, что, и евразийское, и православное измерение самобытности российской цивилизации можно считать актуальными теоретическими задачами для современных политологических исследований, наряду с концептом «государство-цивилизация», который, безусловно, требует дальнейшего развития и концептуального обоснования. Добавим также, что православный цивилизационный проект не исключает сохранения и развития культурно-цивизационного разнообразия российского общества в его региональном, этническом и конфессиональном измерении.

Список литературы

1. Сенюшкина Т. А. Многополярность как цивилизационный концепт // Политическое пространство и социальное время: диалектика целей и ценностей: Сборник научных трудов XLII Международного Харакского форума, Ялта-Симферополь, 08–10 ноября 2023 года. – Симферополь: ООО "Издательство Типография "Ариал", 2024. – С. 288-294.

2. Жуковский Д. А. Цивилизационный подход в политологии: особенности становления в условиях новой социальной реальности // Теория и практика общественного развития. 2015. №20. С.158-162.
3. Концепция внешней политики РФ. Утв. Указом Президента РФ от 31.03.2023 г. № 229. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090>
4. Субетто А. И. Основания и императивы стратегии цивилизационного развития России в XXI веке // Астраханский вестник экологического образования. 2013. №3 (25). С. 5-51.
5. Сенюшкина Т. А., Сенюшкин М.Е. А.С.Панарин о стратегической нестабильности в XXI веке // Политическое пространство и социальное время: аксиология власти и общественный идеал : Сборник научных трудов XLI Международного Харакского форума, Ялта, 24–27 апреля 2023 года / Под общей редакцией Т.А. Сенюшкиной, науч. ред. Е.А. Сенюшкин. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2023. – С. 289-293.
6. Гончаров Ю. А. Православный - значит глобальный. Цивилизационная парадигма Александра Панарина / Ю. А. Гончаров // Политическое пространство и социальное время: диалектика целей и ценностей : Сборник научных трудов XLII Международного Харакского форума, Ялта-Симферополь, 08–10 ноября 2023 года. – Симферополь: ООО "Издательство Типография "Ариал", 2024. – С. 76-81.
7. Журавлева Л.А., Зарубина Е.В., Ручкин А.В., Симачкова Н.Н., Чупина И.П. Государство-цивилизация: понятие, сущность, структура // Образование и право. 2023. №9. С.80-88.

ПРОТЕКТОРАТЫ В ПОЛИТИКЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА

Наумова Н.И.

Кандидат исторических наук

Национальный исследовательский Томский государственный университет, факультет исторических и политических наук,

доцент

E-mail: tomnin@yandex.ru

Аннотация. Правительство адмирала А.В. Колчака в годы Гражданской войны стремилось не только сохранить территориальное единство России, но упрочить связи с протекторатами – Бухарой, Хивой, формируя государственно-политические отношения в чрезвычайных обстоятельствах военного противоборства. В центре внимания колчаковской власти стал Урянхайский край, который стал протекторатом в 1914 г. В основе взаимодействия лежал мирный путь. Власть учитывала особенности и время вхождения Урянхайского края в протекторатные отношения с Россией, геостратегическое значение территории, противостояние с Монголией и Китаем. Соглашения предполагали завоевание доверия населения и элиты, учитывали этносоциальные и религиозные факторы жизни Края, правовые нормы. На административные должности привлекались представители местной знати. Определялись принципы взаимодействия российской и «туземной» администрации. Политика была направлена на укрепление позиций российской власти в крае.

Ключевые слова: правительство А.В. Колчака, протектораты, Хива, Бухара, Урянхайский край.

PROTECTORATES IN THE POLICY OF THE GOVERNMENT OF ADMIRAL KOLCHAK

Natalia I. Naumova

Cand. Sc. (History)

National Research Tomsk State University

Faculty of Historical and Political Sciences,

Associate Professor

E-mail: tomnin@yandex.ru

Abstract. During the Civil War, the government of Admiral Kolchak sought not only to preserve the territorial unity of Russia, but also to

strengthen ties with the protectorates of Bukhara and Khiva, forming state–political relations in extreme circumstances of military confrontation. The Uryankhay Krai, which became a protectorate in 1914, was in the focus of the Kolchak government. Their interaction was based on a peaceful path. The authorities considered the features and timing of the Uryankhay Krai’s entry into protectorate relations with Russia, geostrategic significance of the territory, and the confrontation with Mongolia and China. The agreements presumed gaining the trust of the population and the elite, took into account ethnosocial and religious factors of life in the Krai, as well as its legal norms. Representatives of the local nobility were recruited to administrative positions. The principles of interaction between the Russian and the “native” administration were determined. The policy was aimed at strengthening the position of the Russian government in the region.

Keywords: *Kolchak Government, protectorate, Khiva, Bukhara, Uryankhay Krai.*

Первая мировая война поставила по-новому вопрос о колониях, протекторатах и метрополиях. Для России такая проблема тоже существовала. Представители белогвардейских властей решали ее в рамках прежнего опыта. Приоритетным в политике правительства А.В. Колчака стало восстановление государственного и территориального единства страны, сохранение в сфере влияния российской власти Хивинского ханства, Бухарского эмирата и Урянхайского края. Геополитические задачи являлись важными и проявлялись во внутренней и международной политике правительства адмирала А.В. Колчака. Принципы и основные направления политики (контролирующая функция российской власти, сохранение местных структур управления на основе традиций) по отношению к этим вассальным структурам сохранились.

Особенностью отличалась система управления у трех протекторатов, а также их взаимодействие с центральной властью. Хива и Бухара не входили в состав Российской империи. Проблема двусторонних отношений являлась сложной. И потому была в центре политики государственных структур (1914-1922 гг. Выбор политических действий определялся в результате обсуждений Советом министров имперской власти, Временного правительства, Советом министров правительства А.В. Колчака, а также МИД, МВД, Военным министерством, Управлением духовных дел и др. Использовались междуведомственные совещания, как это было в ситуации с Урянхаем [1, ГАРФ. Ф.1701.Оп. 1. Д. 246; Д. 24а; Д 246].

Обсуждались вопросы сохранения влияния России в крае, судебного устройства и управления, «отношение к туземному населению», ситуация с делами ламаистов. Вырабатывались рекомендации экономического, политического, военного направления, инструкции для должностных лиц. Учитывалось при этом влияние международной ситуации в Центральной Азии и Средней Азии, притязания на эти территории Китая, Монголии, Англии.

Хива и Бухара стали протекторатами в результате военных действий и подписания договоров о двусторонних отношениях на основе вассальной зависимости (1868 и 1873 гг.). Российское правительство не присоединило эти вассальные владения, сохранило местные правящие элиты, их административные структуры, обеспечивая таким образом лояльность. Подобный подход облегчал адаптацию народов к новым условиям. Правительство было избавлено от расходов на поддержание порядка в вассальных владениях. Так сформировался особый тип непрямого управления: некоторая самостоятельность местной элиты и «косвенное управление» со стороны российской власти [2, с. 14]; [2, с. 175]. Самостоятельного ведения внешней политики эмир и хан лишались. Одновременно предусматривали изменения во внутренней жизни: отмена рабства, предоставление благоприятных условий для русских купцов. Комплекс действий подобной политики определяется как «фронтирная модернизация» [2, с. 168]. Временное правительство и правительство А.В. Колчака тоже изменяло некоторые стороны управления местных структур.

Временное правительство в 1917 г. подтвердило протекторатные отношения с Хивой и Бухарой. Созданный Туркестанский комитет Временного правительства осуществлял власть Временного правительства по вопросам верховного правления и надзора на этой территории, включая Бухару и Хиву. Были созданы проекты реформ управления этих территориях. Власть хана судебная и исполнительная в Хиве сохранилась. Но при этом должен был действовать выборный орган – меджлис. Назначался комиссар, наделенный контролирующими функциями. На территории сохранялись законы «шариата и справедливости» [3, с. 71-78].

В годы Гражданской войны правительство адмирала А.В. Колчака стремилось сохранить покровительство и договорные отношения. И с этой целью отправило в Бухару и Хиву осенью 1919 г. военную миссию, личные обращения к хану Хивинском и эмиру Бухарскому, в которых подтверждалось, что «Хива находится под исключительным покровительством Российского государства,

пользуется во внутренних делах своих самостоятельностью и сохраняет те преимущества, кои предусмотрены договорами, заключенными до 1 марта 1917 г.» [4, с.77]. Ранее Временное Сибирское правительство в 1918 г. подтвердило свой протекторат над регионом [5, с. 55, 63].

Взаимоотношения Танну-Тувы с Российскими государством начали оформляться в начале XX в. Управление формировалось постепенно и охватывалосложный период революций и Гражданской войны с участием в том числе правительства А.В. Колчака

В апреле 1914 г. был установлен протекторат России над пятью хошунами-административными единицами тувинской территории. До распада Цинской империи в 1912 г. Урянхай находился в ее составе как автономное образование [6, с. 9]. Встала проблема поиска урянхами политического покровительства. Тувинские нойоны обратились к российскому императору с просьбой принять Танну-Урянхай под защиту российского государства, стремясь сохранить свои традиции и политический статус. Колониального захвата территории не произошло [6, с. 5]. У российских властей не было планов оккупации Урянхайского края. Но территория представляла геополитический и экономический интерес, место заселения русских. Здесь проживало 50 тыс. туземного населения и 5 тыс. русских – переселенцев. Совет министров продумывал стратегию мирного проникновения, склонялся на путь протектората и в перспективе –«прямого присоединения» Края [7, с. 41- 43].

В апреле 1914 г. император Николай II подписал указ о протекторате России над Урянхаем, который был включен в состав российских границ, стал частью Енисейской губернии. Урянхи принимали обязательство не вести самостоятельную внешнюю политику. Все споры между хошунами должны были решаться русской администрацией. Протекторатные отношения отличались от тех, которые сложились Россией и среднеазиатскими государствами. Край входил в территорию России и с меньшей степенью самостоятельности [7, с. 51]. Но принцип косвенного управления тоже был обозначен.

Вхождение края в состав России, русское покровительство и независимость Тувы документами не закреплялось [8, с.72]. Поэтому Монголия и Китая свои притязания сохраняли. Протекторат обозначил границы Урянхая, выделив как этническую территорию и как отдельный субъект в международных отношениях России Китая и Монголии. Для регулирования отношений правительство адмирала А.В. Колчака создало Межведомственное совещание по Урянхаю [7,

с. 53-54]. Тува подчинялась управлению енисейского губернатора. Но земля урянхайская не была включена в владения России. Управление на этой территории осуществлялось местными нойонами. По договору они не имели права на самостоятельные отношения с иностранными государствами. Споры между хошунами решались комиссарами России в крае. Россия имела право облагать население налогами, судить, требовать объяснений от чиновников. Хошунные правители письменно заверили соблюдение этих обязательств [9, с. 369]. Этот договор действовал в годы Гражданской войны.

Урегулирование многих внутренних процессов возлагалось на российского представителя - комиссара по Урянхайскому. Система покровительства не предполагала прямого вмешательства. Все правоотношения, входившие в пределы традиционного тувинского общества, оказались вне сферы влияния русской власти. Мирная форма интеграции помогала находить компромиссы [8, с.111-112]. Колчаковское правительство сохранило этот способ взаимодействия с населением Края.

После Февральской революции принципиальных изменений в отношениях с Краем не произошло. Временное правительство подтвердило покровительство России над Урянхаем, «принимая на себя международные обязательства государства». Пограничные племена «получали самостоятельность». Назначение высших хошунных чиновников могло происходить с согласия Комиссара по делам Урянхайского края. Представители русской администрации в 1914-1919 гг. провели множество переговоров с Китаем и Монголией, отстаивая покровительство России над Урянхайским краем [10, л. 2-2об, л.5об].

На территории Усинско-Урянхайского края летом 1918 г. произошла смена власти. Временное Сибирское правительство и правительство во главе с Верховным правителем адмиралом А.В. Колчаком подтвердили протекторатные отношения с Урянхаем. Был отменен договор 1918 г. представителей урянхов с Советами о самоопределении Тувы. В Крае были восстановлены прежние органы управления.

Колчаковскому правительству пришлось решать сложные задачи: избегать обострения отношений с Монголией и Китаем, сохранять протекторатные отношения и обеспечивать контроль за внутренней обстановкой на этой территории, отстаивать свое влияние всеми средствами, избегая конфликтов [11, л. 151]. Управляющий по делам Края считал, что необходимо подтверждать, что у государства – победителя есть сила, чтобы защитить население, которое не имело

возможности обрести политическую самостоятельность. Требовалось завоевывать доверие, сотрудничая с местной властью, поощряя чиновников, создавая систему награждения на основе традиционных символов. Считал необходимым восстановить прежние права России и одновременно провести ряд реформ в управлении, законодательно обеспечить самоуправление урянхов и земское самоуправление живущих здесь русских. Предложил определить четкую структуру управления в хошунах. В результате разработан комплекс мер для реализации их властью. Были увеличены полномочия комиссара в управлении Краем. Деятельность А.А. Турчанинова была одобрена Верховным правителем. Другой вариант управления предложил глава урянхайского духовенства: управлять Краем должны русский и представитель высшего ламаистского духовенства. Остановились на варианте Временного правительства. Вводилась новая должность из урянхов для управления девятью хошунами. Суд предполагалось создать на основе обычного права. Управление духовной жизнью планировалось через создание независимого от Монголии управления во главе с Бандидо-хамбо-ламой, объединив урянхайское духовенство [12, с. 98-100]. Военная нестабильность, боевые действия не позволили реализовать проекты и укрепить позиции в Крае.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации. [ГАРФ. Ф.1701.Оп. 1. Д. 246. ЛЛ. 4, 9-12,13-136,17-20,112,114,138, 143.144; Д. 24а. ЛЛ. 63,67,112,114,165,166,195.215,248-249;195-196; Д 246.Л.1].
2. Трепавлов В. «В царстве другого царства быть не может». Вассальные владения в составе России (XVII – начало XX в.) // Российская история. 2015. №3. С. 3-14; Почекаев Р.Ю. Договоры Российской империи с Хивинским Бухарским эмиратом 1873 г.: опыт историко – правоведческого анализа // Уральский исторический вестник. 2020. № 4(77). С. 167-168.
3. Из истории национальной политики Временного правительства // Красный архив. №5. С. 46-79.
4. Штейнберг Е.Л. Очерки истории Туркмении. М.-Л. 1934. 168 с.
5. Развал колчаковщины. Из дневника В.Н. Пепеляева) // Красный архив. 1928. Т.6. С.51-80.

6. Данцышен В. Танну-Тува, Урянхай и Россия // Родина. С. 9-15.
7. Москаленко Н.П. Этнополитическая история Тувы. М.: Наука, 2004. 222 с.
8. Данцышен В.Г., Ондар Г.А. Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911-1921 гг. Кызыл. 2003. 284с.
9. История Тувы. Т. 1. М., 1964. 412 с.
10. ГАРФ. Ф. 176. Оп. 13. Д. 29. Л. 2-2об, Л.5.
11. ГАРФ. Ф.1701. Оп. 1. Д.24а. Л. 151.
12. Наумова Н.И. Урянхайский край в политике Российского правительства. 1918-1920 гг // Личность. Общество. История. Томск: Изд-во Том.ун-та, 2002. С. 87-102.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС ФРАНЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНСТРУКТИВИЗМА

Новицкий В.В.

*Санкт-Петербургский государственный экономический
университет,
студент направления «международные отношения»*

**Научный руководитель — Нурышев Г. Н.,
доктор политических наук, профессор**

***Аннотация.** Статья посвящена изучению внешней политики современной Франции в эпоху международной трансформации. Целью работы является изучение и оценка внешнеполитического курса Пятой Республики посредством применения методологии конструктивизма, позволившей рассмотреть самоидентичность французской нации во взаимодействии с внешней средой. На основе поставленной цели автором были сформулированы соответствующие выводы. Применение этих знаний с учетом актуальных событий поможет лучше прогнозировать международную ситуацию, а значит, принимать более взвешенные решения и не совершать ошибки предыдущих поколений.*

***Ключевые слова:** Франция, самоидентичность, атлантизм, голлизм, держава баланса, НАТО.*

FOREIGNPOLICY COURSE OF FRANCE THROUGH THE PRISME OF CONSTRUCTIVISM

Novitsky V. V.

*St. Petersburg State Economical University,
the International Relations department,
student*

The scientific supervisor

Dr. G. N. Nuryshev

Abstract. *The article is devoted to study of the foreign policy of contemporary France in the era of international transformation. The purpose of the work is to examine and estimate the foreign policy course of the French Republic through the application of the methodology of constructivism, which allowed to consider the self-identity of the French nation in interaction with the external environment. Based on the set aim, the author formulated the relevant conclusions. Applying this knowledge, taking into account current events, will help to better predict the international situation, which means making more informed decisions and not making mistakes of previous generations*

Keywords: *France, atlantism, gaullism, self-identity, power of balance, NATO.*

Французская республика, как один из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, член ядерного клуба, «мотор развития автономности Европы» [1], член организации G-7, на первый взгляд, обладает очевидными атрибутами своего «державного величия» в трансформирующейся системе.

Однако вывод военного контингента из Африки, смена премьер-министра, массовые забастовки рабочих сельского хозяйства из-за внутреннего кризиса на контрасте громких заявлений Э. Макрона о возможной отправке войск НАТО на Украину и об отсутствии «красных линий» в восточно-европейском конфликте – все эти события, произошедшие с осени 2023 г. по март 2024 г. делают релевантным вопрос - настоящие действия Франции обусловлены объективными факторами сохраняющегося французского «величия» во внешнеполитическом курсе Э. Макрона или свидетельствуют о серьезном латентном кризисе в оценке реальных способностей и инструментов Франции во внешней политике, что обуславливает актуальность данной темы [2].

Актуальность темы определяет цель данной статьи, которая заключается в изучении и оценке внешнеполитического курса Пятой Республики, а также в выявлении факторов коллективной идентификации Франции, обуславливающих внешнеполитический курс.

Для достижения поставленной цели автор опирался на методологию конструктивизма международных отношений, релевантность которого выражена в возможности многогранно рассмотреть, как природу международных отношений в целом, так и внешнюю политику различных стран, которая в рамках этой парадигмы является «производной от внутренних потребностей» государства, определенных запросом нации страны, являющейся носителем разнообразного спектра коллективной идентичности [3, с. 58].

Стоит подчеркнуть, что каждое государство обладает собственной исторической идентичностью, которая на международной арене обуславливает интересы государства в той или иной сфере. Данное упоминание позволяет добавить, что в основу внешней политики государство ставит национальные интересы, завуалированные в её идентичности, что является прямым заимствованием из парадигмы политического реализма, который задействован в настоящем исследовании.

Автор использовал работы российских и зарубежных экспертов в области международных отношений и внешней политики Франции, а также обзор внешней политики Франции 2022 г., отражающей основные внешнеполитические приоритеты.

Исследование предмета при помощи методологии конструктивизма основывается на изучении коллективного образа «Я» и «Другие», который в своем взаимодействии, определяет доминирующий образ коллективной идентичности нации, продвигаемый во внешней политике. В обществе любого государства существует огромное количество различных корпоративных идентификаций, которые могут быть выражены в малочисленных этносах, в оппозиционных группах, в определенных социальных группах.

Однако политической элитой продвигается лишь один образ, взятый из всего спектра идентичностей. Поэтому характерной первостепенной задачей руководства является консолидация общества вокруг провозглашенного курса. Как отмечает отечественный ученый О. Павленко, «коллективная консолидация «Я» невозможна без противопоставления «Другим» [3, с. 57]. Это объясняет сам характер

формирования идентификации, заключенный в необходимости постоянного взаимодействия с другими политическими субъектами. Именно через противопоставление «Другим» в социокультурном плане, то есть через ценности, историю, политические институты, происходит формирование и определение своего «Я» в идентификации государства, которая определяет внутренний и внешний курс государства.

Если обратиться к истокам формирования поствоенной идентичности Франции, а именно к середине 1950-х гг., внутривнутриполитический климат во французском обществе перед приходом к власти Ш. де Голля был крайне неблагоприятным для дальнейшего развития государства. В обществе сформировался запрос насильного лидера, способного обеспечить стабильность и процветание государства, решить в скором времени внутренние и внешние проблемы. На международной сцене Франция переживала распад французской колониальной империи, апогеем которой были события в Алжире.

Обращаясь к корпоративным формам общества, отметим, что запрос в формировании внутреннего образа «Я» рассматривался в сопоставлении с «другими» международными акторами. Например, Четвертая французская республика (1946-1958) в середине XX в. имела такие атрибуты как постоянное членство в Совете Безопасности ООН, статус «державы-победительницы», которые предоставляли большие возможности в проведении внешней политики, однако для этого требовался сильный политический институт, который на тот момент отсутствовал. Поэтому после прихода к власти французского генерала Ш. де Голля в 1958 г., который был видным военным, он адаптировал принцип единоначалия на политические институты. Реализуя данный принцип, де Голль наделил себя особой ролью в политическом процессе страны, закрепив за собой полностью внешнюю политику и предоставив роль арбитра во внутреннем политическом процессе.

Таким образом, по мнению французского эксперта в области международных отношений Арно Дюбьена, французский генерал «написал Конституцию Пятой республики, под президента своего масштаба», что заложило в этой должности большое значение личностных качеств президента [4]. После определения внутреннего образа «Я» в виде сильного президентского института Ш. де Голль перешел к формированию коллективной идентичности на макроуровне, который рождается во взаимодействии и в сопоставлении себя с другими акторами.

Де. Голль изрядно использовал арсенал атрибутов в формировании «Я», однако, стоит отметить, что, как человек военный, французский генерал видел проявление «Я» Франции посредством силы и её форм, экономической, политической и военной. Именно сила был главным критерием в сопоставлении «себя» с «другими».

Демонстративным демаршем Президента в военной плоскости был выход из военных структур НАТО. «Экономическое чудо» республики 1960-х, олицетворявшее экономическую мощь, позволило формировать более амбициозный внешнеполитический курс, начиная от продвижения и реализации идеи европейской интеграции, отказа от доллара в торговле и заканчивая поездкой в СССР с предложением о создании Европы «от Атлантики до Урала», что демонстрировало политическую силу и независимость Парижа от Вашингтона. Все эти яркие демонстрации силы позволили получить широкую популярность в мире и закрепить в корпоративной идентичности особое положение, особый статус Франции между Западом и Востоком в биполярной системе.

Как отмечает французский международник П. Бонифас «в интересах Франции было поддерживать такую дипломатию, которая отличала её от любой другой страны и позволяла выступать за пределами своей весовой категории» [5]. Сопоставляя силы с «другими», де Голль закрепил особый образ во французском сознании, а именно её величие, выраженное в активном участии в международных организациях и в стремлении занимать первое место среди равных. Широкая внешнеполитическая автономия в совокупности с большим маневром легли в основу голлизма, который олицетворял идентификацию Франции как «величественной» страны.

Ф. Миттеран развил корпоративную идентификацию Ш. де Голля в новом направлении. Если де Голль занимал резко антиамериканскую позицию, то Ф. Миттеран занял более умеренную позицию в отношении США, что «ослабило» конфронтацию между атлантизмом и голлизмом [6].

Также это позволило развить сюжет особенного положения в международной системе. Франция в случае расхождения интересов с западными партнерами «не должна была отказываться от своего выбора, а напротив, его защищать, даже если это плохо воспринималось Вашингтоном» [5]. Руководство, занимая место моста между США и СССР, могло одновременно критиковать тех и других, и, с другой стороны, поддерживать одну из сторон. Например, Франция положительно выступила за размещение в Европе американских ракет в противовес СССР, однако Республика резко

осудила действия американцев против президента Никарагуа в 1980-х и направила в поддержку последней военные поставки.

Таким образом, голло-митеранство содержало в себе образ независимой Франции, величие которой проявлялось в её роли моста между двумя полюсами в биполярной системе, что определяло определенную нишу в международной системе. Однако со становлением однополярного мира и нового этапа глобализации Франция столкнулась с вызовом определения своей роли в новой трансформации.

Французский философ Режи Дебре в одной из работ писал, что «Красная армия выиграла Великую Отечественную войну, однако США выиграла послевоенный мир». В военном противостоянии двух держав, по мнению философа, США не вышли бы победителем, если бы не имели серьезный козырь в рукаве в форме «35 000 Макдональдс в 119 странах, включая 1 500 во Франции, идеального языка для перевода, бритв Gillette т.д.» [7]. Все это в долговременной перспективе внесло серьезные коррективы в коллективную идентификацию как французов, так и мирового сообщества.

В общественном сознании были закреплены такие установки, как ориентация на демократические ценности и идеалы, как средство сопоставления «себя» с «другим», что в середине XX в. во французской элите воспринималось в качестве посягательства на суверенитет со стороны США, проводящих экспансию «демократии», в конце века интерпретировалось как неотъемлемая часть французской идентификации со ссылкой на «свободу, равенство и братство».

На политическом уровне либеральная идентификация проявлялась в развитии противоположного голло-митеранству течения – атлантизма. Сторонники атлантизма и неоконсерваторы в качестве образа Франции видели её неотъемлемым членом «западной семьи», среди признанных демократий, в которых отражено превосходство западных ценностей. Ценностный и идеологический критерий стал новым средством сопоставления «себя» с «другими». Франция в новой системе не могла занимать прежнюю позицию в силу изменений самой конфигурации миропорядка и отсутствия значимого полиса в противовес США, поэтому идея о Франции как мосте между полюсами ушла в анналы истории.

Для Франции оказался безальтернативным вариант ассоциации «себя» с западной семьей под зонтиком США. Взращивая в XXI в. во французском обществе идеи истинной демократии Европы и США, руководство в качестве критерия сопоставления ставило разделение между демократиями и не демократиями, стремящимися к ревизии

порядка. И, принимая во внимание возможную угрозу ревизии системы, руководством при президенте Н. Саркози было принято историческое решение в духе атлантизма на реинтеграцию в НАТО под доминантой США и влияние на альянс изнутри.

Однако, как отмечает Оливье Форкад, влившись в военную структуру, где позицию лидера занимали США, Франция обрекла себя на постоянное «дисциплинирование» к военным угрозам, которые находили свое отражение в операциях НАТО [8, с. 250]. Таким образом, в совокупности с частичным отождествлением с американской идентификацией, которая распространялась посредством «мягкой силы» и сопоставлением Европы и НАТО ревизионистским режимам, Франция приобрела новую целостную картину себя в мире, где ей отводится роль «важного» союзника в западной семье, защищающего совместно с партнерами демократические идеалы. Но, как отметил П. Бонифас, идеалы, продвигаемые французскими неоконсерваторами и связанные с внешнеполитическим курсом, лишь являются «маскировкой для реализации стратегических интересов США» [5].

Анализируя последний обзор внешней политики, который был опубликован в 2022 г. при Э.Макроне, можно констатировать, что современный внешнеполитический курс находится на распутье в силу отсутствия четкой корпоративной идентификации, продвигаемой руководством.

Согласно обзору внешней политики Франции в 2022 г., Париж намерен играть роль «драйвера» в развитии стратегической автономии Европы, способного противостоять кризисам и обеспечивать безопасность [1]. Переходя от европейского суверенитета к категории европейской безопасности, Париж натывается на идейное противоречие в основе своей политики. Признается, что НАТО является «жизненно важным» элементом в обеспечении не только европейской безопасности, но и Франции, таким образом, вопрос европейского суверенитета остается открытым, и становится очевидным какого идейного течения придерживается руководство в Париже.

С другой стороны, концептуально признается, что современная Франция является «державой равновесия» и примерным союзником по НАТО [1], что сочетает в себе двойственность в определении французской идентичности, которая продвигается Елисейским дворцом.

Таким образом, Э. Макрон как центрист пытается удовлетворить в определенной степени представителей голло-митеранства и

атлантизма, однако на фоне последних событий крен в сторону «вассальной» кооперации в западной семье остается безальтернативным, анализируя действия французского президента [8, с. 262]. Если рассмотреть стратегический документ через призму анализа корпоративных установок и образов, вокруг которых руководство пытается консолидировать общественные массы, то можно сделать следующие выводы:

Во-первых, стоит принять за действительность, что установки или образы представляют прямое противоречие друг другу во внешней политике, что, с одной стороны, дает Франции тот самый внешнеполитический «маневр», который, на первый взгляд, является неочевидным, но возможным.

С другой стороны, если игра в «примерного союзника» доведет французское государство до серьезного снижения влияния Франции как игрока, то у Э.Макрона есть запасное окно в виде тезиса о «независимой и сильной Европе с особенной ролью Франции», к которому можно вернуться.

Во-вторых, фактором, вызывающим противоречие, является сама личность Э. Макрона и его центризм. Французский президент, будучи еще кандидатом, выделялся своим стремлением занять позицию центра, взяв что-то из корпоративной идентичности левых и правых. В последующем это обернулось тем, что Э. Макрон занял позицию формального арбитра и за счет популистских выступлений пытался сгладить внутренние и внешние промахи. Согласно опросу, опубликованному в журнале LeFigaro 18 января 2024 г., от 65% до 80% опрошенных французов отметили, что президент не был убедителен в своих высказываниях о реформировании страны на пресс-конференции в январе 2024 г., что может объяснять причину внутренних потрясений и внешних [9].

Также стоит подчеркнуть, что французская позиция, выраженная в сопоставлении себя как носителя либеральных ценностей и идеалов против ревизионистских автократий, обусловлена «республиканской мессой», которую Франция пытается осуществить со ссылкой на демократические идеалы. Однако, философ Режи Дебре отметил, что реинтеграция Пятой республики в западный военный блок только «ослабила французское государство».

В заключении, представляется важным упомянуть, что в условиях поляризации французского общества президенты современности в большей степени опираются на партии, представляющие определенные интересы, что делает институт президента с одной стороны «партийным» и ограниченным в

интересах определенного круга населения, однако с другой стороны проявляется латентный кризис президентского института, отраженный в том, что часть населения оппозиционная президенту, воспринимает его меры, не отвечающие их интересам, как авторитарные [10]. Все это формирует образ «президентской монархии» во французской идентичности, результат которой выражен в бесконтрольных высказываниях Э.Макрона, вызывающих резонанс в политических умах Европы.

Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что на современном этапе Э. Макрон, сглаживая противоречия между атлантизмом и голло-митеранством, объединил на свой лад две идеи во внешнем курсе, заняв временно смежную позицию, для ответа на современные вызовы с заданием на определение места Франции в посткризисный период.

Список литературы

1. Revue nationale stratégique 2022 // Официальный сайт Премьер-министра Франции – Режим доступа: <https://www.sgdsn.gouv.fr/publications/revue-nationale-strategique-2022>(дата обращения: 02.03.2024).
2. Guerre en Ukraine : "Il n'y a plus de ligne rouge", pourquoi les partis politiques s'inquiètent-ils de la posture d'Emmanuel Macron ? // Midi Libre – Режим доступа: <https://www.midilibre.fr/2024/03/07/guerre-en-ukraine-il-ny-a-plus-de-ligne-rouge-pourquoi-les-partis-politiques-sinquietent-ils-de-la-posture>(дата обращения: 07.02.2024).
3. Павленко О. В. Конструктивистский подход к исследованию международных отношений: возможности и пределы / ВЕСТНИК РГГУ. 2015. № 6 (149). С. 53-68.
4. Дюбьен А. Французские президенты после де Голля: сплошные разочарования // Валдай – международный дискуссионный клуб – Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/frantsuzskie-prezidenty-posle-de-gollya/>(дата обращения: 09.04.2024).
5. Бонифас П. Франция: наследие де Голля и Миттерана // Валдай – международный дискуссионный клуб – Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/frantsiya-nasledie-de-gollya-i-mitterana/>(дата обращения: 09.03.2024).
6. Наумова Н. Н. Голлистские традиции во внешней политике Ф.Миттерана // Круглый стол «Эволюция внешней политики Франции в годы президентства Ф. Миттерана» (тезисы

- докладов) – Режим доступа:
<http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/269/607>(дата обращения: 09.02.2024).
7. Régis Debray Civilization : a grammar; Imprint, Impress, Imperium // NewLeftReview – Режим доступа:
<https://newleftreview.org/issues/ii107/articles/regis-debray-civilization-a-grammar>(дата обращения: 02.01.2024).
 8. Forcade, O. La France et L'OTAN depuis 1989/O. Forcade. – Sorbonne Université Presses, Paris, 2023. – 287 p.
 9. Climbidhi E. Une majorité de Français pas convaincue par l'intervention d'Emmanuel Macron // Le Figaro – Режим доступа:
<https://www.lefigaro.fr/politique/une-majorite-de-francais-pas-convaincue-par-l-intervention-d-emmanuel-macron-20240118>
(дата обращения: 03.01.2024).
 10. Abolir la monarchie présidentielle // Официальный сайт Laec.fr - Режим доступа: <https://laec.fr/section/2/abolir-la-monarchie-presidentielle>(дата обращения: 06.01.2024).

ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА И ПРОБЛЕМА УЧАСТИЯ В НИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ: ГЕНЕЗИС И СТАНОВЛЕНИЕ

Пашковский П. И.

*Доктор политических наук,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
профессор кафедры политических наук и международных
отношений
E-mail: petr.pash@yandex.ru*

***Аннотация.** В статье рассмотрены особенности участия ранних форм отечественных представительных институтов в государственном внешнеполитическом механизме. На основе ретроспективного анализа охарактеризованы традиционные черты отечественных систем принятия и реализации внешнеполитических решений, которые функционировали в рамках Древнерусского государства, Московского государства и Российской империи. Выявлено пять основных моделей механизма формирования и реализации внешней политики, которые характеризовались разной степенью субъектности представительных институтов. Установлено, что общим для данных моделей внешнеполитического*

механизма (кроме последней, которая представляется особым случаем) было наличие внутри государственной бюрократии доминирующей роли «первого лица», которое, на разных исторических этапах, могло располагать полномочиями полководца и суверена, оказывая наибольшее влияние на процесс формирования государственной внешней политики. Сделан вывод о том, что субъектность представительных институтов в рамках государственного внешнеполитического механизма увеличивалась в условиях усиления внешних угроз и внутренних кризисов и, соответственно, уменьшалась на фоне общей стабилизации и укрепления центральной власти.

Ключевые слова: Россия, внешняя политика, внешнеполитический механизм, внешнеполитическая традиция, международные отношения, ранние формы отечественных представительных институтов.

FEATURES OF MODELS OF THE RUSSIAN FOREIGN POLICY MECHANISM AND THE PROBLEM OF PARTICIPATION OF REPRESENTATIVE INSTITUTIONS IN THEM: GENESIS AND FORMATION

Pashkovsky P. I.

*PhD, Doctor in Political Science,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Professor of the Department
of Political Science and International Relations*

Abstract. *The article considers the features of the participation of early forms of domestic representative institutions in the state foreign policy mechanism. On the basis of a retrospective analysis, the traditional features of domestic systems for making and implementing foreign policy decisions that functioned within the framework of the Ancient Russian State, the Moscow State and the Russian Empire have been characterized. Five main models of the mechanism for the formation and implementation of foreign policy, which were characterized by varying degrees of subjectivity of representative institutions, have been identified. It is concluded that the subjectivity of representative institutions within the framework of the state foreign policy mechanism increased in the face of increased external threats and internal crises and, accordingly, decreased against the background of general stabilization and strengthening of the central government.*

***Keywords:** Russia, foreign policy, foreign policy mechanism, foreign policy tradition, international relations, early forms of domestic representative institutions.*

Современное усиление конфронтации России и коллективного Запада обуславливает многократное увеличение вызовов и угроз национальной безопасности нашей страны, в результате чего возникает императив, связанный с проведением её эффективной внешней политики [1]. Формирование и реализация действенной внешнеполитической стратегии любого государства невозможны без комплексного анализа эволюции его внешнеполитического механизма [2], что открывает перспективы для выявления соответствующих тенденций, учёт которых – при условии выбора уместных аналогий и установления причинно-следственных связей – может способствовать повышению качества современных внешнеполитических решений [3; 4]. В связи с этим актуальность настоящего исследования объясняется необходимостью прояснения ситуации относительно поиска адекватной степени субъектности парламента Российской Федерации во внешней политике в современных обстоятельствах на основе анализа политического опыта.

Проблематика российского внешнеполитического механизма рассматривалась отечественными исследователями [5–8] зачастую в контексте изучения определённых аспектов его функционирования на разных исторических этапах, не уделяя должного внимания особенностям генезиса и эволюции. В свою очередь, труды зарубежных авторов [9–13] данной направленности характеризуются ситуативностью, когда, с одной стороны, подробно описываются типичные черты механизма формирования и реализации внешней политики, с другой, – практически не затрагиваются вопросы глубинных причин его деятельности, обусловленных спецификой внешнеполитической традиции России. При этом одной из наименее изученных проблем остаются особенности места и роли ранних форм отечественных представительных институтов в механизме формирования и реализации государственной внешней политики [14; 15; 16]. Данная публикация предназначена обзорно рассмотреть специфику участия российских представительных институтов во внешнеполитическом механизме государства в период их зарождения и становления.

Ретроспективный анализ демонстрирует наличие пяти ранних моделей отечественного механизма формирования и реализации

внешней политики, в рамках которых проявлялась разная степень субъектности представительных институтов.

1) Система принятия внешнеполитических решений в древнерусских княжествах в X–XIV вв. (высокая степень внешнеполитической субъектности вече) [15; 16; 17]. Относительно высокая степень субъектности отечественных представительных институтов во внешнеполитических механизмах древнерусских княжеств осуществлялась в обстоятельствах перманентных внешних угроз и внутривнутриполитической нестабильности. Функционирование указанных механизмов принятия и реализации внешнеполитических решений не отличалось системностью, будучи во многом детерминированным внешними и внутренними факторами, а также производными «незрелости» связей между взаимодействующими элементами в процессе принятия внешнеполитических решений.

2) Механизм формирования и реализации внешней политики Московского государства в XVI–XVII вв. (увеличение внешнеполитической субъектности Боярской думы и Земского собора) [17; 18; 19]. Можно констатировать очередное проявление того, что высокая степень субъектности представительных институтов (Боярской думы и Земского собора) в XVI–XVII вв. в отношении влияния на решения государственных дел (в частности, во внешнеполитической сфере) имела место в условиях активизации внешних угроз и внутренних кризисов. Функциональность данной модели внешнеполитического механизма определялась большей, по сравнению с предыдущей, адаптацией к политическим реалиям, что подтверждается проведением интеграционной политики, способствовавшей увеличению государственной территории.

3) Внешнеполитический механизм Российской империи в XVIII – начале XX вв. (низкая внешнеполитическая субъектность Сената, Уложенных комиссий, Государственного совета) [16; 17; 19]. В этом отношении низкая субъектность – в плане ограниченных возможностей влияния на государственную внешнюю политику – указанных представительных институтов и, одновременно, увеличение всесторонней власти монарха (и его «ближнего круга») происходили на фоне перманентной внешней угрозы и сравнительной внутренней стабилизации. Данная модель государственного внешнеполитического механизма была более функциональной, чем предшествующая, что проявилось в относительно эффективной внешней и, в большей степени, в интеграционной политике, обернувшейся значительным расширением государственной территории.

4) Механизм внешнеполитической деятельности Российской империи в 1906–1917 гг. (более высокий уровень внешнеполитической субъектности Государственной Думы) [14; 16; 17]. В этот период повышение степени субъектности представительных институтов касательно их влияния на государственную внешнюю политику осуществлялось в условиях кризиса системы международных отношений, ослабления международных позиций России, усиления внешних угроз и внутренних политических и экономических проблем. Учитывая ход и результаты реализации внешнеполитического курса империи, эффективность данной модели внешнеполитического механизма можно поставить под сомнение.

5) Условно выделяемый внешнеполитический механизм, функционировавший в период после Февральской революции 1917 г. и примерно до принятия Конституции РСФСР в 1918 г. (девиантная модель: противоречия между Петроградским Советом и Временным правительством по внешнеполитическим вопросам) [20]. Эта модель, показав, с одной стороны, отклоняющийся от традиционной нормы пример внешнеполитического механизма (отсутствие определяющего влияния ярко выраженного «верховного руководителя» и тесно связанного с ним «ближнего круга» лиц), с другой стороны, подтвердила тенденцию увеличения субъектности представительных институтов в обстоятельствах обострения внешних угроз (Первая мировая война и военная интервенция) и внутренних катаклизмов (революция и Гражданская война). Низкая функциональность данной модели стала следствием вышеуказанных факторов, а также значительных разногласий между основными элементами сложившейся системы в процессе принятия внешнеполитических решений.

В контексте понимания места и роли ранних форм отечественных представительных институтов в механизме формирования и реализации внешней политики государства видится значимым охарактеризовать типичные черты его функционирования.

Так, во-первых, все рассмотренные модели внешнеполитического механизма (кроме последней, которая представляется особым случаем) объединяло наличие внутри государственной бюрократии доминирующей роли «первого лица», опиравшегося на узкий круг людей, располагавших особыми полномочиями. Вероятно, это зародилось в условиях, когда верховный правитель был и полководцем, и сувереном, оказывавшим первостепенное влияние на вопросы войны и мира. В отдельных случаях его военная прерогатива могла делегироваться военачальникам, но и тогда дипломатические

функции и общая координация внешнеполитических решений в возможностях верховного руководителя, преимущественно, сохранялись. Во-вторых, при этом т. н. «силовые ведомства» – военное, морское и иностранных дел – традиционно подчинялись лично главе государства, который мог не занимать формальную должность руководителя исполнительной власти. В-третьих, влияние представительных институтов на процесс принятия внешнеполитических решений всякий раз возрастало в периоды усиления внешних угроз и внутренних кризисов, уменьшаясь в условиях стабилизации и укрепления властной вертикали.

Список литературы

1. Жильцов С. С. Политика России в условиях глобальной неопределенности: вызовы и возможности // Проблемы постсоветского пространства. 2023. Т. 10. № 1. С. 8–16.
2. Салмин А. М. Изнанка внешней политики // Российская политика на рубеже веков (избранные статьи). К десятилетию фонда «Российский общественно-политический центр» / Глав. ред., председ. Совета А. М. Салмин. М.: Летний сад, 2001. С. 102–210.
3. Пашковский П. И. Внешнеполитический механизм: проблемные теоретические аспекты исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2016. Т. 16. Вып. 4. С. 452–456.
4. Пашковский П. И. Особенности внешнеполитического механизма Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21. Вып. 3. С. 340–346.
5. Аверков В. Принятие внешнеполитических решений в России // Международные процессы. Май–август 2012. Т. 10. № 2 (29). URL: <http://www.intertrends.ru/old/twenty-ninth/11.htm> (дата обращения: 14.03.2023).
6. Кортунов С. В. Существует ли в России механизм координации внешнеполитических решений? URL: <http://www.wpec.ru/text/200707271137.htm> (дата обращения: 14.03.2024).
7. Косолапов Н. Становление субъекта российской внешней политики // Pro et Contra. Зима–весна 2001. Т. 6. № 1–2. С. 7–30.

8. Тренин Д. Россия и мир в XXI веке. М.: Издательство «Эксмо», 2015. 384 с.
9. Cohen A. Domestic Factors Driving Russia's Foreign Policy. URL: <http://www.heritage.org/Research/Reports/2007/11/Domestic-Factors-Driving-Russias-Foreign-Policy> (дата обращения: 14.03.2024).
10. Donaldson R. H., Noguee J. L. The Foreign Policy of Russia: Changing Systems, Enduring Interests. N. Y.: M. E. Sharpe, 2005. 419 p.
11. Kotkin S. Russia's Perpetual Geopolitics: Putin Returns to the Historical Pattern // Foreign Affairs. May/June 2016. Vol. 95. № 3. P. 2–9.
12. Legvold R. Russia's Unformed Foreign Policy // Foreign Affairs. September/October 2001. Vol. 80. № 5. P. 62–75.
13. Roberts K. Understanding Putin: The Politics of Identity and Geopolitics in Russian Foreign Policy // International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis. 2017. № 72 (1). P. 28–55.
14. Смирнов А. Ф. Государственная Дума Российской Империи, 1906–1917. Историко-правовой очерк. М.: Книга и бизнес, 1998. 624 с.
15. Чурбанов В. Народное представительство в России: тысяча лет и 72 дня. К 100-летию Первой Государственной думы // Российская Федерация сегодня. 2005. № 22. С.47–53.
16. Ерёмченко В. И. Российский парламентаризм: политологические, правовые и социально-культурные аспекты. СПб.: Издательство политехнического университета, 2013. 166 с.
17. Пашковский П. И. Внешнеполитическая деятельность Государственной Думы Российской Федерации: генезис, эволюция, перспективы. Симферополь: ИП Бровка А. А., 2023. 398 с.
18. Внешняя политика Российской Федерации / Ред. коллегия: А. В. Торкунов (отв. ред.), А. Ю. Мельвил, М. М. Наринский. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 328 с.

19. Никонов В. А. Российская матрица. М.: ООО «Русское слово-учебник», 2014. 992 с.
20. О механизме координации принятия и реализации решений в сфере внешней политики и международных отношений Российской Федерации (аналитический доклад) / Авт. колл.: В. М. Соловьёв, А. А. Коробейников, С. В. КОРТУНОВ, М. А. Краснов / Аналитическое управление Аппарата Совета Федерации, Экспертный совет Комитета Совета Федерации по международным делам. М., 2002. 60 с.

ГРАЖДАНСКАЯ ПОЗИЦИЯ В ПОСТСОВРЕМЕННОМ МИРЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Покровская Н.Н.

*Доктор социологических наук
Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), профессор кафедры
инновационного менеджмента; Санкт-Петербургский
политехнический университет Петра Великого, Высшая школа
медиакоммуникаций и связей с общественностью, профессор
E-mail: nnp@spbstu.ru*

Авакова Э.Б.

*Кандидат социологических наук
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра
Великого, Высшая школа медиакоммуникаций и связей с
общественностью, доцент
E-mail: elina_avakova@mail.ru*

Кузнецов А.А.

*Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна, кафедра рекламы и связей с
общественностью, преподаватель
E-mail: artsmith@inbox.ru*

***Аннотация.** Статья посвящена вопросам формирования гражданской ответственности и самоидентификации в современных условиях глобализации и регионализации. Авторы рассматривают факторы, на которые опирается гражданин в представлениях о своей идентичности. В статье акцентируется внимание на актуальных вопросах, связанных с содержательными и инструментальными*

аспектами формирования гражданской ответственности и социокультурными формами регулирования поведения гражданина.

Ключевые слова: гражданственность, самоидентификация, общество, постсовременность.

CIVIC CONSCIOUSNESS IN THE POSTMODERN WORLD IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION AND REGIONALIZATION

Pokrovskaja N.N.

*Saint Petersburg Electro-technical University "LETI",
Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University
E-mail: nnp@spbstu.ru*

Avakova E.B.

*Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University
E-mail: elina_avakova@mail.ru*

Kuznetsov A.A.

*Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and
Design
E-mail: artsmith@inbox.ru*

Abstract. *The article is devoted to the topic of the formation of civic consciousness and self-identification of a citizen in modern conditions of globalization and regionalization. The authors consider the factors that affect a citizen in his ideas about his identity. The authors also formulate topical issues related to the substantive and instrumental aspects of the formation of civic consciousness and socio-cultural forms of regulation of citizen behavior.*

Keywords: *civic consciousness, self-identification, society, postmodernity.*

Гражданин как участник согласованного процесса взаимодействия в условиях постсовременного глобального мира опирается в представлениях о своей идентичности на ряд инструментов, аналогичных традиционному и современному миру:

– право отстаивать свою позицию в переговорах и в обращении к социальным институтам, включая государственные органы;

– право закреплять свои отношения с другими людьми по поводу доступа к ресурсам (собственность), в частности, ограничивать

доступ для третьих лиц к использованию ресурсов, включая разнообразных дополнительных субъектов таких отношений (брак, наследование);

– право получать от силового аппарата государства защиту своих прав;

– готовность и мотивацию к защите этих прав против любых посягательств на них, в частности, с ограниченным применением насилия (право на самооборону).

Субъектом защиты гражданина, в отличие от древнегреческого полиса (πολίτης, политис – гражданин как горожанин, активный участник жизни полиса) и древнеримской империи (civil – подданный, житель защищенного и обустроенного места), выступает уже не только национальное государство, но вся глобальная система международного права, построенная на Римской традиции («CivisRomanussum!» – заявление о себе как гражданине Рима означало защиту, к которой человек мог прибегнуть) и на британском владычестве (в июне 1850 г. лорд Пальмерстон выступил в палате общин в поддержку подчинения Греции: «CivisRomanussum!... ныне каждый английский подданный должен ощущать за собой властную руку его правительства, оберегающего его от унижения»)[1, с. 125]. С середины XIX в. мир предпринял множество попыток построить применимое ко всем международное право, но пока равноправие жителей планеты не удастся обеспечить, поскольку наряду с нормами международного права необходимо обеспечивать его фактическую реализацию, для чего необходимы силовые инструменты, в частности, военные структуры, полиция и правосудие, которые выявляют опасности [2] и подавляют угрозы.

Тем не менее, государства выстраивают наднациональные объединения, интегрируя часть своих функций, прежде всего, хозяйственных. Если СССР построил полностью интегрированную экономическую и политическую систему, включая внутреннюю и внешнюю политику, то ЕС ограничился регулированием товарно-денежных потоков, обеспечением конкуренции и формированием отдельных институтов по выработке и согласованию общих политических направлений. Был разработан и внедрен паспорт Европейского гражданина (European citizen), но французы идентифицируют себя по-прежнему с французским государством, а полномочия французской полиции заканчиваются на границе сопредельного государства ЕС: согласно Шенгенскому соглашению, если осужденный преступник-француз пересек границу и уже находится на территории, например, Германии, Италии или Бельгии,

то силовые ведомства Французской республики не могут предпринимать собственных мер на территории немецкого государства и обязаны обращаться к государственным органам ФРГ, Республики Италии или Королевства Бельгии для поиска и задержания данного человека.

Таким образом, глобализация и регионализация пока находятся на стадии выработки норм, регулирующих права и обязанности граждан, и на фазе экспериментальных попыток найти способы их обеспечения.

Понятие гражданина связано, как уже отмечалось выше, с пониманием защищенности: *civis* происходит от праиталийского *okeiwis* (близкий свой, родной) [3]. Гражданин представляет собой «отвлеченного социального субъекта, проживающего в некотором «благоустроенном умеренность наблюдающем государстве» и охраняемого «одинаковыми для всех сограждан законами» [4, с. 105] – что превращает его из горожанина в правового субъекта.

Слово *civitas* означало в латинском языке городскую общину, а русское «гражданин» восходит к общеславянскому *gordjanin*, образованному от *gord* (город) и означает горожанина [5], т.е. человека, принадлежащего к постоянному населению города. Можно отметить проблему «юридического дуализма» в российском регулятивном пространстве, которая состоит в «параллельном существовании двух правовых традиций – византийская юридическая норма и русское право», которые при этом обслуживаются разными языками – церковнославянским и русским [6, с. 76]. Так, в течение XVIII в. в русском языке постепенно от обозначения общности места проживания до «абстрактного образа гражданина» [7, с. 76]. «Четкая грань между русским и церковнославянским правом обусловлена тем фактом, что церковнославянское право (за исключением нескольких разделов) было недействующим» [8, с. 217], оно имело культурный статус и служило «важным идеологическим источником» [8, с. 228], тогда как русское право обслуживало «сферу быта» и было реально функционирующим, в древней Руси «право, лежащее в сфере культуры, не действует, а действующее право лежит вне культуры» [8, с. 235].

В 1718 г. по указу Петра I переводится книга Самуила фон Пуффендорфа «О должностях человека и гражданина» [9] (издается уже при Екатерине в 1726 г.), в которой гражданин рассматривается как член общества, обладающий правом и обязанностью соблюдать согласованные обществом правила, отраженные в законе. Эти правила утверждаются началом, «которое не

толко имеет власть всякое бедствопротивляющимся сделать, но которое имеет праведные причины... дабы ум человеческий со страхом и почтением к нему пристал: со страхом для власти, а с почтением рассуждая причины, которые и без страха подвизать должны ко исполнению» [9, с. 35]. Таким образом, без легитимного силового аппарата государственного воздействия со стороны общества гражданство не может быть воплощено в действительности. Легитимность такого силового воздействия опирается на признание справедливости правил.

В условиях глобального общества сегодня широко обсуждаются и заметно расходятся те основные правила, которые человечество готово «и без страха» соблюдать по собственному «рассуждению причин». Например, традиционные ценности жизни, семьи, защиты детства, равенства всех перед законом принимаются в арабской, восточной и российской цивилизационных общностях, но отвергаются западноевропейской и североамериканской общностями, в которых постсовременная концепция множественности истин, отсутствия единого закона для всех и свободы самоопределения превалирует над необходимостью соблюдать самоограничения («circumscribere» [9, с. 35]), позволяющие сообществу развиваться для воплощения ценностно-смысловых ориентиров в общественную действительность.

Только то общество, которое социально ориентировано на выработку общенационального консенсуса, на принципы доверия и готовности к сотрудничеству и эффективного взаимодействия на общее благо, способно к поступательному развитию и благополучию [10, с. 61].

Можно сделать вывод, что гражданственность и самоидентификация гражданина сегодня может изучаться в ряде плоскостей:

– как изменяется самоопределение человека в сфере ценностей, смыслов, желаемых направлений развития – в условиях выбора цивилизационной и социокультурной принадлежности в постмодернити, с учетом возможности поменять религию, мораль, мировоззрение;

– как идентифицирует человек поведенческие границы, в которых он считает для себя допустимым противостоять обществу, включая ближайшее сообщество (вплоть до малой группы) и национальное общество, а также цивилизационную общность. Например, противопоставление себя «старому» обществу вполне оправдано в возрасте сепарации от родительской семьи и уже в совершеннолетнем возрасте для решения значимых социальных

проблем (например, гражданское участие в проектах, аналогичных «Решаем вместе»), а вооруженный мятеж воспринимается как нелегитимный, превышающий границы, необоснованный и неоправданный;

– как изменяется «привязка» к пространству, географии, этносу, населяющему определенные ландшафты, к социокультурному регулятивному набору (системе норм, ценностей и целостной картины мира, отражающей мир в сознании человека [11]) – в условиях миграционной мобильности;

– как влияет ускорение информационных потоков [12] на восприятие времени для планирования своих действий и принятия ответственности за совершаемый выбор решений и действий [13], укорачивается ли срок предвидения последствий, смещается ли восприятие от понимания позиции момента «сейчас» на целостной оси между прошлым и будущим к мозаичному бессвязному набору моментов «сейчас» и выбору движения к воображаемому (идеализированному) будущему без учета всего пройденного пути, который и привел к наличествующему моменту.

Перечисленные группы вопросов объединяют в себе содержательные и инструментальные аспекты формирования гражданина и гражданственности, социокультурные формы регулирования поведения как систему совершения выбора модели действия или бездействия и принятия ответственности за последствия принятых решений и осуществившихся рисков.

Многополярный мир предполагает гармонизацию легитимности и переход к более равносному регулятивному механизму самостоятельной идентификации индивида как участника социальных процессов.

Список литературы

1. Chamberlain M.E. Pax Britannica?: British foreign policy, 1789-1914. London; New York: Longman, 1988. 224 p.
2. Гарин А.К., Покровская Н.Н., Шангутов А.О., Шангутов О.А. Цифровые технологии государственных функций и сетевые модели коммуникации социального предпринимательства // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2022. № 1. С. 32-41. DOI 10.24412/1994-3776-2022-1-32-41.
3. Кузенков П.В. «Византийский» тип средиземноморской цивилизации: генезис, эволюция, трансформация // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: ежегод. науч. изд. / РАН. ИНИОН. Центр

- перспект. методологий социал. и гуманит. исслед. М., 2021. Вып. 11. С. 319-334.
4. Марасинова. Рабы и граждане в Российской империи XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. 255 с.
 5. Лукин П.В. Древнерусские понятия «горожанин», «гражданин», «гражданин» // Российская история. 2014. № 4. С. 140-146.
 6. Дуринова Г.В. Слово и понятие гражданин в русском языке XVIII В. (к вопросу о лингвистической основе истории понятий) // Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология. 2015. №1 (41). С. 18-38.
 7. Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX в. Челябинск: Энциклопедия, 2011. - 454 с.
 8. Живов В.М. Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М.: Яз. славян. культуры, 2002. 758 с.
 9. Пуффендорф С. «О должности человека и гражданина» / пер. Бужинского // Историко-литературная хрестоматия нового периода русской словесности. Том 1. «От Петра до Карамзина». М., Петроград: Изд. Т-ва «В.В. Думнов – Насл. Бр. Салаевых», 1916. С. 34-36.
 10. Гончаренко Л.Н. Авакова Э.Б., Кузнецов А.А. Гражданская война и современная Россия: восстановление общенационального согласия // Информация–Коммуникация–Общество. 2022. Т. 1. С. 58-62.
 11. Покровская Н.Н. Динамика критериальных моделей и ценностно-смысловых шкал в регулятивных механизмах инновационного роста экономики // Вестник ИНЖЭКОНа. Серия: Экономика. 2014. № 2(69). С. 100-108.
 12. Капица С.И., Покровская Н.Н., Гарин А.К. Игровые регулятивные механизмы в геймификации цифрового образования и передачи знаний // Технологии PR и рекламы в современном обществе. Инженеры смыслов: трансформация компетенций и мировые вызовы коммуникационной отрасли: материалы научно-практической конференции с междунар. участием, Санкт-Петербург, 25 ноября 2020. Том 2. СПб.: Политех-Пресс, 2021. С. 167-175.

13. Слободской А.Л., ТербковаТ.А., Гарин А.К. Цифровое образование и новое технологическое поколение: спрос на новый контент в обучении // Наука о данных: Материалы междунар. научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 5–7 февраля 2020. СПб.: СПбГЭУ, 2020. С. 287-289.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Ратегова Е.И.

*Санкт-Петербургский государственный экономический
университет, студент*

E-mail: Kaaatya28@yandex.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается роль и значение евразийской интеграции в условиях многополярного мира. Автор выделяет политические, экономические и культурные аспекты данного процесса, подчеркивая его важность как фактора устойчивого развития, способного объединить страны с общими цивилизационными ценностями. Обсуждается роль ключевых организаций в рамках евразийской интеграции, таких как Евразийский экономический союз. Автор также поднимает вопросы внутренних и внешних вызовов, с которыми сталкивается Евразийский союз, такие как экономические трудности и необходимость перехода к более сбалансированной модели развития. В заключение, подчеркивается важность межцивилизационного диалога и культурного взаимодействия в контексте укрепления связей между странами и устойчивого развития региона.*

***Ключевые слова:** евразийская интеграция, Евразийское экономическое сообщество, интеграционные процессы*

CIVILIZATIONAL ASPECTS OF EURASIAN INTEGRATION IN A MULTIPOLAR WORLD

Rategova E. I.

Saint Petersburg State University of Economics, student

E-mail: Kaaatya28@yandex.ru

***Abstract.** The article examines the role and importance of Eurasian integration in a multipolar world. The author highlights the political,*

economic, and cultural aspects of this process, emphasizing its importance as a factor of sustainable development that can unite countries with common civilizational values. The role of key organizations within the framework of Eurasian integration, such as the Eurasian Economic Union, is discussed. The author also raises issues of internal and external challenges faced by the Eurasian Union, such as economic difficulties and the need to move to a more balanced development model. In conclusion, the importance of inter-civilizational dialogue and cultural interaction in the context of strengthening ties between countries and sustainable development of the region is emphasized.

Keywords: *Eurasian integration, the Eurasian Economic Community, integration processes.*

В условиях современного многополярного мира, характеризующегося наличием нескольких центров власти и влияния, Евразийская интеграция становится важным фактором в мировой политике и экономике. Данный процесс включает в себя не только стратегическое сближение государств, но и взаимодействие различных цивилизационных компонентов. Основные аспекты евразийской интеграции можно разделить на политические, экономические и культурные.

В современное время наблюдается тенденция к укреплению региональных блоков и союзов, которые могут противостоять доминированию отдельных держав или групп стран. В этом контексте Евразийская интеграция может стать одним из ключевых факторов устойчивого развития, объединяя усилия стран, разделяющих общие цивилизационные ценности. Важным аспектом этого процесса является сохранение культурного многообразия при одновременном укреплении экономических, политических и социальных связей.

Евразийская интеграция – это процесс, который охватывает огромный географический регион, простирающийся от Западной Европы до Восточной Азии. В этом регионе сосредоточены многочисленные народы и культуры, каждая из которых имеет свою уникальную историю и традиции. Цивилизационные аспекты интеграции здесь подразумевают гармонизацию этих разнообразных культурных пластов, находя общие точки соприкосновения и возможности сотрудничества. Данная интеграция включает в себя создание различных политических структур и организаций, таких как Шанхайская организация сотрудничества, Евразийский экономический союз и другие. Эти организации играют ключевую роль в формировании многополярного мира, способствуя сотрудничеству

между государствами и смягчению политических напряженностей. Вместе с тем Европейская интеграция также оказывает влияние на формирование политического пространства, представляя собой дополнительный полюс в мировой политике и устанавливая стандарты сотрудничества и интеграции.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) под руководством России, Белоруссии и Казахстана стал значимой альтернативой западному влиянию. Создание союза способствовало установлению новой структуры международных отношений в регионе, поддерживая идею многополярного мира и способствуя развитию межцивилизационного диалога. Экономическая интеграция в рамках ЕАЭС подчеркивает важность общей идеологии евразийской цивилизации, основанной на цивилизационном партнерстве, общей исторической судьбе и духовно-культурном единстве народов региона.

Ориентир на цивилизационные принципы, построенные на традиционных ценностях, может стать основой для новой идеологии многополярного мира — диалога цивилизаций и формирования системы глобальной международной и культурной безопасности народов. Эта система включает несколько уровней: национальная безопасность, обеспечивающая суверенитет страны; общественная безопасность, поддерживающая цивилизационную идентичность и сохраняющая уникальность культуры и социальных институтов; и духовная безопасность, которая обеспечивает гражданам стабильную и цивилизованную жизнь, возможность свободного развития и духовной самореализации.

Внешние аспекты этой системы безопасности (экономические, социальные, военные, политические, культурные) подчиняются внутренним (духовная безопасность личности), что обеспечивает полноценное развитие общества. Духовная безопасность, которая является основой идеологии Евразийского Союза, играет ключевую роль в сохранении целостности цивилизации и идентичности личности и общества. Она опирается на традиционный для россиян духовно-нравственный базис культуры, который гарантирует ценностный контроль над основными сферами деятельности государства, а также баланс интересов между государством, личностью и обществом.

Тем не менее, Евразийский союз сталкивается со значительным внутренним и внешним напряжением. Дальнейший рост в привычной парадигме невозможен по трем причинам: истощение экологических ресурсов, ухудшение моральных основ в социальной сфере и критическая поляризация между центром и периферией глобального мира. Это подчеркивает необходимость перехода к новой модели,

более сбалансированной и ориентированной на духовные ценности. В отличие от неолиберального атлантического подхода, евразийская цивилизация не ставит экономику в центр, а рассматривает ее как средство достижения более глубоких целей.

Исходя из вышеперечисленного необходимо отметить, что участие в ЕАЭС предоставляет странам определенные преимущества, эти выгоды распределяются неравномерно. Республика Беларусь получает наибольшую выгоду от союза, имея 46,4% своего торгового оборота с членами ЕАЭС, за ней следует Казахстан с 18,8%. Армения использует членство в ЕАЭС для защиты своих национальных интересов, а Киргизия видит в союзе возможности для стабилизации своей экономики. Миграция рабочей силы также является важным фактором для экономики стран, например, Армения и Киргизия получают существенный доход от денежных переводов из России. Однако, большая часть расходов по поддержанию ЕАЭС лежит на России, которая использует союз для укрепления своего геополитического влияния в контексте многополярного мира. Это позволяет России быть представителем ЕАЭС на международных переговорах, таких как с ЕС и Китаем. Несмотря на это, Россия сталкивается с экономическими трудностями, которые отражаются на других членах ЕАЭС. Санкции, введенные в связи с украинским кризисом, привели к ограничению торговли и нарушениям в цепочках поставок внутри союза. С другой стороны, санкции также заставляют производителей адаптироваться, что иногда приводит к переносу предприятий из России в другие страны ЕАЭС, что положительно сказывается на их экономике. Хотя ЕАЭС сталкивается с рядом проблем, он продолжает показывать устойчивые тенденции к развитию, что привлекает интерес других стран. Республика Молдова, например, получила статус наблюдателя в 2018 году, а Узбекистан в 2020 году.

Лидеры Евразийского Союза с надеждой смотрят на перспективы развития цивилизации через евразийскую интеграцию и отмечают, что создание Евразийского Союза и эффективная интеграция — это тот путь, который позволит странам-участницам занять достойное место в мире XXI века.

Очевидно, что сохранение и укрепление единого цивилизационного пространства, охватывающего культуры народов Евразии, представляет ценность для простых людей в любом уголке Евразийского экономического союза. Таким образом, единое цивилизационное пространство ЕАЭС становится ключевым фактором успешной интеграции всех стран региона и играет важную роль в

обеспечении международной стабильности. Идеология Евразийского Союза, основанная на общих ментальных ценностях народов Евразии, может усилить национальную безопасность стран ЕАЭС, повысить их цивилизационную репутацию и стать конкурентоспособной перед транснациональной идеологией западного мира в условиях глобальных вызовов.

Стоит отметить, что в условиях многополярного мира растет роль межцивилизационного диалога как средства укрепления взаимопонимания и стабильности. Евразийская интеграция может способствовать развитию этого диалога, объединяя страны с различными культурными, религиозными и философскими традициями. Например, на площадках интеграционных объединений могут проводиться культурные форумы, религиозные конференции и академические встречи, которые помогают укреплять цивилизационные связи и создавать пространство для межкультурного понимания.

Кроме того, цивилизационный аспект евразийской интеграции включает взаимодействие в области искусства, литературы, музыки и других культурных форм. Общие культурные проекты и мероприятия могут способствовать укреплению связей между странами и регионами. Например, совместные выставки или кинофестивали могут способствовать тому, чтобы люди разных культур лучше понимали друг друга, что важно в условиях многополярного мира, где культурные различия могут приводить к конфликтам или недопониманию.

Таким образом, цивилизационные аспекты евразийской интеграции в условиях многополярного мира охватывают широкий спектр тем, включая языковые связи, межцивилизационный диалог, культурное взаимодействие и экологическую устойчивость. Эти аспекты играют решающую роль в формировании устойчивых интеграционных процессов, которые учитывают культурное многообразие и способствуют укреплению связей между странами и народами региона.

В заключении хочется обратить внимание на то, что геополитическая цивилизационная стратегия России будет более успешной, когда она будет опираться не на неолиберальный диалог с Западом, а на более высокие духовно-нравственные принципы, заложенные в общей истории стран Евразии. Только сильная общенациональная идеология, основанная на духовно-нравственных ориентирах, будет способствовать выполнению исторического

предназначения евразийской цивилизации, обеспечивая историческую миссию, и укреплять единство России и всех стран Евразии

Список литературы

1. Вардомский Л. Б., Пылин А. Г., Шурубович А. В. К вопросу о модернизации экономики стран СНГ / Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин, Ф.В. Шурубович // Вестник Института экономики РАН. 2017. № 1. С. 22–40.
2. Джанталеева М. Ш. Перспективы расширения и развития ЕАЭС / М.Ш. Джанталеева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 1 (70). С. 91–97.
3. Жильцов С. С. Развитие ЕАЭС на современном этапе: итоги и новые вызовы / С.С. Жильцов // Геоэкономика энергетики. 2021. № 4. С. 95–105.
4. Зиядуллаев Н. Евразийский экономический союз в контексте российской интеграционной стратегии / Н. Зиядуллаев // Общество и экономика. 2016. № 8. С. 6–16.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.– 603 с.
6. Avedissian K. Fact Sheet: What is the Eurasian Economic Union? / K. Avedissian // EVN. – 19.11.2019. URL: <https://evnreport.com/understanding-the-region/fact-sheet-what-is-the-eurasian-economic-union/> (дата обращения: 30.04.2024).

ОЖИДАНИЯ И ОЦЕНКИ СПРАВЕДЛИВОГО СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКИМИ ГРАЖДАНАМИ

Римский В.Л.

*Московский психолого-социальный университет,
старший преподаватель
E-mail: vlrin@yandex.ru*

***Исследовательский проект № 123091200057-8 «Запрос
российских граждан на справедливое социальное государство»
реализован в ИНИОН РАН по итогам отбора научных проектов,
поддержанных Минобрнауки России и АНО ЭИСИ.***

Аннотация. Представлены некоторые результаты исследования того, как российские граждане понимают справедливое

социальное государство, их оценки соответствия ожиданий от такого государства его реальным действиям. Показано, что для российских граждан должным государством является только социальное и правовое одновременно. По оценкам граждан российское государство все свои социальные функции выполняет, но выполняет недостаточно. Причинами таких оценок являются низкие уровни социальных выплат, высокие уровни бедности, социальных неравенств и несправедливости в обществе, с которыми государство должно справиться по мнениям граждан, но справляется не очень успешно. По оценкам граждан есть существенные различия в критериях справедливости, которые государство должно применять в различных ситуациях и которые оно реально применяет. Помимо этого, разные социальные группы руководствуются разными критериями справедливости. Такие различия в критериях справедливости определяют существенные сложности в практическом обеспечении её государством, а потому и в реализации на практике справедливого социального государства.

Ключевые слова: *социальное государство, качества социального государства, справедливость, критерии справедливости, правовое государство.*

EXPECTATIONS AND ASSESSMENTS OF A FAIR SOCIAL STATE BY RUSSIAN CITIZENS

Rimskiy V.L.

*Moscow Psychological and Social Sciences University,
Senior Lecturer*

E-mail: vlrim@yandex.ru

Abstract. *Some research results of how Russian citizens understand a fair social state and their assessments of the compliance of expectations from such a state with its real actions are presented. It is shown that for Russian citizens, the proper state is only social and legal at the same time. According to citizens, the Russian state performs all its social functions, but it does not perform them enough. The reasons for such assessments are low levels of social benefits, high levels of poverty, social inequalities and injustice in society, which the state must cope with according to the opinions of citizens, but does not cope very successfully. According to citizens' estimates, there are significant differences in the criteria of justice that the state should apply in different situations and which it actually applies. In addition, different social groups are guided by different criteria*

of justice. Such differences in the criteria of justice determine significant difficulties in the practical enforcement of it by the state, and therefore in the implementation of a fair social state in practice.

Keywords: *the social state, the qualities of the social state, justice, criteria of justice, the rule of law.*

Целью исследования было выявление и описание значимых компонент запроса российских граждан на справедливое социальное государство, включая их представления о должном государстве такого типа и оценки того, как российское государство обеспечивает справедливость и свои социальные функции. Методами сбора данных исследования были настольный анализ предшествующих исследований, фокус-группы по трём типам возрастов: 18-23 года (молодёжь), 35-50 лет (средние возраста) и начиная от 65 лет (старшие возраста), а также анкетный опрос граждан от 18 лет и старше. Анализ собранных данных проводился с помощью типологизаций суждений участников фокус-групп и ответов респондентов на вопросы анкеты с последующей концептуализацией полученных типологий. Анализ анкетных данных включал также вычисление статистик и оценивание статистической значимости выявленных типов ответов на вопросы.

По нормам Конституции РФ государство в России является одновременно правовым (ст. 1, 2, п. 2 ст. 6, ст. 15, глава 2 и многие другие) и социальным (ст. 7, 37-44, 72, 75.1 и некоторые другие) [1]. Ассоциации граждан с идеальным государством на фокус-группах включали, в первую очередь, качества правового государства: равенство граждан перед законом, обеспечение прав и свобод граждан, их безопасности и низкого уровня преступности, отсутствие коррупции, прямые указания на то, что государство должно быть правовым, а также некоторые другие. В ассоциациях граждан с идеальным государством были и некоторые качества социального государства: обеспечение социальной стабильности, благополучия жизни граждан, поддержка их развития и некоторые другие. Но само понятие «социальное государство» никто из участников фокус-групп не произнёс, а когда это понятие вносилось модератором на обсуждение, у молодёжи были просьбы его объяснить в силу непонимания. Безусловно, никаких пояснений этого понятия на фокус-группах не давалось, их участники самостоятельно в дискуссиях описали свои представления о социальном государстве. Представители средних возрастов наиболее определённо сформулировали признанные важными всеми возрастными задачи социального государства: оно необходимо для выравнивания уровней благосостояния граждан,

недопущения существенных различий в доходах, чтобы не было ни нищих, ни слишком богатых.

Дискуссии на всех фокус-группах приходили к тому, что социальное государство очень важно и необходимо для российских граждан для поддержки благополучной жизни и самореализации (последнее чаще указывалось молодёжью). Также по мнениям граждан социальное государство должно поддерживать их в сложных жизненных ситуациях, снижать уровень бедности, не допускать существенных различий в уровнях благосостояния граждан. Более того, граждане представляют себе российское государство только социальным и правовым, что подтвердил анкетный опрос. В ответах на вопрос о том, какими качествами должно обладать социальное государство, респонденты примерно одинаково часто выбирали качества, относящиеся и к правовому, и к социальному государству. Наиболее частыми выборами качеств должного социального государства были: пенсионное обеспечение для всех по возрасту (85%), обеспечение достойных условий жизни и благополучия всех граждан (84%), равные возможности доступа к квалифицированной медицинской помощи (84%) и материальная поддержка нуждающихся (78%). А наиболее частыми выборами качеств должного правового государства были: обеспечение безопасности жизни граждан (82%), обеспечение равенства всех граждан перед законом (81%), обеспечение прав и свобод граждан в соответствии с Конституцией РФ (78%) и равного доступа всех граждан к правосудию (73%).

Дискуссии на фокус-группах в очередной раз подтвердили высокую ценность справедливости для граждан и того, что её обеспечения в обществе они ожидают от государства [2, с. 169]. С нормативных позиций обеспечение справедливости в обществе относится к функциям социального государства, но для российских граждан такое отнесение непринципиально. По мнениям граждан российское государство обязательно должно обеспечивать справедливость, они просто не представляют себе иного государства в нашей стране. Но по данным и фокус-групп, и анкетного опроса государство неудовлетворительно обеспечивает справедливость. На вопрос анкеты о том, насколько справедливо устроено современное российское общество, только 3% респондентов ответили, что вполне справедливо, примерно по трети респондентов – что в основном справедливо (33%) и в основном несправедливо (33%), а ещё 16% респондентов – что совершенно несправедливо. Остальные 14% респондентов затруднились ответить на этот вопрос, сомневаясь в справедливости российского общества, иначе они выбрали бы иные

категории для своих ответов. Изучался и собственный опыт респондентов столкновения с несправедливостью. И лишь 2% из них указали, что никогда с несправедливостью не сталкивались в течение жизни, несколько больше – 11% – что сталкивались редко. Для остальных 77% респондентов столкновения с несправедливостью были либо постоянно, либо часто, либо время от времени.

Эти данные свидетельствуют об отсутствии согласия в российском обществе и наличия многих сомневающихся в том, справедливо ли оно устроено, и насколько много несправедливости в нём существует. Важной причиной таких различий и сомнений являются установленные в предшествующих исследованиях различия в понимании справедливости и критериев её осуществления в конкретных жизненных ситуациях. Эти различия определяются комплексом факторов: различиями семейного и другого воспитания, особенностями социализации, усвоения норм и правил культуры, накопления опыта социальных взаимодействий у разных индивидов и у разных социальных групп общества [2, с. 164]. Такие особенности справедливости создают существенные проблемы согласований пониманий справедливости и критериев её обеспечения государством с разными социальными группами.

Острота этой проблемы для граждан не всегда ими осознаётся, но была выявлена в проведённом исследовании. И на фокус-группах, и в анкетном опросе респондентам предлагалось оценить, какие критерии справедливости должно и какие реально использует государство в 5 модельных ситуациях. Эти ситуации были отобраны по их значимости для граждан по результатам предшествующих исследований: выплаты пенсий по возрасту, медицинская помощь, поддержка семей с детьми, доступ к образованию и обеспечение жильём. Всего для оценивания предлагалось по 8 критериев справедливости в каждой модельной ситуации, чтобы и по числу этих ситуаций, и по числу критериев справедливости в них можно было ожидать содержательных ответов респондентов без массовых отказов из-за нежелания тратить своё время, усталости, отсутствия интереса к исследованию и т.п. Для получения возможности сравнительного анализа оценок респондентов критерии справедливости формулировались максимально возможно сходным образом для всех модельных ситуаций. Это были критерии заслуг перед государством и обществом, заслуг в труде, ориентации на социальный статус гражданина, на его богатство, а с другой стороны – на солидарность поколений в перераспределении денег. Предлагались также для оценивания справедливости критерии содействия развитию

рыночных отношений в социальной сфере, учёта ограничений бюджетов регионов и размеров выплат в социальные фонды.

По каждой модельной ситуации и на фокус-группах, и в анкетном опросе получились существенные различия того, применения каких критериев граждане ожидают от государства, и того, какие государство реально применяет. Совпадения критериев были единичными. Например, практически не было сомнений в справедливости солидарности граждан в оплате медицинской помощи, когда с использованием обязательного медицинского страхования государство оплачивает лечение больных за счёт выплат от всех граждан. Но по их мнениям и этот критерий государство применяет не вполне адекватно. Так на фокус-группах отмечались низкие выплаты из фонда обязательного медицинского страхования, не позволяющие многим больным получать необходимое им лечение с достаточно высоким качеством. Различия должного и реального в применениях других критериев справедливости для граждан намного существеннее. Таковы их оценки критериев заслуг перед государством, ориентации на социальный статус, на богатство гражданина, развития рыночных отношений в образовании и медицине и некоторых других. В частности, граждане не возражают против получения платных медицинских и образовательных услуг богатыми гражданами и их детьми. Но граждане возражают против повсеместного распространения рыночных принципов и платных услуг на всю систему образования и медицинского обслуживания, поскольку считают это нарушением своих конституционных прав в этих областях.

Различия в должных и реализуемых государством критериях справедливости можно считать скрытыми причинами негативных оценок граждан действий российского государства. Соответствующий дискурс не используется гражданами, недовольство этими различиями удалось выявить только в проведённом исследовании. Другой такой скрытой причиной являются вводимые социальным государством определённые ограничения прав и свобод одних граждан в интересах других. Это происходит при перераспределении государством налогов, установлении приоритетов доступа к высшему образованию, ограничении предпринимательской и коммерческой деятельности [3, с. 224]. Большинство российских граждан с такими ограничениями пока согласны, но во многом в силу слабой их рефлексии, уверенности в том, что такие ограничения их не затронут. Явными причинами недовольства граждан социальным государством являются открыто выражаемые ими недовольство низким уровнем пенсий, пособий и

других социальных выплат, что отметили 57% респондентов анкетного опроса, а также бюрократизмом и коррупцией чиновников (53%), которые безразличны к нуждам граждан. Граждане считают, что в первую очередь, уровень несправедливости высок по причинам неравенства благосостояния в обществе (51%) и высокого уровня бедности (46%). Это необходимо учитывать в развитии российского социального государства.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации – принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 23.04.2024).
2. Римский В.Л. Справедливость от государства: ожидания и реальность // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 2. С. 156–175. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.6>
3. Лексин В.Н. «Социальное государство»: фантом и реальность // Россия: путь к социальному государству / Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 6 июня 2008 г.). – М.: Научный эксперт, 2008. – 1008 с.

ВРЕМЯ СЛАВЯНОФИЛЬСТВУЕТ: ОЦЕНКИ И ПРОГНОЗЫ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ И СОСУЩЕСТВОВАНИЯ РОССИИ И ЗАПАДА (В.Ф. ЭРН, А.С. ПАНАРИН)

Рожковский В.Б.

Доктор философских наук

Ростовский юридический институт МВД России

профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

E-mail: v-rozkovskiy@mail.ru

***Аннотация.** Сравнительный анализ оценок и прогнозов В.Ф. Эрн и А.С. Панарина в отношении культурно-цивилизационного развития и сосуществования России и Запада показывает, что хотя они и были даны в контексте различных исторических вызовов, но при*

этом работают на общую славянофильскую доктрину. С ними связано, во-первых, обоснование совершающегося в XIX– начале XXI века духовного разоблачения тупиков культурно-цивилизационного развития Западного мира и бесперспективности опыта подражания ему, а также неизбежного грядущего пересмотра основ его духовно-культурного бытия, во вторых, обоснования актуального потенциала универсальных христианских духовных ценностей (социальной справедливости, милосердия, жертвенности и др.), благодаря чему возможна альтернативная европейскому Просвещению российская модель культурно-цивилизационного развития.

Ключевые слова: время славянофильствует, В.Ф. Эрн, А.С. Панарин, культурно-цивилизационное развитие России и Запада, обновленная Антанта.

SLAVOPHILE TIME: ASSESSMENTS AND FORECASTS OF CULTURAL AND CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT AND COEXISTENCE OF RUSSIA AND THE WEST (V.F. ERN, A.S. PANARIN)

Rozhkovsky V.B.

Doctor of Philosophy

*Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic
Disciplines,*

E-mail: v-rozkovski@mail.ru

Abstract. *A comparative analysis of the assessments and forecasts of V.F. Ern and A.S. Panarin regarding the cultural and civilizational development and coexistence of Russia and the West shows that although they were given in the context of various historical challenges, they work for a common Slavophile doctrine. They are connected, firstly, with the justification of the spiritual exposure of the dead ends of the cultural and civilizational development of the Western world in the XIX – early XXI century and the futility of the experience of imitating it, as well as the inevitable future revision of the foundations of its spiritual and cultural existence, and secondly, the justification of the actual potential of universal Christian spiritual values (social justice, mercy, sacrifice and others), which makes possible the Russian model of cultural and civilizational development, which is an alternative to the European Enlightenment.*

Keywords: *time Slavophiles, V.F. Ern, A.S. Panarin, cultural and civilizational development of Russia and the West, the renewed Entente.*

В 1915 году в ряде публичных лекций во время начавшейся Первой мировой войны русский мыслитель В.Ф. Эрн выдвинул концепт «время славянофильствует». В этом концепте была в емкой форме дана характеристика современного ему социально-политического времени. С самого начала он подчеркнул, что речь идет о том, что именно само время, исторические события приобретают такой смысл, который угадывали в развитии судеб России и Запада «славянофилы» еще в XIX веке. «Мы вступаем, – говорил с пафосом В.Ф. Эрн, – в славянофильский эон нашей истории» [1, с. 371], и это происходит тогда, когда в потоке всемирных событий становится явным смысл духовных «разоблачений и откровений, принесенных ураганом войны» [1, с. 372].

В 90-х-начале 2000-х годов другой выдающийся мыслитель уже нашего времени А.С. Панарин, по сути, поддержал тезис В.Ф. Эрна, говоря в своих работах об актуальности идей славянофилов И.В. Киреевского, А.С. Хомякова для современного прочтения культурно-цивилизационного развития России, а так же и всего мира. Сформулированный А.С. Панариным на основе идей славянофилов «материнский архетип», объединяющий в русской народном характере духовно-нравственные качества жертвенности, сострадательности и соборности, предстает характеристикой одного из основных специфицирующих свойств русской православной культуры и духовной судьбы России. И в этом своем качестве данный архетип выражает одно из важнейших «оснований ее идентичности как самобытного государства-цивилизации» [2, с. 257].

Однако концепт «время славянофильствует» по своему содержанию включает не только идею работы в исторических событиях разного времени «материнского архетипа», проявляющегося в активизации религиозных духовно-нравственных качеств русского народа, а также активизации российской политики антиколониализма. Его содержание более объемно и включает в себя целый ряд культурно-цивилизационных, духовно-ценностных, социально-политических и иного рода коннотаций и параллелей, и в особенности, в отношении противостояния России и Запада в последние годы, приобретшего характер военно-политического и культурно-цивилизационного.

В концепте В.Ф. Эрна, как и в интенциях мысли славянофилов XIX столетия, имеются две сопряженные смысловые стороны. Во-первых, в ней отражена проблема «внутреннего самосознания и интимного самочувствия» России [1, с. 384] как хранительницы православной традиции. В.Ф. Эрн говорит о современном ему

обращении к христианским ценностям, о возрождении религиозной энергии народа, проявившейся в напряжении его духовной жизни в ходе Первой мировой войны. Россия, – говорил В.Ф. Эрн, – «идет по пути подвига, очищения, жертвы», который при этом для стороннего взгляда «одевается молчанием» [1, с. 384], поскольку не до конца может быть рационально выражен и объяснен. В нем, добавим мы, сохраняется невысчитываемый онтологический избыток духовного опыта, который веками черпал силу в христианстве. Современная прикровенность, своего рода апофатизмдуховного подвига бойцов СВО, священников, волонтеров, учителей и др. очень красноречивы, хотя и не поняты представителями либеральной отечественной и зарубежной псеудо-элиты. «Время славянофильствует» у В.Ф. Эрна в том смысле, что Россия берет на себя историческую миссию, «вселенское дело» возврата к Богу, миссию защитника социальной справедливости и христианских ценностей. Подчеркнем, по В.Ф. Эрну, эта миссия состоит в возрождении и сохранении не каких-то обособленных национальных ценностей, а универсального христианско-гуманистического наследия человечества. А.С. Панарин так же выражал надежду на осуществление данной миссии, которая для него состояла в осознании современной Россией себя хранителем великой духовной Традиции, православной цивилизацией [3]. Именно такое осознание должно стать фундаментальным ответом на вызов бездуховного, так называемого постиндустриального, мира, наряду с теми возможными ответами, которые кроются в других духовных традициях Востока.

Во-вторых, в концепте В.Ф. Эрна заложена оценка современному ему развитию Европы. По В.Ф. Эрну, в событиях Первой мировой войны произошло разделение (распадение) Европы на два враждующих блока: страны Антанты (Великобритания, Франция, Россия) и Германию и ее союзников. Важно, что В.Ф. Эрн фиксирует разделение Европы как прежде всего духовно-ценностное самоопределение народов и сил, действующих «от имени» европейской цивилизации. Для В.Ф. Эрна, с одной стороны, «богоубийственные энергии Запада стали сгущаться в Германии» («Германия – не Европа!») [1, с. 376]. С другой стороны, Европе (в лице, прежде всего, Франции, Великобритании) «в дружном сотрудничестве с Россией придется пересмотреть, в свете пережитого «онтологического» опыта войны, все основы своего духовного бытия и найти новые пути дальнейшего культурного и духовного развития» [1, с.383]. Так, по его наблюдениям, в прежде считающейся атеистической, «вавилонской» Франции в начале XX столетия

случилось религиозное (христианское) возрождение. Тем самым установилось духовное единство с Россией, олицетворяющей собой сохраненные энергии христианской веры. В то время как Германия со своими милитаристскими притязаниями явилась выражением нищезанской «воли к власти», отрицающей содержание христианской морали и традиции, «пафос человекобожеского сознания» и «отрыва от Сущего» [1, с.390]. В.Ф. Эрн в своей работе «От Канта к Круппу» убедительно, на наш взгляд, показал духовно-интеллектуальное развитие «богоубийственных энергий» Запада, начиная с отказа от христианского онтологизма (трансцендентизма) в пользу мировоззренческого «имманентизма», и далее переход к нигилистическому произволу. Последний же дает жизненный простор европейскому прогрессу в культуре без христианских ценностей и форсированному стремлению к военно-политической гегемонии и насилью над другими народами. В лице Германии этого времени произошло ее духовное разоблачение как (будто бы) внесшей наибольший вклад в европейскую культуру.

Такое прочтение «разделения Европы» В.Ф. Эрн отвечало антиномистичной славянофильской оценке Запада как одновременно «гниющей» цивилизации (вследствие развития в ней антихристианских сил, бездуховного рационализма и материализма) и пространстве «святых чудес» (определяемом в культурной традиции христианскими ценностями). При этом В.Ф. Эрн надеялся, что опыт Первой мировой войны поставит духовные силы Востока и Запада в новые творческие отношения.

Современное новое разделение Европы происходит по критерию отношения к христианской традиции и ее универсальным гуманистическим ценностям, а также по отношению к России как государству-цивилизации, олицетворяющей в своей консервативной политике приоритеты христианских ценностей. По сути, исторический вызов европейской цивилизации совершается в отношении отстаивания или отрицания христианских ценностей и всего духовно-культурного наследия с ними связанного. Мы видим, что проект европейского Просвещения в наш «век постмодерна» оказался под большим вопросом, поскольку весь процесс цивилизационного развития, основанный на вере в разум и самодостаточность индивида, привел не только к забвению полноты духовного опыта и «верующего мышления» (И.В. Киреевский) и отрицанию христианской доминанты в культуре и духовности. Но и к попыткам радикально переформатировать человеческую природу, ее традиционные параметры, изменить мировоззрение. Но освобождение от всех

«авторитетов» (веры, традиции, разума...) привело не к новым ориентирам развития человечества и дальнейшему прогрессу в различных сферах жизни, а к новым видам нравственной деградации и проявлениям человеческой деструктивности и духовного рабства. При этом на смену политическим спекуляциям о демократии и свободе пришли процессы ущемления прав сообщества, придерживающегося традиционных христианских ценностей, в маргинальную сферу. Данные процессы нашли свое массовое отражение в социально-политических практиках современных западных государств.

Примечательные, на наш взгляд, параллели можно провести между политическими процессами в Европе начала XX века (о которых говорил В.Ф. Эрн) и нашим временем. Фактически, можно наблюдать новое разделение Европы на различные политические блоки в контексте противостояния России. 8 апреля 2024 года в газете TheDailyTelegraph была опубликована статья глав МИД Франции и Великобритании Стефана Сежурне и Дэвида Кэмерона, явившаяся знаковым политическим манифестом, да еще и представленным ее издателями как «шедевр государственной мысли». Данная статья была приурочена к 120-летию со времени образования Антанты, поскольку именно Франция и Великобритания в 1904 году стояли у истоков «Ententecordiale» (фр.) – политического союза «сердечного согласия», сложившегося, как подчеркивается в статье, в «смутное время» для решения угрозы европейской безопасности, которую тогда олицетворяла Германия. Важно, что авторы статьи при этом намеренно «опускают» тот факт, что к 1907 году Антанта составляла уже союз трех великих держав – помимо Франции и Великобритании в него до Октябрьской революции 1917 года входила Россия (кроме того, в Антанту входило еще около 30 государств). Между тем, в этот период в деятельности Антанты В.Ф. Эрн находил воплощение духовного единства России с настоящей Европой против «богоубийственных энергий Запада», воплощенных в милитаристской политике Германии. Ведущая же идея современных западных дипломатов в том, что теперь, в подобное Первой мировой войне «смутное время», назрела необходимость формирования сплоченной европейской «обновленной Антанты», лидерами которой должны стать именно Франция и Великобритания, и которая должна быть направлена на всемерную военную поддержку Украины в войне с Россией. «Если Украина проиграет, мы все проиграем», «мир будет судить нас, если мы потерпим неудачу [4] – данные суждения статьи звучат как заклинание и догма, в которой отрицается альтернатива политическому и военному противостоянию России и делается

абсолютная ставка на поражение России. При этом идеей нового военно-политического блока (обновленной Антанты) в Европе с лидерством Франции и Великобритании, но без упоминания наиболее «передовой» страны Евросоюза Германии, вносится еще одно разделение в Европе. Не все страны Европы целиком и безоговорочно поддерживают мнение стран-лидеров об активном участии в военном противостоянии на стороне Украины.

Страны Европы разделились. Произошло не просто разделение в характере и степени радикальности политических дискурсов по поводу экзистенциальных угроз современному миропорядку. Случилось разделение, основанное на некотором расхождении в ценностном и культурно-цивилизационном несходстве разных миров. И важнейшее разделение проходит по этому поводу в пространстве славянского мира. Поэтому концепт «время славянофильствует» обращен в особенной степени к славянским народам. На чьей стороне они окажутся – Белоруссия, Сербия, а также и другие? В.Ф. Эрн в свое время говорил о «подвиге маленькой Сербии», ставшей настоящим «камнем преткновения» в противостоянии европейских держав. Существенно важно, какой духовный выбор совершает сербский народ и в наше время. Ключевое же испытание дается сейчас для народа, живущего на Украине. Данное испытание свершается там, где является отношение людей к православным нравственным ценностям, к общей истории, вере, языку, духовному достоинству людей. Прозападные политические элиты в силу своей несамостоятельности не являются субъектом данного экзистенциального испытания. Сами украинцы должны прийти к духовному очищению и преодолеть, с одной стороны, дурман национализма, с другой – обольщение либеральными европейскими ценностями.

В конечном счете, речь можно вести не о разделении народов, а о разделении транснациональных элит и народных масс в различных государствах. Между интересами глобальных элит и национальными интересами народов консервативной Европы (и других христианских стран), нарастает противоречие и разрыв. Западная элита, как мы видим на примере вышеупомянутой статьи, намеренно вводит в исторические заблуждения свои народы ради достижения эгоистических интересов и реализации ультраимпериалистических планов. В этом отношении следует подчеркнуть, что Россия противостоит не народам Запада, и не европейской культуре – в той мере, в какой они сохраняют связь с христианскими духовными ценностями и с общими историческими свершениями. По мысли В.Ф. Эрна, «во имя Запада онтологического мы должны пребывать в

непрерывной, священной борьбе с Западом феноменологическим», с Западом современных «исторических манифестаций» [1, с. 390].

В этом плане показательным является недавнее суждение канцлера Германии Олафа Шольца, в связи с отмечаемым и в Европе, и в России событием 300-летия со дня рождения Иммануила Канта, о том, что российские власти стремятся «любой ценой присвоить Канта и его работы» и что Президент Российской Федерации не имеет (морального) права цитировать И. Канта [5]. О. Шольц имел в виду выступление 22 апреля 2024 года В.В. Путина на Международном Кантовском конгрессе и приведенную им ранее «актуальную» цитату из трудов немецкого мыслителя с призывом «иметь мужество пользоваться своим умом» (по-видимому, обращенную В.В. Путиным, в том числе, к национальным элитам европейских государств). На самом деле именно русские мыслители сумели в прошлом и позапрошлом столетии показать в философии И. Канта все лучшее, что дал миру проект Просвещения, так же, как и явственно обозначить те тупики духовно-культурного развития, которые заложены в западноевропейском рационализме и которые, как показал В.Ф. Эрн, как бы предоставляют возможность для неадекватных исторических манифестаций. Не российская позиция по Украине противоречит представлениям И. Канта о мире, как утверждает О. Шольц, а военная поддержка немецкими властями современного неонацистского режима украинской власти, несовместимого с нравственными ценностями и долженствованием, о которых говорил в свое время И. Кант.

Россия противостоит в качестве государства-цивилизации коллективному Западу в лице его элит, предавших традиционные христианские ценности, и национальные интересы собственных стран во имя удержания гегемонии и эксплуатации других народов. А.С. Панарин в свое время, размышляя в русле славянофильской доктрины, говорил о назревшем повороте истории к духовному возрождению на основе Православия как фундаментальной христианской Традиции. Россия тем самым должна спасти самое себя и христианский Запад (консервативная часть населения которого во многом остается на стороне России), вывести его из тупика самоотрицания собственных духовных истоков, помочь преодолеть всеразрушающий нигилизм и материализм. Но чтобы Европа стала в полной мере на стороне России и Русского мира ей, как и России, необходимо еще пройти через современные процессы духовного пересмотра и очищения. Процессы очищения добра от выявившегося зла... реализуют религиозный смысл истории, состоящий именно в разделении добра и зла в их созревших формах» [6, с. 223-224].

Описанный экзистенциальный вызов, или религиозный смысл истории, есть только онтологическая возможность. Нет никакой гарантии, что изживание зла преобразуется в положительный опыт духовного возрождения в массовом виде. Однако можно заметить, что за последние годы, с началом специальной военной операции, общество в России, проходя духовное очищение «на линии фронта», постепенно становится другим, более чувствительным к своим духовным ценностям, к необходимости понимания неложных ориентиров своего исторического пути. Россия осознает и обнаруживает в себе силу на достойный ответ угрозе ее духовной (ценностной) идентичности и угрозе другим славянским православным народам. Российская модель культурно-цивилизационного развития состоит, как полагали выдающиеся мыслители славянофильского направления (в особенности, В.Ф. Эрн и А.С. Панарин), в реализации потенциала духовного опыта Православия с его универсальными ценностями, что особенно актуально в настоящее время в контексте вызревших на Западе социально-политических противоречий и глубочайшего духовного кризиса.

Список литературы

1. Эрн В.Ф. Время славянофильствует // Эрн В.Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. – 576 с.
2. Рожковский В. Б. «Материнский архетип» русской православной культуры в контексте современного глобального противостояния России и Запада // Сборник научных трудов XLII Международного Харакского форума «Политическое пространство и социальное время: Диалектика целей и ценностей», 8-10 ноября 2023 г., г. Ялта, Республика Крым, 2024. С.257-264.
3. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. – 492 с.
4. The world is safer for a renewed Entente: article by the Foreign Secretary and French Minister for Europe and Foreign Affairs / The Daily Telegraph. Published 8 April 2024 [Электронный ресурс] URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/the-world-is-safer-for-a-renewed-entente-article-by-the-foreign-secretary-and-french-minister-for-europe-and-foreign-affairs> (дата обращения 14.04.2024)
5. Шольц попытался запретить Путину ссылаться на Канта. [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20240423/kant->

1941737329.html?ysclid=lvcd053jxd838012783 (дата обращения 23.04.2024)

6. Аскольдов С. А. Религиозный смысл русской революции // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. – 607 с.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВОСЛАВИЕ: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

Романович Н. А.

*Доктор социологических наук,
РАНХиГС при Президенте РФ (Воронежский филиал),
профессор кафедры политологии и политического управления;
генеральный директор Института общественного мнения «Квалитас»
E-mail: nelly@qualitas.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты социологических опросов жителей города Воронежа по поводу возможных отношений между Православной Церковью и государством, роли православия в истории России и современной роли Православной Церкви. Рассматривается отношение населения к характеру вероисповедания российского президента и анализируется степень принятия населением главы государства в случае исповедания им отличного от православия вероучения. Производится сравнение результатов двух опросов, проведенных с разницей в десять лет, и выявляются тенденции в общественном мнении. Делается вывод о влиянии ситуации международной напряженности в целом и «прокси-войны» в частности на корректировку некоторых суждений респондентов.

Ключевые слова: общественное мнение, социологический опрос, вероисповедание, религия, государство, православие.

THE STATE AND ORTHODOXY: A VIEW FROM THE XXI CENTURY

Nelly Romanovich

Doctor of Sociology,

Professor of the Department of Political Science and Political Management of the RANEPА under the President of the Russian Federation (Voronezh branch), Director General of the Institute of Public Opinion «Qualitas»

E-mail: nelly@qualitas.ru

Abstract. *The article presents the results of sociological surveys of residents of the city of Voronezh regarding the possible relationship between the Orthodox Church and the state, the role of Orthodoxy in the history of Russia and the modern role of the Orthodox Church. The attitude of the population to the nature of the religion of the Russian president is examined and the degree to which the population accepts the head of state if he professes a faith different from Orthodoxy is analyzed. The results of two surveys conducted ten years apart are compared and trends in public opinion are identified. A conclusion is drawn about the influence of the situation of international tension in general and the “proxy war” in particular on the adjustment of some of the respondents’ judgments.*

Keywords: *public opinion, sociological survey, confession, religion, state, Orthodoxy.*

Взаимоотношения православия и государства в истории России складывались весьма неоднозначно. От попытки построить «симфонию властей» в допетровский период к почти полному поглощению Церкви государственным аппаратом после реформ Петра Великого и, наконец, к разделению Церкви и государства после Великой Октябрьской революции и доныне. Граждане России XXI века, не искушенные в исторических перипетиях, как, впрочем, и в действующих законах, могут иметь свое видение роли православия в истории страны и его значения для современного государства.

Опросы на эту тему проводились Институтом общественного мнения «Квалитас» в городе Воронеже с разницей в десять лет (в феврале 2014 года и в феврале 2024 года) методом телефонного опроса по репрезентативной для населения старше 18 лет выборке (600 человек).

В феврале 2024 года ответы на вопрос: **«Есть ли, по-Вашему, в России сегодня официальная государственная религия или нет? Если есть, то какая?»**, – показали, что граждане не знают Основного закона страны и имеют превратное мнение о государственной религии в России [1]. Например, большинство населения полагает, что государственной религией в России является православие (65%), а некоторые добавляют ещё ислам (0,2%). Очевидно, что мало кто из горожан близко знакомился с Конституцией РФ и её новой редакцией от 2020 года. А в Основном Законе страны в статье 14 об этом говорится так: «1. Российская Федерация — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. 2. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом» [2].

Следует отличать официальную и неофициальную поддержку государством того или иного вероучения. Официальная принадлежность к государственной религии предполагает бюджетное финансирование и бюрократическое управление с помощью аппарата чиновников (а этого не наблюдается). Неофициальная поддержка (как бы она ни была широка и объемна) не даёт религии статус государственной. В то же время некоторые горожане заявляли, что *«все религии на территории России являются государственными»*. А некоторые высказывали весьма скептические замечания: *«власть денег – и есть религия»*.

Выходит, что правы те, кто в ответ на вопрос утверждал, что в России на сегодняшний день нет государственной религии (24%). Мужчины оказались осведомленными об этом почти в два раза чаще (32%), чем женщины (18%). Высшее образование (29%) также способствовало более высокому уровню информированности по отношению к среднему (12%).

Если сравнить результаты сегодняшнего опроса и опроса десятилетней давности, то можно убедиться, что мнение народа практически не изменилось: в 2014 году 66% воронежцев назвали государственной религией Православие, а 27% опрошенных тогда утверждали, что в стране нет государственной религии [3].

Не менее любопытны ответы населения на вопрос: *«Как Вы считаете, какую роль сыграла Православная Церковь в истории России?»*. С учетом того, что страна недавно вынырнула из семидесятилетнего периода атеистической пропаганды, обнадеживающе звучат ответы 72% опрошенных, которые подчеркивают значительную роль Православной Церкви, утверждая, что она оказывала определяющее влияние на ход истории страны во многие поворотные периоды. Молодежь (80%) считает так чаще, чем люди старшего поколения (66%).

В то же время 21% горожан склоняются к тому, что Православная Церковь практически никогда не влияла на ход исторических событий в России. Чаще всего такого мнения придерживаются неимущие слои населения (35%).

По отношению к 2014 году число граждан, определяющих историческую роль Церкви как значительную, снизилось с 79% до 72%, а доля сторонников противоположного мнения возросла с 15% до 21% [3]. Возможно, два года войны способствовали некоторому нивелированию роли Православной Церкви в глазах общества.

Многие ученые сходятся во мнении, что православие фактически породило Россию, сформировало её менталитет и традиционные ценности [4; 5; 6].

А какова роль православия в истории нашей страны, по мнению населения?

Жители Воронежа в большинстве своем (54%) уверены в том, что православие чаще являлось движущей и позитивной силой для России. Женщины чаще так считают (58%), чем мужчины (48%). Среди воронежских чиновников число сторонников этой точки зрения достигает 60%.

В то же время 20% опрошенных полагают, что православие никак не влияло на развитие России, а 15% считают, что оно тормозило развитие страны. Число сторонников последнего мнения возрастает по мере уменьшения возраста респондентов от 6% среди пожилых до 22% среди молодежи.

Как изменилось мнение воронежцев за последние десять лет, показано на графике 1 ниже.

График 1

Если в 2024 году 54% опрошенных разделяют представление о православии как движущей позитивной силе развития России, то

десять лет назад – 63%. За прошедшее десятилетие несколько увеличилось число воронежцев, которые отрицают какое бы то ни было влияние православия на судьбу страны, но они остаются в меньшинстве.

Есть расхождение во мнениях, должна ли Церковь активно вмешиваться в государственную жизнь, как видно из ответов воронежцев на вопрос: **«Как, на Ваш взгляд, должны строиться отношения между Церковью и обществом, государством?»** (см. график 2).

Мнение большинства жителей Воронежа согласуется с Основами социальной концепции РПЦ: «Церковь не должна брать на себя функции, принадлежащие государству... В то же время Церковь может обращаться к государственной власти с просьбой или призывом употребить власть в тех или иных случаях, однако право решения этого вопроса остается за государством» [7]. Воронежцы тоже считают, что *Церковь не должна вмешиваться в политику и государственные дела, но должна влиять на моральную и духовную жизнь всего общества* (54%).

График 2

Как, на Ваш взгляд, должны строиться отношения между Церковью и обществом, государством?

Каждый пятый опрошенный (21%) призывает Церковь более активно участвовать в обсуждении и решении проблем современного общества и государства. Среди женщин этот показатель равен 25%,

среди мужчин – 16%. Собственно, это тоже не расходится с Концепцией: «Взаимоотношения с законодательной властью представляют собой диалог Церкви и законодателей по вопросам совершенствования общегосударственного и местного права, имеющего отношение к жизни Церкви, церковно-государственному сотрудничеству и сферам общественной обеспокоенности Церкви» [7].

В то же время 23% опрошенных ожидают от Церкви, что она *займется только проблемами веры и религии*, закрывая глаза на все общественно-политические процессы, происходящие в обществе. Среди самых юных этот показатель возрастает до 39%.

За пошедшее десятилетие несколько изменились значения крайних позиций в сторону невмешательства Церкви в дела государства, как показано на графике 2. Но число тех, кто придерживается «золотой середины» (влиять в духовной области, не вмешиваясь в политику) практически не изменилось, оставаясь мнением большинства: 54-55% [3].

Нельзя сказать, что воронежцы были единодушны в своих ответах на вопрос: **«По Вашему мнению, допустимо или нет, чтобы президентом России был человек, исповедующий отличную от православия религию?»**. На графике 3 показано, что почти для половины опрошенных (49%) вероисповедание Президента России не имеет значения.

График 3

По Вашему мнению, допустимо или нет, чтобы президентом России был человек, исповедующий отличную от православия религию?

Мужчины более толерантны к вере лидера (56%), чем женщины (44%). Пик толерантности приходится на учащихся и студентов (85%).

Однако 35% населения не допускает мысли о том, чтобы во главе российского государства стал бы человек, исповедующий отличную от православия религию. Чем выше уровень образования людей, тем чаще они так считают: от 28% (сред.) до 38% (высшее). Наиболее упорно на этом настаивают представители старшего поколения (50-59 лет) – 45%.

Лишь 12% респондентов допускают вероятность, что страну возглавит человек, исповедующий неправославную религию.

За десять последних лет существенно уменьшилось число воронежцев (с 57% до 35%), которые считали недопустимым иное вероисповедание Президента России, кроме православия [3]. Напротив, увеличилась толерантность к вере российского лидера (с 27% до 49%). Очевидно, что эти граждане иные качества и характеристики считают определяющими для главы государства, например, ум, волю, решительность, компетентность, мудрость, дипломатичность и другие, особенно востребованные во времена военного и политического противостояния.

Выводы

Православие сегодня, по общепризнанному мнению, считается государственной религией, хотя таковой не является, согласно Основному закону страны, где сказано, что все религии отделены от государства и равны перед законом. Граждане путают официальную принадлежность к государственной религии и неофициальную поддержку религиозной конфессии государством. Поскольку в последнем случае отсутствует бюджетное финансирование и бюрократическое управление посредством аппарата чиновников, то религию никак нельзя назвать государственной.

Большинство населения согласно с тем, что православие исторически являлось движущей и позитивной силой развития России. Хотя убежденность в этом несколько уменьшилось за прошедшее десятилетие, это мнение по-прежнему является самым популярным.

Что касается влияния Церкви на государственные дела, то далеко не все граждане призывают её ко вмешательству в решении проблем современного общества, оставляя за Церковью вопросы религии и веры, а также возможность влияния на моральные аспекты общественной жизни. Такая позиция не расходится с концепцией РПЦ,

гласящей, что Церковь не должна брать на себя функции, принадлежащие государству.

Самые значительные изменения произошли за последние десять лет относительно вопроса религиозного вероисповедания главы государства. Если ранее преобладало мнение о необходимости православного президента для России (это было мнение большинства), то сегодня ярко выражена тенденция смещения этого убеждения в сторону суждения: «вероисповедание не имеет значения». Не исключено, что глобальная «прокси-война» иначе расставляет приоритеты характеристик главы государства. Кроме того, возможно, что религиозная идентификация зачастую, как отмечают социологи [8, С. 171], «осуществляется не столько по принадлежности к той или иной религии, а на основе соотнесения себя с определенной культурой, национальным образом жизни, в значительной мере сформировавшимся под воздействием данной религии». Поэтому люди могут воспринимать православие или ислам не только как религиозную систему, а как естественную для них культурную среду, национальный образ жизни. Возможно, для российского населения сегодня важно, чтобы Президент РФ в первую очередь воплощал в себе традиционные ценности национального образа жизни. А то обстоятельство, что эти ценности были сформированы тысячелетней историей православия на Руси, для населения не столь очевидно.

Список литературы

1. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу под ред. Н.А.Романович. Воронеж: ИОМ «Квалитас», 2024-02. Электронный ресурс. URL: <http://qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2024/February> (дата обращения 16.04.2024)
2. Конституция РФ (с изменениями, одобренными общероссийским голосованием 1 июля 2020 года). М.: Издательство АСТ, 2024.
3. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу под ред. Н.А.Романович. Воронеж: ИОМ «Квалитас», 2014-02. Электронный ресурс. URL: <http://qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2014/February> (дата обращения 15.04.2024).
4. Хомяков Д. А. Православие, самодержавие, народность. Минск : Белорус. грамота, 1997. — 207 с.

5. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М. : Алгоритм, 2002. — 496 с.
6. Синелина Ю. Ю. Религия в современной России. // СОЦИС. — 2006. — № 12. — С. 130—134.
7. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. 2008. Электронный ресурс. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения 14.04.2024).
8. Романович Н. А. Формирование и воспроизводство образа власти в российском обществе. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2009. — 400 с.

КАК ВОЗНИКАЕТ СИНЕРГИЯ ДУХОВНЫХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Свешникова И.П.

*Крымская региональная общественная организация «Центр духовной культуры «Лебедь», председатель;
Народный университет духовной культуры и здорового образа жизни, ректор
E-mail: yalta-sventana@yandex.ru*

***Аннотация.** Данная работа написана в форме эссе на тему богословия православной религии. Сегодня среди представителей как гуманитарных, так и естественных наук появляется все больше и больше верующих людей, в числе которых немало православных. Общая тенденция формирования целостного холистического мировоззрения ставит вопрос о возможности и механизмах возникновения синергии научных и духовных знаний. Автор ищет решение данной проблемы в парадигме православной богословской науки и приходит к выводу о том, что синергия может возникнуть исключительно при стяжании Духа Святого, в духе истинности и религиозных и научных знаний.*

***Ключевые слова:** православие, богословие, синергия, религиозные знания, научные знания, благодать Духа Святого.*

HOW THE SYNERGY OF SPIRITUAL AND SCIENTIFIC KNOWLEDGE ARISES

Svechnikova I.P.

The Crimean Regional Public Organization «Center for Spiritual Culture «Lebed», chairman;

*People's University of Spiritual Culture and Healthy Life,
Rector*

E-mail: yalta-sventana@yandex.ru

Abstract. *This work is written in the form of an essay on the theology of the Orthodox religion. Today, among the representatives of both the humanities and the natural sciences, there are more and more believers, among whom there are many Orthodox Christians. The general trend in the formation of an integral holistic worldview raises the question of the possibility and mechanisms of the emergence of synergy of scientific and spiritual knowledge. The author seeks a solution to this problem in the paradigm of Orthodox theological science and comes to the conclusion that synergy can arise only through the acquisition of the Holy Spirit, in the spirit of truth and religious and scientific knowledge.*

Keywords: *orthodoxy, theology, synergy, religious knowledge, scientific knowledge, the grace of the Holy Spirit.*

*Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет
разума...*

(Тропарь Рождеству Христову)

Введение. В качестве предисловия замечу, что литературная форма «эссе» предполагает некоторую свободу изложения, поэтому к названию работы добавлю «Опыт дилетанта» или даже «Исповедь дилетанта». Сознаю, что кроме высокой цели поиска Истины, я испытываю потребность осмысления большого этапа пройденного жизненного пути.

Сегодня среди представителей как гуманитарных, так и естественных наук появляется все больше и больше верующих людей, в числе которых немало православных. Нередко их вера носит глубокий, пережитый на собственном духовном опыте, характер, а в сознании заново происходит формирование личностного целостного (холистического) мировоззрения. На определенном этапе исследовательской работы профессиональные знания начинают освящаться духовностью, возникают так называемые «точки

пересечения» научных и религиозных знаний [1, с. 19-23]. С другой стороны, верующие ученые, они же преподаватели ВУЗов и других учебных заведений, вносят в свои учебные курсы элементы религиозных знаний, привлекая молодежь к духовному развитию. Таким образом, в светском мире происходит движение в сторону одухотворения сознания, помогающее усилиям Русской Православной Церкви. Появляются выдающиеся ученые, такие как А. С. Панарин, С. С. Хоружий, А. М. Лидов, Н. Н. Лисовой и многие другие.

Однако, нередко эти процессы встречают неприятие или сопротивление атеистически настроенных коллег, которое может носить и враждебный характер. Особенно это касается новых для России дисциплин, таких как политология, социология, ряда философских направлений, заимствованных из западного интеллектуального арсенала. Такие противоречия особенно ярко проявляются на различного рода научных конференциях, где до сих пор нередко возникают острые дискуссии или даже конфликтные ситуации.

Существуют ли рекомендации для успешного выступления в сложных аудиториях, для принятия «трудными» коллегами чуждых им духовных знаний? Попробую дать ответ на этот вопрос.

Мой личный негативный опыт выступлений на подобного рода конференциях, набор «шишек» и ярлыков типа «городская сумасшедшая» с течением времени трансформировался в позитивные навыки составления доклада, оформления его слайдами, донесения информации до аудитории в особой атмосфере. К такому позитивному результату возникновения интеллектуального единения с коллегами, синергии духовных и научных знаний получилось прийти только на определенной ступени духовного становления, накопив достаточный багаж сердечности и Божьей благодати. В связи с этим

Целью данной статьи является определение условий для возникновения синергии научных и духовных знаний на примере конкретного научного доклада на политологическом «Харакском форуме», который состоялся 6-8 мая 2024 года в Ялте (Нижняя Ореанда).

В статье ставятся следующие задачи:

1. Привести требования к научным докладам и выступлениям на конференциях
2. Сравнить определения понятия «синергия» в светском и религиозном смыслах.
3. Выявить духовные предпосылки возникновения синергичности знаний на научных конференциях.

Для пояснения выбора темы дерзну немного рассказать о себе. Я родилась в Свердловске, выросла в Ялте в научной медицинской среде. Первое высшее образование получила в Московском авиационном институте (системы управления космическими аппаратами), второе — в институте патентоведения. Патентное право в понятиях «изобретение» и «открытие» определяет соотношение категорий «новое» и «известное». Затем пришлось вернуться в Ялту и работать в медицинском НИИ патентоведом, знакомиться с самыми новыми разработками. Окончила Симферопольский госуниверситет (физиология человека), позже магистратуру по педагогике (педагогика высшей школы). Училась и в России, и на Украине. В трактате преподобного Иоанна Дамаскина «Диалектика» подобный набор знаний в неразрывной связи с Богопознанием называется «Философией»: «Философия разделяется на теоретическую и практическую; теоретическая философия разделяется на богословие, математику и физиологию. Практическая философия разделяется на этику, экономику и политику. Теоретическая философия имеет своею задачей рассматривать бестелесное, нематериальное, т.е. Бога. Практическая же философия упорядочивает нравы и учит, как следует устраивать свою жизнь. При этом, если она воспитывает одного только человека, то называется этикой, если целую семью, то называется экономикой, если же целый город, то называется политикой». Итак, философия — это не просто любовь к мудрости, но система мировоззрения, включающая в себя богословие, этику, политику» [2, с. 73-74].

К Православной вере я пришла, как и многие современники, в девяностые годы, когда духовная жажда определила образ жизни ряда людей. Наш медицинский институт в Ялте подвергся зверскому разрушению, и я создала общественную организацию духовной и научной направленности, действующую по сей день. Благодаря духовному становлению, у меня стали возникать начала целостного (холистического) научного мировоззрения, основанного на связи понятий «Наука и религия», «Дух, душа, тело» и «информация, энергия, материя» [3, с. 17-19]; [4, с. 382-383]. Подобные процессы происходили в это время у многих ученых. В эти годы в обществе появился большой интерес к религиям народов мира, метафизике, теологии, космогонии, мистике. Исследователи создавали свое индивидуальное мировоззрение, свой индивидуальный гнозис. Но стремление к познанию истины приводило их к постижению православия, духовному и нравственному совершенствованию. Познание оказалось неразрывно связанным с процессом

самосовершенствования. Современные процессы оказались близкими времени становления христианства. Вот как об этом писал Климент Александрийский в «Строматах»: «Перечисленные только что добродетели суть основы откровенного знания. Но следовательно вера еще фундаментальней, поскольку она необходима для истинного гностика не в меньшей мере, чем воздух для каждого, живущего на этой земле. Жизнь невозможна без четырех первоэлементов. Без веры невозможно знание. Итак, вера есть основание истины» [Strom. II,6:31,3]. Таким образом, начал формироваться логос общественного целостного мировоззрения, которое, по моему мнению, должно стать определяющим в идеологии Русской цивилизации нового тысячелетия.

В двухтысячные годы подобные темы поднимались на конференциях, посвященных духовным поискам в самых разных (порой общественных) направлениях, но с течением времени я поняла, что моя задача — выдержать все испытания и состояться в реальной научной среде — это и мой крест, и «узкий» путь спасения.

Сегодня, участвуя в научных исследованиях, я выступаю с докладами в Объединении православных ученых, Симферопольской духовной семинарии, на политологических, философских, исторических и других конференциях. Иногда бывает и в атеистической и даже прозападной аудиториях. Скрыто идет противодействие западных и новых российских цивилизационных подходов. Состав участников конференций носит противоречивый, смешанный характер. Но все чаще именно духовный целостный подход оказывается более состоятельным.

Подытожив сказанное, сделаем вывод о том, что синергия духовных и научных знаний рождается прежде всего в сознании и мировоззрении исследователя. И только потом, с течением времени, может возникнуть в сознании определенного круга людей, в общественном сознании.

О требованиях к выступлениям на научных собраниях. Для успешного участия в научных конференциях необходимо строго соблюдать формальные требования, принятые в данной научной среде. Это относится к написанию научных статей, структуре докладов, оформлению презентаций, списку литературы, регламенту и так далее. Важно соблюдать тематику конференции и принятую научную терминологию. Подобные, не менее строгие, требования существуют и в Православии. Без соблюдения всех этих формальностей выступление просто не состоится, а усилия окажутся напрасными. Выполнение формальных требований приводит к четкому, структурированному изложению материала, ясности и легкости его восприятия. По

выражению архиепископа Луки Крымского «Дух творит себе формы». Как ни странно, но в данном случае «требования к форме помогают одухотворению».

Зная заранее программу выступлений, важно учесть состав аудитории, примерное содержание предыдущих докладов, найти возможные «точки пересечения» с выступлениями коллег для создания атмосферы взаимопонимания и сотрудничества в научном поиске.

Особое значение имеет точность в применении терминологии. Часто под одними и теми же терминами подразумеваются совершенно разные понятия, ученые как бы говорят на разных языках, иногда приходится переводить «с русского на русский». Согласование терминов актуально и для данного исследования.

Ибо закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа. (Ин.1:17)

Понятие «синергия» в науке и православной религии. Понятие «синергия» в науке и православной религии имеет разное значение. Согласно Википедии, Синергия (греч. Συnergyia) «сотрудничество, содействие, помощь, соучастие, сообщничество» — усиливающий эффект взаимодействия двух или более факторов, характеризующийся тем, что совместное действие этих факторов качественно превосходит простую сумму действий каждого из указанных факторов. В каждой сфере деятельности синергия проявляется по-своему. Так, в научной сфере, два исследователя, общаясь, могут генерировать идеи, до которых одному было бы сложно додуматься. Это как раз и есть та самая синергия в общении, которая позволяет создать новые, идеи, подходы к решению проблем. В таком «светском» определении взаимодействие объектов носит горизонтальный характер.

По определению Православной энциклопедии Синергия (от греч. συνεργία (синергия) — содействие, соучастие) это сотрудничество Бога и человека в деле достижения спасения. Так синергичность подвижничества означает со-действие (сослужение, соработничество, сотрудничество) Божественной благодати и свободной воли человека. Взаимодействие носит вертикальный характер, от Бога к человеку и от человека к Богу, а осуществляется посредством Божественной Благодати.

Православная энциклопедия определяет Божественную Благодать следующим образом: «В Священном Писании она часто называется силой («...вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой» (Деян.1:8), «...Господь сказал мне: «Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи»» (2Кор.12:9)). Святые отцы называют благодать «лучами Божества», «Божественной

славой», «нетварным светом»... Действием Божественной благодати обладают все три Лица Святой Троицы... Св. Ириней Лионский, размышляя о домостроительном проявлении Святой Троицы, отмечает, что благодать исходит от Отца и сообщается через Сына во Святом Духе. По слову св. Григория Паламы, благодать есть «энергия общая и Божественная, сила и действие Триипостасного Бога». Действие Божественной благодати осуществляется в сотрудничестве (в синергизме) со свободной волей человека. «Богочеловеческий синергизм является существенным отличием христианской деятельности в мире. Здесь человек соработает Богу и Бог соработает человеку, – разъясняет св. Иустин Попович» [6].

Для изучения феномена возникновения синергии научных и духовных знаний попробуем применить принцип троичности православного учения о Святой Троице. Этот принцип гласит, что Отношение Бога к сотворенному миру носит троичный характер. В каждом действии прослеживается принцип одновременно единства и троичности, что именно троичные отношения совершенны, так как выходят за пределы замкнутости, преодолевают противоположение и не создают излишней множественности [7]. Попытаемся раскрыть понятия синергии в этом принципе. Рисунок 1 изображает СМЫСЛ1, СМЫСЛ2 и СВЯЗЬ – связывающее их начало. Аналогией может служить образ семьи – муж, жена и ребенок (Рисунок 2).

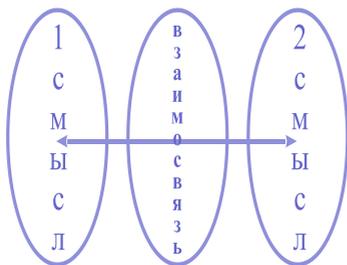

Рис. 1

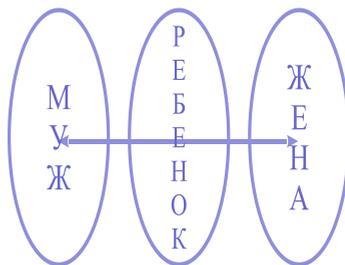

Рис. 2

Рисунок 3 показывает объединение в Иисусе Христе духовной и человеческой природы. Рисунок 4 поясняет схождение богодухновенных знаний в Божией Благодати.

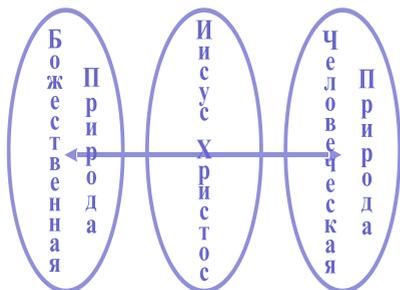

Рис. 3

Рис. 4

Рисунок 5 иллюстрирует возникновение синергии научного и духовного знания.

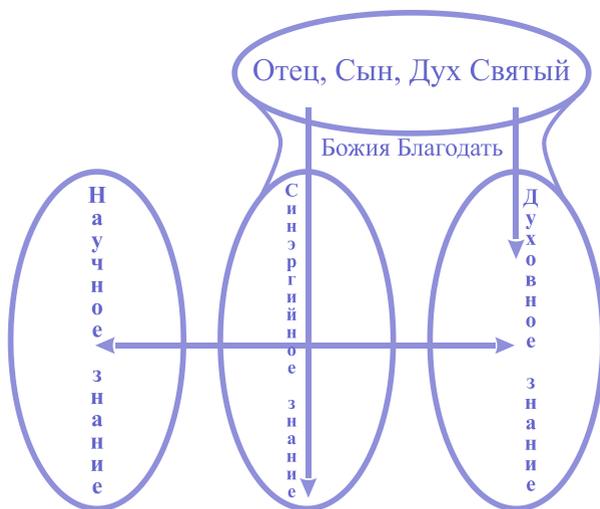

Рис. 5

Эти рисунки иллюстрируют ход моего дилетантского рассуждения. Меня Эти аналогии приводят к выводу о том, что

синергия знаний возникает только посредством Божественной благодати.

Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святого Божьего. (Из беседы с Н.А.Мотовиловым)

Духовные предпосылки возникновения синергийности знаний.

Каким же образом это оказывается возможным на реальной научной конференции? Попробую показать на примере конкретного научного доклада на политологическом «Харакском форуме», который состоялся 6 - 8 мая 2024 года в Ялте (Нижняя Ореанда). Доклад называется «Православные духовные практики как фактор сакрализации власти Русской цивилизации». Запись доклада можно посмотреть по ссылке <https://disk.yandex.ru/i/vKX91SEC8tvcpQ> [8].

Доклад состоялся 6 мая этого года в первый день Светлой Седмицы. Нижняя Ореанда, это бывшее императорское имение. Рядом находится замечательная церковь Покрова Пресвятой Богородицы и Ливадийский дворец. Благодатное место и благодатное время. Сначала говорить и формулировать мысли было трудно, но постепенно атмосфера стала смягчаться, появилось особое чувство теплоты, сердечности, легкости, единения. Коллеги заулыбались, и даже самый резкий оппонент смягчился. Позже этот момент вспоминался коллегами дружелюбно, с удовольствием и юмором. Думаю, что в эти минуты Благодать Духа Святого коснулась наших умов и сердец, воистину, Благодать Божья простирается на всех людей!

В творениях святителя Феофана Затворника так описан идеал христианина, к которому нам нужно стремиться. «Благодать, проникнув в естество христианина, становится потом осязательно видима и для других людей. Все приходящие в соприкосновение с облагодатствованным человеком чувствуют присущую ему необыкновенную силу, проявляющуюся в нем разнообразно. Станет ли он говорить о чем-либо духовном, все у него выходит ясно, «как среди дня», и слово его прямо идет в душу и там властно образует соответственные чувства и расположения. И дела, совершаемые таким человеком, являются делами особого рода, «хотя на вид они такие же дела, как и у всех других, но с особым звуком. Бог их только и приемлет, как особенно Ему приятные дела» [9, с. 99-100]. Итак, даже для успеха в научной работе, необходимо стремиться к достижению высокого христианского идеала стяжанию Благодати Духа Святого, духа истинных как научных, так и религиозных знаний.

В заключении данного исследования сделаем следующий очевидный вывод. Православный ученый, стремящийся к синтезу целостного мировоззрения и синергии научных и духовных знаний просто обязан постоянно духовно работать над собой, исправлять недостатки, избавляться от страстей и стремиться к стяжанию Благодати Духа Святого, в идеале - становиться «сосудом Духа Святого». Именно в Духе Святом, в духе истинности только и возможно возникновение синергии научных и духовных знаний.

Список литературы

1. Лега В.П. История западной философии. Часть I - Античность - Средневековье – Возрождение. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. 544 с.
2. Иоанн Дамаскин. Философские главы. Гл. 3. СПб.: Источник знаний, 2006. 236 с.
3. Свт. Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело. М.: ОБРАЗ, 2011.128 с.
4. Святитель Лука Крымский (Войно-Ясенецкий) Избранные творения. М.: Сибирская Благовонница, 2010. 437 с.
5. Климент Александрийский. Строматы. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. Т. 1-3.
6. Благодать. Православная энциклопедия «Азбука веры» [Электронный ресурс]: <https://azbyka.ru/blagodat> (дата обращения 27.06.2024)
7. Арх. Сильвестр (Стойчев). Догматическое богословие §39 Образ действия Пресвятой Троицы в мире [Электронный ресурс]: Православный портал «Азбука веры»: https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/dogmaticheskoe-bogoslovie-stojchev/18_13 (Дата обращения 27.06.2024)
8. [Электронный ресурс]:<https://disk.yandex.ru/i/vKX91SEC8tvcpQ> (дата обращения 27.06.2024 г.).
9. Святитель Феофан Затворник. Что есть духовная жизнь и как на неё настроиться: Письма. М.: Отчий дом, 2012 – 304 с.

**РИСКИ «ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА»
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СИСТЕМНОГО И СЕТЕВОГО
ПОДХОДОВ**

Сенюшкин Е.А.

*Кандидат политических наук,
Крымский федеральный университет им.В.И.Вернадского,
доцент*

E-mail: seniushkin.evgen@yandex.ru

Сенюшкина Т.А.

*Доктор политических наук,
Крымский федеральный университет им.В.И.Вернадского,
профессор*

E-mail: tsenyushkina@yandex.ru

Сенюшкин М.Е.

независимый исследователь

E-mail: senyushkm@yandex.ru

***Аннотация.** Помещая риски Глобального Юга в центр своего исследовательского интереса, авторы статьи отмечают, что в основном они связаны со следующими факторами: долговые обязательства, характерные для многих стран этого региона; продовольственная проблема; конкуренция Китая и Индии и др. Изучение этих и других рисков с точки зрения системного подхода позволит выявить их негативный потенциал и принять соответствующие меры на стадии раннего реагирования. Применение сетевого подхода позволит раскрыть содержание неформальных взаимодействий с целью получения более полной картины принимаемых решений в политической и экономической сфере.*

***Ключевые слова:** «Глобальный Юг», риски «Глобального Юга», системный подход, сетевой подход, ТНК, геополитика, геоэкономика.*

RISKS OF THE «GLOBAL SOUTH» FROM THE POINT OF VIEW OF SYSTEMIC AND NETWORK APPROACHES

Senyushkin E.A.

*Candidate of Political Sciences,
V.I.Vernadsky Crimean Federal University,
Assotiated Professor
E-mail: seniushkin.evgen@yandex.ru*

Senyushkina T.A.

*Doctor of Political Sciences, V.I.Vernadsky Crimean Federal
University, Professor
E-mail: tsenyushkina@yandex.ru*

Senyushkin M.E.

*independent researcher
E-mail: senyushkm@yandex.ru*

Abstract. *Placing the risks of the Global South at the center of their research interest, the authors of the article note that they are mainly related to the following factors: debt obligations characteristic of many countries in this region; the food problem; competition between China and India. Studying these and other risks from the point of view of a systematic approach will allow us to identify their negative potential and take appropriate measures at the early response stage. The application of the network approach will reveal the content of informal interactions in order to obtain a more complete picture of the decisions made in the political and economic sphere.*

Keywords: *"Global South", risks of the "Global South", systemic approach, network approach, TNK, geopolitics, geo-economics.*

В условиях кардинальных изменений в мировой политической системе, связанных со становлением многополярности и возрастанием роли культурно-цивилизационного разнообразия мира, актуализируется исследовательский интерес к теме «Глобального Юга». Как отмечает ректор МГИМО, академик Анатолий Торкунов, «подъем "Глобального Юга" — это один из главных мегатрендов международных отношений, причем еще недавно разговоры об этом были в виде неких интеллектуальных упражнений. Но за несколько лет в мире произошли такие орбитальные изменения, что сегодня "Глобальный Юг" звучит на очень многих международных площадках.

И это уже не абстракция, а конкретное проявление мировой политики» [1].

Наряду с этим, мы имеем дело с новым феноменом, который нуждается во всестороннем исследовании на основе адекватных методологических подходов. Особую актуальность в связи с этим приобретает изучение рисков «глобального Юга» с точки зрения системной методологии. Далее мы попытаемся взглянуть на «Глобальный Юг» как на систему, состоящую из взаимосвязанных элементов. Затем мы охарактеризуем основные риски, связанные с каждым выявленным элементом и системой в целом.

По мнению П.П.Яковлева, «В динамично меняющемся мире, в целом, развивающемся в направлении полицентричности, все более видное место занимают страны Азии, Африки и Латинской Америки, вместе образующие так называемый глобальный Юг. В него на сегодняшний день входят почти две трети государств – членов ООН, на долю которых приходится около 80% населения планеты, порядка 50% мирового ВВП и около половины совокупного объема международной торговли. Уже одни эти сухие цифры указывают на первостепенную методологическую и научно-практическую значимость изучения экономической и социально-политической проблематики глобального Юга, комплексного исследования его роли в мировой экономике и политике, в процессах глобализации, в системе геоэкономических и геополитических связей» [2, с. 6].

На основе данного высказывания, в целом соглашаясь с автором, отметим, что базовыми элементами системы «Глобального Юга» являются экономическая, политическая, социально-культурная, геоэкономическая и геополитическая подсистемы.

Добавим к этому, что на сегодняшний день остаётся нерешённым вопрос о терминологическом наполнении концепции «Глобальный Юг». Как считает Глава группы советников Совета национальной безопасности Индии Панкадж Сарану «Четкого определения понятия "Глобальный Юг" пока нет. И пока непонятно, кто является главным игроком или главными игроками» [1]. Основной вопрос, на который сегодня пока не найден ответ, это вопрос о том, насколько "Глобальный Юг" может выступать единым фронтом, чтобы отстаивать свои интересы.

По мнению А.В.Кузнецова «углубление дифференциации стран глобального Юга не позволяет рассматривать диалог по линии Юг – Юг как однозначно трактуемый процесс» [3]. По мнению автора, это набор очень разных по уровню взаимодействия отношений развивающихся стран, являющихся частью более фундаментального

процесса трансформации существующего «западоцентричного» миропорядка.

Наряду с этим, основным «мотором» «Глобального Юга» можно считать новые транснациональные компании из ведущих и развивающихся стран, в частности, из Индии, России, Бразилии, Китая, которые появились за последние полтора десятилетия.

Если в 2009–2011 гг. доля прямых иностранных инвестиций, осуществленных ТНК из развивающихся стран и стран с переходной экономикой, фиксировалась на уровне 25% [4], то в настоящее время соответствующая доля может достигать 35–40% [5].

Можно сказать, что сегодня мы являемся свидетелями нового феномена в мировой экономике, когда новые транснациональные компании, уже не представляют Запад, в результате чего формируется принципиально новая система координат. При этом существенно трансформируется мировая система разделения труда.

В ближайшие годы ожидается доминирующее участие незападных ТНК в следующих областях:

- редкоземельные металлы;
- производители основных продуктов питания и удобрений;
- питьевая вода и сохранение водных ресурсов;
- «газовая ОПЕК»;
- «зеленые» платформы, объединяющие страны вокруг цели снижения нетто-выбросов [6].

Исследовательский интерес к роли ТНК в продвижении проекта «Глобальный Юг» в методологическом смысле требует от нас расширения рамок системного подхода и применения сетевого подхода, при помощи которого можно анализировать обмен ресурсами, которыми обладают такие сетевые акторы как ТНК.

Отдельный блок вопросов связан с теоретическим осмыслением и экспертно-аналитическим сопровождением реализации проекта «Глобальный Юг». В связи с этим следует упомянуть, что в КНР создан специальный исследовательский центр, который займется изучением проблем стран глобального Юга и поможет «эффективнее продвигать сотрудничество между ними» [7]. Об этом заявил председатель КНР Си Цзиньпин, выступая на конференции в Пекине, которая была посвящена 70-й годовщине Пяти принципов мирного сосуществования. Как уточнил китайский лидер, в течение ближайших пяти лет КНР предоставит учащимся из стран глобального Юга порядка 1 тыс. стипендий для изучения указанных принципов. Для проведения исследований в соответствующем направлении планируется дополнительно создать 100 тыс. учебных мест. «Мы

запустим программу для молодых лидеров глобального Юга», - добавил Си Цзиньпин. Он заявил также, что Китай продолжит использовать различные фонды для стимулирования экономического развития соответствующих государств. Председатель КНР также пообещал дополнительно выделить \$10 млн для поддержки сельского хозяйства в других странах [7].

Оценивая риски Глобального Юга, отметим, что в основном они связаны со следующими факторами: долговые обязательства, характерные для многих стран этого региона; продовольственная проблема; конкуренция Китая и Индии и др. Изучение этих и других рисков с точки зрения системного подхода позволит выявить их негативный потенциал и принять соответствующие меры на стадии раннего реагирования. Применение сетевого подхода позволит раскрыть содержание неформальных взаимодействий с целью получения более полной картины принимаемых решений в политической и экономической сфере.

Список литературы

1. Примаковские чтения. «Глобальный Юг»: будущая сила и сегодняшние проблемы. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/933775>
2. Яковлев П.П. Глобальный Юг: концептуальные подходы и социально-экономические процессы // Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 2. С. 6–27.
3. Кузнецов А.В. Концепции экономического взаимодействия по линии Юг – Юг // Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 3. С. 30–46.
4. World Investment Report 2012. N.Y.: United Nations, 2012. P. 4.
5. Афонцев С. Будущее ТНК: тенденции и сценарии для мировой политики. - URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/budushchee-tnk-tendentsii-i-stsenarii-dlya-mirovoy-politiki/>
6. Лисоволик Я. Глобальный Юг создаёт отраслевые альянсы. - URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/globalnyy-yug-sozdaet-otraslevye-alyansy/>

7. Си Цзиньпин анонсировал создание Центра исследований глобального Юга. - URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21225967>

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Сенюшкина Т.А.

*Доктор политических наук,
Крымский федеральный университет им.В.И.Вернадского,
профессор
E-mail: tsenyushkina@yandex.ru*

Сенюшкин Е.А.

*Кандидат политических наук,
Крымский федеральный университет им.В.И.Вернадского,
доцент
E-mail: seniushkin.evgen@yandex.ru*

Сенюшкин М.Е.

*независимый исследователь
E-mail: senyushkm@yandex.ru*

***Аннотация.** Статья нацелена на постановку научной проблемы, которая, по мнению авторов, может рассматриваться как актуальное направление для междисциплинарных исследований. На основе краткого обзора трудов российских авторов, работающих в рамках цивилизационного подхода, делается вывод о том, что тема цивилизационного моделирования представляет из себя методологическую проблему, которая представляет интерес не только для российской политической теории, но и для практики государственного управления, в том числе, и в сфере международных отношений.*

***Ключевые слова:** Цивилизационный подход, цивилизационная теория, цивилизационное моделирование, цивилизационные модели, А.С.Панарин.*

CIVILIZATIONAL MODELING AS A METHODOLOGICAL PROBLEM

Senyushkina T.A.

Doctor of Political Sciences, V.I.Vernadsky Crimean Federal University, Professor

E-mail: tsenyushkina@yandex.ru

Senyushkin E.A.

*Candidate of Political Sciences,
V.I.Vernadsky Crimean Federal University,
Associated Professor*

E-mail: seniushkin.evgen@yandex.ru

Senyushkin M.E.

independent researcher

E-mail: senyushkm@yandex.ru

Abstract. *The article is aimed at posing a scientific problem, which, in the author's opinion, can be considered as an urgent direction for interdisciplinary research. Based on a brief review of the works of Russian authors working within the framework of the civilizational approach, it is concluded that the topic of civilizational modeling is a methodological problem that is of interest not only for Russian political theory, but also for the practice of public administration, including in the field of international relations.*

Keywords: *Civilizational approach, civilizational theory, civilizational modeling, civilizational models, A.S.Panarin.*

В условиях актуализации цивилизационного дискурса в российской политической теории и практике становится очевидной необходимость в более глубоком изучении методологии цивилизационных исследований применительно к предметному полю политологии. Как отмечают М.М.Мчедлова и О.А.Букин, «Дискуссии о применимости цивилизационного подхода в политической науке не являются новыми, однако их эпистемологическая и мировоззренческая востребованность становится наиболее выраженной в периоды Больших разломов — познавательных, культурных, политических, когда на первый план выступает соотношение универсального и специфического, одного и множества» [1, с. 447]. В целом соглашаясь с

этим утверждением, добавим, что на основе объективной оценки глубины современных разломов в мировой политической и экономической системе можно предположить, что обращение отечественных теоретиков и практиков к цивилизационному подходу является концептуально и методологически обоснованным.

Справедливости ради следует отметить, что до недавнего времени цивилизационные типы как объект исследования волновали умы немногих отечественных учёных. Хорошо известно, что идейным и теоретическим источником классической линии в российских исследованиях, осуществляющихся в этом направлении, стала книга Н.Я.Данилевского «Россия и Европа» [2]. В разработку цивилизационной концепции большой вклад внесли К.Н. Леонтьев и представители русской зарубежной философии, получившие название евразийцев - Л.П. Карсавин, П. Бицилли, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский, Н.Н. Алексеев, Н.С. Трубецкой. В конце XX - начале XXI века цивилизационный подход был актуализирован практически одновременно А.С.Панариным [3], Б.С.Ерасовым [4], В.Л.Цымбурским [5].

Особо хотелось бы отметить идейное наследие А.С.Панарина, которое получило развитие в трудах его немногочисленных идейных единомышленников и коллег по кафедре теоретической политологии, которую он возглавлял в МГУ им. М.В.Ломоносова, и сектору социальной философии, которым он руководил в Институте философии РАН. Также большую роль в популяризации идей А.С.Панарина сыграли его коллеги из Государственной Академии Славянской культуры, в которой он также читал лекции. Отметим в этой связи, что первые Панаринские чтения состоялись в Москве в 2004 году и были инициированы И.И.Кучмаевой, М.Н.Громовым и Н.Н.Зарубиной [6]. В последствии Панаринские чтения стали проходить ежегодно на философском факультете МГУ им. М.В.Ломоносова, благодаря усилиям В.Н.Расторгуева. После его кончины коллеги с кафедры философии политики и права философского факультета МГУ продолжают эту традицию. Постоянным участником чтений был академик РАН Челышев Е.П., с которым А.С.Панарина связывали не только научные дискуссии, но и искренняя дружба. Не случайно председателем редакционного совета коллективной монографии «Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, перспективы», которая была опубликована в Москве в 2018 году, стал именно академик Челышев [7]. Монография была посвящена 25-летию Всемирного Русского Народного Собора и 25-летию Научного совета при Президиуме РАН по изучению и охране

культурного и природного наследия, в книге были обобщены результаты исследовательской программы «Цивилизационный путь России». Также следует отметить, что Программа была инициирована Научным советом при Президиуме РАН и Экспертным центром ВРНС при организационном участии МГУ имени М.В. Ломоносова, Института наследия имени Д.С. Лихачева и ряда региональных отделений РАН, других ведущих научных центров и высших учебных заведений России. Как было отмечено в аннотации к книге, Программа открыта для всех ученых, занятых цивилизационной тематикой, деятелей Церкви и культуры.

Ещё одним интеллектуальным центром развития идейного наследия А.С.Панарина можно считать Международный Харакский форум, который проходит в Ялте. У истоков форума стоял А.С.Панарин, в память о котором каждый форум начинается с круглого стола, посвящённого осмыслению теоретических работ Александра Сергеевича Панарина в преломлении его идей к реалиям современности [8]. Форум продолжает традиции научного сотрудничества российских и зарубежных ученых, заложенные на первой встрече в 1997 г., когда в Ливадийском дворце в Ялте собралось более 300 участников из 15 стран мира. Одним из пленарных докладчиков и идейных вдохновителей научного мероприятия, которое стало точкой отсчета для Харакского форума, был Александр Сергеевич Панарин [8, с. 140]. В 2022 году форум отметил свое двадцатипятилетие. Традиционно форум характеризуется широкой географией участников и междисциплинарным характером. Тематика форума охватывает широкий круг вопросов современных гуманитарных исследований, связанных с осмыслением взаимосвязи политического пространства и социального времени. Форум проводится два раза в год – в мае и ноябре.

Цивилизационной проблематике уделяется сегодня в России большое внимание. Наряду с этим, множество исследовательских вопросов в рамках цивилизационного подхода и его применения остаётся или недостаточно исследованным, или вообще не опирается на фундаментальные исследования в этой сфере. Одним из таких вопросов, на наш взгляд, является вопрос о цивилизационном моделировании.

Поиск в библиотечной системе E-library по ключевому слову «цивилизационное моделирование» показывает, что данная тема практически не представлена в огромном массиве российских гуманитарных исследований. Из немногочисленных публикаций на эту тему стоит отметить работы Р.В.Светлова [9], в которых он

анализирует цивилизационные модели культуры. Применительно к политологии, также, как и к теории международных отношений, цивилизационное моделирование является неисследованным предметным полем.

Продолжая обзор литературы на тему цивилизационного моделирования, отметим диссертационное исследование Сергеевой О.А., которое посвящено исследованию теоретических моделей цивилизационной концепции [10]. В одной из глав диссертации автор рассматривает основные модели цивилизационной динамики, в частности, сравнивает две модели: закрытую и открытую.

Особое внимание в контексте исследуемой проблемы следует уделить новой концепции внешней политики РФ, в которой констатируется «особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы» [11]. Т.к. данная Концепция является «документом стратегического планирования и представляет собой систему взглядов на национальные интересы Российской Федерации во внешнеполитической сфере, базовые принципы, стратегические цели, основные задачи и приоритетные направления российской внешней политики, можно утверждать, что цивилизационный подход к политической теории и практике приобретает сегодня для России стратегическое значение» [12]. Добавим к этому, что понятие «государство-цивилизация» звучит в документе подобного уровня впервые.

Подводя итоги, отметим, что данная статья представляет из себя постановку проблемы, которая, на наш взгляд, может рассматриваться как направление для дальнейших исследований. Так как цивилизационная теория становится сегодня концептуальной основой для принятия внешнеполитических решений, её развитие требует концентрации интеллектуальных усилий учёных, работающих в этом направлении. В условиях, когда в «постсоветской политической науке проблемы методологического характера являются одними из наиболее очевидных» [13, с. 102], методологическое обоснование цивилизационного моделирования приобретает особое значение, как в теоретическом, так и в практическом смысле.

Список литературы

1. Мчедлова М. М., Букин О. А. Российская цивилизация: цивилизационный подход в политической теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия:

- Политология. – 2023. – Т. 25, № 2. – С. 445-454. – DOI 10.22363/2313-1438-2023-25-2-445-454. – EDN RLVNHT.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. — 816 с.
 3. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. – 496 с.
 4. Сравнительное изучение цивилизаций : Хрестоматия / Сост. Б. С. Ерасов. - Москва : Аспект пресс, 1999. - 555, [1] с.; 22 см.; ISBN 5-7567-0217-2
 5. Цымбурский В.Л. Веб-архив. Русский архипелаг. - URL: <https://web.archive.org/web/20090608185842/http://www.archipelag.ru/authors/cimbursky/>
 6. Культурное наследие как основа национальной идентичности : Первые Панар. чтения, 27 мая 2004 г., Гос. ист. музей, Москва, Крас. площадь / редкол. Громов М. Н., Зарубина Н. Н., Кучмаева И. К. – Москва: ГАСК, 2005. – 141 с. – EDN QNZHPN.
 7. Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, перспективы. Коллективная монография / Коллективная монография / Под общ. ред. В.А. Черешнева, В.Н. Расторгуева. – М.: Издатель Воробьев А.В., 2018. – 440 с.
 8. Сенюшкина Т.А. Харакскому форуму - 20 лет! // Философские науки. 2018. - № 1. - С. 139-154.
 9. Светлов Р. В. Цивилизационные модели описания Российской империи в отечественной и западной философии истории // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2021. – Т. 22, № 4-1. – С. 272-283.
 10. Сергеева О.А. Теоретические модели цивилизационной концепции : диссертация ... доктора философских наук : 09.00.11. - Москва, 2002. - 361 с.
 11. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.). - URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811>
 12. Сенюшкина Т. А. Многополярность как цивилизационный концепт // Политическое пространство и социальное время: диалектика целей и ценностей : Сборник научных трудов XLII Международного Харакского форума, Ялта-Симферополь, 08–10 ноября 2023 года. – Симферополь: ООО "Издательство Типография "Ариал", 2024. – С. 288-294.

13. Сенюшкина Т. А., Сенюшкин Е.А. Управление рисками как методологическая проблема Российской политической науки // XII Южно-российский политологический конвент "Современные риски и кризисы: политический анализ и прогноз" : Материалы Всероссийской онлайн-конференции с международным участием, Ростов-на-Дону; Таганрог, 25–29 октября 2022 года. – Ростов-на-Дону - Таганрог: Южный федеральный университет, 2022. – С. 102-104.

ЗАКАВКАЗСКИЙ ВЕКТОР БРИТАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Синицын И.Б.

*ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,
студент магистратуры
E-mail: sinitsyn.vanya16@mail.ru*

***Аннотация.** В статье рассматриваются различные аспекты экономического сотрудничества Великобритании со странами Закавказья. Особое внимание уделяется ключевой роли Азербайджана и Грузии как транзитных государств в проекте Транскаспийского международного транспортного маршрута «Срединный коридор», который предоставляет возможность Великобритании выйти на рынки азиатских стран и получить доступ к альтернативным источникам природных ресурсов из Центральной Азии. Анализируется взаимодействие Великобритании со странами Закавказья в сфере обороны. Отмечаются не самые внушительные масштабы сотрудничества Великобритании в данном направлении в сравнении с другими акторами (Россия, США, Турция). Автор указывает, что в современных условиях происходит интенсификация сотрудничества Британии со странами региона, что обусловлено обеспечением внешнеэкономических интересов Лондона с Азербайджаном, а с Грузией и Арменией – в рамках общей стратегии НАТО по сдерживанию России на Южном Кавказе.*

***Ключевые слова:** Великобритания, Азербайджан, Армения, Грузия, энергоресурсы, «Срединный коридор», транзитный пункт, торгово-экономическое сотрудничество.*

TRANSCAUCASIAN VECTOR OF BRITISH FOREIGN POLICY: MAIN DIRECTIONS AND PROSPECTS

Sinitsyn I.B.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Sevastopol State University", master's student

E-mail: sinitsyn.vanya16@mail.ru

Abstract. *The article examines various aspects of economic cooperation between Great Britain and the countries of the Transcaucasus. Particular attention is paid to the key role of Azerbaijan and Georgia as transit states in the Trans-Caspian International Transport Route "Middle Corridor" project, which provides the opportunity for Great Britain to enter the markets of Asian countries and gain access to alternative sources of natural resources from Central Asia. The interaction of Great Britain with the countries of Transcaucasia in the field of defense is analyzed. The scale of UK cooperation in this direction is not the most impressive in comparison with other actors (Russia, USA, Turkey). The author points out that in modern conditions, Britain's cooperation with the countries of the region is intensifying, which is due to the provision of London's foreign economic interests with Azerbaijan, and with Georgia and Armenia - within the framework of the overall NATO strategy to contain Russia in the South Caucasus.*

Keywords: *Great Britain, Azerbaijan, Armenia, Georgia, energy resources, "Middle Corridor", transit point, trade and economic cooperation.*

Закавказские республики занимают выгодное расположение, являясь транзитным регионом между Европой и Азией, что способствует возрастанию роли Южного Кавказа, особенно, в связи с переустройством мирового порядка, которое влечет за собой ограничение прежних торгово-экономических отношений и нарушение транспортно-логистических цепочек. Перечисленные факторы стимулируют интерес к региону со стороны как глобальных, так и региональных акторов. Великобритания активизировала взаимодействие с закавказскими республиками в различных сферах, а также в рамках проектов международных транспортных коридоров, которые позволят Лондону получить доступ к развивающимся азиатским рынкам и к альтернативным источникам энергоресурсов.

Теме Южного Кавказа в контексте мировой политики уделяется большое внимание со стороны и зарубежного, и отечественного

научного сообщества. Военно-политическое сотрудничество Великобритании и закавказских республик рассматривают в своих публикациях Е.Г. Энтина, А.М. Наджаров, С.Б. Давранова, Т.Х. Милоян и другие. Г.М. Мусаева уделяет внимание нефтяному фактору в азербайджанской политике Великобритании. На вопросах транспортной геополитики на Южном Кавказе фокусируют свой исследовательский интерес А.А. Маркаров, В.С. Давтян и другие.

Великобритания проводит активную внешнюю политику в отношении Азербайджана на протяжении длительного периода. Рассматривая торгово-экономическую сферу сотрудничества между двумя государствами, стоит обратить внимание прежде всего на нефтегазовый сектор. Еще в первой половине 90-х годов британская ТНК BP стала одним из основных участников «Контракта века», который включал в себя вложения иностранных компаний в разведку и разработку азербайджанских нефтегазовых месторождений. Помимо добычи энергоресурсов, ТНК BP активно инвестировала в инфраструктуру транспортировки нефти и газа из Азербайджана на европейские рынки. Так, долевое участие британской корпорации в проекте по строительству нефтепровода «Баку – Тбилиси – Джейхан» составило 30,1 %.

Проект Южного газового коридора, который был заложен в 2014 году, также реализовывался при участии Великобритании и в целом был направлен на обеспечение европейской энергетической безопасности в условиях ухудшения отношений ЕС с Россией [1]. Сотрудничество в экономической сфере между Баку и Лондоном, в том числе благодаря значительному ресурсному потенциалу Азербайджана, активно развивается и в настоящее время. По итогам 2023 года Великобритания являлась крупнейшим инвестором в азербайджанскую экономику: объем прямых иностранных инвестиций составил 1,8 млрд. долл., что выше показателя за 2022 год на 5,5%. Показатель по товарообороту в 2022 году составил чуть более 1 млрд. долл., что представляет собой невысокое значение относительно других стран, так как Соединенное Королевство занимало 10 место среди торговых партнеров Азербайджана [2].

Выгодное географическое расположение Азербайджана позволяет этой республике занимать позицию ключевого транзитного государства в проектах международных транспортных маршрутов. «Срединный коридор» является одним из таких проектов, который связывает европейские и азиатские рынки в обход России. Из стран Центральной Азии и Китая транспортный маршрут проходит через Баку либо к черноморским портам Грузии Батуми и Поти, либо в

Турцию, а далее следует в порты европейских стран. Интерес Великобритании в стабильном функционировании данного коридора обусловлен, в частности, необходимостью в диверсификации торговых связей в сфере энергоресурсов, редкоземельных металлов и т.д. Подобные намерения Великобритании находят свое подтверждение в подписанном с Казахстаном в апреле 2024 Соглашении о стратегическом партнерстве и сотрудничестве [3].

Баку и Лондон не имеют широкую договорную базу для комплексного военно-технического сотрудничества, однако в некоторых областях между сторонами осуществляется взаимодействие. В первую очередь, это связано с помощью Великобритании в разминировании районов, вернувшихся под контроль Азербайджана. Так, в конце 2020 года на эти цели британской стороной было выделено 1,2 млн. долл. В 2020 году Лондоном было поставлено оборонной продукции на сумму 85,9 млн ф. ст., при этом аналогичный показатель для Армении составил 4,2 млн ф. ст. [4]. Сотрудничество в области военного образования развито не в полной мере, однако Великобритания – единственная европейская страна – приняла участие вместе с Азербайджаном, Турцией, Пакистаном и ОАЭ в учениях «Анатолийский орел – 2023» [5].

Взаимодействие Великобритании и Армении реализуется как в торгово-экономической, так и в военно-технической сферах, однако не в таких масштабах, как с Азербайджаном и Грузией, которые представляют большой геополитический интерес для Лондона. Показатель объема товарооборота между двумя странами в 2022 году составил чуть более 92 млн. долл. [6]. Лидером по прямым иностранным инвестициям стали ОАЭ в 2023 году. Общий объем инвестиций в экономику Армении составил 1,4 млрд. долл. [7]. Таким образом, можно сделать вывод, что размер британских инвестиций совсем не велик относительно других закавказских республик.

Системного военно-технического сотрудничества между Ереваном и Лондоном не осуществляется. Оно развивается поступательно только в области военного обучения и подготовки. Это позволяет оказывать «мягкую силу» на представителей военной элиты Армении. После охлаждения в отношениях между Россией и Арменией Великобритания направила свои усилия на расширение сотрудничества в военной сфере. В ноябре 2023 года Великобритания и Армения подписали документ о стратегическом диалоге. Документ включает в себя обучение английскому языку военнослужащих Армении, сотрудников правоохранительных органов, также

британской стороной будут проведены курсы лидерства для офицерского состава и т.д. Существенной частью стратегического диалога является намерение британской стороны содействовать Армении в управлении границами для решения задач с безопасностью и миграцией [8]. Такая активизация Лондона в контексте оборонного сотрудничества обусловлена, во-первых, стремлением вытеснить военные силы России с Южного Кавказа, что подтверждается заявлением заместителя министра обороны Соединенного Королевства Дж. Хиппи о поддержке решения Армении о заморозке своего членства в ОДКБ [9]. Во-вторых, Великобритания таким образом создает противовес Франции, которая оказывает всестороннюю (в том числе военную) поддержку Еревану.

Как выше было отмечено, Грузия является одним из участников проекта «Срединный коридор», обладая выходом к морю, развитой портовой и транспортной инфраструктурой. Также через территорию республики проходит Южный газовый коридор, нефтепровод «Баку – Тбилиси – Джейхан», которые напрямую связаны с энергетической безопасностью Европы. Помимо функции транзита товаров и энергоресурсов в европейские страны, Грузия представляет собой один из форпостов сдерживания российского влияния в регионе Большого Причерноморья. Тем самым геостратегическая значимость Грузии укрепляется в рамках проектов глобальных акторов, в частности, Великобритании. Рассматривая торгово-экономическую плоскость взаимоотношений Лондона и Тбилиси, стоит указать на то, что объем товарооборота в 2022 году составил примерно 123 млн долл., что больше показателя за 2021 год на 16,4%. Этому способствовало, в том числе Соглашение о свободной торговле между двумя странами, подписанное в 2019 году. Великобритания является крупнейшим инвестором в экономику Грузии. Размер прямых иностранных инвестиций составил 392 млн. долл. в 2023 году [10].

Сотрудничество Великобритании и Грузии в военной сфере активно развивается на протяжении последних двадцати лет. В 2017 и 2018 гг. Великобритания и Грузия подписали план оборонного сотрудничества. При этом основной объем британо-грузинского сотрудничества основывается на рамочных соглашениях Тбилиси с НАТО. Великобритания, США и Литва активно сотрудничают с Бюро кибербезопасности Грузии. На июньском саммите НАТО в 2022 году премьер-министр Соединенного Королевства объявил о выделении Тбилиси более 5 млн. ф. ст., направленных на сопротивление российским кибер-атакам [4]. Важное место в военном сотрудничестве занимают регулярные совместные учения в рамках НАТО. Так, в 2024

году Грузия принимала участие в учениях «Морской щит» в Черном море. Участие также приняли США, Турция, Франция, Румыния, Великобритания и др.

Подводя итог, можно констатировать следующее: Азербайджан, занимая выгодное геополитическое положение, обладая богатым ресурсным потенциалом, является ключевым актором, обеспечивающим энергетическую безопасность и торгово-транспортные коридоры для глобальных держав, в частности, Великобритании. Республика лидирует по объемам прямых инвестиций, вложенных британскими компаниями, а также занимает первую позицию по объемам товарооборота среди закавказских республик. Таким образом, Великобритания заинтересована в сохранении стратегического партнёрства с Азербайджаном.

С Арменией у Соединенного Королевства отсутствует подобное комплексное сотрудничество в торговле и инвестициях, однако Лондон стремится активизировать взаимодействие в оборонной сфере с целью вытеснения России с Южного Кавказа и закрепления своего влияния наряду с другими глобальными державами. Сущность британского содействия в обеспечении безопасности границ пока не раскрыта, но можно предположить, что это предоставит Лондону доступ к дополнительной информации о перемещении в регионе вооруженных сил, потоков мигрантов и т.д., что позволит укрепить влияние Великобритании на Южном Кавказе.

Грузия занимает вторую позицию по объемам британских прямых инвестиций и товарооборота с Лондоном среди закавказских республик, а также является транзитным государством для торгово-транспортных и трубопроводных коммуникаций, в строительстве которых принимала участие ТНК ВР. С целью обеспечения безопасности данной инфраструктуры и сдерживания России на Южном Кавказе Великобритания поддерживает сотрудничество с Грузией в оборонной сфере преимущественно в рамках НАТО.

Список литературы

1. Мусаева Г.М. Нефтяной фактор в азербайджанской политике Великобритании (1991-2022 гг.). Баку: Aspoliqraf, 2023. 312 с.
2. Государственный комитет статистики Азербайджанской Республики [Электронный ресурс]. офиц. сайт. URL: <https://www.stat.gov.az/?lang=az> (дата обращения: 28.04.2024).

3. Новая страница казахско-британских отношений: в Астане подписано Соглашение о стратегическом партнерстве и сотрудничестве [Электронный ресурс]. офиц. сайт. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/news/details/758062?lang=ru> (дата обращения: 02.05.2024).
4. Энтина Е.Г., Наджаров А.М., Давранова С.Б., Милоян Т.Х. Военно-политическое присутствие Великобритании на Южном Кавказе. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 34 с.
5. Турция стала центром масштабных учений [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yenisafak.com/ru/world/3701> (дата обращения: 01.05.2024).
6. Министерство иностранных дел Республики Армения [Электронный ресурс]. офиц. сайт. URL: <https://www.mfa.am/ru/bilateral-relations/gb> (дата обращения: 27.04.2024).
7. ОАЭ стали крупнейшим инвестором в экономику Армении [Электронный ресурс]. URL: <https://www.businessemirates.ae/news/uae-property-news/oea-stali-krupneyshim-investorom-v-ekonomiku-armenii/> (дата обращения: 28.04.2024).
8. Ереван и Лондон подписали первый документ о стратегическом диалоге: что он подразумевает? [Электронный ресурс]. URL: <https://am.sputniknews.ru/20231115/erevan-i-london-podpisali-strategicheskiy-dokument-68619321.html> (дата обращения: 02.05.2024).
9. Британия готова оказать Армении поддержку в вопросе "угроз" из РФ – СМИ [Электронный ресурс]. URL: <https://am.sputniknews.ru/20240310/britaniya-gotova-okazat-armenii-podderzhku-v-voprose-ugroz-iz-rf---smi-73216390.html> (дата обращения: 02.05.2024).
10. National statistics office of Georgia [Электронный ресурс]. офиц. сайт. URL: <https://www.geostat.ge/en/modules/categories/191/foreign-direct-investments> (дата обращения: 01.05.2024).

**СОВЕТСКОЕ ИДЕОКРАТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО
В КУЛЬТУРНОЙ КОСМОГОНИИ РУССКОЙ ИСТОРИИ
(К 70-ЛЕТИЮ МАРИИ НАУМОВНЫ ВИРОЛАЙНЕН)**

Трухан А.В.

*Кандидат философских наук, доцент
Ростовское отделение Российского философского общества,
г.Ростов-на-Дону*

E-mail: axioma.maxima@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению культурологической концепции М.Н. Виrolайнен, замысленной как реконструкция по источникам русской словесности единого сюжета русской истории. Главным предметом исследования является определение места советского идеократического государства в культурном космосе русской истории Виrolайнен. Для достижения поставленной цели осуществляется реконструкция базовых категорий рассматриваемой концепции. В ходе проведенного анализа делаются выводы о соответствии результата исследования масштабу авторского замысла и несоответствию итоговых выводов заявленной актуальности. Для устранения последнего недостатка предлагается осуществить интерпретацию концепции Виrolайнен в идеократической парадигме и новозаветной эсхатологической логике истории.*

Ключевые слова: *70 лет М.Н. Виrolайнен, культурный космос русской истории, метаморфозы русской словесности, канон, парадигма, словесность, непосредственное бытие, четырехуровневая культура, советское идеократическое государство*

**THE SOVIET IDEOCRATIC STATE IN THE CULTURAL
COSMOGONY OF RUSSIAN HISTORY (TO THE 70TH
ANNIVERSARY OF MARIA NAUMOVNA VIROLAINEN)**

Trukhan A.V.

*Candidate of Philosophy, Associate Professor
Rostov branch of the Russian Philosophical Society,
Russia, Rostov-on-Don*

E-mail: axioma.maxima@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the consideration of the cultural concept of M.N. Virolainen, conceived as a reconstruction based on sources*

of Russian literature of a single plot of Russian history. The main subject of the study is to determine the place of the Soviet ideocratic state in the cultural cosmos of Russian history Virolainen. To achieve this goal, the basic categories of the concept under consideration are reconstructed. In the course of the analysis, conclusions are drawn about the correspondence of the research result to the scale of the author's intention and the discrepancy between the final conclusions and the scale of the declared relevance. To eliminate the last drawback, it is proposed to interpret Virolainen's concept in the ideocratic paradigm and the New Testament eschatological logic of history.

Keywords. *70 years old M.N. Virolainen, cultural cosmos of Russian history, metamorphoses of Russian literature, canon, paradigm, literature, immediate existence, four-level culture, Soviet ideocratic state.*

Подготовка к празднованию 225-летия со дня рождения А.С. Пушкина вывела нас на встречу с текстами М.Н. Виролайнен, свидетельствуя в очередной раз, что Александр Сергеевич соединяет и устраивает судьбы людей, ищущих ответ на основной вопрос русской мысли – о судьбе и предназначении России в мировой истории. Культурное потрясение от этой встречи привело к постановке в качестве первоочередной исследовательской задачи изучение концепции, представленной автором в двухтомнике ее работ [1, 2]. Поиск выхода из кризиса постсоветской идентичности на пути продолжения прерванного советского проекта настоятельно потребовал освоения понятийного аппарата и результатов исследования Виролайнен. Первый итог проделанной работы – эта статья, которая насыщена обильным цитированием авторского текста, потому что ее терминологический строй невозможно ничем заменить. *Основная цель* нашей работы – рассмотреть возможность применения концепции автора в решении стоящей перед нами теоретической задачи – проверить на историческом материале русской словесности основные положения разрабатываемой нами концепции русского идеократического сознания.

1. Базовый постулат и метод исследования, масштаб замысла и масштаб актуальности концепции М.Н. Виролайнен. Словесная ткань, в которую облакается мысль автора – череда микро и мини-шедевров. К одному из таких шедевров относится базовый постулат ее концепции: «История существует в облачении слова, которое закрепляет за случившимся определенный смысл, проявляет в нем черты сюжета. Подвергаясь словесному выражению, событие

неизбежно подвергается интерпретации – хотя бы уже потому, что слово – особая субстанция, отличная от той сферы бытия, в которой непосредственно разворачиваются экзистенциальные акты» [1, с. 14].

Из этого постулата выводится обоснование метода исследования: «И если историческая наука последних столетий направлена на критику слова, осуществляемую с целью пробиться назад, к лишенным словесных покровов актам..., то филология вправе поступать иначе. Она вправе рассматривать исторический сюжет не как совокупность «достоверных» фактов, а как предание, творимое в рамках словесности, интерпретирующее национальное бытие и свидетельствующее о нем» [1, с. 15].

Далее совершается переход к определению русской словесности как грандиозному историческому преданию, созидаемому в летописях, житиях, стихах, романах, которое от документальных отличается лишь одним существенным признаком – «волей к сюжету» и ставится исследовательской задачей, масштабность которой выходит далеко за пределы филологической дисциплины и литературоведческого исследования – *«описать трансформации русской словесной культуры XI – XX веков как единый исторический сюжет»* [1, с. 15].

От масштаба замысла голова кругом идет, но представленный результат его реализации не менее впечатляет своей концептуальной целостностью и обоснованностью, рядом с которым можно поставить, пожалуй, лишь концепцию социокультурной динамики России А.С. Ахизера. При этом необходимо указать и на заявленный масштаб актуальности темы.

В статье 1994-го года набатом звучат слова: «Мы стоим на грани крупнейшего слома времен, крупнейшей качественной трансформации культуры. /.../ Культурное сознание уже перестает вмещать в себя многое и многое. /.../ Если... сразу подвести его возможный итог, можно сказать, что очень скоро мир будет по-новому различен, в нем будут проведены другие границы, в нем будут выделены другие объекты, и это неминуемо повлечет за собой другой способ существования человека. /.../ Вопрос, который мы пока еще вольны решать, заключается только в одном: если человечество выживет, ...будут ли «новое небо» и «новая земля» отделены бездной от того культурного космоса, которому принадлежат наше сознание и наша жизнь, - или же мы, вопреки почти очевидной невозможности этого, найдем средства для восстановления культурной связи времен, для преодоления бездны, разверзающейся между нами и будущим» [2, с. 15, 16].

Для того, чтобы преодолеть эту невозможность восстановления культурной связи времен, автор собственно и предпринимает свое исследование и создает *концепцию культурной космогонии русской истории*. «Анализ исторических трансформаций русской словесной культуры и выявление закономерностей этого процесса предприняты ради того, чтобы вписать современное состояние русской словесности в большой, единый и связный исторический контекст. Иными словами – ради того, чтобы совершить акт исторического самоотчета, опознать тот сюжет, участниками которого все мы являемся» [1, с. 15-16].

Наша задача как-раз-таки и состоит в том, чтобы «*познать тот сюжет, участниками которого мы являемся*», – использовать разработанный автором понятийный аппарат в исследовании современных процессов социально-политической трансформации мира и определения места постсоветской России в этих процессах. *Главным предметом нашего исследования является определение места советского идеократического государства в культурном космосе русской истории* Виролайнен.

2. *Онтология русской истории и историософия русской словесности*. В заглавие данной статьи вынесено данное нами название концепции М.Н. Виролайнен «*культурная космогония русской истории*», которое, на наш взгляд, наиболее точно соответствует реализации авторского замысла рассмотреть историю русской словесности как непосредственное *продолжение библейской истории*. Автор говорит: «Всю совокупность сохранившихся текстов можно было бы рассмотреть как *грандиозный миф русской истории* или как вереницу мифов, сменяющих друг друга, но и преемствующих один другому. «Текст» русской словесности, взятый под этим углом зрения, в чем-то подобен *библейскому*: множество разных сюжетов складывается в единую монументальную картину, которая призвана передать *сакральный смысл* истории (курсив наш – А.Т.)» [1, с. 19].

По сути дела, автор ставит задачу *реконструкции библейского мифа русской истории*, для реализации которой разрабатывает свой концептуальный аппарат, в котором можно выделить два больших теоретических раздела: «*культурный космос русской истории*» и «*структурный закон исторических трансформаций русской словесности*». Исходным материалом являются мифы русской словесности, а сам процесс реконструкции представляет собой рационализацию мифической реальности. Данный способ теоретизации позволяет применить к анализу конструкции Виролайнен разработанную нами *методологию социального*

конструирования в понятиях «рационализация – отчуждение – секуляризация» [4].

Определяя миф как феномен сознания, в котором существование вещей рассматривается в перекрестии вертикальной онтологической оси мироздания с горизонтальной осью времени, мы выделяем в его структуре *онтологическое* и *историософское* содержание. В первом раскрывается содержание мифической реальности, зафиксированное в точке явленности абсолюта, во втором — осуществляется теоретическое разворачивание онтологического содержания в социальном-историческом пространстве и времени [4, с. 484-485].

Первый теоретический раздел концепции Виролайнен раскрывает *онтологическую структуру мифической реальности, второй – историософское связывание разрозненных мифов в единый сюжет*. Так как в концептуальном аппарате Виролайнен *отсутствует категория Промысла Божьего*, то данная конструкция получила у нас название «*культурная космогония русской истории*». Основные категории этой концепции могут быть схематично даны в следующих определениях.

В *онтологической структуре культурного космоса русской истории* автор выделяет *четыре культурных уровня*: канона, парадигмы, словесности и непосредственного бытия. В *историософской схеме периодизации истории русской словесности* различаются *четыре культурные эпохи*: эпоха канона (четырёхуровневая), эпоха парадигмы (трехуровневая), эпоха двухуровневая и эпоха одноуровневая.

Канон – это базовый культурный уровень, на котором передача смыслов осуществляется рационально невыразимым, дословным, неявным, невоплощенным способом трансляции. *Парадигма* – это второй уровень, на котором дословное содержание культурного канона получает форму воплощения, рациональное обоснование и упорядоченность. *Парадигма* относится к канону как закон к духу закона или репродукция к творчеству. Словесность – это третий уровень, в буквальном смысле все, что говорится и пишется. Слово выступает посредником между высшими уровнями (канон, парадигмой) и низшим – *непосредственным бытием*, которое определяется как четвертый уровень культуры – «простое физическое бытие, весь тот круг человеческой жизни, который наиболее близок к стихийной природной жизни» [2, с. 22].

Основываясь на введенной системе категорий, автор выделяет *четыре культурных эпохи русской истории*. *Эпоха канона* определяется как *четырёхуровневая*, потому что являет в себе полноту

включения всех структурных уровней культурного космоса – слово здесь взаимодействует со всеми тремя уровнями культуры. Это эталонная эпоха, являющая в себе совершенное воплощение идеальной модели, которая соответствует древнерусскому периоду истории России (русскому «средневековью»). *Эпоха парадигмы* представляет собой переход на более низкий культурный уровень, в которой взаимодействия слова с каноном редуцируется. Она начинает складываться в XVII веке и завершается в начале XIX века. *Эпоха двухуровневая* формируется, когда редуцируется взаимодействие слова с парадигмой и начинается взаимодействие слова и непосредственного бытия друг с другом – это классический период XIX-го века. *Эпоха одноуровневая* начинает тяготеть к форме непосредственного бытия, т.е. из культурного космоса русской истории редуцируются все культурные уровни общественного единства (канон, парадигма, словесность) и остается одно непосредственное бытие, в котором воспроизводство каждого из уровней приобретает частный автономный характер. Это – «культурная эпоха, переход к которой, как кажется, *происходит сейчас*, хотя ее наступление назрело еще в начале XX века, но тогда *было искусственно прервано* (курсив наш – А.Т.)» [1, с. 35].

Последнее добавление, выделенное курсивом, для нас имеет чрезвычайное значение, потому что высказывания «*происходит сейчас*» и «*было искусственно прервано*» являются указаниями на предмет нашего исследования – *советскую культурную эпоху*.

3. *Советская эпоха в регрессивной логике культурного космогенеза М.Н. Виролайнен*. Обнаруженное автором «*искусственное прерывание*» естественного перехода от двухуровневого типа культуры к одноуровневому, соответствующего советской культурной эпохе, требуют пояснения. *Что это?* – Некоторая усложняющая деталь действительности в обобщенной схеме регрессивной логики культурного космогенеза, которой можно пренебречь? Или – социокультурная аномалия, которая требует особого теоретического внимания для понимания специфики современных процессов? Похоже на то, что автор придерживается первого варианта ответа, мы же в своей интерпретации отдаем предпочтение второму.

Пояснения, которые дала М.Н. Виролайнен, озаглавлены «*Советское время: реставрация четырехуровневого и двухуровневого типов культуры*». Прежде всего, автор фиксирует понятие «*естественного*» развития русского культурного космоса как формирование *одноуровневой модели*, «в рамках которой слово и непосредственное бытие стремятся расположиться в одной плоскости»

[1, с. 456]. Двухуровневая культура пушкинской эпохи «естественным» путем деградирует до одноуровневой модели. Показательным для понимания этого процесса является переход в инобытие русской словесности, который совершает в своем творчестве Набоков – «его творчество является, вероятно, самым значительным из всего, что создано эмиграцией, но прежде всего потому что, уйдя из русской словесности, Набоков закрыл последнюю страницу русской классической литературы» [1, с. 444].

«Естественный» распад русского культурного космоса был «искусственно» прерван реализацией советского «космогонического мифа в пространстве социально-историческом», созиданием «нового неба» и «новой земли» [1, с. 456]. «Искусственной» является «сталинская культура», которая «представляла собой не что иное, как парадигмальное предначертанное строительство такого типа культуры, в котором вновь были бы актуализированы все четыре уровня» [там же, с. 457]. «Стали прекрасно имитирующие то, что принадлежало сфере канона: власть народа, светлое будущее, победа коммунизма. Жизнь стала осмысляться как служение этим ценностям, а формы служения начали получать жесткую парадигмальную закрепленность. /.../ Словесность во всех ее видах (писательство, ораторство, пресса) занимает почетное место. Вместе с псевдоканоном и парадигмой она оказывает всестороннее воздействие на непосредственное бытие (курсив наш – А.Т.)» [1, с. 457].

Важнейшим признаком «искусственности» является «имитация» канона, которая прочитывается нами из текстов Виролайнен как «создание ложной сакральности культуры», поэтому автор и называет канон сталинской культуры «псевдоканоном», которому соответствует «парадигмальная государственность тоталитарного режима». «Имитируется канон, выковывается парадигма, на свое место встает зависимая от них словесность и обеспечивает связь всех уровней с непосредственным бытием. Так воздвигается классическое царство Великого Инквизитора, где все создано по «образу и подобию» и в то же время все подменено» [1, с. 458]. Достаточно было подменить канон, чтобы все остальное стало подменой и имитацией.

Однако эта имитация традиции не выдерживает конкуренции с подлинной традицией – поэтому в ход идут репрессии. Но стоило разоблачить ложную сакральность канона, как рухнула и ложная парадигмальность сталинского государства. «Разоблачение культа личности явилось одновременно разоблачением мифологии, на котором держалась сталинская культура. Был разрушен псевдоканон,

было разрушено парадигмальное нормирование жизни. Искусственно созданная четырехуровневая система рухнула. Русская культура снова оказалась на том рубеже, на котором она была в первом десятилетии XX века...» [1, с. 459] Произошло возвращение к подлинной традиции двухуровневой культуры, которая «была представлена и высокой поэзией (Ахматова), и филологией, и главное – интеллигенцией, которая как на уровне сознания, так и на уровне бытового поведения сохранила те черты, которые были свойственны культуре слова» [1, с. 459].

После демонтажа сталинского идеократического государства русский культурный космос вернулся в прежнее свое состояние естественного распада двухуровневой культуры, в который вошла Россия в начале XX века. Так с начала 60-х годов уже в советской двухуровневой культуре в силу неразрешенности своих противоречий продолжился распад общего смыслового уровня словесности, который привел к краху советского государства и продолжил свой переход к одноуровневой модели в постсоветский период. Важно при этом отметить, что этот переход совершается в русском космосе совместно с общеевропейской культурой в явлении постмодернистского сознания [1, с. 475].

Постмодернизм трактуется автором, как переход границы «инобытия», за которой «мы теряем себя, нарушаем собственную самоидентичность – и, рискуя погибнуть, так и не восстановив ее, все же получаем шанс на то обновление, которое сообщает жизни сюжетную составляющую» [1, с. 474]. «Естественный» структурный закон исторической трансформации русского культурного космоса неизбежно влечет культурное бытие в бездну хаоса культурной энтропии.

Как же может быть использован введенный автором концептуальный аппарат для решения поставленной задачи – «преодоления бездны, разверзающейся между нами и будущим»? В соответствии с регрессивной логикой культурного космогенеза Виролайнен впереди нас ждет неизбежный распад одноуровневой культуры – переход в инобытие русской культуры, за чертой которого «культурный космос окажется еще раз заново и самым решительным образом переструктурирован» [1, с. 475]. Наш удел заключается в «совершении подробного самоотчета» для того, чтобы позаимствовать в архаическом механизме обряда способность интерпретировать «жизнь как сюжет» и явить «волю к сюжету» [1, с. 475, 476].

Прочитав эти выводы в заключении второго тома, мы вынуждены признать, что полученный автором результат не соответствует

заявленному масштабу актуальности темы. Ставя задачу отыскания возможности восстановления связи времен и преодоления бездны между настоящим и будущим, нам в заключении предлагается фаталистическое созерцание крушения русского космоса. Это похоже на то, что автор вместо продолжения сюжета русской истории просто обрывает этот сюжет, рассчитывая на запуск нового цикла космогонического процесса русской истории. В этом космогония Виролайнена тождественна регрессивной космогонии Платона [3, с. 86-91]. Но циклический фатализм платоновской историософии преодолен христианской эсхатологией. Поэтому мы не можем принять предлагаемые выводы Виролайнена.

Однако это ни в какой мере не отменяет теоретической значимости развернутой автором концепции для решения стоящих перед нами задач. Мы полагаем, что интерпретация ее концепции и полученных результатов исследования в идеократической парадигме и новозаветной эсхатологической логике истории позволит нам обосновать иной выход из сложившейся катастрофической ситуации – использовать советский опыт восстановления четырехуровневой культуры для решения той же задачи, с которой встретила Россия в начале XX века. Для нас несомненным является постулат, что *сталинское идеократическое государство* остановило выход на сцену мировой истории фигуры Великого Инквизитора и задержало переход глобального мира в апокалиптическую стадию развития на целое столетие. Эта же задача стоит перед нами сегодня. Ее решение видится нам в *продолжении советского проекта на традиционном сакральном основании – духовно-нравственном идеале совершенной личности Христа*. В категориях концепции Виролайнена это означает восстановление в структуре русского культурного космоса *древнерусского канона духовно-нравственного преображения личности и советской парадигмы государственного строительства совершенного общества*.

Но это уже тема другого исследования, путь к которому открывает концептуальный шедевр позднесоветской эпохи, созданный Марией Наумовной Виролайненой.

Список литературы

1. Виролайнена М.Н. Исторические метаморфозы русской словесности. СПб.: Амфора, 2007. — 494 с.
2. Виролайнена М.Н. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. – СПб.: ООО «Издательство

«Пальмира»; ООО «Книга по Требованию», 2016. – 503 с.

3. Трухан А.В. Идеальное государство Платона и наилучшая форма государства Аристотеля в идеократической парадигме мысли // Европейский способ мысли и русская философия: лики цивилизационной компаративистики: монография / Н.В. Бекетова, М.А. Дидык, А.Н. Ерыгин, А.А. Кириллов, О.М. Мурадян, М.К. Петров, А.В. Трухан, И.И. Улитчев, В.В. Щетников, А.В. Южно. Южный федеральный университет; отв. ред. и авт. предисловия М.А. Дидык. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2022. - С. 79-116.
4. Трухан А.В. Русское и европейское теократическое мышление в идеократической парадигме: мифические, онтологические и историософские предпосылки возвращения России в мировую историю // Правовая теология в междисциплинарном дискурсе: монография / отв. ред. А. И. Овчинников. — М.: РФ-Пресс, 2023. — С. 471-498.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЕВРОПЫ

Боян Н. Шево

Доктор политических наук,

*Институт сербской культуры Приштина-Лепосавич, научный
сотрудник*

E-mail: bojansevo78@gmail.com

Аннотация. Энергетическая безопасность является важнейшим вопросом для национальной безопасности государств, но также и выживания современного общества в том виде, в каком мы его знаем сегодня. Постоянный рост спроса на энергоносители, а также неравномерное представительство этих ресурсов между странами приводит к критической зависимости их экономического развития. Энергетические проблемы, с которыми сталкивается Европа, становятся все более сложными и угрожают безопасности и экономической стабильности континента.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, вызовы безопасности, стратегия безопасности ЕС, концепция устойчивого развития.

ENERGY SECURITY OF EUROPE

Bojan N. Ševo

Doctor of political science,

Institute of Serbian Culture Prishtina - Leposavic, research associate

E-mail: bojansevo78@gmail.com

Abstract. Energy security is a crucial issue for the national security of states, but also for the survival of modern society as we know it today. The constant growth of the demand for energy, as well as the uneven representation of these resources between countries, leads to the critical dependence of their economic development. The energy challenges facing Europe are becoming increasingly complex and threaten to threaten the continent's security and economic stability.

Keywords: energy security, security challenges, EU security strategy, concept of sustainable development.

В существующем научном сообществе нет общего согласия при определении понятия «безопасность». Часть авторов понимает безопасность как отсутствие угроз безопасности со стороны всех форм и всех носителей угрозы; согласно другому пониманию, безопасность — это единое целое, система и процесс, в определенном времени и пространстве. Согласно третьему пониманию, безопасность выступает как ценность (государственная, национальная, политическая и т.п.) и как инструментальная ценность, которая объясняется как способ реализации безопасности в совокупности, что означает, прежде всего, реализацию свободы, жизни, работы, передвижения и т.д.

Мы можем определить безопасность как способность отдельного человека, группы, системы и государств выживать, расти и развиваться независимо от типов и форм угроз. Концепция безопасности представляет собой основную человеческую потребность отдельных лиц, групп и государств, неотъемлемой частью которых она является. «Понятие безопасности является одной из центральных категорий науки о международных отношениях, наряду с понятиями войны и мира, взаимные связи и отношения которых имеют существенное значение» [1, с. 11-12].

Термин «энергетическая безопасность» представляет собой лишь один из сегментов общей безопасности, но благодаря своим характеристикам он также представляет собой особую форму безопасности. Чаще всего его определяют как наличие энергоресурсов, что подразумевает непрерывность поставок, приемлемые и стабильные

цены, физическое обеспечение маршрутов газопроводов и нефтепроводов, политическую стабильность стран-экспортеров энергоносителей. Ускоренная индустриализация, постоянный рост спроса на энергоносители и ограниченность распределения энергоносителей привели страны к энергетической и политической зависимости от стран-экспортеров.

Вызовы энергетической безопасности Европы

Когда мы смотрим на вызовы энергетической безопасности Европы, мы видим, что она определяется политическими отношениями между Европейским Союзом, Российской Федерацией и странами-экспортерами энергоносителей из Ближнего Востока и Северной Африки. Политическая дестабилизация упомянутых регионов и государств напрямую влияет на все аспекты энергетической стабильности Европы. Мы можем констатировать, что международные отношения заметно ухудшились из-за конфликтов в Украине и на Ближнем Востоке и что дальнейшая тенденция угрожать энергетической стабильности очевидна, с возможностью дальнейшего ухудшения.

Вооруженные конфликты на Украине привели к поляризации и конфронтации между Россией и странами Евросоюза во главе с Соединенными Штатами Америки. Транзитные маршруты нефтепроводов и газопроводов, а также санкции Европейского союза и США против энергетических компаний страны-экспортера (России) привели к серьезным перебоям в поставках, изменениям цен на энергоносители, а также их текущей и будущей доступности энергоносителей для ЕС. Символом политической и энергетической конфронтации остается диверсия (взрыв) на газопроводе «Северный поток» в Балтийском море, остающаяся необъяснимой даже после расследования. Проблематичным остается и заявление президента США Джо Байдена на совместной пресс-конференции с канцлером Германии Олафом Шольцем о том, что Северного потока-2 не будет, если Россия вторгнется в Украину (Агентство Бета-АП: 2022 г).

Конфликты на Ближнем Востоке между Израилем и Ираном, которые грозят перерасти в открытую войну и тем самым ставят под угрозу существующие пути поставок газа и нефти, также способствуют проблеме энергетической стабильности и безопасности в Европе. Ормузский пролив является важным стратегическим местом международной торговли, по которому транспортируется треть мирового сжиженного газа и около 25% мирового потребления нефти. По всем параметрам конфликт между Израилем и Ираном может

оказаться разрушительным для мировой экономики с неисчислимыми последствиями для благосостояния населения.

В то время как источники природного газа и нефти имеют ограниченное распространение, угольные месторождения доступны в большинстве районов Европы. Давняя традиция использования угля в качестве источника энергии и его богатые месторождения не представляют собой проблемы безопасности на международном уровне. Эксплуатация и сжигание угля приводит к серьезным проблемам для окружающей среды и здоровья, а также к ускоренному парниковому эффекту. Именно из-за экологических проблем и проблем со здоровьем большинство стран Европы ограничивают его использование и пытаются переориентироваться на более чистые виды энергии.

Помимо использования ископаемого топлива, в Европе все больше и больше стран обращаются к использованию ядерной энергии и ее потенциалу. В Европе существуют разные взгляды на использование ядерной энергии, при этом в одних странах они запрещены, в других разрешены, но есть примеры приостановки ее использования. Хорошо спроектированные атомные электростанции надежны, безопасны, экономически приемлемы и экологически чисты [4]. Проблема возникает с потреблением урана в качестве топлива, радиоактивные остатки которого должны храниться в соответствии с самыми строгими стандартами, но остаются долгосрочной угрозой для окружающей среды. При всех преимуществах атомных электростанций потенциальную опасность представляют возможные человеческие ошибки при проектировании и использовании ядерной энергии. Крупнейшая ядерная катастрофа произошла в 1986 году в Советском Союзе в Чернобыле, когда реактор взорвался и выбросил радиоактивное облако, распространившееся по европейскому континенту. Последовавшее за этим загрязнение было в 9 раз сильнее, чем взрыв атомной бомбы, сброшенной США на город Хиросиму в Японии. В результате землетрясения, вызвавшего цунами в 2001 году, на АЭС Фукусима в Японии произошла ядерная катастрофа. Эта ядерная катастрофа максимального, 7-го уровня по Международной шкале ядерных событий, что является самой страшной аварией мирного времени после чернобыльской катастрофы.

Наименее распространенными источниками энергии, используемыми сегодня, являются возобновляемые источники энергии, к которым относятся: солнечная энергия, энергия ветра, гидроэнергетика, энергия биомассы и биотопливо. Проблема с возобновляемыми источниками энергии заключается в очень высоких

инвестициях, они в основном используются для производства электроэнергии и не имеют достаточной мощности для промышленности. Экологическая и экономическая приемлемость возобновляемых источников энергии делает их очень подходящими для долгосрочного использования.

Стратегия энергетической безопасности Европейского Союза

Новая стратегия и цели Европейского Союза, принятые в 2014 году, связаны с энергоэффективностью, энергетической безопасностью и снижением воздействия на изменение климата.

Цели ЕС по энергетической безопасности на период 2020-2030 гг. включают [5]:

- * Сокращение выбросов парниковых газов не менее чем на 40% по сравнению с 1990 годом;

- * Достижение доли потребления энергии в ЕС из возобновляемых источников энергии на 32%;

- * Повышение энергоэффективности в ЕС на 32,5%, следуя цели 20% к 2020 году;

- * Увеличение подключения электроэнергии стран ЕС до 15% к 2030 году.

Для достижения целей энергетической стратегии до 2030 г. были установлены пять приоритетов [6].

- * Снизить потребление и повысить эффективность производства, транспорта и энергопотребления;

- * Построить единый энергетический рынок путем строительства газопроводов и другой инфраструктуры;

- * Защита прав потребителей и обеспечение высоких стандартов безопасности в энергетической сфере;

- * Ускорение процесса развития возобновляемых источников энергии;

- * Установить хорошие отношения между ЕС и странами, поставляющими им энергию, а также со странами-посредниками.

Стратегии Европейского союза по энергетической безопасности на 2020-2030 годы, согласно заявленным приоритетам, не были выполнены в отношении плана международного сотрудничества ЕС со странами-экспортерами энергоносителей, в первую очередь с Россией. Дальнейшая конфронтация в европейском соседстве будет иметь далеко идущие негативные последствия для энергетической безопасности европейского континента и его граждан.

Концепция устойчивого развития

Концепция устойчивого развития была использована в качестве возможной модели развития в 1987 году на 42-й сессии Генеральной

Ассамблеи ООН, в докладе Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию под названием «Наше общее будущее» (доклад Брундтланда). В докладе дается определение устойчивого развития, как предупреждение о нынешней эксплуататорской политике в отношении энергоресурсов. «Развитие должно отвечать потребностям нынешнего поколения, не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворить свои потребности. Если развитие определяется как повышение благосостояния, то устойчивое развитие означает отсутствие снижения благосостояния с течением времени» [2, с. 28]. В качестве неявных требований концепции энергетической устойчивости можно перечислить следующие: сохранение энергетических ресурсов, эластичность энергетического сектора, стабильность мирового рынка, предотвращение монополий в сфере энергетики, повышение энергетической стабильности и безопасности [3, с. 18].

Если объем экономического производства увеличится (в результате увеличения потребления энергии и сырья, а также увеличения числа жителей), оно обязательно будет в большей степени использовать природные ресурсы и экологические услуги [7, с. 27].

Усугубление изменения климата на глобальном уровне остается одним из наиболее важных рисков безопасности для человечества. Парижское соглашение по климату в рамках Организации Объединенных Наций является попыткой снизить этот риск путем принятия мер по ограничению повышения температуры до 1,5 градуса по сравнению с доиндустриальной эпохой.

Список литературы

1. Terrif Terry, Stuart James, Morgan Lucy. *Security study today*. Cambridge: Polity Press, 1999.
2. Mackay David. *Sustainable energy*. Cambridge Ltd., 2009.
3. Радовановић Мирјана, Додић Синиша, Попов Стеван. *Менаџмент одрживе енергије*. Београд, 2013.
4. International atomic energy agenc. *Nuclear power for a clean energy future*. Vienna, 2017.
5. https://www.iaea.org/sites/default/files/publications/magazines/bulletin/bull/bull584_nov2017_corr.pdf.
6. Georgios Amanatidis. *European policies on climate and energy towards 2020, 2030 and 2050*. European Commission, Policy Department for Economic, Scientific and Quality of Life Policies Directorate-General for Internal Policies, 2019. URL:

[https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/631047/IPOL_BRI\(2019\)6_31047_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/631047/IPOL_BRI(2019)6_31047_EN.pdf)

7. EnergyUnion. URL: <https://ec.europa.eu/energy/en/topics/energy-strategy-and-energyunion/2030-energy-strategy>
8. Радовановић Мирјана. *Енергетска безбедност*. Универзитет Едуконс, Сремска Каменица 2019.

ЗЛОНАМЕРЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИИ КАК УГРОЗА МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Шеметова Ю.Н.

*Санкт-Петербургский государственный университет
Студент 1 курса магистратуры направления «Искусственный интеллект и международная безопасность»
E-mail: yuliashemetova@mail.ru*

***Аннотация.** Искусственный Интеллект открывает новые реалии и возможности как для государства, так и для граждан. Новые умные технологии позволяют упрощать жизнь человека. Однако существует потенциальная опасность от злонамеренного использования технологий ИИ. Искусственный интеллект оказывает влияние на информационную систему безопасности государства. К примеру, кибератаки. Также ЗИИИ опасно для психологической безопасности личности. К примеру, дипфейки. Непроработанная нормативно-правовая база данной области также усугубляет ситуацию. Все в это, в свою очередь, привело к стиранию границ между информационным и реальным миром.*

***Ключевые слова:** искусственный интеллект, злонамеренное использование технологий ИИ, дипфейки, кибертерроризм, военная сфера.*

MALICIOUS USE OF AI TECHNOLOGIES AS A THREAT TO INTERNATIONAL INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL SECURITY

Shemetova Y.N.

*St. Petersburg State University
1st year student of the Master's degree in Artificial Intelligence and International Security
E-mail: yuliashemetova@mail.ru*

Abstract. *Artificial Intelligence opens new realities and opportunities for both the state and citizens. New smart technologies make it possible to simplify human life. However, there is a potential danger from the malicious use of AI technologies. Artificial intelligence has an impact on the information security system of the state. For example, cyber-attacks. It is also dangerous for the psychological safety of the individual. For example, deep fakes. The undeveloped regulatory framework in this area also exacerbates the situation. All this, in turn, led to the blurring of the boundaries between the information and the real world.*

Keywords: *artificial intelligence, malicious use of AI technologies, deepfakes, cyberterrorism, military sphere.*

Учитывая современные геополитические реалии, становится очевидно, что технологии искусственного интеллекта выходят на передний план в стратегиях развития ведущих акторов мировой политики. Вместе с этим потенциальной растущей угрозой является риск злонамеренного использования ИИ. В свою очередь, он напрямую влияет на систему информационной безопасности и на психологическую безопасность личности.

Общая система международного права и само правовое регулирование не успевает подстраиваться под быстроменяющийся и модернизирующийся искусственный интеллект. Проблема терминологического аппарата, характеристик и классификаций остро стоит в данный момент. В связи с этим, справедливое наказание за злонамеренное использование искусственного интеллекта практически невозможно осуществить.

Утрата частичного или полного контроля над искусственным интеллектом представляет особую опасность для человечества. ИИ можно охарактеризовать как «ящик Пандоры». Уже сейчас люди активно внедряют технологии искусственного интеллекта в свою жизнь. Иногда даже заменяя бытовые дела. Невозможно предугадать путь развития того или иного ИИ, в связи с тем, что заинтересованные лица могут сменить траекторию и начать использовать искусственный интеллект в противоправных действиях. Население должно быть обеспокоено о социальных последствиях внедрения искусственного интеллекта в их жизни.

Дипфейки являются потенциальным способом обмана населения, с целью получения желаемой реакции у той или иной группы граждан. Такое ЗИИИ несет в себе опасность митингов, так как чаще всего технологии по созданию дипфейков направлены на политическую сферу международных отношений, а именно на политиков, их

предвыборные кампании и иные выступления. Мировая общественность уже достаточно большое количество раз сталкивалась с подобными событиями. И здесь очевидна тенденция – сложности определения дипфейка. Технологии ИИ позволяют сделать их крайне реалистичными и убедительными.

Искусственный интеллект также внедряется в военную сферу. К примеру, в комплексах противоракетной (ПРО) и противовоздушной обороны (ПВО). В данном случае задача технологий ИИ состоит в ускорении обработки данных, поступающих от средств контроля воздушно-космической обстановки и предупреждения о ракетном нападении, а также в автоматическом управлении средствами обороны. Роботизированные системы также совершенствуются с помощью ИИ. Здесь суть в дистанционном управлении и возможности робота вернуться на базу в случае потери связи с центром управления. Кибератаки с помощью искусственного интеллекта имеют уникальную особенность, а именно невозможность отследить источник. Перманентно прогрессирующие технологии ИИ могут скрывать след и увеличивать ущерб. Заинтересованные, в финансировании злонамеренного использования искусственного интеллекта, лица могут развивать отрасли ИИ, которые в будущем будут иметь пагубное воздействие на военную сферу. Возможные военные действия, в таком случае, приведут к гибели людей и разрушению инфраструктуры.

Говоря о военной сфере применения технологий искусственного интеллекта невозможно не затронуть положение ядерного оружия в современной кибер-эпохе. Ядерный кибершпионаж является угрозой, учитывая нынешнее геополитическое пространство и современные конфликты, он может обеспечить противникам доступ к засекреченной информации оппонента. Риск кражи тайных данных о ядерном оружии является особенно актуальным для ядерных держав. Расширение методов ядерного кибершпионажа было вызвано цифровым форматом хранения данных. Хакеры подвергаются меньшему риску, так как нелегальный сбор информации о ядерном оружии страны проводится удаленно.

Прозрачность ИИ одна из наиболее важных и проблемных зон сегодня. Закрытые алгоритмы обучения не дают людям увидеть базис, на котором строился используемый ими искусственный интеллект. Данные могут быть искажены или отравлены (это может произойти как случайно, так и намеренно).

Искусственный интеллект также обладает возможностью прогнозирования, основываясь на данных из прошлого. Важную роль

играет, так называемое «прогностическое оружие». В руках хакеров это может привести к губительным последствиям.

Общественное сознание уязвимо для технологий злонамеренного использования искусственного интеллекта. В рамках гибридной войны ИИ влияет на общественное сознание как противника, так и своих союзников. Это делается для формирования необходимого мнения и настроений. Техники психологического воздействия содержат в себе конкретные программные модули, которые будут оказывать влияние на человека, формируя у него определенные настроения, а потом побуждать к определенным действиям.

Следовательно, существуют следующие задачи злонамеренного использования искусственного интеллекта:

1. Потенциальная аудитория видит то, что не существует;
2. Потенциальная аудитория видит то, что существует, но искаженно или ложно;
3. Потенциальная аудитория видит то, что существует, но реагирует неправильным, неадекватным образом.

Существуют различные классификации ЗИИИ:

1. Форма распространения ЗИИИ: скрытая/открытая;
2. Скорость распространения ЗИИИ: медленный/быстрый/стремительный;
3. Степень ущерба от ЗИИИ: незначительный/значительный/крупный/катастрофический;
4. По территориальному охвату ЗИИИ: местный/региональный/глобальный.

Далее, перейдем к такой важной теме как «Злонамеренное использование технологий искусственного интеллекта в Украинском кризисе». Начнем с того, что разведывательное сообщество и Министерство обороны США используют ИИ для анализа изображений, которые передают дроны. Искусственный интеллект собирает данные со спутников, с БПЛА и т. д. и передает информацию в центры управления на Украине.

Соединенные Штаты Америки вместе с Украиной используют метод прогнозирования, путем обучения ИИ для последующего анализа поступающей информации. Несмотря на то, что искусственный интеллект пока не может выдавать 100% прогнозы и сценарии развития событий, он уже сейчас моделирует план действий для украинских военнослужащих.

За время Украинского кризиса США были разработаны обманки (манекены) для БПЛА на основе искусственного интеллекта. Они

самостоятельны и ведут боевые действия исходя из алгоритмов ИИ. Важно отметить, что новые дроны с технологиями ИИ не нуждаются в операторе и не восприимчивы к средствам РЭБ. Однако использовать манекены как обманки не всегда эффективно. Причина тут следующая – технологии ИИ постоянно совершенствуются и адаптируются под новые военные/геополитические реалии. Противостоять американскому ИИ в Украинском кризисе можно, но сложно. Во-первых, уничтожение потенциального дрона с помощью кинетического попадания. Во-вторых, использование электромагнитного оружия.

Весной 2022 года Министерство обороны Украины стало использовать программное обеспечение американской компании Clearview AI. Оно позволяет идентифицировать погибших и отслеживать российских военнослужащих. Еще одна американская компания Primeg вносит свой «вклад» в Украинский кризис. Технологии ИИ используются для анализа незашифрованных российских радиопереговоров.

Очевидно, что большая роль также уделяется OSINT. Украинская сторона использует данную технологию для отслеживания передвижения российских военнослужащих, прогнозирования и т. д. OSINT также используется для проведения информационных операций. Причем весьма успешно именно со стороны Украины (США). Значительная часть мирового сообщества заняла позицию, солидарную с украинской. Из этого следует проблема дезинформации и дипфейков, с которыми сталкивается мировая общественность.

Эти и другие способы ЗИИИ со стороны Украины демонстрируют, что страна стала живой лабораторией для ведения войны с помощью искусственного интеллекта.

Подводя итог, отметим, что человечество находится во власти эпохи ИИ. Злонамеренное использование его технологий может привести к масштабным катастрофическим последствиям. Возможна и деградация больших масс населения, неспособных более выполнять свои обязанности. Искусственный интеллект, который попадает в руки к хакерам, становится потенциальной угрозой для человечества, так как его развитие идет по особым алгоритмам, направленным не на созидательные, а на разрушительные последствия.

ТРАДИЦИИ ПРОШЛОГО: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Широкалова Г. С.

*Доктор социологических наук,
Приволжский филиал ФНИСЦ РАН, ведущий научный
сотрудник;
Нижегородский государственный университет им.
Добролюбова, старший научный сотрудник,
E-mail: shirokalova@list.ru*

Кондратьева Н. Е.

*Кандидат социологических наук,
Нижегородский государственный университет им.
Лобачевского, преподаватель
E-mail: knencsnn@yandex.ru*

Пронина Е.И.

*Институт социологии ФНИСЦ РАН,
старший научный сотрудник
E-mail: eipronina@yandex.ru*

Аннотация. *Статья посвящена анализу процесса воспроизводства менталитета россиян: эмоциональных, культурных особенностей, ценностных ориентаций и установок. На основе эмпирических данных, полученных в ходе социологического исследования «Культурное наследие и связь поколений», выполненного Российским обществом социологов, продиагностирован один из аспектов отношения российских студентов к ценностям советской эпохи, составлявших основу этноконфессионального единства РФ и СНГ. В ходе работы авторы пришли к выводу, что существуют риски утраты ценностей, обеспечивавших союз народов, особенно в тех регионах, которые в наибольшей степени подвержены влиянию либеральной идеологии. Во внутренней политике России сохраняется тренд на мифологизацию постулата о единстве народов РФ, что препятствует выработке адекватной реальям программы обеспечения социальной стабильности.*

Ключевые слова: *студенты, нации, традиции, регионы России, СНГ, СССР.*

TRADITIONS OF THE PAST: THE REGIONAL ASPECT

Shirokalova G. S.

*Doctor of Social Sciences,
Volga Branch of FCTAS RAS, Leading researcher;
Nizhny Novgorod State University named after Dobrolyubova,
Senior researcher,
E-mail: shirokalova@list.ru*

Kondratieva N. E.

*Candidate of Social Sciences,
Nizhny Novgorod State University named after Lobachevsky, a teacher
E-mail: knencsnm@yandex.ru*

Pronina E. I.

*Institute of Sociology of FCTAS RAS
Senior researcher
E-mail: eipronina@yandex.ru*

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the process of reproduction of the mentality of Russians: emotional, cultural characteristics, value orientations and attitudes. Based on empirical data obtained during the sociological study "Cultural Heritage and the connection of generations", carried out by the Russian Society of Sociologists, one of the aspects of the attitude of Russian students to the values of the Soviet era, which formed the basis of the ethno-confessional unity of the country, was diagnosed. In the course of the work, the authors came to the conclusion that there are risks of losing the values that ensured the union of the Russian peoples, especially in those regions that are most influenced by liberal ideology. In Russia's domestic policy, there is a trend towards mythologizing the postulate of preserving the unity of the peoples of the Russian Federation, which prevents the development of a program adequate to the realities of ensuring social stability.*

Keywords: *students, nations, traditions, regions of Russia, USSR.*

Многонациональность и дисперсность расселения этносов по всей территории СССР через механизмы получения образования, распределения после окончания учебных заведений, обязательность срочной службы в армии в советское время, всесоюзные стройки, оргнаборы и другие причины сформировали уникальную атмосферу взаимопроникновения культур. В результате сложилась

цивилизационная идентичность, нашедшая отражение в названии «советский народ». Разрушение СССР и переход к рыночным отношениям во всех странах СНГ ее значительно трансформировал, но у значительной части населения сохранилась ностальгия о советской эпохе, нашедшая отражение во многих социальных практиках, отразившаяся даже в маркетинге товаров.

Этот вывод подтверждают и результаты социологического исследования «Культурное наследие и связь поколений», в процессе которого был опрошен 9751 студент во всех Федеральных округах России [1].

Проанализируем значимость показателей, которые характеризуют взаимоотношения народов, проживающих в разных регионах России (табл. 1). Отметим: доля неответивших на отдельные подвопросы колебалась от 0 до 3,5%, что свидетельствует о заинтересованности респондентов и обеспечивает репрезентативность данных.

Настороженное и даже критическое отношение к основам единства народа во времена СССР тревожный показатель, поскольку солидарность российских народов возможна на аналогичной основе. Особенно значимы отличия между Северо-Западным и Северо-Кавказским Федеральными округами. В СЗФО студенты, географически близкие к Западу и имеющие личные контакты с жителями зарубежных стран, знакомые с «гостевым этикетом для туриста» придерживаются наиболее критических взглядов по всем позициям кроме языкового единства. Доля считающих, что произошел отказ от советских принципов построения межнационального единства, составляет от четверти до трети респондентов. В пределах статистической погрешности отличие показателей по Центральному федеральному округу, специфику которого формирует Москва.

В связи с большим миграционным потоком трудовых мигрантов из стран Средней Азии и Украины, в анкету были введены 3 признака о СНГ: русский язык, интерес к культуре, доверие стран друг к другу. Сохранение русского языка как инструмента общения признает 40,7%, по двум последним доля отрицательных ответов в СЗФО больше положительных, соответственно, на 1,6% и 29,8%. Иначе говоря, культура как цивилизационная ценность, может интересовать, но не является значимым фактором, формирующим доверие к Союзу Независимых Государств.

Таблица 1

ХАРАКТЕРИСТИКИ, СОХРАНИВШИЕСЯ ИЗ НАСЛЕДИЯ
СССР ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ?

% от ответивших в Федеральном округе учебного заведения

Что удалось сохранить из наследия СССР до настоящего времени?	Федеральный округ учебного заведения							
	ПФО	ЮФО	ЦФО	СЗФО	ДФО	УрФО	СФО	СКФО
1. Дружба народов								
<i>нет</i>	21,8	21,8	30,5	31,4	17,5	21,3	23,4	11,2
<i>и да, и нет</i>	59,5	58,2	56,5	58,8	60,8	54,6	64,0	54,9
<i>да</i>	18,7	20,0	13,0	9,8	21,6	24,1	12,6	33,9
2. Уважение к общей истории								
<i>нет</i>	18,0	20,2	23,8	25,6	13,6	17,9	21,5	9,9
<i>и да, и нет</i>	54,5	48,3	54,0	56,0	49,6	48,8	54,5	47,5
<i>да</i>	27,5	31,6	22,1	18,4	36,8	33,3	24,1	42,6
3. Русский язык как инструмент общения народов СНГ								
<i>нет</i>	10,5	9,0	12,1	10,3	7,4	7,1	11,1	6,4
<i>и да, и нет</i>	44,2	40,8	43,2	49,0	34,8	43,5	46,8	39,5
<i>да</i>	45,3	50,2	44,7	40,7	57,7	49,4	42,1	54,2
4. Мировоззренческие установки, свойственные советскому народу								
<i>нет</i>	24,7	28,5	33,6	36,0	23,7	22,2	33,8	15,6
<i>и да, и нет</i>	52,0	46,8	46,9	48,1	52,6	47,8	47,6	50,3
<i>да</i>	23,3	24,7	19,5	15,9	23,7	30,0	18,6	34,1
5. Доверие к представителям разных наций								
<i>нет</i>	23,1	24,7	34,4	35,6	21,6	21,4	27,0	12,6
<i>и да, и нет</i>	57,2	51,5	52,4	51,5	57,4	54,6	55,8	54,2
<i>да</i>	19,7	23,8	13,2	13,0	21,0	24,0	17,2	33,2
6. Интерес к культуре стран СНГ								
<i>нет</i>	17,8	18,4	26,0	24,5	17,1	18,2	22,4	9,2
<i>и да, и нет</i>	54,1	50,0	50,2	52,7	54,0	51,2	56,1	53,0

да	28,1	31,6	23,8	22,9	29,0	30,6	21,6	37,8
7. Доверие стран СНГ друг другу								
нет	27,1	25,7	34,5	38,4	21,5	24,1	29,3	15,0
и да, и нет	55,8	54,5	53,5	53,1	58,3	54,7	56,3	56,2
да	17,1	19,8	12,0	8,6	20,2	21,3	14,4	28,8

Молодежь СКФО склонна к традиционализму, что имеет причиной большую долю селян, многодетность семей, традиции выживания малых по численности народов за счет национальной сплоченности и ряд других факторов. Положительные оценки практически всех показателей, как правило, больше отрицательных в разы.

Вероятно, что на ответах о доверии к представителям разных наций сказалась миграционная политика РФ, потому что при ответах на вопрос о приоритетах при выборе круга общения, национальность уходит на 8 место по значимости (в СКФО – седьмое, что обусловлено географическими особенностями региона), еще меньше влияние религиозной принадлежности везде, кроме СКФО, где она на пятом месте (табл. 2).

Таблица 2

ПРИРИТЕТЫ ПРИ ВЫБОРЕ КРУГА ОБЩЕНИЯ СТУДЕНТОВ

% от Федеральнйй округ учебного заведения

С кем вы предпочитаете общаться?	Федеральный округ учебного заведения							
	ПФО	ЮФО	ЦФО	СЗФО	ДФО	УрФО	СФО	СКФО
С людьми, разделяющими мои взгляды на жизнь	83,6	86,5	87,0	87,5	82,2	82,8	84,4	80,7
С людьми, проводящими досуг так же, как я	62,4	64,7	64,3	67,5	61,7	62,0	64,2	47,5
С жителями моего города / села	33,8	30,5	27,6	26,3	36,9	30,8	33,2	28,9
С людьми такого же уровня образования	32,1	31,8	36,1	27,5	25,4	29,3	30,2	24,4
С людьми той же профессии (будущей профессии)	31,1	31,8	33,0	31,0	36,9	32,3	33,0	26,1

С жителями моего региона	26,6	26,3	22,3	21,6	31,1	24,4	21,2	24,7
С людьми такого же материального достатка, что и у меня (моей семьи)	24,3	23,0	27,0	18,4	29,7	27,0	21,2	20,7
С людьми моей национальности	14,9	14,2	14,1	12,5	20,9	14,5	9,7	21,2
С людьми моего отношения к религии	12,5	12,5	12,3	12,2	13,9	12,5	9,0	25,8
Другие ответы	6,0	7,5	6,7	9,1	7,8	7,4	8,1	3,2
ИТОГО	327,5	328,7	330,7	313,3	346,9	322,1	314,1	303,2

* Пропуски: 20 из 9751 (0,2%). ** Поскольку каждый опрошенный мог дать несколько ответов одновременно, сумма в ИТОГО больше 100%.

Самые важные требования – близость жизненной позиции, и что естественно для молодого возраста – схожесть досуговых предпочтений. Около трети выстраивают будущий профессиональный круг общения. Начинает приобретать ценность уровень образования, как базы будущего социального статуса. К наследию советской эпохи можем отнести и тот факт, что на материальное положение обращают внимание всего от 18,4% до 29,7%. Наиболее разнообразен круг общения у дальневосточников: каждый опрошенный дал в среднем 3,5 ответа, против 3,0 в СКФО. Достаточно много «Других ответов», но они лишь акцентируют общий список: «с адекватными, "нормальными" людьми; с образованными людьми; людьми лучше меня; стараюсь общаться с просто хорошими людьми; моими друзьями близкими и знакомыми; с интересными людьми».

Ответы на уточняющий вопрос о дружбе с представителями других народов свидетельствуют о том, что межнациональные отношения – повседневность российского и детского, и взрослого социума во всех Федеральных округах (табл. 3). Не ответивших на эти вопросы среди респондентов не было.

Таблица 3

**ДРУЖИЛИ/ДРУЖИТЕ ЛИ СЕЙЧАС С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ
ДРУГИХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ?**

% от Федеральный округ учебного заведения

	Федеральный округ учебного заведения							
	ПФО	ЮФО	ЦФО	СЗФО	ДФО	УрФО	СФО	СКФО
Дружили с представителями других национальностей в детстве	81,9	86,6	83,4	79,3	78,4	91,8	78,9	84,9
Сейчас среди ваших друзей представители других национальностей	85,4	89,3	82,6	84,4	88,4	93,2	80,7	87,8

Подведем итоги. Значимые мировоззренческие отличия требуют учета региональных различий при формировании федеральной политики сохранения национальных культур. Наиболее критическая оценка социальных отношений, обеспечивающих единство многонациональной страны, дана в СЗФО и ЦФО, но молодежь именно этих регионов является референтной группой для других, что является фактором тренда к изоляционизму. 2022 год был объявлен годом народного искусства и нематериального культурного наследия России, но основным его содержанием стали фестивали, выставки, конкурсы, конференции... При всем уважении к фольклору и ученым, это направление работы способно лишь сопутствовать взаимопониманию культур. Основания же обеспечивает широкий спектр общественных отношений, реализующих запрос на социальную справедливость.

Список литературы

1. Дулина Н. В., Засыпкин В. П., Мансуров В. А., Пронина Е. И., Широкалова Г. С., Шкурин Д. В., Юрьев П. С. Культурные традиции и связь поколений (информация о научном проекте) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 5 (80). С. 151–154. DOI 10.26105/SSPU.2022.80.5.014.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ФАКТОР В СОДЕРЖАНИИ КУРСА «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»

Широкова М. А.

*Доктор философских наук
Алтайский государственный университет
профессор кафедры философии и политологии
E-mail: mshirokova1@rambler.ru*

***Аннотация.** Рассматривается содержание новой учебной дисциплины «Основы российской государственности», введенной в российских университетах с 1 сентября 2023 года. В качестве методологической основы разработчиками курса, в числе других, выделен цивилизационный подход. В статье говорится об используемых в материалах курса цивилизационных теориях, о проблемах и перспективах трактовки исторического процесса с точки зрения цивилизационного подхода. Выявляются онтологические и гносеологические аспекты понятия «цивилизация», его универсальное и локальное значения в содержании курса. Анализируются характеристики России как государства-цивилизации, в отличие от государства-нации, а также специфика цивилизационной идентичности в сравнении с другими формами индивидуальной и групповой самоидентификации. Кроме того, речь идет о проблеме европоцентризма большинства концепций, объясняющих развитие общества, и о необходимости объективной оценки такого взгляда.*

***Ключевые слова:** цивилизация, культура, российское государство, образование, цивилизационный подход, общественное развитие, идентичность.*

CIVILIZATIONAL FACTOR IN THE CONTENT OF THE COURSE «FUNDAMENTALS OF RUSSIAN STATEHOOD»

Shirokova M.A.

*The Altay State University,
Professor
E-mail: mshirokova1@rambler.ru*

***Abstract.** The content of the new academic discipline “Fundamentals of Russian Statehood”, introduced at Russian universities from September 1, 2023, is considered. The course developers, among others, highlighted the*

civilizational approach as a methodological basis. The article talks about the civilizational theories used in the course materials, the problems and prospects for interpreting the historical process from the point of view of the civilizational approach. The ontological and epistemological aspects of the concept of “civilization”, its universal and local meanings in the course content are revealed. The characteristics of Russia as a state-civilization, in contrast to a nation-state, are analyzed, as well as the specifics of civilizational identity in comparison with other forms of individual and group self-identification. In addition, we are talking about the problem of Eurocentrism of most concepts that explain the development of society, and the need for an objective assessment of such a view.

Keywords: *civilization, culture, Russian state, education, civilizational approach, social development, identity.*

С 2023-2024 учебного года во всех университетах Российской Федерации начато преподавание новой учебной дисциплины «Основы российской государственности». Поскольку курс адресован студентам всех направлений и специальностей, он носит комплексный междисциплинарный характер. В его содержание интегрированы тематические блоки из области философии, истории, социологии, политологии, экономики, юриспруденции, культурологии, этики и других наук. Текущий учебный год можно считать периодом апробации курса в масштабах всей страны, и научно-педагогическое сообщество вузов стремится обозначить его место и роль в системе российского высшего образования, специфику его цели и задач. Кроме того, заслуживают внимания общие методологические принципы и подходы, составляющие концептуальный фундамент данного курса, а также методы, методические приемы и средства, применяемые в качестве инструментария в ходе его реализации.

Систематизация педагогического опыта происходит на форумах, как общероссийского, так и регионального уровня. Например, в Сибирском Федеральном округе на базе Новосибирского государственного университета экономики и управления 30 ноября 2023 г. была проведена Межрегиональная научно-методическая конференция «Мировоззренческий вектор развития России», полностью посвященная предварительным итогам преподавания курса. Вышли из печати учебные пособия, подготовленные в рамках проекта «ДНК России» для студентов естественнонаучных и инженерно-технических специальностей (руководитель авторского коллектива А.А. Ларионов) [1], и для студентов, изучающих социогуманитарные науки – под редакцией С.В. Переверзенцева

[2]. Процесс разработки учебно-методической литературы по курсу продолжается, появляются учебники, предъявляющие целостное содержание дисциплины, либо сосредоточенные на ее конкретных составляющих [3, 4] С другой стороны, в сети имеются и критические разборы содержания нового курса, акцентирующие внимание на его проблемных точках [5]. Для нас, в данном случае, представляет интерес то, каким образом осмысливается создателями курса воздействие цивилизационного фактора на развитие различных сфер общественной жизни и, соответственно, на интерпретацию этого развития.

В качестве методологических оснований учебной дисциплины разработчики выдвигают ценностный (аксиологический) подход и принцип проблемного изложения материала, а также цивилизационный подход к развитию общества, в рамках которого прослеживается влияние цивилизационных особенностей на социальную динамику. В литературе по курсу уделено достаточно много внимания раскрытию ключевых категорий цивилизационного подхода и его сравнению с линейно-стадиальными концепциями исторического процесса, в первую очередь, теорией модернизации и марксистским формационным подходом.

Говоря о понятии «цивилизация», авторы курса останавливаются на двух его основных значениях: универсальном и локальном. Универсалистская трактовка данного понятия не исключает общие закономерности развития всего человечества. Начиная с эпохи Просвещения «цивилизация» рассматривалась в европейской науке как высшая ступень социального прогресса, возвышающая «цивилизованное общество» над обществами дикости и варварства. В такой трактовке цивилизация, как правило, представляет собой целостность всей, материальной и духовной, жизни социума.

Но гораздо большее место в материалах курса «Основы российской государственности» занимает другой аспект цивилизации – аспект уникальности. Тогда речь идет о локальных (региональных) цивилизациях, которые понимаются как «сообщества национального или наднационального уровня, существенно отличающиеся друг от друга по направлению социокультурного развития, идеалам и мировоззрению и взаимодействующие друг с другом как особые блоки, региональные структуры мировой истории» [1, с. 58].

Характерно, что оба значения термина «цивилизация», как универсальное, так и локальное, подразумевают реальное (онтологическое) существование феномена цивилизации. Но в литературе по курсу освещается и другой взгляд, в соответствии с

которым цивилизация представляет собой познавательный (гносеологический) конструкт и, таким образом, существует не столько объективно, сколько субъективно – в умозрительных построениях ее создателей. Однако это не снижает эвристического потенциала цивилизационных теорий в содержании учебной дисциплины. Ведь реализация ее целей предполагает создание у обучающихся целостного представления об особенностях исторического пути российского государства, а также о его современной специфике, для чего наиболее применимы теории, в которых термин «цивилизация» показывает не уровень развития, а самобытность данного сообщества, его отличие от других [1, с. 58].

Роль цивилизационного фактора в истории, как уже было сказано, рассматривается через сопоставление линейно-стадиальными теориями развития общества, на примерах, в частности, формационного подхода К. Маркса и Ф. Энгельса, модели стадий экономического роста У. Ростоу, концепции постиндустриального общества Д. Белла и известной работы Ф. Фукуямы «Конец истории». Признавая, что линейно-стадиальное представление об историческом развитии с момента своего появления заняло ведущее место в социально-гуманитарных науках и сохраняет его за собой по сей день, авторы курса «Основы российской государственности» подчеркивают, что подобные модели не могут вполне адекватно описать изменения, происходящие во всех странах мира, особенно в тех, где экономика, политика, культура развивались по так называемому «незападному» (или существенно отличному от западного) пути. В учебнике, предназначенном для студентов-гуманитариев, делается особый акцент на том, что именно русских мыслителей прежде всего не могло удовлетворить «столь узкое и плоское понимание исторических процессов», и в результате во второй половине XIX столетия отечественные философы «произвели кардинальный пересмотр и представлений об этапах развития человеческого сообщества, и содержания понятия “цивилизация”» [2, с.123]. В целом, соглашаясь с данным тезисом, можно добавить, что оригинальные обобщения философского уровня о самобытности развития России были сделаны еще ранними славянофилами – А.С. Хомяковым, И.В. Киреевским, К.С. Аксаковым, Ю.Ф. Самариным в 1830–1850-е гг. А окончательное оформление собственно цивилизационных теорий на российской почве, действительно, стоит отнести ко второй половине XIX в., когда появились работы Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева. Терминология обоих авторов, в том

числе, их понятия «культурно-исторический тип» и «цветущая сложность», широко используются в материалах курса.

Помимо идей Данилевского и Леонтьева, развитие цивилизационного подхода прослежено в концепциях русских евразийцев, а из зарубежных исследователей – у О. Шпенглера, А. Тойнби, С. Хантингтона. Отмечено, что определенное внимание локальным цивилизациям уделяют также создатели мир-системной модели общества Ф. Бродель и И. Валлерстайн, с оговоркой о большем интересе последних к экономическому и политическому единству мира, взаимосвязи и взаимозависимости его субъектов. Продолжая эту мысль, стоит вспомнить, что отношение к цивилизационной парадигме выражено, в частности, в книге Броделя «Грамматика цивилизаций» [6] и в выпущенном Валлерстайном совместно с французским философом Э. Балибаром сборнике «Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности» [7]. Разработчики курса «Основы российской государственности», используя методы проблемного изложения, указывают на возможность вариативных оценок цивилизационных теорий, поскольку, с позиции представителей мир-системного подхода, подобные теории являются «“идеологией слабых”», как форма протеста этнического национализма против развитых стран «ядра» современной мир-системы» [1, с. 76].

Далее, следуя хронологическому принципу, авторы учебных пособий обращаются к рассмотрению России в фокусе цивилизационного подхода отечественными историками, философами, культурологами в постсоветский период. Отказавшись от доминировавшего в советской науке марксистского понимания истории, многие российские ученые, в то же время, констатировали методологическую ограниченность других линейно-стадиальных концепций, используемых западными социогуманитарными науками, так как эти концепции «были западнцентричны, т. е. отрицали самобытность российской цивилизации», а кроме того, «выражали определенные идеологические установки западного научного дискурса и опирались на упрощенные бинарные модели рассматриваемых явлений, а значит, несли в себе заряд конфронтационности» [2, с.130]. В этих условиях отечественные ученые привлекли методологические возможности исследования цивилизационного фактора для объяснения специфики исторического развития России в контексте общемировых процессов.

В материалах курса «Основы российской государственности» Россия трактуется как государство-цивилизация, в отличие от государства-нации: «Понимание России как самобытной цивилизации

позволяет не только подчеркнуть целостность российского исторического феномена, но и показать изменения, происходившие на разных этапах истории страны при сохранении ее цивилизационной сущности» [2, с.137]. Среди российских авторов конца XX – начала XXI вв., считающих цивилизационный подход наиболее перспективным, выделены А.С. Панарин, А.А. Корольков, А.В. Репников, М.А. Емельянов-Лукияничков, А.А. Ширинянец, С.В. Перевезенцев и др. Так, А.А. Ширинянцем в настоящее время разрабатывается концепция новой консервативной методологии под названием «русское хранительство» (термин, предложенный специалистом по истории русской философии М.А. Маслиным) [8]. По мнению исследователей, именно консерватизм наиболее органично сопрягается с цивилизационным подходом, позволяющим, в свою очередь, «выработать комплексную, научно обоснованную методологию, которая ориентирована на поиск характерных для нашей страны особенностей без противопоставления ее другим цивилизациям» [2, с. 137]. Еще два крупнейших политико-идеологических течения, либерализм и социализм, для реализации этих целей не подходят, поскольку они базируются на различных вариантах линейно-стадиального понимания социальной динамики, в рамках которого невозможно представить материальное и духовное развитие человечества во всем его многообразии.

В то же время, сами разработчики новой учебной дисциплины делают достаточно объективный вывод, что «европоцентризм» большинства современных форм научного знания является, очевидно, необходимым и исторически преходящим этапом становления науки, поскольку эти формы были порождены и апробированы именно европейскими учеными. Задача состоит в том, чтобы не игнорировать в дальнейшем право неевропейских цивилизаций на самостоятельную траекторию развития. На наш взгляд, предлагаемую методологию возможно принять за основу, но работу по дальнейшему развитию концептуального ядра курса следует продолжить и включить в его содержание гражданско-патриотические ценностные ориентации, связанные не только с консервативным дискурсом, чтобы максимально полно отразить интересы молодежной аудитории.

Список литературы

1. Основы российской государственности: учебное пособие для студентов естественнонаучных и инженерно-технических специальностей / Авт. колл.: А.П. Шевыр'ев, В.В. Лапин, С.В. Рогачёв, А.В.

- Туторский, П.Ю. Уваров, А.А. Ларионов (иеромонах Родион), В.С. Бремин, Н.Ю. Пивоваров, О.А. Ефремов, Е.А. Маковецкий, Е.А. Овчинникова, Д.А. Андреев, В.В. Булатов, О.А. Чагадаева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. 252 с.
2. Основы российской государственности: учебное пособие для студентов, изучающих социогуманитарные науки / Т.В. Евгеньева, И.И. Кузнецов, С.В. Перевезенцев, А.В. Селезнева, О.Е. Сорокопудова, А.Б. Страхов, А.Р. Боронин / Под ред. С.В. Перевезенцева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. 550 с.
 3. Дахин А.В. Основы российской государственности. Социальная система: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2024. 176 с.
 4. Основы российской государственности: учебник / Под ред. А.В. Малько. М: КНОРУС, 2024. 264 с.
 5. Чему учит курс «Основы российской государственности»? // Роман Осин. Философский камень №7.URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ofcB5wNgTYg> (дата обращения 08.05.2024).
 6. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Весь мир, 2008. 545 с.
 7. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос, 2004, 288 с.
 8. Перевезенцев С.В., Ширинянц А.А. Очерки истории русского хранительства: монография. Ч. I. М.: Изд-во МГУ, 2021. 352 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Агапов О. Д. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ РЕАЛИЗМ КАК ПАРАДИГМА РОССИЙСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО СООБЩЕСТВА	3
Стефан Н. Анджелкович БРЮССЕЛЬСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ ПО КОСОВО И МЕТОХИИ - ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ (НЕСУЩЕСТВОВАНИЯ)	11
Ясмينا Арсениевич, Оля Арсениевич, Деян Арсениевич ГРАМОТНОСТЬ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ МЕДИА И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА	18
Афонина А. А. НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ТЕНДЕНЦИЯ И ИНСТРУМЕНТ ПРЕОДОЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИЗОЛЯЦИИ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ	37
Багдасарян С. Н. РОЛЬ БРАЗИЛИИ В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	47
Боривое В. Балтезаревич НЕЙРОННЫЕ СЕТИ, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СЕТИ: ОЦЕНКА КОНВЕРГЕНЦИИ БИОЛОГИИ И ТЕХНОЛОГИЙ	55
Баранецкий А. Н. О ЗНАЧЕНИИ ПОНЯТИЯ АРХЕТИПА ДЛЯ ДИАГНОСТИКИ КОНФЛИКТОВ И ПРОГНОЗОВ В ПОЛИТИКЕ	64
Баранов А. В. ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ «АНСАМБЛЯ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ» В РЕГИОНАХ ЮГА РОССИИ	71
Гаффаров И.З. ЛИЧНОСТНО-ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ФИЛОСОФСКО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА	76

Головинский А. Г. СОЦИОДИНАМИКА В УСЛОВИЯХ ДИКТАТУРЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.....	80
Гончаренко Л. Н., Авакова Э. Б., Кузнецов А. А. БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА ЗА НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО В XVII ВЕКЕ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ИХ СОВРЕМЕННЫЕ РЕИНКАРНАЦИИ	85
Гончаров Ю. А. МЕТОДОЛОГИЯ ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УСЛОВИЯХ ДЕКОНСТРУКЦИИ ЖИЗНЕННОГО МИРА	92
Верица Р. Грбович НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЗАЦИИ В КОСОВО И МЕТОХИИ ...	98
Прити Д. Дас ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	106
Денисова А.А. Научный руководитель: Сенюшкина Т.А. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ	111
Егорова О. В., Чуксина Е. В. 120 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПАБЛО НЕРУДЫ: ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ВЕЛИКОМУ ПОЭТУ	117
Звездана М. Елезович ДАВНИЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПЕТЕРА ДЖУЗЫ О ПРОБЛЕМАХ В КОСОВО И МЕТОХИИ СБЫВАЮТСЯ ПРЯМО СЕЙЧАС - СОВРЕМЕННОСТЬ ДАВНЕГО ИНТЕРВЬЮ	122
Заркович С. Весна СМЕРТЬ НИКОЛАЯ ГЕНРИХОВИЧА ГАРТВИГА И ОТКЛИК В СЕРБСКОЙ И АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ ПРЕССЕ.....	135
Зиновьева В.И., Семенова С.В. ФЕНОМЕН ЭКСКЛЮЗИИ В ВУЗОВСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ	151

Когут В. Г., Нурышев Г. Н. ЮЖНЫЙ ХАРТЛЕНД И РОССИЯ	157
Лобынцева О. А. Научный руководитель: Сенюшкина Т.А. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЁЖИ.....	162
Лойко О. Т., Дементьев Л. А. СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ: ОПЫТ АНАЛИЗА ОСНОВНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ТРЕНДОВ	167
Лыхойда Е.С. Научный руководитель: Киселёва Н.В. ПОНЯТИЕ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	173
Маркович А. Никола СЕРБСКИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПРАВИТЕЛИ И МОНАСТЫРЬ СВЯТОГО ПАНТЕЛЕЙМОНА НА СВЯТОЙ ГОРЕ	180
Мельничук С. В. КОГНИТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ИНДИВИДА КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ.....	186
Бранислав Милосавлевич, Драгана Барьяктаревич, Драган Танчич РИСКИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ИЗМЕНЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ...	192
Марина Д. Миятович ПОТЕРЯННОЕ ДЕТСТВО: ДЕТИ В ТЕНИ ИЗРАИЛЬСКО-ПАЛЕСТИНСКОГО КОНФЛИКТА	197
Мохов А. В., Сенюшкина Т. А. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД В НОВЕЙШИХ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	206
Наумова Н. И. ПРОТЕКТОРАТЫ В ПОЛИТИКЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА.....	211

Новицкий В. В.	
Научный руководитель: Нурышев Г. Н.	
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС ФРАНЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНСТРУКТИВИЗМА.....	217
Пашковский П. И.	
ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА И ПРОБЛЕМА УЧАСТИЯ В НИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ: ГЕНЕЗИС И СТАНОВЛЕНИЕ.....	226
Покровская Н. Н., Авакова Э. Б., Кузнецов А. А.	
ГРАЖДАНСКАЯ ПОЗИЦИЯ В ПОСТСОВРЕМЕННОМ МИРЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ.....	233
Ратегова Е. И.	
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА	240
Римский В.Л.	
ОЖИДАНИЯ И ОЦЕНКИ СПРАВЕДЛИВОГО СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКИМИ ГРАЖДАНАМИ	245
Рожковский В. Б.	
ВРЕМЯ СЛАВЯНОФИЛЬСТВУЕТ: ОЦЕНКИ И ПРОГНОЗЫ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ И СОСУЩЕСТВОВАНИЯ РОССИИ И ЗАПАДА (В.Ф. ЭРН, А.С. ПАНАРИН).....	251
Романович Н. А.	
ГОСУДАРСТВО И ПРАВОСЛАВИЕ: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА	260
Свешникова И. П.	
КАК ВОЗНИКАЕТ СИНЕРГИЯ ДУХОВНЫХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ	268
Сенюшкин Е. А., Сенюшкина Т. А., Сенюшкин М. Е.	
РИСКИ «ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СИСТЕМНОГО И СЕТЕВОГО ПОДХОДОВ	278
Сенюшкина Т. А., Сенюшкин Е. А., Сенюшкин М. Е.	
ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	283

Синицын И. Б. ЗАКАВКАЗСКИЙ ВЕКТОР БРИТАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	289
Трухан А. В. СОВЕТСКОЕ ИДЕОКРАТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО В КУЛЬТУРНОЙ КОСМОГОНИИ РУССКОЙ ИСТОРИИ (К 70-ЛЕТИЮ МАРИИ НАУМОВНЫ ВИРОЛАЙНЕН)	296
Боян Н. Шево ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЕВРОПЫ	305
Шеметова Ю. Н. ЗЛОНАМЕРЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИИ КАК УГРОЗА МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	311
Широкалова Г. С., Кондратьева Н. Е., Пронина Е.И. ТРАДИЦИИ ПРОШЛОГО: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	316
Широкова М. А. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ФАКТОР В СОДЕРЖАНИИ КУРСА «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ».....	323

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**«ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
И СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ:
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ
МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА»**

**Сборник научных трудов
XLIII Международного Харакского форума**

(Ялта, 6-8 мая 2024 г.)

Под общей редакцией Т.А. Сеньюшкиной

Подписано в печать 15.11.2024.

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 19,53. Тираж 500 экз. Заказ № 11А/12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».

295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, сайт: arialprint.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, сайт: arialprint.ru